

Печатня А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.

А. П. Чехова

ИЗВѢСТІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ.
Томъ XI. выпускъ 7.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ТУРКЕСТАНЪ

ЧЛЕНА-ОСНОВАТЕЛЯ ОБЩЕСТВА

А. П. ФЕДЧЕНКО,

СОВЕРШЕННОЕ

ОТЪ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ

ПО ПОРУЧЕНІЮ

Туркестанскаго Генералъ-Губернатора К. П. фонъ-Кауфмана.

Изданіе, предпринятое на ВЫСОЧАЙШЕ дарованныя средства.

ВЫПУСКЪ 7.

ТОМЪ I.

ЧАСТЬ II.

ВЪ КОКАНСКОМЪ ХАНСТВѢ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. МОСКВА.
1875.

(121)

Печатается по Высочайшему повелѣнію и къ печати одобрено постановленіемъ Совѣта Императорскаго Общества любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

Извѣстія Императорскаго Общества
Любителей Естествознанія.

Путешествіе въ Туркестанъ
А. П. Федченко.

ВЪ КОКАНСКОМЪ ХАНСТВѢ.

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ.

АЛЕКСѢЯ ФЕДЧЕНКО.

(СЪ ПОРТРЕТОМЪ ЕГО, КАРТАМИ И РИСУНКАМИ).

СПИСОКЪ РИСУНКОВЪ И КАРТЪ.

(отмѣченные * войдутъ во вторую тетрадь).

Стран.

1. Портретъ Алексѣя Павловича Федченко.
2. Алай и Заалайскія горы *(олеографія)* 140
3. Ледникъ Щуровскаго и истоки р. Исфары *(литографія)*. 77
4. Шахимарданъ *(литографія)* 100
5. Озеро Кутбанъ-куль близъ Шахимардана *(литографія)* 107
6. Видъ Заалайскихъ горъ съ перевала Исфайрамъ *(литографія)* 137

* Терекъ даванъ съ перевала Торпа.

* Гробница Султана Иллигмози въ Узгентѣ.

ПОЛИТИПАЖИ:

7. Stenolemus Bogdanowi 41
8. Приблизительный планъ ханскаго дворца въ Коканѣ 45
9. Тугъ на могилѣ святаго Ходжа Чибурганъ 69
10. Приблизительный планъ ледника Щуровскаго 83
11. Рѣка Сохъ 93
12. Trigonocephalus halys 108
13. Сурки 118
14. Ibidorhynchus Struthersii 119
15. Молодая форель 143

* Видъ Ошъ съ перевала Кульнартъ.

* Тахти Сулейманъ въ Ошѣ.

* Каракуртъ.

* Горная Куропатка.

* Минаретъ въ Узгентѣ.

КАРТЫ:

16. Маршрутъ отъ Кокана къ леднику Щуровскаго и Караказуку 60
17. Маршрутъ отъ Учъ-кургана чрезъ Алай и Ошъ въ Гульшу 131
18. Общая карта, съ нанесеніемъ всего пути, пройденнаго А. П. Федченко въ Туркестанѣ. 160

* Маршрутъ въ Узгентъ и Андиджанъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ГЛАВА I.

Приготовленія къ путешествію.

Цѣль путешествія. — Средства экспедиціи: матеріальныя и нравственныя. — Переводчики, ихъ характеристика.—Наши спутники. — Подарки, деньги, письмо къ хану; кокандскій посланникъ. — Наши отношенія къ Кокану. — Послѣдвія событія.—Состояніе свѣдѣній о Кокандскомъ ханствѣ.—Путешественники, бывшіе въ Коканѣ до меня.—Карты.—Географическій очеркъ ханства.—Задачи путешествія . 1

ГЛАВА II.

Городъ Коканъ.

Переѣздъ въ Ходжентъ.—Переправа черезъ Чирчикъ. — Состояніе дорогъ.—Арба.—Мугулъ-тау.—Переправа черезъ Сыръ-дарью.—Шелководство въ Ходжентѣ.—Болѣзнь шелковичнаго червя.—Вліяніе гренерной снекуляціи.—Отъѣздъ въ Коканъ. — Дороги въ Коканъ. — Туземный садъ.—Границы съ Коканомъ.—Махрамъ. — Горы Афтообъ и Мазаръ тау. — Каменистая степь. — Летучіе пески. — Мгла. — Горячій вѣтеръ.—Бишъ-арыкъ.—Пріѣздъ въ г. Коканъ.—Визитъ мехтеру. — Затяжки. — Представленіе хану.—Новый дворецъ. — Свѣдѣнія о ханѣ. — Поѣздки по городу. — Достопримѣчательности Кокана: новый базаръ, медрессе и мечети, мосты, писчебумажная фабрика. — Визитъ Султанъ Мурадъ-беку. — Русскіе купцы. — Уличныя сцены. — Послѣдніе сборы. — Инаатъ нама 20

ГЛАВА III.

Въ Исфару и къ леднику Щуровскаго.

Первый день пути.—Способы путешествія. — Составленіе маршрута.—Ночлегъ.—Непріятный случай; оригинальный уходъ за лошадьми. — Видъ на Фергану. — Лякконъ дагана. — Исфара.—Воспоминаніе о Кононли.—Древніе курганы.—Чарку.—Ворухъ.—Лживость таджиковъ. — Встрѣча съ Хасаномъ лянджа-баши. — Ходжа Чибурганъ. — Граница ячменя. — Чичикъ яйлау.—Первое знакомство съ киргизами.—Подарки. — Перевалъ Джинтыкъ. — Верхняя и нижняя границы арчи. — Бій Катта-Магометъ. — Лѣтовка.—Дорога къ леднику.—Альпійскія растенія.—Каменныя жилища.—Посѣщеніе ледника.—Описаніе его.—Кехъ.—Тѣснина Караколь.—Кара булакъ. — Masaridae.—Характеръ киргизскаго селенія.—Сохская рѣка. — Сохъ. — Верховья Сохской рѣки.—Дорога въ Каратегинъ.—Киргизское возстаніе.—Ключъ. — Дорога въ Охну.—Р. Шахимарданъ 58

ГЛАВА IV.

Къ Караказуку и въ Учъ-курганъ.

Шахимарданъ. — Великій святой. — Богомольцы. — Улѣщанія жителей; письмо къ мехтеру.—Рыбы горныхъ рѣчекъ. — Озеро Кутбанъ-куль. — Поѣздка къ Караказуку; осѣвшая почва; встрѣча съ Тасъ-Магометомъ.—Раватъ въ Караказукѣ.—Поѣздка къ перевалу.—Лиственный лѣсъ; его верхняя граница.—Переѣздъ въ Учъ-курганъ.—Свиданіе съ Музафаръ-ша. — Исторія сверженія его.—Пріѣздъ Нуръ-Магомстъ-мирахура. — Отъѣздъ въ Алай. 101

ГЛАВА V.

Въ Алай.

Цвѣтъ воды въ рѣкѣ.—Исфайрамское ущелье.—Граница кустарниковъ.—Буря.—Ужасная дорога.—Лангаръ.—Чортова дорога.—Осыпи.—Чатъ.—Раватъ. — Тенгизъ-бай. — Перевалъ. — Видъ на Заалайскія горы. — Спускъ. — Пріѣздъ на Сурхабъ. — Изманлъ токсаба. — Поѣздки по Алаю. — Форель; чій.—Характеръ Алая. — Окружающія его горы. — Заалайскія горы.—Истоки Кизилъ-су; р. Сурхабъ; отношенія ея къ другому истоку Аму-дарьи — р. Пянджъ. — Населеніе Алая. — Земледѣліе въ Алаѣ. — Флора и фауна Алая.—Водораздѣлъ не составляетъ границы. — Замѣчанія объ естественныхъ границахъ въ Средней Азіи.—Замѣчанія о неизслѣдованной странѣ въ верховьяхъ Аму-дарьи.—Орографическія замѣчанія.—Нагорная Азія. — Фауна нагорной Азіи; распространеніе тяньшанскихъ формъ до Гималаевъ. — Отъѣздъ изъ Алая. 131

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ПРИГОТОВЛЕНІЯ КЪ ПУТЕШЕСТВІЮ.

Цѣль путешествія.— Средства экспедиціи: матеріальныя и нравственныя.— Переводчики, ихъ характеристика.— Наши спутники.—Подарки, деньги, письмо къ хану; коканскій посланникъ.—Наши отношенія къ Кокану.—Послѣднія событія.— Состояніе свѣдѣній о Коканскомъ ханствѣ.— Путешественники, бывшіе въ Коканѣ до меня.— Карты.— Географическій очеркъ ханства.— Задачи путешествія.

Рядъ моихъ путешествій по Туркестану закончился посѣщеніемъ Коканскаго ханства. Работы въ Заравшанской долинѣ, въ окрестностяхъ Ташкента и въ разныхъ пунктахъ Сыръдарьинской области необходимо требовали для своей законченности распространенія изслѣдованій въ восточномъ направленіи, въ глубь среднеазіатскаго нагорья. Заравшанская долина была пройдена въ 1870 году насколько это возможно; долина Аму пока была недоступна для изслѣдованія; долина Сыра напротивъ допускала возможность путешествія съ цѣлями, которыя я преслѣдовалъ при своихъ работахъ, и обѣщала дать многое для дополненія прежде собранныхъ матеріаловъ.

На востокѣ я надѣялся связать свои работы въ западномъ Тянь-шанѣ съ работами изслѣдователей въ среднемъ Тянь-шанѣ или такъ называемомъ Нарынскомъ краѣ; на югѣ надѣялся найдти точки соприкосновенія своихъ работъ по флорѣ и фаунѣ туркестанскихъ горъ съ тѣмъ, что было наблюдаемо въ Гималайской горной системѣ. На югъ отъ Оша я долженъ былъ встрѣтить горы, которыя соединяютъ Тянь-шанское нагорье съ Гималайскимъ и съ Гиндукушемъ и являются на нашихъ картахъ въ видѣ меридіональнаго хребта или въ видѣ меридіональнаго же высокаго плато. Всякая мѣстность, посѣщенная въ горахъ, составляющихъ южную окраину Коканскаго ханства, обѣщала дать много интереснаго, какъ для фаунистическихъ обобщеній, такъ и для выясненія строенія той части Азіи, которую еще недавно, по ея неизвѣстности, ставили въ одинъ рядъ съ полюсами. Мысль о посѣщеніи этого пространства—такъ называемаго Памира, преслѣдовала меня съ самаго пріѣзда въ Туркестанъ въ 1869 году; по мѣрѣ ознакомленія съ условіями страны, строеніемъ среднеазіатскихъ нагорій, для меня уяснялось ея практическое осуществленіе. Путешествіе въ Коканское ханство обѣщало значительно приблизить къ разрѣшенію и этой задачи.

Зиму 1870—71 г., проведенную въ Ташкентѣ, я употребилъ на подготовленіе къ этому путешествію, на осуществленіе котораго мнѣ далъ надежду г. туркестанскій генералъ-губернаторъ К. П. фонъ-Кауфманъ. Ознакомленіе съ литературой не взяло много времени—ея почти

не существуетъ относительно Коканскаго ханства; разспросы коканцевъ тоже не принесли многаго. Выяснилось одно: если имѣть въ виду главнымъ образомъ результаты зоологическіе и ботаническіе, т. е. продолжать дѣлать то, что преслѣдовалось преимущественно въ предыдущіе годы, нужно было ѣхать въ горы. Работы въ оазисахъ, въ равнинной части ханства, обѣщали въ общемъ повтореніе того, что я наблюдалъ уже въ другихъ оазисахъ Туркестана. Поэтому я рѣшился ѣхать позже, въ пору наибольшаго развитія животной и растительной жизни въ горахъ, когда дороги, вообще находящіяся въ первобытномъ состояніи, сдѣлаются проходимы со спадомъ водъ и будутъ хоть сколько нибудь исправлены перекочевывающими на лѣто въ горы киргизами, а перевалы очистятся отъ снѣга. Раннюю же весну, майское время среднеазіатскихъ степей, я рѣшился употребить на посѣщеніе самой ужасной части Средней Азіи—песковъ Кизилъ-кумъ. Вернувшись изъ Кизилъ-кума въ концѣ мая, я приступилъ уже къ послѣднимъ приготовленіямъ къ путешествію; въ нѣсколько дней все было кончено и 2-го іюня мы выѣхали изъ Ташкента по ходжентской почтовой дорогѣ.

При этихъ сборахъ, какъ и всегда, наибольшія затрудненія представило дополненіе постояннаго состава экспедиціи временными спутниками, необходимыми для даннаго путешествія. Не смотря на всѣ старанія, выборъ ихъ бывалъ по большей части такъ неудаченъ, что брать въ слѣдующее путешествіе тѣхъ, кто участвовалъ въ предыдущемъ, уже не было охоты. Постоянный же составъ экспедиціи былъ весьма ограниченный: изъ наемныхъ людей при мнѣ былъ только препараторъ, но къ великому сожалѣнію не тотъ, съ которымъ я работалъ въ первую мою поѣздку въ Туркестанъ. П. П. Скорпякова, такъ много и съ такимъ знаніемъ дѣла помогавшаго мнѣ въ первый годъ путешествія, въ 1869 г., не было уже въ Туркестанскомъ краѣ: болѣзнь задержала его на родинѣ въ Оренбургѣ и я не могу не высказать здѣсь своихъ сожалѣній по поводу того, сколько неудобствъ пришлось мнѣ испытывать вслѣдствіе этого въ оба послѣдующіе года. Въ немъ я имѣлъ отличнаго помощника относительно всевозможныхъ наблюденій, собирателя точнаго и усерднаго, искуснаго препаратора стрѣлка безъ промаха. Надѣюсь мнѣ извинятъ это невольное отступленіе, вызванное желаніемъ высказать, насколько изученіе Туркестана обязано трудамъ простаго оренбургскаго казака [1]), тѣмъ болѣе, что—повторяю—лицо, замѣнившее его при мнѣ, заставляло, при сравненіи, такъ часто и съ такимъ невольнымъ сожалѣніемъ вспоминать Ивана Ивановича.

Теперь, отправляясь въ путешествіе по Коканскому ханству, по странѣ, изъ которой не было извѣстно ни одного животнаго, необходимо было, въ помощь состоявшему при экспедиціи препаратору г. Савельеву, пригласить хорошаго стрѣлка. Такого рекомендовали мнѣ изъ числа безсрочно-отпускныхъ солдатъ.

Другая еще болѣе важная задача была найдти переводчика. Какъ ни странно можетъ показаться это, но переводчики, находящіеся въ Туркестанскомъ краѣ, составляютъ такое бѣдствіе для всякаго изслѣдователя, для всякаго изученія, что я считаю нужнымъ остановиться на этомъ предметѣ, тѣмъ болѣе, что многое, что мнѣ хотѣлось разъяснить и изслѣдовать, такъ и не удалось, благодаря этому своеобразному типу людей. Выучиться языку вполнѣ, при постоянныхъ моихъ спеціальныхъ занятіяхъ, у меня не было времени и потому по неволѣ при путешествіяхъ приходилось прибѣгать къ помощи переводчиковъ. Этихъ послѣднихъ,

[1]) Въ настоящее время И. И. Скорпяковъ уже произведенъ въ офицеры и командуетъ казачьей сотней. Ред.

по скольку они имѣютъ отношеніе къ занятіямъ, подобнымъ моимъ, я раздѣлилъ бы на два разряда: одни, такъ сказать—простые, а другіе—ученые. Простые—это оренбургскіе и уральскіе казаки изъ татаръ или изъ станицъ, близкихъ къ киргизамъ, разные татары, киргизы, знающіе русскій языкъ чаще всего на столько же, на сколько и тотъ, на которомъ говорятъ туземцы въ Туркестанѣ,—люди безъ всякаго образованія, которые не затруднятся вопросъ, предложенный о лошади, отнести къ ослу и т. п.; часто, не уяснивъ себѣ вопроса, они переводятъ такую ерунду, что туземецъ конечно не въ состояніи ее понимать, отвѣтъ его опять перевираютъ и въ концѣ концовъ подносятъ такую дичь, которая приводитъ въ отчаяніе и отнимаетъ всякую охоту продолжать разговоръ. Между учеными переводчиками большинство составляютъ разные инородцы (преимущественно изъ мусульманъ), кончившіе курсъ въ казенныхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ Оренбурга и Западной Сибири и получившіе за ученье военные чины. Это ученье и эти военные чины почему то особенно своеобразно повліяли на взгляды такихъ лицъ, выработавши въ нихъ убѣжденіе, что познанія, вынесенныя ими изъ пройденнаго курса, дѣлаютъ ихъ учеными спеціалистами, а ихъ военный мундиръ ставитъ на недосягаемую высоту, сравнительно съ тѣми, кто не носитъ его.

И вотъ штатскій ученый, когда судьба сводитъ его съ такими военными учеными, долженъ претерпѣвать тысячу неудобствъ, фальшивыхъ столкновеній, вытекающихъ изъ тото только основанія, что онъ штатскій и потому не можетъ пользоваться услугами военнаго, хотя и назначеннаго въ его распоряженіе. И при всемъ томъ, къ сожалѣнію, мнѣ извѣстны случаи, гдѣ такіе переводчики, не смотря на полученное ими образованіе, не умѣли отнестись критически къ смыслу и правдивости тѣхъ отвѣтовъ, которые они получали отъ туземцевъ и повидимому вполнѣ вѣрили тому, что имъ говорили, хотя несообразность показаній должна была сразу бросаться въ глаза всякому. Между тѣмъ критическое отношеніе къ отвѣтамъ туземцевъ необходимо уже потому, что на самый лаконическій и несложный вопросъ они даютъ обыкновенно отвѣтъ очень длинный, приправленный множествомъ не идущихъ къ дѣлу отступленій или фразъ. Вѣрная орьентировка въ этихъ словоизверженіяхъ дѣло чрезвычайно трудное, а при отсутствіи критической иниціативы переводчика, часто даже невозможное. Но всего хуже когда попадешь на туземца, который говоритъ неправду. Какъ ни осязательно вранье, переводчикъ настаиваетъ на вѣрности, смѣшивая вѣрность своего перевода съ правдивостью отвѣтовъ и обыкновенно, вмѣсто того, чтобы спутать туземца и показать ему его лживость, начинаетъ самъ защищать справедливость сообщеннаго. Много разъ приходилось мнѣ во время путешествій страдать отъ такихъ отвѣтовъ и только послѣ, когда сообщенныя свѣдѣнія не подтверждались или даже опровергались, мнѣ оставалось посмѣяться надъ наивною довѣрчивостью переводившаго съ такой бойкой увѣренностью ученаго.

Легко судить, съ какимъ чувствомъ подыскивалъ я переводчика для предстоявшаго путешествія въ Коканъ. Я сознавалъ, что успѣхъ во время этого путешествія въ огромной степени будетъ зависѣть отъ удачнаго выбора этого необходимаго члена экспедиціи: намъ предстояло странствовать вдали отъ русскихъ владѣній, въ странѣ, совершенно неизвѣстной, нужно было вести сношенія съ коканскимъ правительствомъ, подъ покровительствомъ и при содѣйствіи котораго должно было совершиться путешествіе. — Переводчикомъ поѣхалъ со мной прапорщикъ Нурекинъ.

Затѣмъ нужно было подыскать нѣсколько человѣкъ надежныхъ джигитовъ. Такъ называютъ въ Туркестанѣ конную прислугу, состоящую для посылокъ и исполненія разныхъ мелкихъ по-

рученій, для наблюденія за лошадьми и обозомъ во время путешествій. Это учрежденіе перешло къ русскимъ отъ туземцевъ, у которыхъ всякое сколько нибудь власть имѣющее лицо держитъ обыкновенно множество такихъ джигитовъ. У русскихъ джигиты есть и у купцовъ, и у всѣхъ начальниковъ надъ населеніемъ. Идутъ въ эту должность и предпочтительно берутся русскими киргизы, какъ народъ конный по преимуществу, болѣе подвижный и рѣшительный. Зная трусость сартовъ и особенно ихъ страхъ передъ горами, я рѣшился нанять себѣ прислугу также изъ числа киргизъ; но дѣло это было не легкое, такъ какъ въ это время года большинство киргизъ изъ степей близъ Ташкента уходитъ далеко въ свои лѣтнія кочевки въ горахъ. По долинамъ рѣкъ Келеса, Чирчика и Ангрена остается чрезвычайно немного такъ называемыхъ иген чей—землевладѣльцевъ и остается потому, что нѣтъ скота для перекочевки; на нихъ слѣдовательно разсчитывать было нельзя. Оставались киргизы, уже поселившіеся нѣсколько осѣдло въ Ташкентѣ и кураминцы. Курамой, какъ извѣстно, называется большинство осѣдлаго населенія окрестностей Ташкента, преимущественно долины рѣки Ангрена. Я остановился на ташкентскихъ киргизахъ; кураминцы были гораздо дальше, да кромѣ того, тутъ примѣшивался еще небольшой курьезъ, на который въ данномъ случаѣ нельзя было не обратить вниманія: извѣстно, что слово курама значитъ сбродъ, сволочь, потому что мѣстность, ими занимаемая, заселилась разными выходцами, людьми отставшими отъ своихъ родовъ и т. п. Хотя конечно теперь большинство населенія Кураминскаго уѣзда люди и честные, и трудолюбивые, но имя курама не разъ могло бы служить богатой темой для остротъ въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось бы на вопросы туземцевъ отвѣчать, что путешествуешь со сволочью. Ташкентскіе киргизы были ближе, можно было лучше сдѣлать выборъ; осѣдлость и семьи, остававшіяся въ Ташкентѣ, служили нѣкоторымъ залогомъ ихъ вѣрности и надежности. Въ выборѣ джигитовъ принялъ личное участіе начальникъ города г. Мѣдинскій и наканунѣ отъѣзда мнѣ представилось восемь человѣкъ джигитовъ. Не блестящая свита была передо мной: все это были оборванцы, съ типично-уродскими лицами, въ грязнѣйшихъ ситцевыхъ халатахъ. Одинъ изъ нихъ, данный начальникомъ изъ числа служившихъ долго при управленіи, былъ вооруженъ саблей, конечно ржавой и никуда негодной. Но сабля джигита — это весьма большой знакъ его джигитскаго [1]) достоинства, доказательство, что онъ давно находится въ этомъ званіи и притомъ все у людей чиновныхъ, знатныхъ. Осмотръ лошадей показалъ, что мои спутники будутъ люди далеко не прыткіе: у нихъ были все клячи киргизской породы. Но уже зная, впрочемъ, удивительную выносливость киргизскихъ лошадей и то, что путешествія, подобныя настоящему, дѣлаются шагомъ, я не смутился этимъ обстоятельствомъ.

За исключеніемъ Байтурсуна, джигита съ саблей, почти всѣ остальные были киргизы изъ рода Аргынъ, къ которому принадлежитъ большинство поселившихся въ Ташкентѣ киргизъ. Такъ какъ джигиты пожелали получить весьма крупное вознагражденіе (30 р. въ мѣсяцъ), то я рѣшился ограничиться только шестью и двухъ отослалъ обратно [2]). При этомъ выказалась вся сдержанность и самообладаніе азіатской натуры: не зная ни одного изъ кандидатовъ, я конечно долженъ былъ выбирать себѣ шестерыхъ спутниковъ, такъ сказать на удачу; остальные двое пошли со двора, ни единымъ словомъ, ни единымъ жестомъ не обна-

[1]) Слово джигитъ на киргизскомъ языкѣ означаетъ молодца, ловкаго, лихаго.

[2]) Такъ какъ въ теченіи разсказа мнѣ придется упоминать о каждомъ почти джигитѣ, то вотъ ихъ имена: Байтурсунъ, Галибекъ, Буканъ-бай, Арсланъ, Бикъ-бау и Садыкъ.

руживъ неудовольствія, что имъ не удалось попасть въ число избранныхъ. А причины быть недовольными для нихъ были, и весьма ощутительныя, такъ какъ, хотя они и указывали на предстоявшія трудности, расходы, отдаленность путешествія и прочія неудобства, но, конечно, всякій изъ нихъ зналъ, что въ этомъ путешествіи онъ и лошадь, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, будутъ кормиться даромъ, въ изобиліи, неслыханномъ дома—въ силу установившихся обычаемъ законовъ азіатскаго гостепріимства. Послѣднее предполагалъ и я, но не могъ же настаивать на пониженіи жалованья въ разсчетѣ на гостепріимство коканцевъ. Поэтому я требовалъ только, что они должны безъ всякихъ возраженій ѣхать за мною всюду, имѣя всегда нужные запасы для продовольствія себя и лошадей. Нанять ихъ, что называется, на своихъ харчахъ, т. е. съ обязательствами, что они и лошади будутъ сыты, я ни за что не рѣшился: нетребовательные до крайности, когда удовлетвореніе ихъ потребностей зависитъ отъ ихъ же кармана, киргизы и сарты сейчасъ же предъявляютъ совсѣмъ другія требованія, когда довольствуются натурой. Я это узналъ при снаряженіи экспедиціи въ Кизилъ-кумъ: назначенный для сопровожденія насъ Мадали-ходжа представилъ разсчетъ, по которому выходило, что для него съ двумя джигитами необходимо въ день по барану и что иначе никакъ сдѣлаться нельзя. Выходило, что такъ какъ пески въ это время безлюдны, то намъ нужно гнать съ собой цѣлое стадо, для чего нужны опять особые люди, а для нихъ бараны и т. д. Когда же я назначилъ ему на содержаніе сумму, почти равную требовавшейся на покупку барановъ, то онъ едвали не все время путешествія питался киргизскимъ сыромъ и тому подобной дрянью.

Въ данномъ случаѣ мнѣ было не до заботъ о продовольствіи джигитовъ; я былъ въ затрудненіи, какъ устроить собственное.

Кухня (т. е. составъ кушаній) киргизъ и сартовъ весьма тяжела и приспособлена исключительно къ ихъ потребностямъ и образу жизни: она, какъ извѣстно, держится введенія въ желудокъ разомъ такого огромнаго количества пищи, послѣ котораго требуется продолжительный промежутокъ времени совершеннаго бездѣйствія, какъ физическаго, такъ и умственнаго, пока не явится состояніе, называемое «впроголодь». Да наконецъ и не всякій желудокъ въ состояніи имѣть дѣло съ тѣми объемистыми порціями отвратительно жирной пищи, которыя потребовались бы для возмѣщенія всѣхъ тратъ организма при продолжительныхъ и нелегкихъ путешествіяхъ верхомъ и усиленныхъ занятіяхъ.

Всѣ прежнія путешествія продолжались много если мѣсяцъ; на такой срокъ и при скудномъ питаніи доставало запасовъ, сдѣланныхъ во время жизни въ городѣ. Теперь же предстояло озаботиться о томъ, чтобы поддерживать свое существованіе въ теченіе цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ. Запастись хорошими, свѣжими консервами въ Ташкентѣ было невозможно, собственныхъ познаній въ кухонномъ дѣлѣ не было, да и тратить на него время, нужное для изслѣдованій, было бы не производительно, и потому я за огромную цѣну нанялъ въ Ташкентѣ русскаго слугу, съ громкимъ именемъ повара-Василья. Но видно не судьба намъ была путешествовать съ такимъ комфортомъ, какъ поваръ-Василій, и вскорѣ — увы — мы вмѣсто знаменитаго Koch'а остались безъ всякаго слуги и скромно занялись сами приготовленіемъ кушаній: жена — изъ муки, а я — изъ мяса, по большей же части пробавлялись чаемъ, а въ селеніяхъ плодами.

Необходимо было еще озаботиться большимъ запасомъ подарковъ. Такъ какъ большими средствами для этой цѣли располагать было нельзя, то было рѣшено самому хану подарковъ не подносить: ничтожные подарки ничего бы не прибавили къ письму генералъ-губернатора, въ

которомъ онъ просилъ объ оказаніи покровительства экспедиціи, а на болѣе значительные нужно было затратить нѣсколько сотъ рублей. Поэтому я озаботился о подаркахъ его приближеннымъ и, главное, разнымъ мелкимъ мѣстнымъ начальникамъ, отъ которыхъ въ концѣ концовъ болѣе всего, конечно, долженъ былъ зависѣть успѣхъ посѣщенія разныхъ мѣстностей; наконецъ, нужна была цѣлая масса различной мелочи для вознагражденія за угощеніе, показываніе дорогъ, разсказы и тому подобныя мелкія услуги. Для всего этого была выдана генералъ-губернаторомъ особая сумма, на которую въ Ташкентѣ и пріобрѣтены разныя ткани, часы, женскія украшенія, (при помощи которыхъ жена моя надѣялась проникнуть въ женскую половину населенія), а болѣе всего разныя бездѣлушки. При этомъ оказалось, что не смотря на постоянную потребность въ такихъ вещахъ, ташкентскіе магазины имѣютъ самый плохой выборъ товаровъ этого сорта и притомъ рѣдко можно встрѣтить мелочи замысловатыя и полезныя, которыя могли бы произвести на азіатца впечатлѣніе въ пользу нашей изобрѣтательности. Главнымъ фондомъ для подарковъ должны были впрочемъ служить халаты,—этотъ универсальный подарочный матеріалъ въ Средней Азіи; но ихъ я рѣшился пріобрѣсти въ городѣ Коканѣ, гдѣ, какъ мнѣ говорили, они дешевле и выборъ ихъ гораздо богаче.

Деньги для дорожныхъ расходовъ представили тоже не мало затрудненій. Бумажки наши уже въ городѣ Коканѣ ходятъ значительно ниже ихъ номинальной цѣнности [1]), а въ селеніяхъ и въ горахъ ихъ, конечно, никто не возьметъ. Общепринятая и болѣе распространенная монета до сихъ поръ, какъ въ независимыхъ частяхъ Туркестана, такъ и въ русскихъ, коканъ. Такъ называются небольшіе серебряные кружки (около 13 мм. въ діаметрѣ), изготовляемые въ Коканѣ и Бухарѣ. На этихъ монетахъ, изготовляемыхъ въ г. Коканѣ, на одной сторонѣ выбито: «Зарабъ Хукандъ Лятивъ», что значитъ «выбито въ Коканѣ прекрасномъ», на другой: «Мохаммедъ Худайяръ Сендъ Ханъ»; на бухарскихъ изображено, что онѣ приготовлены въ «благородной Бухарѣ—Бухара ель шерифъ». Цѣнность ихъ приравнена 20 русскимъ копѣйкамъ, но на какихъ основаніяхъ и какое ихъ дѣйствительное отношеніе по цѣнности къ русскому рублю, не извѣстно, хотя изъ существованія лажа нужно думать, что въ нихъ серебра больше, чѣмъ въ двугривенномъ.

Затѣмъ въ обращеніи находятся золотыя и мѣдныя деньги. Золотыя—тилля, опять бухарскія и коканскія (бухарская тилля стоитъ 4 р., коканская 3 р. 60 к.); мѣдныя — чеки, которыхъ въ Коканѣ даютъ двѣ на копѣйку, а въ Бухарѣ три. Золотыми было неудобно запасаться, такъ какъ ихъ не вездѣ можно размѣнять и всегда въ маленькихъ городкахъ можно было разсчитывать на потерю при размѣнѣ; отъ мѣдной монеты я предпочелъ вовсе отказаться, такъ какъ тяжесть ея громадна. Уже необходимый запасъ коканов (двадцатикопѣечниковъ) представляетъ большія затрудненія для перевозки и храненія ихъ. Масса металла пуда въ три весьма неудобна во время путешествій, да еще съ вьюками. А этой массой нужно было запасаться въ Ташкентѣ, такъ какъ до сихъ поръ еще не организовалось такой простой вещи, какъ переводъ денегъ на Коканъ. Обмѣнъ на серебро въ Ташкентѣ не представилъ никакихъ затрудненій, благодаря лишь распоряженію генералъ-губернатора, чтобы всѣ деньги, слѣдующія на путешествіе, были выданы мнѣ казначействомъ изъ казеннаго запаса кокановъ.

---

[1]) Въ послѣднее время русскія бумажки въ Коканѣ поднялись въ цѣнѣ и ходятъ даже выше номинальной цѣнности; въ декабрѣ 1873 года на 100 р. бумажками давали уже 101 р. серебра. Ред.

Отъ генералъ-губернатора К. П. фонъ Кауфмана, которому принадлежитъ собственно вся честь осуществленія совершеннаго путешествія, я получилъ письмо къ коканскому хану Худаяру, или точнѣе Худай-яру. Такъ какъ этотъ документъ знакомитъ съ характеромъ установившихся нынѣ сношеній между русскими властями и сосѣдними владѣтелями и вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на размѣры путешествія, которые признаны были своевременными со стороны русской администраціи, то я привожу это письмо въ подлинникѣ.

„Высокостепенный Ханъ!

Миръ и искреннее пожеланіе Вашему Высокостепенству всякаго благополучія.

Кромѣ желанія привѣтствовать Васъ, я обращаюсь къ Вамъ по дѣлу, заключающему въ себѣ всеобщій интересъ.

Неоднократно бывшіе въ мудроуправляемыхъ Вами земляхъ русскіе люди, всегда съ особенной похвалой разсказываютъ о Вашемъ ласковомъ пріемѣ, добромъ содѣйствіи и помощи, которые Вы оказывали имъ во время ихъ путешествій.

Вполнѣ увѣренный, что Ваше Высокостепенство, какъ добрый сосѣдъ, и теперь не откажете мнѣ въ своемъ высокомъ вниманіи къ благому дѣлу,—я отправляю къ Вамъ состоящаго при мнѣ ученаго человѣка г. Федченко, цѣль путешествія котораго самая мирная и полезная: онъ изучаетъ жизнь и характеръ всѣхъ тварей и растеній, созданныхъ Всемогущимъ Богомъ и пользу, которую они приносятъ людямъ. Надѣясь на позволеніе Ваше, я поручилъ г. Федченко изслѣдовать слѣдующія мѣста: 1) изъ Кокана направиться на Исфару и изъ нея къ Заравшанскому леднику, черезъ Ворухъ; 2) Вадиль и Учь-курганъ и оттуда на перевалы въ Каратегинъ; 3) Ошъ и находящіеся къ Югу отъ него горы въ предѣлахъ коканскихъ владѣній; 4) Перевалъ Терекъ-Даванъ и затѣмъ перейти въ долину Арпы черезъ какой либо перевалъ. Если-бы оказалось по обстоятельствамъ невозможнымъ быть г-ну Федченко нынѣ же во всѣхъ этихъ мѣстахъ, то можно отложить эту поѣздку въ такое мѣсто и до будущаго времени. При г. Федченко, для помощи въ его ученыхъ работахъ, безотлучно находятся: его жена, одинъ помощникъ, слуга и восемь человѣкъ джигитовъ.

Почему обращаюсь къ Вашему Высокостепенству съ моей просьбой оказать г. Федченко высокое покровительство и содѣйствіе Ваше, какъ для благополучнаго путешествія съ его людьми, такъ и при ученыхъ занятіяхъ. Я вполнѣ разсчитываю на Вашъ ласковый пріемъ г. Федченко и благосклонное сочувствіе къ его труду, тѣмъ болѣе, что результаты его научныхъ изслѣдованій, для которыхъ онъ отправляется, проливая свѣтъ знанія и увеличивая благоденствіе человѣка, составляютъ драгоцѣнное достояніе всѣхъ народовъ.

Молясь за здоровье Вашего Высокостепенства и преуспѣяніе Вашего народа, прошу твердо вѣрить моей неизмѣнной къ Вамъ дружбѣ.

Туркестанскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ 1-й.

Кромѣ этого письма я получилъ еще письмо къ мехтеру, главному гражданскому чиновнику, состоящему при ханѣ. Письмо это было отъ Мирзы-хакима, коканскаго посланника или точнѣе уполномоченнаго ханомъ для личныхъ сношеній съ генералъ-губернаторомъ въ Ташкентѣ. Мирза-хакимъ снабдилъ меня и разными свѣдѣніями, которыя должны были помочь мнѣ въ сношеніяхъ съ коканскими чиновниками и вообще облегчить достиженіе предположенныхъ цѣлей. Мирза-хакимъ живетъ въ должности посланника въ Ташкентѣ со времени учрежденія туркестанскаго генералъ-губернаторства и въ дѣлѣ установленія настоящихъ сношеній съ Коканомъ оказалъ большія услуги. Ознакомившись, при своихъ частыхъ путешествіяхъ по торговымъ дѣламъ на русскія ярмарки, съ силой и богатствомъ Россіи, — онъ много содѣйствовалъ установленію дружественныхъ сношеній, которыя съ такой замѣча-

тельной, можно сказать, легкостью возникли и держатся съ такимъ постоянствомъ съ тѣхъ поръ, какъ на престолъ коканскій взошелъ въ третій разъ теперешній ханъ Худаяръ.

Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ объ этихъ отношеніяхъ, такъ какъ они играли весьма важную роль при осуществленіи предпринятаго путешествія. Я уже однажды [1]) имѣлъ случай указать, что съ давнихъ поръ въ Коканскомъ ханствѣ существуютъ двѣ партіи, стремленіе которыхъ къ господству было источникомъ весьма частыхъ междоусобныхъ войнъ, сопровождавшихся безконечными убійствами и страшной рѣзней. Ханы нынѣшней династіи, вышедшіе изъ среды партіи кочевниковъ-тюрковъ, съ теченіемъ времени, по своимъ взглядамъ и стремленіямъ, стали принадлежать скорѣе къ осѣдлой партіи сартовъ. Отсюда рядъ попытокъ со стороны вожаковъ-кочевниковъ смѣстить такихъ правителей, чтобы, посадивъ на мѣсто ихъ малолѣтнихъ членовъ ханскаго дома, самимъ управлять государствомъ въ качествѣ регентовъ. Такая борьба стремившихся къ регентству съ законными правителями и затѣмъ приверженцевъ низложенныхъ хановъ съ узурпаторами была особенно сильна въ теченіи послѣднихъ тридцати лѣтъ; во время путешествія намъ часто приходилось слышать разсказы о различныхъ эпизодахъ изъ этой борьбы и видѣть разныя мѣста, гдѣ происходили вооруженныя столкновенія, склонявшія побѣду то на ту, то на другую сторону. Кочевая партія достигла апогея своего могущества при Мусульманъ-кулѣ и затѣмъ при Алимъ-кулѣ; въ то же время коканское государство достигло наибольшаго распространенія въ сѣверномъ и сѣверозападномъ направленіяхъ, увеличивъ составъ свой массой кочевниковъ по сѣверному склону Тянышаня и по Сыръ-дарьѣ,—но именно это увеличеніе и было источникомъ погибели кочевой партіи. Коканъ этими кочевниками былъ вовлеченъ въ столкновенія а позже и въ борьбу съ Россіей, — борьбу, которая кончилась тѣмъ, что Коканъ потерялъ почти всѣхъ своихъ кочевниковъ и такіе обширные оазисы, какъ Чимкентъ, Ташкентъ и Ходжентъ.

Пораженіе Коканскаго царства кочевниковъ было, такъ сказать, источникомъ возрожденія Коканскаго ханства осѣдлой партіи. Россія отрѣзала почти $^{9}/_{10}$ коканской территоріи, но притомъ отрѣзала и самыхъ безпокойныхъ членовъ ея, всегда ослаблявшихъ своими смутами крѣпость и единство Коканскаго ханства. Избавленный отъ смутъ со стороны кочевниковъ, собственно Коканъ, ядро государства, теперь съ полной безопаспостью могъ приняться за преслѣдованіе своихъ мирныхъ цѣлей—развитіе земледѣлія и торговли. Безъ борьбы, по крайней мѣрѣ явной, вступилъ на коканскій престолъ въ третій разъ любимецъ сартовъ Худаяръ-ханъ и безъ особыхъ насилій управляетъ вотъ уже восемь лѣтъ Коканскимъ ханствомъ съ видимыми заботами о благосостояніи своихъ подданныхъ [2]). При такихъ условіяхъ, конечно, большинство населенія Коканскаго ханства, если и было недовольно исходомъ борьбы съ русскими, то не видѣло и особыхъ поводовъ къ новой борьбѣ, лишь бы русскіе не затрогивали земель собственнаго ханства. Какъ извѣстно, русскіе ограничились тогда занятіемъ Ходжента, пункта, уже часто переходившаго къ бухарцамъ, постоянно враждовавшимъ съ Коканомъ. Итакъ, миръ былъ заключенъ, и на сторонѣ его въ Коканѣ оказалось много приверженцевъ, сознавшихъ, что своимъ господствомъ они обязаны Россіи, столь жестоко поразившей ихъ

[1]) Чтеніе въ Русскомъ Географическомъ Обществѣ; см. Извѣстія Р. Г. Общ. 1872 г., № 1.

[2]) Послѣднія событія, повидимому, противорѣчатъ высказанному замѣчанію; они свидѣтельствуютъ, что многочисленная и сильная партія кочевниковъ и до сихъ поръ не отказалась еще отъ борьбы за свое политическое первенство въ ханствѣ, — а недавнія кровавыя казни въ Коканѣ характеризуютъ далеко не миролюбивыя отношенія Худаяра къ людямъ этой партіи своихъ подданныхъ. Ред.

пскопныхъ враговъ—кочевниковъ. Я сказалъ, что къ Россіи отошли значительные оазисы, каковы ташкентскій и чимкентскій; но не нужно забывать, какъ ничтожна существующая связь между отдѣльными бекствами и ханами или эмирами въ Средней Азіи. Владѣнія, лежащія на окраинахъ, всегда находились въ ничтожномъ подчиненіи къ центральной власти, часто дѣлались самостоятельными и центральные правители довольствовались лишь полученіемъ съ нихъ ежегодныхъ подарковъ да извѣстнымъ контингентомъ войска при военныхъ предпріятіяхъ. Ташкентъ еще недавно, при бекѣ, поставленномъ коканскимъ ханомъ (Ляшкаръ бекляръ-бекъ), имѣлъ право чеканить монету. При такихъ отношеніяхъ потеря полусамостоятельныхъ владѣній на окраинахъ не можетъ быть чувствительна, особенно при столь маломъ развитіи въ Средней Азіи чувства народности. Изъ моихъ словъ не слѣдуетъ заключать, что къ послѣднимъ событіямъ въ Средней Азіи всѣ туземцы отнеслись съ полной симпатіей. Я хочу сказать только, что эти событія вызвали положеніе дѣлъ, при которомъ можно было установить дружественныя сношенія и что почва благопріятна для дальнѣйшихъ дѣйствій въ томъ же направленіи.

Я не имѣлъ случая наблюдать настроеніе народа въ Бухарѣ, но слышалъ, что тамъ отношеніе къ послѣднимъ событіямъ другое, что именно приписываютъ вліянію духовенства. Не знаю, можетъ быть въ Бухарѣ и такъ, но въ Коканѣ мнѣ не удалось наблюдать рѣзкихъ проявленій фанатизма даже и въ средѣ духовенства; въ теченіи путешествія я не разъ буду говорить о совершенно мирномъ пріемѣ со стороны мѣстныхъ муллъ и познакомлю съ характеромъ тѣхъ напутствій, какими провожали насъ монахи въ Шахимарданѣ, считающемся самымъ святымъ мѣстомъ ханства. Читатель правда замѣтитъ, что нѣсколько разъ я буду жаловаться на неполученіе содѣйствія въ данномъ случаѣ со стороны властей или населенія, что многаго мнѣ не удалось достигнуть, и пожалуй, мѣряя на европейскую мѣрку, онъ увидитъ въ этомъ враждебныя отношенія. Но такое заключеніе будетъ ошибочно. Почти всѣ эти дѣйствія гораздо проще и естественнѣе объясняются непониманіемъ моихъ цѣлей, лѣнью, страхомъ, а въ трехъ единственныхъ случаяхъ угрозъ (преслѣдованіе на Акъ-бурѣ, брань стрѣлка на Купланъ-кулѣ и угрозы джигита въ Наманганѣ) онѣ очевидно были вызваны посторонними обстоятельствами. Въ мусульманскихъ владѣніяхъ Азіи получаемое вниманіе и содѣйствіе нужно измѣрять другимъ маштабомъ, нужно помнить, что самымъ почетнымъ пріемомъ, которымъ еще такъ недавно хвалились англійскіе путешественники въ Кашгарѣ, было содержаніе ихъ въ четырехъ стѣнахъ съ запрещеніемъ выхода, не иначе какъ при обстановкѣ, самая сложность которой дѣлаетъ невозможнымъ частое пользованіе ею.

Въ числѣ замѣтокъ о сборахъ въ путешествіе я считаю необходимымъ указать еще на одно, какъ на совершенно необходимое для будущихъ путешественниковъ. Если имѣть въ виду посѣщеніе мѣстностей, удаленныхъ отъ осѣдлаго населенія, занятыхъ кочевниками, которые, по сознанію самихъ коканцевъ, держатъ себя спокойно главнымъ образомъ потому только, что имъ приходится проводить зиму близъ сартовскихъ городовъ и селеній, — то необходимо имѣть вооруженіе настолько внушительное, чтобы оно позволяло дѣлать такія экскурсіи, отъ которыхъ мѣстные спутники обыкновенно отказываются и по крайней мѣрѣ останавливало бы дерзкихъ на почтительномъ разстояніи. Туземцы по своей трусости способны только произвести смятеніе и, какъ показываетъ случай на Акъ-бурѣ, даже сами вызвать недовольство. При нашемъ путешествіи эта сторона дѣла была оставлена вовсе безъ вниманія и потому, въ случаѣ самаго пустаго нападенія, чьей-нибудь отдѣльной

сумасбродной выходки, мы не могли бы ничего сдѣлать: два охотничьихъ ружья съ зарядами дроби для птицъ у препаратора и стрѣлка, два револьвера у меня и у жены,—вотъ въ чемъ состоялъ весь нашъ запасъ оружія. Я увѣренъ, что онъ былъ бы недостаточенъ при горномъ путешествіи во всякой другой не европейской странѣ: новое доказательство крайне мирнаго характера коканскаго населенія.

При чтеніи письма къ хану всякаго поразитъ вѣроятно крайняя неопредѣленность, а теперь, послѣ путешествія, даже неточность выраженій, въ которыхъ указывались мѣста, долженствовавшія быть посѣщенными экспедиціей. Причина заключается въ недостаточности свѣдѣній, можно сказать даже въ полномъ отсутствіи всякихъ указаній, которыми можно было бы руководствоваться при составленіи маршрута экспедиціи и при сношеніяхъ съ коканскимъ правительствомъ. Оставалось, такъ сказать, запрашивать какъ можно больше, съ тѣмъ чтобы номириться на томъ, что дѣйствительно можно будетъ посѣтить. Этой системы запрашиваній я и держался все время путешествія. Отъ многаго конечно приходилось отказываться; въ нѣкоторыхъ случаяхъ я очевидно просилъ слишкомъ мало,—могъ бы получить и достигнуть большаго. Но таковы уже невыгоды этой системы. Получить хоть сколько нибудь опредѣленныя данныя о мѣстностяхъ къ югу отъ долины Сыра я не могъ, не смотря на всѣ усилія. Очевидно, что при такихъ условіяхъ оставалось одно—запрашивать на „авось“. Это-то непмѣніе самыхъ элементарныхъ свѣдѣній, поѣздки на авось, часто и были причиною разныхъ неудобствъ, приводили къ непріятнымъ сюрпризамъ. Та же причина имѣла самыя печальныя послѣдствія во время поѣздки въ Алай: намъ приходилось, напримѣръ, останавливаться на ночлегъ въ мѣстахъ неудобныхъ, нужно было сократить пребываніе на Кизилъ-су, а при обратномъ пути испытать даже и весьма чувствительный голодъ. Теперь, послѣ путешествія, обстоятельства измѣнились: читатель можетъ руководствоваться при чтеніи картой посѣщенной страны, слѣдить путь экспедиціи по приложеннымъ маршрутамъ. Но тогда, на мѣстѣ приходилось до многаго добираться ощупью.

Чтобы облегчить читателю возможность слѣдить за ходомъ разсказа о путешествіи, за ссылками на разныя мѣстности и т. п., необходимо сдѣлать общій географическій очеркъ ханства въ его настоящемъ объемѣ.

Прежде однако считаю нужнымъ указать на прежнихъ путешественниковъ, посѣтившихъ коканское ханство и сообщившихъ о немъ какія-либо свѣдѣнія.

Самыя древнія свѣдѣнія мы находимъ въ извѣстныхъ запискахъ султана Бабера, который, будучи одно время правителемъ Ферганы, имѣлъ конечно случай хорошо ее узнать. Мнѣ удалось познакомиться съ тѣмъ, что пишетъ Баберъ, благодаря П. И. Лерху, сообщившему мнѣ извлеченіе изъ дѣлаемаго имъ перевода записокъ Бабера на русскій языкъ, а позже я ознакомился съ записками и вполнѣ по французскому переводу Паве-де-Куртейля, изданному въ Парижѣ въ 1871 г. Свѣдѣній у Бабера я нашелъ впрочемъ немного; пребываніе его въ Коканѣ совпало съ началомъ его политической дѣятельности, которую онъ скоро перенесъ въ Заравшанскую долину, а потомъ далѣе на югъ. Другіе мусульманскіе и вообще азіатскіе источники мнѣ не извѣстны и потому далѣе я буду говорить объ однихъ европейцахъ или сочиненіяхъ, изданныхъ на европейскихъ языкахъ.

Въ 1812—13 годахъ странствовалъ по Средней Азіи Миръ-Иззетъ-Улла, посланный извѣстнымъ англійскимъ изслѣдователемъ Муркрофтомъ. Его маршруты недавно изданы

вполнѣ въ Калькуттѣ. Всѣ свѣдѣнія [1]) о Коканѣ ограничиваются сообщеніемъ маршрутовъ изъ Кашгара въ Коканъ и изъ Кокана въ Самаркандъ, при чемъ дѣлаются незначительныя замѣчанія о характерѣ мѣстностей, чрезъ которыя проходитъ дорога (l. c. pp. 48—53) [2]). Около того же времени посѣтилъ Коканское ханство Ф. Назаровъ [3]) Благодаря нѣкоторымъ исключительнымъ обстоятельствамъ, Назарову удалось проѣхать по большой дорогѣ кругомъ всей долины и потому его отчетъ содержитъ, кромѣ весьма любопытныхъ подробностей о пріемѣ со стороны властей и народа, еще разныя географическія свѣдѣнія, весьма интересныя и для того времени составлявшія положительное пріобрѣтеніе для географіи.

Затѣмъ за весь періодъ времени до послѣднихъ завоеваній (съ 1814 по 1868 г.) мнѣ не извѣстно ни одного разсказа образованнаго европейца [4]) путешественника, посѣтившаго долину Ферганы. За это время были публикованы коротенькія свѣдѣнія татарина Муртасы о дорогѣ изъ Кашгара въ Коканъ, въ запискахъ Генса (въ изданіяхъ Русскаго Географ. Общества, года, къ сожалѣнію, не помню) и была помѣщена въ запискахъ Географическаго Общества компилятивная статья о Коканскомъ ханствѣ (Обозрѣніе Коканскаго ханства 1841; Записки Имп. Русск. Геогр. Общ. 1849, № 3). Статья эта представляетъ сводъ уже извѣстныхъ свѣдѣній и при томъ часто только по разсказамъ туземцевъ.

Въ изданіяхъ же Географ. Общества г. Потанинымъ напечатаны: Записки о Коканскомъ ханствѣ въ 1830 г., и показаніе сибирскаго казака Максимова о коканскомъ владѣніи (Вѣстникъ 1856. № 6 и 1860. № 3).

По исторіи ханства за это время была публикована очень хорошая работа академикомъ Вельяминовымъ-Зерновымъ.

Въ концѣ 1860 и началѣ 1861 г. посѣтилъ Коканъ Мулла Абдуль Меджидъ, посланный ость-индскимъ правительствомъ съ подарками и письмомъ къ тогдашнему коканскому хану Малля-хану. Я сообщу выдержки изъ его мало извѣстнаго отчета, говоря о Памирѣ и Алаѣ. Напечатанъ онъ въ Selections from the Records of the governm. of India in the foreign department. № XXXIX. 1863. Calcutta.

Заключеніе мирнаго договора съ коканскимъ правительствомъ въ 1868 году было причиной посѣщенія Кокана русскимъ посольствомъ, двое членовъ котораго описали свою поѣздку [5]). Свѣдѣнія, сообщаемыя ими, касаются главнымъ образомъ пріема, сношеній съ властями и т. п.

Гренерная горячка, привлекшая въ край столькихъ предпринимателей, была причиной посѣщенія Кокана нѣсколькими европейцами. Двое изъ нихъ—князь Друцкой и г. Адамоли—описали свое посѣщеніе, ограничившееся городомъ Коканомъ и ближайшими окрестностями.

---

[1]) Travels in Central Asia by Meer Izzut Oollah in the years 1812 — 13, transl. by capt. Henderson. Calcutta 1872.

[2]) Маршруты Миръ Иззета были сообщены уже у Риттера и Гумбольдта; тамъ же помѣщенъ еще дорожникъ „русскаго купца“, сообщенный графомъ Канкриномъ Гумбольдту и дающій названія станцій и разстоянія по дорогѣ изъ Кашгара въ Коканъ

[3]) Записки о нѣкоторыхъ народахъ и земляхъ средней части Азіи Филиппа Назарова, Отд. Сибирск. Корпуса переводчика, посыланнаго въ Коканъ въ 1813 и 1814 годахъ. Спб. 1821.

[4]) Единственный образованный европеецъ, бывшій за это время (въ 1840 г.) въ Коканѣ — Конолли, но онъ былъ умерщвленъ въ Бухарѣ и записки его погибли.

[5]) Замѣтки о Коканѣ А. П. Хорошхина. Русскій Инвалидъ 1869. №№ 75 и 76. Статья другаго члена была помѣщена въ Военномъ Сборникѣ.

Въ тоже время русскіе купцы, озабоченные устройствомъ прямыхъ торговыхъ сношеній съ ханствомъ, посѣтили его главные города, проникали далеко по дорогѣ въ Кашгаръ (одинъ прошелъ даже весь путь отъ Кашгара до Кокана), но къ сожалѣнію, ни одинъ изъ нихъ не почелъ нужнымъ познакомить печатно съ видѣнными имъ мѣстами. Я знаю только одно исключеніе: г. Ивановъ, пріѣхавшій изъ Коканскаго ханства въ Нарынскій край и обратно, описалъ свой путь и доставилъ описаніе въ редакцію Туркестанскихъ Вѣдомостей. Благодаря любезности г. редактора, я въ состояніи воспользоваться свѣдѣніями г. Иванова (которыя кажется еще не напечатаны). Чтобы оцѣнить ихъ значеніе достаточно сказать, что въ нихъ мы имѣемъ единственный маршрутъ, связывающій съемки въ Коканѣ съ нарынскими.

Затѣмъ г. провизоръ Краузе, прожившій цѣлое лѣто на нефтяныхъ источникахъ въ 25 верстахъ отъ Намангана и собравшій разныя свѣдѣнія, а также хорошій гербарій, напечаталъ въ Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ описаніе посѣщенныхъ имъ источниковъ и доставилъ записку о нихъ въ Общество Любителей Естествознанія.

Г. художникъ Верещагинъ, сколько мнѣ извѣстно, посѣтилъ г. Коканъ, но никакихъ свѣдѣній объ этомъ путешествіи въ литературѣ я не нашелъ. Поѣздка съ дипломатическою цѣлью, совершенная осенью 1870 года К. В. Струве, сопровождалась географическими результатами первостепенной важности. К. В. Струве посѣтилъ главнѣйшіе города ханства и астрономически опредѣлилъ ихъ долготу и широту. При этомъ оказалось, какъ сильно ошибались въ положеніи даже такихъ близкихъ къ русской границѣ городовъ, какъ Коканъ и въ первый разъ выяснилось съ точностью относительное положеніе разныхъ пунктовъ коканскаго оазиса. Кромѣ опредѣленій г. Струве были вывезены и свѣдѣнія о распространеніи населенія въ ханствѣ, о горахъ, рѣкахъ и т. д. На основаніи этихъ свѣдѣній г. Струве была составлена карта Коканскаго ханства и въ засѣданіи Отдѣла Общества Любителей Естествознавія въ Ташкентѣ прочитана записка о ханствѣ. Въ печати впрочемъ не явилось ни записки этой, ни карты. [1])

При сообщеніи здѣсь литературныхъ источниковъ я конечно ограничиваюсь тѣмъ, что было публиковано до моего путешествія; съ того же времени явилось еще нѣсколько статей и замѣтокъ, но, впрочемъ, почти все мелкихъ.

Между посѣтившими ханство, какъ видно, не было ни одного натуралиста и въ этомъ отношеніи я не нашелъ въ печати почти никакихъ указаній. Отдѣльныхъ картъ ханства сколько нибудь удовлетворительныхъ, не было опубликовано; единственная, основанная на точныхъ данныхъ карта г. Струве, была рукописная. Двѣ другія карты, напечатанныя въ изданіяхъ Географическаго Общества [2]), были совершенно элементарныя. На общихъ картахъ средней Азіи или Туркестана ханство являлось изображеннымъ весьма недостаточно. Астрономическіе пункты, данные католическими миссіонерами, были слишкомъ ошибочны, чтобы дать хоть сколько нибудь вѣрное очертаніе странѣ. Прогрессъ въ отношеніи картографіи Коканскаго ханства въ послѣднее время заключался въ томъ, что на мѣстѣ его стали рисовать только весьма слабые контуры вѣроятнаго направленія горъ и дѣлали надписи пунктовъ, несомнѣнно существующихъ, но положеніе которыхъ было весьма неопредѣленно (карта изданія Ильина).

---

[1]) Свѣдѣнія о посольствѣ К. В. Струве напечатаны въ Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ 1870 г. № 16.

[2]) Карта при обозрѣніи ханства (Записки 1849. № 3) и карта Коканскаго ханства (съ пояснительной замѣткой) М. И. Венюкова (Записки 1861. № 1).

Карта Кокапскаго ханства К. В. Струве, какъ сказано, не публикована. Благодаря внимательной любезности Карла Васильевича, я могъ снять съ нея копію, которая и оказала мнѣ большія услуги при путешествіи. Нужно сказать впрочемъ, что на этой картѣ поставлены вѣрно и съ большой подробностью только пункты между главными городами, расположенные на большихъ дорогахъ, по которымъ проѣхалъ К. В. Струве; мѣстности же отдаленныя, особенно горы на южной окраинѣ ханства и вся восточная треть ханства, изображены весьма недостаточно. Напримѣръ, на востокъ отъ Андиджана всѣ разстоянія увеличены почти вдвое; такъ Узгентъ показанъ въ 120 верстахъ, тогда какъ до него только 63 версты, перевалъ Терекъ-даванъ въ 200 верстахъ, вмѣсто 100—110. Поэтому значеніе этой карты главнымъ образомъ только ограничивается изображеніемъ культурной полосы.

Въ 1872 г. мною была представлена въ Русское Географическое Общество карта ханства, которая знакомила со всѣми посѣщенными мною мѣстностями и давала понятіе о территоріи Кокапскаго ханства. Въ объяснительной запискѣ, напечатанной въ Извѣстіяхъ Общества, указаны источники карты и руководившія при составленіи ея начала. Случайныя обстоятельства замедлили выходъ этой карты [1]). Къ настоящему описанію путешествій вновь составлена извѣстнымъ картографомъ д-ромъ Петерманомъ въ Готѣ карта ханства и окружающихъ его мѣстностей. Она вмѣстѣ съ нимъ обнимаетъ весь районъ моихъ путешествій.

Было бы конечно въ высшей степени полезно при путешествіяхъ съ естественно-исторической цѣлью имѣть возможность пользоваться и тѣми изслѣдованіями, которыя были произведены въ сосѣднихъ къ данному району странахъ. Всего ближе къ Кокапскому ханству работали въ этомъ направленіи гг. Кукашевичъ въ Ходжентѣ, Н. А. Сѣверцовъ, баронъ Ф. Р. Остенъ-Сакенъ и баронъ Каульбарсъ въ Нарынскомъ краѣ. Къ сожалѣнію, результаты изслѣдованій этихъ натуралистовъ (кромѣ барона Остенъ-Сакена; см. его Sertum Tianschanicum, изданный въ сообществѣ съ ак. Рупрехтомъ) ко времени моего путешествія, да по большей части и по настоящее время, не публикованы.

Перехожу теперь къ краткому очерку ханства, который я считаю нужнымъ предпослать разсказу о путешествіи для того, чтобы читатель легче могъ ориентироваться при чтеніи.

Кокапское ханство лежитъ между 70^0 и $74^1/_2{}^0$ в. д. отъ Гринвича и на этомъ протяженіи занимаетъ почти весь 40^0 с. ш., значительную часть 41^0 и наконецъ около трети 39^0 с. ш. Занимаетъ оно обширную долину въ среднеазіатскомъ нагорьи, съиздавна извѣстную подъ именемъ Ферганы. Широкая горная масса на сѣверѣ отдѣляетъ эту долину отъ долины р. Таласа; другая, еще болѣе трудно доступная—отъ бассейна Аму-дарьи. Въ составъ ханства входитъ главная долина, по которой протекаетъ Сыръ-дарья, долины и ущелья рѣчекъ, текущихъ къ этой рѣкѣ и горы вплоть до водораздѣловъ съ Ангреномъ, Чирчикомъ (Чаткаломъ), Таласомъ, съ рѣчками текущими въ Нарынъ, Тарпмъ и Аму-дарьею и съ Заравшаномъ. Такимъ образомъ Кокапское ханство занимаетъ территорію съ вполнѣ естественными границами; только на юго-востокѣ оно переходитъ черезъ водораздѣлъ въ бассейнъ Аму-дарьи, гдѣ ему принадлежатъ верховья Кизилъ-су (Сурхаба)—мѣстность, извѣстная подъ именемъ Алая.

Я разумѣю только территорію теперь подвластную кокапскому хану. Какъ извѣстно, еще сравнительно недавно, владѣнія, или непосредственно принадлежавшія кокапскому хану или признававшія его верховную власть, были значительно,—едва-ли ошибусь если скажу въ десять

[1]) Карта эта приложена къ вышедшему уже послѣ смерти А. П. Федченко № 8 IX т. Изв. Имп. Рус. Геогр. Общ. Англійское изданіе ея же см. Ocean Highways № 5. 1873.

разъ—больше того, что входитъ нынѣ въ составъ ханства [1]). Степи и горы на сѣверъ и на востокъ отъ долины Ферганы, а также степи и оазисы на западѣ отошли къ Россіи и нынѣ образуютъ часть Туркестанскаго генералъ-губернаторства; земли къ югу отъ водораздѣла и Аму—Каратегинъ и Дарвазъ— бывшія еще недавно вассалами коканскаго эмира, перестали признавать его власть и приняли покровительство бухарскаго эмира; наконецъ, часть киргизъ по ту сторону Терекъ-давана стала данниками Кашгара. Границы ханства такимъ образомъ новыя и это очень затрудняетъ ихъ обозначеніе, къ тому же и свѣдѣній о нихъ очень мало. До нашего путешествія въ Алай не было извѣстно и не предполагалось, чтобы коканскій ханъ владѣлъ какими-либо землями въ бассейнѣ Аму-дарьи. Я затрудняюсь опредѣлительно указать даже на границу ханства съ русскими владѣніями [2]). Я не могу назвать на этомъ протяженіи никакихъ урочищъ, никакихъ пограничныхъ знаковъ. Могу только сказать, что граница идетъ по водораздѣлу между рѣчками, текущими въ Ангренъ и Чаткалъ и стекающими въ Фергану. Далѣе вершинъ Чирчика, около $72^1/_2{}^0$ в. д., границею служатъ горы по правому берегу р. Узунъ-ахмата (притока Нарына), послѣ чего граница переходитъ на лѣвый берегъ Нарына. Въ этомъ мѣстѣ находится мало доступная горная масса Кетмень-тюбе, черезъ которую Нарынъ прорывается непроходимою щелью. Далѣе граница идетъ въ юго-восточномъ направленіи, по окраинѣ нарынскаго поднятія, именно по водораздѣлу между рѣчками, стекающими въ притоки Нарына и въ Фергану по направленію къ Малой Сыръ-дарьѣ, черезъ перевалы Кукартъ, Яссы, Читы. Нѣсколько южнѣе параллели озера Чатыркуля, но гораздо западнѣе его, граница съ русскими владѣніями кончается и начинаются владѣнія кашгарскія. Граница съ ними идетъ по водораздѣлу, почти по параллели, до $73^1/_2{}^0$ в. д., именно до перевала Терекъ-даванъ. Отъ него она спускается круто на югъ, охватываетъ нѣкоторыя земли въ бассейнѣ Аму-дарьи и потомъ опять выходитъ на водораздѣлъ между Сыромъ и Аму. Какія земли въ бассейнѣ Аму входятъ въ составъ Коканскаго ханства съ достовѣрностью и опредѣлительностью сказать не рѣшаюсь, затрудняясь именно точно указать какой въ этомъ направленіи самый южный пунктъ владѣній коканцевъ; мы слишкомъ еще мало знаемъ о лежащихъ къ югу отъ Алая земляхъ, чтобы можно было съ нѣкоторой вѣроятностью предполагать даже гдѣ проходитъ эта граница. Полагаю впрочемъ, что сосѣдомъ коканцевъ является здѣсь владѣніе Шугнанъ, или по крайней мѣрѣ кочевники, платящіе дань Шугнану. Алай весь во всякомъ случаѣ принадлежитъ ханству, равно какъ повидимому и все теченіе рѣки Кокъ-су; по крайней мѣрѣ на Кизилъ-су пограничный пунктъ лежитъ ниже устья Кокъ-су, между большимъ и малымъ Карамукомъ.

Отъ верховьевъ Кокъ-су до 70° в. д. граница идетъ по водораздѣлу Сыръ-дарьи, сначала съ Аму-дарьей, потомъ съ Заравшаномъ. При этомъ сосѣдями коканцевъ являются сначала каратегинцы, а потомъ бывшее Мачинское владѣніе, нынѣ принадлежащее Россіи.

Около 70° в. д. граница принимаетъ меридіональное направленіе, ханство граничитъ

---

[1]) Пространство уѣздовъ Туркестанскаго генералъ-губернаторства, входившихъ прежде въ составъ Коканскаго ханства, составляетъ около 8000 кв. м. (см. Русскій Туркестанъ, т. I. Стр. 120); пространство Каратегина и Дарваза едва ли менѣе 100 кв. миль.

[2]) Изображеніе границы Россіи и ханства на картѣ, недавно изданной въ Ташкентѣ Военно-топографическимъ Отдѣломъ Туркестанскаго военнаго округа, въ нѣкоторыхъ частяхъ положительно не вѣрно: линія границы пересѣкаетъ долину Ангрена немного восточнѣе сел. Аблыкъ; сколько мнѣ извѣстно, вся долина Ангрена принадлежитъ Россіи. Изъ Ташкента въ верховья Ангрена ѣздила экспедиція для изслѣдованія находящагося тамъ минеральнаго источника; для военно-топографическаго описанія мѣстности путешествовалъ тамъ полковникъ А. Р. Деннетъ.

съ русскими владѣніями и я опять затрудняюсь назвать пограничныя урочища. Въ этой мѣстности течетъ съ юга на сѣверъ рѣка Ходжа-бакарганъ и мнѣ извѣстно только, что верхняя часть ея теченія, до Андархапской щели, съ городкомъ Ляйлякъ, принадлежитъ ханству, а нижнее Россіи.

Сохраняя болѣе или менѣе меридіональное направленіе, пограничная линія выходитъ на р. Сыръ-дарью между русскимъ селеніемъ Костакозъ и коканскимъ Кара-чихумъ, нѣсколько верстъ идетъ вверхъ по рѣкѣ и переходитъ на правый берегъ Сыръ-дарьи, гдѣ опять въ меридіональномъ направленіи идетъ до водораздѣла съ Ангреномъ, до такъ называемыхъ горъ Кендырь-тау [1]) и затѣмъ, слѣдуя водораздѣлу, поворачиваетъ въ сѣверо-восточномъ направленіи.

При такой малой опредѣленности весьма затруднительно дать сколько-нибудь точное опредѣленіе пространства коканскихъ владѣній. Приблизительно же его можно опредѣлить въ 50000 кв. верстъ или 1000 кв. миль.

Выше я сказалъ уже, что ханство занимаетъ обширную долину и окружающія ее горы. Долина эта представляетъ ровное степное пространство, имѣющее впрочемъ нѣсколько возвышеній, которыя, по сравненію съ окружающими долину горами, пельзя назвать иначе, какъ холмами. Равнинная часть ханства лежитъ главнымъ образомъ къ югу отъ прорѣзывающей его рѣки Сыръ-дарьи. Наибольшая ширина равниннаго пространства, на меридіанѣ Намангана, развѣ немного болѣе 100 верстъ; наибольшая длина его, отъ могилы Ходжи-Юнуса на востокѣ, до русской границы на западѣ около 240 верстъ; площадь его занимаетъ около 275 кв. миль, т. е. около четвертой части всего ханства. Только на западѣ это ровное пространство узкою, не болѣе 10 верстъ ширины полосою соединяется съ общею степью; на сѣверо-востокѣ и югѣ оно замкнуто горами. Горы, окружающія ханство, стоятъ въ непосредственной связи съ обширнымъ среднеазіатскимъ нагорьемъ, для котораго принято названіе Тянышаня; отъ широкаго нагорья, разстилающагося къ югу отъ Иссыкъ-куля, отдѣляется широкая горная масса, которая и идетъ по сѣверной окраинѣ ханства. Другая горная масса, лежащая на южной окраинѣ, примыкаетъ къ Нарынскому нагорью недалеко отъ озера Чатыркуля и тянется далѣе въ русскіе предѣлы; переднія гряды горъ на сѣверной и южной окраинѣ равнины очень низки, но затѣмъ на сѣверѣ и на югѣ мы видимъ весьма быстрое увеличеніе высоты, такъ что главныя водораздѣльныя гряды являются увѣнчанными снѣговыми пиками. Особенно южная водораздѣльная (съ Аму-дарьей) гряда представляетъ сильное развитіе: на ней извѣстенъ цѣлый рядъ вершинъ, далеко превышающихъ снѣговую линію; пики въ 18—19000 футовъ весьма многочисленны. Даже многія горы, лежащія сѣвернѣе водораздѣла, достигаютъ снѣговой линіи и я могу указать на массивныя горы Алаудинъ, къ югу отъ Соха, и на горы Гезартъ и Агартъ, какъ на имѣющія высоту свыше 16—17000 футовъ.

Эти южныя горы въ одномъ только мѣстѣ представляютъ значительное пониженіе, такъ что гребень ихъ по большей части не достигаетъ снѣговой линіи (т. е. 13—14000') и только немногіе отдѣльные пики покрыты вѣчными снѣгами. Это пониженіе наблюдается въ части хребта, гдѣ находится извѣстный, ведущій въ Кашгаръ, перевалъ Терекъ-даванъ. На сѣверѣ гряды далеко не достигаютъ той мощности, какъ на южной окраинѣ ханства. Я не видалъ въ

[1]) Кендырь называется собственно только одинъ перевалъ.

этой части ни одной снѣговой вершины, но судя по свѣдѣніямъ другихъ путешественниковъ, на меридіанѣ Намангана, въ верховьяхъ Чаткала, находятся вершины, достигающія большой высоты и покрытыя снѣгомъ; во всякомъ случаѣ мало вѣроятно, чтобы снѣговыя вершины на пограничномъ хребтѣ шли западнѣе 71° в. д. Начиная отъ этого меридіана, границу составляетъ кряжъ, идущій по правому берегу р. Ангрена. Высоту его я не полагаю болѣе 9—10000 въ восточной части и 7000′ въ западной.

Горы, образующія восточную окраину ханства, повидимому тоже не достигаютъ снѣговой линіи. Только въ одномъ направленіи, изъ Оша почти прямо на сѣверъ, я видѣлъ большую горную массу со смѣлыми пиками, которую мнѣ назвали горами Кетмень-тюбе (Кетмень-тюбе называется собственно урочище, лежащее на Нарынѣ за этими горами), мѣстами на этихъ пикахъ видны были пятна снѣга. На остальномъ протяженіи водораздѣльный кряжъ прикрытъ предгорьями и не былъ виденъ. По моему мнѣнію, здѣсь впрочемъ нѣтъ кряжа, хребта, который бы пересѣкалъ горную массу наискось, а это только окраина нарынскаго нагорья, которое при своемъ поднятіи подняло и восточную часть ханства. Тогда какъ восточный склонъ этого края повидимому крутъ и обрывистъ, западный спускается весьма постепенно и пологими холмами доходитъ до р. Малой Сыръ-дарьи. Направленіе ущелій и долинъ въ этой восточной горной окраинѣ въ общемъ восточно-западное.

Кромѣ этихъ горъ я долженъ указать еще массивный хребетъ, который тянется по южной окраинѣ Алая; онъ, по крайней мѣрѣ сѣвернымъ склономъ своимъ, тоже входитъ въ составъ ханства. Это весьма высокій кряжъ, имѣющій среднюю высоту гребня болѣе 17000′ и несущій пики, высота которыхъ далеко превосходитъ 20000 футовъ. Хребетъ этотъ, названный мною пока Заалайскимъ, по своему мощному развитію превосходитъ всѣ другія части среднеазіатскаго нагорья.

Горы на югѣ и на сѣверѣ ханства, какъ я уже говорилъ, состоятъ изъ цѣлаго ряда грядъ, болѣе или менѣе ясныхъ и длинныхъ. Между этими грядами тянутся продольныя долины, изъ которыхъ нѣкоторыя достигаютъ значительной длины и ширины. Особенно поражаетъ своими размѣрами долина верхняго теченія Кизилъ-су, извѣстная подъ именемъ Алая. При длинѣ около 60 верстъ она имѣетъ слишкомъ 20 верстъ ширины и представляется скорѣе обширною степью, ограниченною съ боковъ высокими горами.

Кромѣ этихъ продольныхъ долинъ мы видимъ еще множество поперечныхъ трещинъ, очевидно образовавшихся при поднятіи горной массы. Трещины эти почти всегда идутъ въ поперечномъ направленіи къ грядамъ и прорѣзываютъ горы до самаго водораздѣльнаго хребта. По этимъ трещинамъ съ горъ стекаетъ нѣсколько рѣчекъ, направляющихся къ Сыръ-дарьѣ.

Сыръ-дарья единственная большая рѣка, протекающая чрезъ ханство. Она прорѣзываетъ его нѣсколько косо въ СВВ — ЮЮЗ направленіи, входя близъ Учь-кургана и оставляя его нѣсколько восточнѣе Кара-чихума. Все ея теченіе въ предѣлахъ ханства составляетъ 250 верстъ, т. е. около $^1/_7$ всего ея теченія.

Сыръ-дарья входитъ въ ханство еще подъ именемъ Нарына и получаетъ названіе Сыръ-дарьи по соединеніи съ Малой Сыръ-дарьей, близъ Намангана. Рѣку Малый Сыръ туземцы считаютъ за начало Сыръ-дарьи, съ чѣмъ однако, по ея меньшей величинѣ сравнительно съ Нарыномъ, согласиться нельзя. Дѣйствительные истоки Сыръ-дарьи лежатъ гораздо восточнѣе, въ предѣлахъ такъ называемаго Нарынскаго края, принадлежащаго Россіи. Тамъ, около 79°, изъ обширнаго ледника вытекаетъ р. Большой Нарынъ, которая затѣмъ принимаетъ значительное

число горныхъ рѣчекъ и оставляетъ Нарынскій край, пробиваясь чрезъ недоступную для прохода тѣснину. Вступивъ въ ханство, Нарынъ имѣетъ размѣры большой рѣки, немного только меньшіе тѣхъ, какіе рѣка имѣетъ у Ходжента. Малая Сыръ-дарья безъ сомнѣнія обогащаетъ его водами, но вѣроятно не болѣе, какъ одною пятою частью того количества, которое имѣетъ Нарынъ, входя въ ханство.

Кромѣ Малой Сыръ-дарьи ни одна рѣчка, по крайней мѣрѣ надземнымъ теченіемъ, не доходитъ до р. Сыръ-дарьи: всѣ онѣ разбираются на орошеніе и частью вѣроятно всасываются подъ землю.

Число этихъ рѣчекъ довольно значительно, особенно стекающихъ съ южныхъ горъ. Рѣчки эти слѣдующія: Исфара, Сохъ, Шахимарданъ, Исфайрамъ, Наукатъ и Акъ-бура. Всѣ онѣ, за исключеніемъ Науката, берутъ начало въ хребтѣ, водораздѣльномъ съ Аму, и образуются изъ многихъ ручьевъ; только немногія вытекаютъ изъ ледниковъ. Для рѣки Исфары это положительно вырѣшено мною; затѣмъ, по разсказамъ туземцевъ, я предполагаю, что и р. Сохъ выходитъ изъ ледника. Про остальныя рѣки мнѣ говорили и отчасти я видѣлъ самъ, что онѣ выходятъ изъ земли (джирданъ), т. е. изъ ключей. Наукатская рѣка беретъ начало въ грядѣ, лежащей сѣвернѣе водораздѣльной и въ ея образованіи должны принимать участіе ледники горной массы Агартъ и Гезартъ.

Текущая изъ южныхъ горъ рѣка Малая Сыръ-дарья имѣетъ истоки въ не изслѣдованномъ еще юго-восточномъ углу ханства, изъ котораго вытекаютъ двѣ рѣки: Таръ и Каракульджа, соединяющіяся верстахъ въ 15 выше Узгента; ниже Узгента въ образовавшуюся такимъ образомъ рѣку вливаются еще р. Яссы и р. Куршабъ. Затѣмъ Малая Сыръ-дарья выходитъ изъ горъ и течетъ въ направленіи съ востока на западъ, т. е. въ томъ же, какое потомъ имѣетъ и р. Сыръ-дарья. Отъ этого, вѣроятно, туземцы и считаютъ р. Малый Сыръ за начало Сыръ-дарьи. Съ сѣверныхъ горъ текутъ небольшія рѣчки, которыя скорѣе можно назвать ручьями; онѣ служатъ для орошенія полей и садовъ небольшаго числа поселеній, находящихся на правомъ берегу Сыръ-дарьи. Наибольшіе размѣры имѣетъ повидимому самая восточная изъ этихъ рѣчекъ, называемая Аксу; далѣе слѣдуютъ рѣчки, протекающія чрезъ города Кассанъ и Тусъ. Съ горѣ Кендырь-тау стекаютъ только самые ничтожные ручьи.

Теперь нѣсколько словъ о характерѣ мѣстности, занятой ханствомъ. Равнинная часть собственно долины Ферганы носитъ на себѣ на значительномъ протяженіи степной характеръ. Орошеніе (при посредствѣ каналовъ изъ горныхъ рѣчекъ и рѣкъ Нарына и Малой Сыръ-дарьи) дало возможность превратить эту степную мѣстность въ богатый оазисъ, впрочемъ далеко не сплошной; такъ по лѣвому берегу Сыръ-дарьи разстилается и теперь еще нетронутая культурой степь—мѣсто зимней кочевки киргизъ. Полоса оазисовъ начинается южнѣе, тамъ гдѣ горныя рѣчки выходятъ изъ горъ; тутъ по окраинѣ горъ тянется почти сплошная, непрерывная масса садовъ и полей на протяженіи около 250 верстъ отъ Карачихума до Ханавата. Ширина этой полосы измѣняется отъ 15 и менѣе верстъ до 40 (на меридіанѣ Андиджана).

На сѣверномъ, правомъ берегу Сыръ-дарьи оазисы являются въ отдѣльныхъ пунктахъ, не образуя сплошной полосы, потому что рѣки слишкомъ малы, да и самая почва здѣсь безплодна. Воздѣланныя пространства встрѣчаются и въ горахъ,—въ продольныхъ долинахъ, ближайшихъ къ главной,—и въ нижнихъ частяхъ поперечныхъ долинъ; наибольшая высота,

до которой доходятъ осѣдлыя поселенія въ горахъ, около 4500′ (сел. Ворухъ); пашни (ячменя) идутъ впрочемъ выше до 8500′. Горные склоны и высоты только въ немногихъ мѣстахъ покрыты пашнями; по большей части они слишкомъ скалисты и круты, покрыты кустарниками или рѣдкой лѣсной растительностью, преимущественно можжевельникомъ. Эта скалистость и крутизна дѣлаютъ ихъ мало удобными и для скотоводства. Напротивъ верхнія части долинъ представляютъ богатыя пастбища, такъ называемыя яйлау, куда на лѣто уходятъ киргизы со своими стадами.

Такимъ образомъ мы видимъ въ составѣ ханства: степь, обработанныя пространства, горы съ кустарной и древесной растительностью, альпійскіе луга и пространства, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, т. е. всѣ главные пояса, которые могутъ существовать въ данной широтѣ и внутри такого обширнаго континента, какъ Азія.

Ознакомивъ читателя съ существовавшими о Коканскомъ ханствѣ свѣдѣніями, характеромъ страны и условіями, при которыхъ должно было совершиться путешествіе, мнѣ не много нужно будетъ сказать о задачахъ, которыя я имѣлъ въ виду преслѣдовать при этой поѣздкѣ. Было ясно, что мнѣ предстоитъ посѣтить страну, относительно которой почти все будетъ ново. Вмѣстѣ съ тѣмъ видно было, что, избравъ мѣстомъ своей дѣятельности горные округи на южной окраинѣ ханства, я получу возможно болѣе новаго по животнымъ и растеніямъ, такъ какъ эти мѣстности болѣе всего удалены отъ тѣхъ, гдѣ мнѣ приходилось до сихъ поръ работать, или гдѣ путешествовали другіе. Тамъ же можно было надѣяться получить и возможно больше данныхъ для уясненія отношеній между тяньшанской фауной и гималайской. Въ виду этого былъ составленъ слѣдующій планъ работъ и онѣ распредѣлены между отправлявшимися въ путешествіе такимъ образомъ:

Я взялъ на себя наблюденія географическія (орографія, гидрографія, гипсометрія, вообще наблюденія по физической географіи страны), веденіе маршрута; горизонтальное и вертикальное распространеніе животныхъ и растеній, составъ фауны въ разныхъ мѣстностяхъ, наблюденія надъ причинами, обусловливающими различіе въ составѣ и измѣненіяхъ формъ; собираніе свѣдѣній о сосѣднихъ странахъ; собираніе животныхъ, преимущественно безпозвоночныхъ; вообще наблюденія, могущія уяснить характеръ страны, ея физическія условія, этнографическія особенности. Затѣмъ на мнѣ же лежало общее руководство экспедиціей, сношенія съ коканскимъ правительствомъ, заботы объ осуществленіи экскурсій и т. п.

Ольга Александровна Федченко взяла на себя собираніе и препарированіе растеній; рисованіе видовъ мѣстностей, характерныхъ по своему строенію и другимъ особенностямъ, древнихъ памятниковъ и т. п. Кромѣ того Ольга Александровна находила время помогать мнѣ и въ производствѣ наблюденій, лежавшихъ собственно на мнѣ.

Препараторъ Я. С. Савельевъ—собираніе животныхъ (птицъ, ящерицъ и рыбъ, насѣкомыхъ, пауковъ и другихъ безпозвоночныхъ): препарированіе птицъ, приготовленіе и помѣщеніе другихъ животныхъ въ коллекцію. Постоянное отыскиваніе глистовъ у препарируемыхъ птицъ.

Стрѣлокъ—добываніе птицъ.

Переводчикъ Г. Нурекинъ—переводъ при разговорахъ съ туземцами касательно дѣлъ и надобностей экспедиціи (для нуждъ, касающихся лично меня, я долженъ былъ довольствоваться своими познаніями): переводъ писемъ къ коканскимъ властямъ и ихъ отвѣтовъ.

Джигиты тоже получили опредѣленное назначеніе сопровождать каждаго изъ членовъ экспедиціи, везя нужныя для наблюденій и собиранія инструменты, (которыхъ по сложности программы, какъ напр. у меня, набралось множество); одинъ слѣдовалъ при вьюкахъ.

Байтурсуну, какъ самому развитому и надежному, былъ ввѣренъ самый нѣжный инструментъ — барометръ; Галибекъ ѣхалъ со мной, Арсланъ при Ольгѣ Александровнѣ, Буканбай съ препараторомъ, Бикъ-Бау при переводчикѣ, Садыкъ при вьюкахъ. Какъ въ дѣйствительности работала вся эта на первый взглядъ сложная машина, мы увидимъ во время разсказа о путешествіи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ГОРОДЪ КОКАНЪ.

Переѣздъ въ Ходжентъ.—Переправа черезъ Чирчикъ.—Состояніе дорогъ.—Арба.—Мугулъ-тау.—Переправа чрезъ Сыръ-дарью.—Шелководство въ Ходжентѣ.—Болѣзнь шелковичнаго червя.—Вліяніе гренерной спекуляціи.—Отъѣздъ въ Коканъ.—Дороги въ Коканъ.—Туземный садъ.—Границы съ Коканомъ.—Махрамъ.—Горы Аѳтообъ и Мазаръ тау.—Каменистая степь.—Летучіе пески.—Мгла.—Горячій вѣтеръ.—Бишъ-арыкъ.—Пріѣздъ въ г. Коканъ.—Визитъ мехтеру.—Затяжки.—Представленіе хану.—Новый дворецъ.—Свѣдѣнія о ханѣ.—Поѣздки по городу.—Достопримѣчательности Кокана: новый базаръ, медрессе и мечети, мосты, писчебумажная фабрика.—Визитъ Султанъ Мурадъ-беку.—Русскіе купцы.—Уличныя сцены.—Послѣдніе сборы.—Инаатъ нама.

Изъ Ташкента въ городъ Коканъ ведутъ двѣ дороги: одна колесная чрезъ Ходжентъ, другая—вьючная черезъ перевалъ Кендырь. Послѣдняя гораздо ближе, но перевезти значительные запасы экспедиціи на вьюкахъ стоило бы большихъ издержекъ и хлопотъ, поэтому я и избралъ дорогу чрезъ Ходжентъ. Къ тому же до Ходжента я могъ доѣхать на почтовыхъ, довольно скоро; разница во времени не была очень значительна въ пользу горной дороги. Окончивъ главное снаряженіе, я отправилъ тяжелыя вещи на арбахъ (мѣстный двухколесный экипажъ на очень высокихъ колесахъ), въ Ходжентъ и съ ними верховыхъ лошадей и джигитовъ, а самъ остался еще на день въ Ташкентѣ, чтобы кончить послѣднія приготовленія. Прощаясь съ ташкентскими знакомыми, я выслушалъ самые разнообразные отзывы о предпринимаемомъ путешествіи: одни искренно сочувствовали моему рѣшенію, другіе прямо осуждали мое безразсудство ѣхать съ женой въ рискованное путешествіе, въ страну, не подчиненную прямо русской власти и т. п. Для успокоенія всѣхъ и для скорѣйшаго ознакомленія съ ходомъ путешествія я тогда же озаботился, чтобы письма мои въ Ташкентъ къ генералъ-губернатору были передаваемы въ редакцію Туркестанскихъ Вѣдомостей, гдѣ они и печатались еще во время самаго путешествія.

О дорогѣ до Ходжента я не буду много говорить—она извѣстна многимъ, была описана уже нѣсколько разъ. Самые интересные пункты дороги: переправа черезъ Чирчикъ и переѣздъ чрезъ приподнятую плоскость, соединяющую лежащія противъ Ташкента горы Мугулъ-тау съ проходящими восточнѣе. Переправа черезъ Чирчикъ представляетъ особый типъ въ ряду приспособленій, которыми пользуются здѣсь для перехода черезъ рѣки. Чирчикъ это горный потокъ, глубокій и быстрый до невѣроятности въ періодъ таянія снѣговъ въ горахъ и весьма мирная, хотя и быстрая рѣчка въ концѣ лѣта и осенью. Возвращаясь въ августѣ изъ путешествія и переѣхавъ близъ Куйлюка не глубокую рѣчку, я ждалъ еще другой,

полагая, что проѣхалъ только небольшой рукавъ Чирчика. Но оказалось, что я не узналъ того мѣста, гдѣ весной переправлялся съ такими трудностями. Впрочемъ въ весеннее время переправа производится нѣсколько ниже (въ полуверстѣ), гдѣ Чирчикъ разливается гораздо шире, вслѣдствіе чего онъ мельче и не такъ быстръ. Проѣзжающимъ въ тарантасѣ эта переправа чистое бѣдствіе: всѣ вещи изъ тарантаса перекладываются на арбу, а если вода очень велика, то на высокую и безъ того площадку арбы кладутъ еще рѣшотку. Путешественники помѣщаются поверхъ груды ящиковъ и другой поклажи и ихъ приглашаютъ держаться за веревки, которыми притянута кладь, чтобы не упасть, если закружится голова при взглядѣ на быстро несущіяся воды. Чтобы теченіемъ не опрокинуло тарантасъ, его поддерживаютъ съ помощью веревокъ ѣдущіе выше по рѣкѣ туземцы, которые обыкновенно въ такихъ случаяхъ являются на переправу изъ лежащей на берегу деревни. Хотя назначеніе этихъ туземцевъ, кромѣ удержанія экипажа, главнымъ образомъ состоитъ въ поданіи нужной помощи въ случаѣ какого либо несчастія и они обыкновенно ѣдутъ по сторонамъ переправляющейся арбы, но я сомнѣваюсь, чтобы они дѣйствительно могли въ чемъ нибудь оказать серьезную помощь при этой ужасной быстринѣ теченія весенняго Чирчика.

Какъ бы то ни было, мы стали приготовляться къ переѣзду на ту сторону. Переложили вещи, залѣзли на самый верхъ арбы и двинулись въ путь вслѣдъ за вожакомъ, знавшимъ хорошо направленіе отмелей.

Такая переправа представляетъ очень своеобразную картину, за всѣми мелочами которой переѣзжающіе слѣдятъ съ невольнымъ любопытствомъ. Бушующая масса воды, разливающаяся въ хорошую полую воду почти на версту, сначала довольно мелка и съ шумомъ разбивается о спицы саженныхъ колесъ арбы. Но вотъ арба сильно наклонилась впередъ и нѣсколько на бокъ — значитъ съѣзжаютъ въ глубь. Вода доходитъ уже до ступицъ, плещетъ чрезъ площадку. Вскорѣ опять мельче, даже попалось осохшее мѣсто. Вдругъ арба погружается такъ, что вода несется черезъ площадку, подъ рѣшоткой, отъ лошади виднѣются только голова и хвостъ, и путешественники вздыхаютъ легко тогда только, когда арба начнетъ подниматься на противоположный берегъ. Привозятъ тарантасъ, въ него залила вода, изъ него течетъ: давъ стечь водѣ, въ тарантасъ съ мокрой обивкой начинаютъ укладывать вещи, которыя тоже обмокли, и затѣмъ пускаются въ путь. При тамошнихъ жарахъ ѣхать въ такомъ намокшемъ тарантасѣ очень непріятно: атмосфера наполняется горячими парами; отсырѣвшая поклажа согрѣвается и поднимаетъ еще выше температуру. Тотъ кто выстроилъ бы мостъ на Чирчикѣ, а не представилъ бы только проектъ, какъ это слышно было до сихъ поръ, оказалъ бы огромную услугу не только проѣзжающимъ, но и краю, такъ какъ главный производительный районъ лежитъ за Чирчикомъ, Ташкентъ же есть для всей этой мѣстности главный и необходимый рынокъ. Проѣзжающіе въ тарантасахъ и другихъ европейскихъ экипажахъ вообще часто испытываютъ затрудненія на тамошнихъ дорогахъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ мѣстная арба ѣдетъ безъ малѣйшаго затрудненія. Такимъ образомъ критерій исправнаго состоянія дороги для туземца и для русскаго различенъ и содержаніе дорогъ въ такомъ видѣ, чтобы онѣ были проѣзжаемы для русскихъ, составляетъ для мѣстной администраціи больше заботъ, чѣмъ въ Россіи. Дорога до Ходжента принадлежитъ къ числу лучшихъ въ краѣ. На этой дорогѣ мы видимъ искусственное сооруженіе—шоссе въ 30 верстъ, проведенное чрезъ болотистую низменную мѣстность, которая тянется вдоль Чирчика. Однако и на этой дорогѣ намъ, бывшимъ въ тарантасахъ, представилось затрудненіе, котораго туземецъ и не ощутилъ бы. Мы ѣхали

по прекрасному шоссе, проложенному между Ташкентомъ и Тойтюбе; дорога не требовала никакого вниманія отъ ямщика, какъ вдругъ одна изъ пристяжныхъ свалилась куда то, оборвала постромки, а другія лошади остановились. Дѣло было темной ночью; осмотрѣвшись, мы увидѣли, что препятствіе для насъ составилъ мостъ съ развалившейся настилкой; кое какъ втащили лошадь изъ глубокаго арыка на высокое полотно дороги и принялись соображать, что дѣлать. Ямщикъ совѣтовалъ ждать утра, когда поѣдутъ въ Ташкентъ вощики на арбахъ, объясняя, что у нихъ всегда можно достать или инструментъ, чтобы поправить дорогу, или бревно, чтобы можно было переѣхать чрезъ арыкъ. Ждать не хотѣлось. Смѣривъ оставшійся кусокъ моста и ширину хода тарантаса, мы рѣшили рискнуть — передвинуть потихоньку тарантасъ, что и удалось; хотя одно изъ заднихъ колесъ и начало было скатываться въ арыкъ, да успѣли выдернуть. Другаго рода затрудненія, тоже не представляющія никакихъ неудобствъ для туземной арбы—ямы и рытвины на дорогѣ: огромное колесо арбы и не погрузится до дна ямы тамъ, гдѣ тарантасъ застрянетъ, да такъ прочно, что вытаскивать его приходится уже рычагами; къ тому же тамошнія заморенныя лошади, почти всегда со сбитыми плечами отъ дурной упряжи, до того худо объѣзжены, что начинается великая возня каждый разъ, чуть только встрѣтится маленькое препятствіе. Дружно брать онѣ не пріучены,—ну и случается частенько что пристяжныя дернутъ, вытащутъ экипажъ изъ ямы, но онъ опять откатится назадъ, такъ какъ коренная стоитъ, упершись всѣми силами. Начинается возня, перепряжка, посыланіе за свѣжими лошадьми, словомъ то, на что уходитъ при ѣздѣ по туркестанскимъ дорогамъ столько же времени, сколько нужно на переѣздъ изъ одного пункта въ другой. Особенно памятны мнѣ ямы всего въ 15-ти верстахъ отъ Ташкента по дорогѣ въ Чимкентъ. Въ оба раза, какъ я уѣзжалъ въ Россію, мнѣ приходилось сидѣть по нѣскольку часовъ на одномъ и томъ же мѣстѣ и видѣть какъ арбы, не останавливаясь, проѣзжали чрезъ это злополучное мѣсто. Тутъ были впрочемъ даже не простыя ямы, а воронки ключей очень обильныхъ водою, по крайней мѣрѣ при дождливой погодѣ.

Замѣнить же европейскіе экипажи мѣстной арбой, покрайней мѣрѣ для скорыхъ переѣздовъ невозможно. Мнѣ пришлось разъ проѣхать на арбѣ только двѣ станціи между Самаркандомъ и Джизахомъ, но я ее не забуду никогда. При помѣщеніи площадки арбы непосредственно на оси, толщиной вершковъ въ шесть, тряска при быстрой ѣздѣ становится до того мучительной, что сравнивать такіе переѣзды съ ѣздой у насъ въ почтовой тележкѣ совершенно невозможно: послѣдняя пожалуй показалась бы ужъ очень покойна. При ѣздѣ шагомъ конечно и арба покойна.

Я уже упоминалъ, какъ о мѣстѣ достойномъ вниманія, о плоской возвышенности, которую переѣзжаютъ на послѣдней станціи передъ Ходжентомъ. Горы почти отъ самаго Ангрена сопровождаютъ дорогу слѣва; не высокія, голыя, онѣ составляютъ отроги небольшой возвышенности, которая служитъ въ этомъ мѣстѣ нашей границей съ Кокапомъ. Дорога постепенно приближается къ горамъ и передъ послѣдней станціей онѣ появляются и на правой сторонѣ дороги. Это отроги Мугулъ-тау. Послѣдняя станція Мурза-арабатъ лежитъ уже какъ бы въ обширной лощинѣ, слегка покатой къ сѣверу. Подъемъ отъ станціи ничтожный и скоро дорога выходитъ на самое высокое мѣсто, откуда открывается панорама, подобной которой я не видалъ въ Средней Азіи: внизу течетъ большая рѣка; за ней на слегка подымающейся къ югу плоскости лежатъ деревни, кажущіяся издали, отъ сплошной зелени садовъ, большими темными пятнами на зеленомъ или желтомъ фонѣ степи (смотря по времени года). Къ Сыръ-

дарьѣ подходитъ круто приподнятая гряда, составляющая первый уступъ; за ней идутъ параллельно другія гряды, все выше и выше и наконецъ тянется огромной высоты кряжъ съ зазубреннымъ гребнемъ и отдѣльно торчащими болѣе высокими пиками. Пики эти достигаютъ свыше 18,000′, а гора Абдувайперъ даже до 20,000′; этотъ кряжъ составляетъ продолженіе тѣхъ самыхъ горъ, которыя я предположилъ изслѣдовать въ Кокапскомъ ханствѣ. Онѣ къ югу отъ Ходжента такъ высоки, что въ ясные дни (особенно весной, когда воздухъ еще не наполненъ пылью) ихъ хорошо можно видѣть изъ Ташкента, съ небольшихъ возвышенностей, которыя поднимаютъ зрителя неболѣе какъ сажень на 7 надъ ровной степью, тогда какъ разстояніе между Ташкентомъ и этими горами по прямой линіи 190 верстъ.

Ходжентъ лежитъ немного западнѣе того мѣста, гдѣ дорога выходитъ на упомянутую возвышенную точку, начиная съ которой дорога поворачиваетъ почти прямо на западъ и, слѣдуя весьма пологой покатостью, спускается къ Сыръ-дарьѣ. Мугулъ-тау остаются не вдалекѣ направо.

Ходжентъ лежитъ на лѣвомъ берегу Сыръ-дарьи, поэтому ѣдущимъ изъ Ташкента предстоитъ переправа черезъ рѣку, которая имѣетъ въ этомъ мѣстѣ значительную ширину и главное весьма быстра. Переправа производится на лодкахъ мѣстнаго издѣлія (къ удивленію моему я видѣлъ даже строющуюся лодку въ Ходжентѣ). Лодки эти, или какъ ихъ зовутъ— паромы, весьма первобытной конструкціи и чрезвычайно неудобны для переправы. Онѣ плоскодонны, борта возвышаются перпендикулярно и равномѣрно загибаются къ носу и кормѣ. Въ ходжентскомъ паромѣ есть то улучшеніе, что существуетъ настилка, а на переправахъ, находящихся въ рукахъ туземцевъ (я видѣлъ ихъ въ Байракумѣ, въ Чардарѣ и близъ Намангана на Нарынѣ) дно парома не имѣетъ настилки, слѣдовательно грузъ и животныя должны перейти черезъ барьеръ около аршина высотой, что при отсутствіи всякихъ приспособленій весьма затруднительно. Ходжентскій паромъ имѣлъ еще и другое улучшеніе: были заведены весла, (обыкновенно же въ Средней Азіи для переправы употребляются лошади, привязанныя хвостами къ парому и направляемыя къ противоположному берегу: онѣ, плывя, влекутъ за собою паромъ), но при неумѣньи обращаться съ ними весла скоро сломали и теперь просто гребутъ толстыми палками. Замѣчательно, что такая же замѣна веселъ палками произошла и на переправахъ, гдѣ туземцамъ отданы въ арендное содержаніе казенные желѣзные баркасы (напр. въ Чиназѣ). Весла скоро поломались и туземцы нашли удобнѣе употреблять не обтесанныя палки; мнѣ кажется эта замѣна произошла отъ хрупкости употребляемаго перевощиками дерева для веселъ (тополь) и неумѣнья соразмѣрять силу гребли съ сопротивленіемъ: когда же у нихъ въ рукахъ простая палка, они устанавливаютъ равновѣсіе между сопротивленіемъ и крѣпостью инструмента. Любопытный примѣръ регрессивнаго метаморфоза, хотя конечно весьма не утѣшительный.

Не нужно говорить, что при такихъ приспособленіяхъ переправа чрезъ Сыръ дѣло весьма скучное и понятно, что многихъ увлекала мысль о постройкѣ чрезъ Сыръ-дарью у Ходжента постояннаго моста, мысль прекрасная, но оставшаяся не осуществленною и только помѣшавшая радикальному улучшенію паромной переправы [1]). А между тѣмъ какъ легко было бы устроить переправу по способу такъ называемыхъ самолетовъ, для чего

[1]) Въ настоящее время строится уже постоянный мостъ чрезъ Сыръ-дарью, который долженъ быть готовъ, по условію съ подрядчикомъ, лѣтомъ 1874 г. Ред.

быстрая рѣка представляетъ всѣ данныя. Для этого въ началѣ не нужно было бы даже строить новыхъ плотовъ: якорь, крѣпкій канатъ, нѣсколько бревенъ (въ смыслѣ понлавковъ) и переправа совершалась бы въ пять минутъ, безъ всякихъ задержекъ и затрудненій.

По пріѣздѣ въ Ходжентъ я, благодаря любезности уѣзднаго начальника, нашелъ помѣщеніе въ его квартирѣ и былъ ему за это весьма благодаренъ. Вообще при путешествіяхъ чрезъ занятые русскими города остановки въ нихъ весьма непріятны. Путешествуя верхомъ, обыкновенно везешь съ собой все нужное для существованія и конечно всегда удовольствуешься, если найдешь мѣсто разбить палатки и устроить самый скромный обѣдъ или закуску. Пріѣзжая же въ уѣздный городъ, весьма естественно желать бо́льшаго, надѣяться искупить, такъ сказать, непріятности и неудобства дороги, — словомъ, хочется отдохнуть не при такой печальной обстановкѣ... Но, къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ приходится разочаровываться въ такого рода мечтаніяхъ. Во многихъ городахъ существуютъ правда гостиницы, но то, что получаешь въ этихъ гостинницахъ по части помѣщенія и пищи, весьма не привлекательно. Ходжентъ принадлежитъ къ числу тѣхъ городовъ, гдѣ нѣтъ даже и такой гостиницы; въ этомъ случаѣ, если не имѣешь въ городѣ знакомыхъ, приходится останавливаться просто на почтовой станціи, что однажды я и испыталъ въ томъ же Ходжентѣ (при проѣздѣ въ Искендеръ-кульскую экспедицію).

Пребываніе мое въ Ходжентѣ было впрочемъ непродолжительно: на другой же день мы поѣхали дальше.

Такъ какъ джигиты съ вещами и лошадьми пріѣхали раньше, то въ Ходжентѣ знали уже, что въ Коканъ ѣдетъ какой то тюря́ (господинъ; впрочемъ слово это употребляется вообще для обозначенія важныхъ лицъ, напр. старшаго сына Бухарскаго эмира звали Катта-тюря; туземцы зовутъ тюря всѣхъ русскихъ офицеровъ, служащихъ и т. п.) и ѣдетъ при обстановкѣ не совсѣмъ обычной. Пошли объ этомъ толки и скоро ко мнѣ явились разныя должностныя лица изъ туземцевъ. Оказалось, что у нихъ составилось уже предположеніе, что я ѣду въ Коканъ для выясненія нѣкоторыхъ вопросовъ о границѣ съ ханствомъ. Въ то время относительно нѣсколькихъ мѣстностей было еще недоумѣніе, кому онѣ должны платить подати, а главное затрудненіе возбуждали кочевые киргизы, которые на зиму спускались въ наши предѣлы, а на лѣто уходили въ горы, считавшіяся коканскими. Нужно замѣтить, что русскіе по завоеваніи Ходжента ограничились присоединеніемъ только ближайшихъ окрестностей его, между тѣмъ прежнее ходжентское бекство простиралось гораздо далѣе на востокъ; такимъ образомъ русскіе не заняли территоріи съ установленными границами, а пришлось эти границы проводить снова. Такъ какъ новое коканское правительство стало держать себя въ отношеніи Россіи весьма дружественно, то рѣшили ограничиться только самымъ необходимымъ и въ общихъ чертахъ намѣтили разграничительную линію.

Понятно, я разувѣрилъ всѣхъ въ оффиціальномъ характерѣ моей поѣздки и для большаго убѣжденія въ этомъ завелъ разговоръ о занятіяхъ жителей въ Ходжентѣ и о мѣстной производительности. Меня особенно интересовало въ Ходжентѣ шелководство, которое въ этомъ городѣ и его районѣ развито очень сильно, чуть ли не болѣе чѣмъ во всякой другой мѣстности, занятой русскими. Поэтому то здѣсь я и надѣялся дополнить мои свѣдѣнія объ этомъ предметѣ; нужно сказать, что, при всей важности этого вопроса, я не могъ заняться имъ систематично и въ подробностяхъ: развитіе шелковичнаго червя, совершается во второй половинѣ апрѣля и въ теченіи мая, т. е. какъ разъ въ то время, когда животная жизнь является въ Туркестанѣ въ

наибольшемъ развитіи, когда массы различныхъ животныхъ появляются въ такихъ мѣстностяхъ, которыя позже кажутся совершенно мертвыми. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ, мнѣ предстояло или ограничиться изслѣдованіемъ только одного шелковичнаго червя, или воспользоваться благопріятнымъ временемъ и собирать матеріалъ для изученія фауны Туркестана. Для первой цѣли я долженъ былъ бы поселиться на одномъ мѣстѣ, для второй — путешествовать и притомъ по степямъ, далеко отъ мѣстъ, гдѣ выкармливаютъ шелковичнаго червя. Я выбралъ послѣднее, такъ какъ задачей моего путешествія было прежде всего общее изученіе фауны Туркестана. Такимъ образомъ въ 1869 г. періодъ червекормленія я провелъ въ путешествіи по Заравшанской долинѣ, а въ 1871 — въ песчаной степи Кизилъ-кумъ. Однако я старался пользоваться всѣми представлявшимися случаями и для изученія шелководства и мѣстныхъ особенностей его, но конечно при такихъ условіяхъ знакомство получилось общее, а относительно частныхъ вопросовъ отрывочное. Болѣе всего поучительными оказались наблюденія надъ болѣзнью шелковичнаго червя [1]), заставившія принять рѣшительныя и серьезныя мѣры къ улучшенію мѣстныхъ пріемовъ по червекормленію и къ устраненію причинъ, могущихъ содѣйствовать усиленному эпидемическому развитію болѣзни [2]).

Въ Ташкентѣ, передъ самымъ своимъ отъѣздомъ въ Ходжентъ, я имѣлъ случай наблюдать весьма сильно развитую болѣзнь червей у одного шелковода Черви въ послѣдней стадіи умирали массами. При вскрытіи оказалось, что черви заключали огромное количество тѣлецъ Корнальи. Въ шелкоотдѣлительныхъ железкахъ мѣстами ихъ было такъ много, что это было замѣтно уже снаружи въ видѣ бѣлыхъ пятенъ. Подъ микроскопомъ въ такихъ мѣстахъ оказывались громадныя скопленія тѣлецъ Корнальи. Впрочемъ это былъ одиночный случай такого сильнаго развитія болѣзни червя и у другихъ хозяевъ въ Ташкентѣ особой смертности червей не наблюдалось.

Получить свѣдѣнія о шелководствѣ въ Ходжентѣ мнѣ было тѣмъ интереснѣе, что предыдущій годъ отличался лихорадочной дѣятельностью по заготовкѣ яичекъ, заказанныхъ прибывшими изъ Италіи агентами, съ цѣлью снабженія ими итальянскихъ червоводень, какъ безболѣзненными. Яичекъ было заготовлено такое множество, что агенты не нашли выгоднымъ купить и увезти все это количество. Большая часть осталась на рукахъ продавцовъ. Чтобы не пропадало оставшееся добро, въ 1871 г. все количество яичекъ пустили на выкормку. Послѣдствія очевидны: не хватило на всѣхъ тутоваго листа и въ результатѣ получили коконовъ гораздо меньше (безъ преувеличенія можно сказать, разъ въ пять), чѣмъ если бы пустили на выводку такое количество, какое допускало имѣющееся количество тута. Весь тутъ, съѣденный червями, которыхъ нечѣмъ было докормить, пропалъ безъ всякой пользы. Усиленная выводка червей вызвала два явленія: выносъ живыхъ червей для продажи на базары и страшное повышеніе цѣнъ на тутъ. Выносъ червей на базары, въ жаркую, удушливую атмосферу, конечно вліялъ весьма гибельно, и въ этомъ пріемѣ нельзя не видѣть одного изъ сильныхъ моментовъ для развитія болѣзненности и особенно для распространенія между червями такихъ заразительныхъ

[1]) Наблюденія эти и выводы, къ которымъ я пришолъ, большею частію изложены въ отчетѣ объ экспедиціи за 1869—70 г. (Изв. И. Общ. Л. Е. Т. IX.)

[2]) Въ числѣ главныхъ мѣръ нужно упомянуть объ учрежденіи въ Ташкентѣ школы шелководства съ лабораторіей для наблюденій надъ шелковичнымъ червемъ и о важной отрицательной мѣрѣ — воспрещеніи вывоза яичекъ шелковичнаго червя. Взамѣнъ вывоза яичекъ обращено вниманіе на усиленіе размотки шелка по европейскому способу, для чего учредилась обширная компанія.

болѣзней, какова пебрина; поэтому желательно, чтобы черви даже не могли появляться на базарахъ. Какъ вздорожалъ кормъ, т. е. тутовый листъ, могутъ показать слѣдующіе примѣры: одинъ пшакъ (5 споповъ) прежде стоилъ 60 к., а въ 1871 г. цѣна дошла до 2 р.; листъ съ 300 деревьевъ шелковицы былъ проданъ однимъ хозяиномъ въ Ходжентѣ за 80 р., а другимъ хозяиномъ листъ съ 140 трехлѣтнихъ деревцовъ былъ проданъ за 47 р.

При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ все таки въ 1871 г. въ Ходжентѣ было получено, какъ мнѣ говорили, кокоповъ вдвое больше противъ 1870 г. Правда, при этомъ и коконы подешевѣли вдвое и даже прошлогодней размотки шелкъ продавался по недорогой цѣнѣ—160 р. за самый лучшій сортъ туземной размотки (чилля). Къ удивленію я долженъ сообщить при этомъ, что существовавшія въ то время въ Ташкентѣ шелкомотальни русскихъ не воспользовались столь значительнымъ пониженіемъ цѣны на коконы: какъ главное лицо, скупившее коконы, мнѣ назвали нѣкоего Арзаматъ-ходжу, который пріобрѣлъ и увезъ въ Бухару кокоповъ на 2000 тиллей (до 8000 р.); а позже я узналъ, что одна изъ ташкентскихъ шелкомоталенъ занимала въ долгъ по пуду кокоповъ. Въ своемъ стремленіи къ барышамъ шелкоразмотчики не отстали отъ лицъ, набросившихся на выкормку червей: какъ послѣдніе не разочли количества тута, такъ первые не сообразили какъ велики имѣвшіяся въ ихъ рукахъ денежныя средства. Вообще первые шаги улучшенныхъ шелкомоталенъ въ Туркестанѣ не были удачны, какъ въ отношеніи достоинства шелка, такъ и выгодности операцій. Нужно надѣяться, что послѣдующія предпріятія въ этомъ направленіи будутъ счастливѣе. По крайней мѣрѣ неудачи предыдущихъ зависѣли отъ незнанія и разныхъ другихъ обстоятельствъ, къ сущности дѣла не относящихся.

Что касается до болѣзни червей въ Ходжентѣ въ 1871 г., то я могъ узнать только, что черви болѣли и умирали, но была ли причиной тому пебрина осталось не разъясненнымъ. Извѣстно, что шелковичный червь подверженъ многимъ болѣзнямъ и даже туземцы различаютъ ихъ нѣсколько. Такъ мнѣ сказали, что въ стадіяхъ чумали и маши-гурупчь [1]), черви подвержены болѣзнямъ зира, причемъ они чернѣютъ и умираютъ; въ третьей стадіи, дагаи-хуртъ, черви желтѣютъ и умираютъ отъ болѣзни зарда; затѣмъ въ четвертой стадіи, дагаи-калянъ, черви раздуваются и умираютъ отъ болѣзни харакъ. Затѣмъ въ послѣдней же стадіи они умираютъ отъ болѣзней букъ-казартъ и карасанъ, причемъ при первой желтѣютъ, а при второй чернѣютъ. Конечно сообщенные признаки не много говорятъ о томъ, какія это болѣзни, а также какія измѣненія въ органахъ или отправленіяхъ влекутъ за собой смерть червя, но я сообщаю эти свѣдѣнія въ надеждѣ, что они могутъ пригодиться при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ, которыя безъ сомнѣнія будутъ произведены, такъ какъ знаніе мѣстныхъ болѣзней червя и условій ихъ вызывающихъ и способствующихъ развитію, дѣло первой важности для обезпеченія тамошняго шелководства отъ случайностей. Въ 1871 г. мнѣ назвали болѣзни букъ-казартъ и карасанъ, какъ причинившія значительную смертность между червями.

---

[1]) Туземцы различаютъ четыре стадіи и называютъ ихъ:

1 Чумали	(тадж.),	Кумурска	(узбекск.)
2 Маши-гурупчь	„	Кумурска	„
3 Дагаи-хуртъ	„	Кичикъ-дага	„
4 Дагаи-калянъ	„	Катта-дага	„

Вообще червь называется кермакъ, коконъ—пилля (слабо завитой болѣзненнымъ червемъ—сарпсакъ), бабочка—шаполакъ, причемъ самецъ зовется по узбекски иркекъ, по таджикски наръ, самка—ургачи (у.) и мода (т.). Въ Ходжентѣ населеніе говоритъ по таджикски, но всякій знаетъ по узбекски, т. е. наблюдается какъ разъ то же, что и въ Самаркандѣ.

Отзывовъ туземцевъ въ Ходжентѣ о прекращеніи вывоза яичекъ изъ Туркестанскаго края мнѣ не привелось слышать, но въ Кокандѣ я слышалъ на этотъ счетъ отзывы, самые недвусмысленные: мнѣ ярко описывали вредное вліяніе грепертва на шелкомотаніе и вообще на шелководство, радовались, что грепертво прекратилось и приписывали это тому, будто бы ханъ просилъ генералъ-губернатора запретить вывозъ яичекъ!

Урывками, между разспросами, шли послѣднія приготовленія къ отъѣзду. Мнѣ хотѣлось уѣхать въ тотъ же день дальше. Какъ ни интересенъ самый городъ, какъ ни богаты его окрестности, но пришлось бы прожить тутъ долго, чтобы достигнуть новыхъ результатовъ: въ Ходжентѣ занимались уже естественно-историческими изслѣдованіями гг. Сѣверцовъ и Кушакевичъ; послѣдній жилъ даже нѣсколько лѣтъ и, будучи начальникомъ уѣзда, былъ поставленъ очень выгодно для изслѣдованій (за исключеніемъ развѣ этнографическихъ); мнѣ, человѣку пріѣзжему, трудно было бы въ нѣсколько дней достигнуть чего нибудь и во всякомъ случаѣ пришлось бы эти нѣсколько дней отнять отъ мѣстностей, гдѣ еще никто не былъ. Одно меня чрезвычайно интересовало: г. Кушакевичъ, а съ его словъ и г. Сѣверцовъ говорятъ о нахожденіи въ горахъ къ югу отъ Ходжента, кромѣ можжевеловыхъ лѣсовъ, еще сауровыхъ, т. е. Tuja (Biota) orientalis. Фактъ этотъ былъ бы въ высшей степени интересенъ, но я склоненъ думать, что тутъ вкралась ошибка: Tuja orientalis растетъ въ Туркестанскомъ краѣ саженая и при томъ всегда на кладбищахъ или на отдѣльныхъ мазарахъ; мнѣ кажется весьма вѣроятнымъ, что имя сауръ, какъ называютъ туземцы такія деревья, ошибочно перенесено на какой нибудь видъ можжевельника, а въ туркестанскихъ горахъ можжевельника встрѣчается нѣсколько видовъ. По крайней мѣрѣ я въ своихъ экскурсіяхъ не встрѣчалъ дико растущей Tuja orientalis ни въ сосѣдней долинѣ Исфары, ни въ южнѣе лежащей долинѣ Зарафшана.

Въ Ходжентѣ мнѣ хотѣлось прослѣдить еще, въ чемъ и какъ отразилось на городѣ вліяніе Сыръ-дарьи. Какъ извѣстно, Ходжентъ — единственный городъ во всемъ Туркестанѣ, стоящій непосредственно на берегу большой рѣки; всѣ другіе города если и стоятъ вблизи значительныхъ рѣкъ, то все-таки, получая воду для населенія и садовъ изъ каналовъ, отъ протекающей рѣки не имѣютъ для себя никакихъ особенныхъ выгодъ; тоже самое мнѣ пришлось увидѣть и здѣсь, гдѣ всего двѣ-три сажени отдѣляли городъ отъ такой значительной рѣки, каковъ Сыръ подъ Ходжентомъ. Даже болѣе: насколько мнѣ удалось замѣтить, рѣка до сихъ поръ приноситъ одни неудобства, заставляя, напримѣръ, содержать переправу. Нельзя конечно сомнѣваться въ томъ, что рѣка могла бы давать значительныя выгоды во многихъ отношеніяхъ и можно надѣяться, что онѣ и будутъ, но когда? До сихъ поръ развѣ однѣ только купальни представляютъ намекъ на нѣкоторый прогрессъ въ этомъ смыслѣ. Туземцы, какъ извѣстно, пользуются водой лишь для орошенія полей и садовъ, да для работъ на мельницахъ. Ни для того, ни для другаго большая рѣка не удобна (это и причина почему въ Средней Азіи не строятъ городовъ на большихъ рѣкахъ, а жмутся больше къ маленькимъ рѣчкамъ, дающимъ возможность при небольшихъ средствахъ отводить изъ нихъ воду куда нужно и двигать туземныя микроскопическія мельницы) и тотъ же Ходжентъ довольствуется водою изъ рѣчки Ходжабакарганъ, истощенной выше лежащими селеніями, и часто терпитъ крайнюю нужду въ водѣ, хотя возлѣ него и пробѣгаетъ рѣка, бо́льшихъ размѣровъ, чѣмъ Рейнъ. Значеніе рѣки, какъ двигателя, какъ средства сообщенія и не затронуто. Рыболовствомъ почти не занимаются.

(Я видѣлъ въ Ташкентѣ исполинскихъ сомовъ, привезенныхъ изъ Ходжента, поэтому сомнительно, чтобы Бигаватскіе пороги составляли такую преграду для рыбы, какъ это предполагаютъ; да если это и такъ, то можно было бы многія породы рыбы пересадить выше пороговъ). А рыбы въ Сыръ-дарьѣ обиліе. Ловить только печѣмъ да и некому.

Въ Ходжентѣ я долженъ былъ получить казачій конвой до коканской границы. Опасности никакой не предвидѣлось, но конвой былъ нуженъ, чтобы коканцы сразу увидѣли, что къ нимъ ѣдетъ лицо, пользующееся извѣстнымъ вниманіемъ. Извѣстно, что въ Средней Азіи значеніе измѣряется внѣшностью и чѣмъ больше значеніе, тѣмъ больше должна быть и свита. Такъ какъ успѣхъ моего путешествія зависѣлъ отъ пріема, который мнѣ сдѣлаютъ, то въ этомъ отношеніи первое впечатлѣніе было въ извѣстной степени важно. Затѣмъ, по тамошнему этикету, я долженъ былъ получить столько же спутниковъ, со сколькими пріѣхалъ на границу, а для меня разсчетъ былъ получить больше: съ малымъ числомъ во многія мѣста нечего было бы и думать ѣхать. Вообще зловѣщія предсказанія мнѣ не прекратились и въ Ходжентѣ, гдѣ повидимому должны бы были лучше знать положеніе дѣлъ и настроеніе умовъ въ сосѣдней странѣ. Дѣло въ томъ, что весной, незадолго до моего отъѣзда, были получены свѣдѣнія о возстаніи коканскихъ киргизъ близъ границъ Каратегина. Я позже разскажу эту исторію подробно, такъ какъ имѣлъ случай узнать ее, находясь въ непосредственной близости отъ самаго мѣста происшествія. Передъ отъѣздомъ въ Ташкентъ получены были свѣдѣнія о прекращеніи волненій. Въ Ходжентѣ это подтвердилось и были извѣстія о казни послѣдняго изъ 12 человѣкъ, сочтенныхъ зачинщиками,—казни, совершенной съ рѣдкою жестокостью: осужденному были отрѣзаны послѣдовательно носъ, руки и наконецъ голова. Такого рода непріятный разсказъ пришлось мнѣ записать при самомъ отъѣздѣ въ Коканъ.

Наконецъ конвой мой былъ готовъ: оказалось возможнымъ дать всего четырехъ казаковъ; находящаяся въ Ходжентѣ сотня стояла лагеремъ на придарьинскихъ лугахъ довольно далеко отъ города и усиленія конвоя пришлось бы ожидать очень долго, а мы и безъ того со сборами провозились далеко за полдень.

Въ Коканское ханство со стороны Ходжента ведутъ двѣ дороги. Находясь въ Ходжентѣ, мы впрочемъ уже не могли дѣлать выбора: дорога, идущая по правому берегу рѣки, гораздо дальше и пролегаетъ по мѣстамъ, менѣе населеннымъ. Ею пользуются арбы, ѣдущія изъ Ходжента прямо въ Коканъ или обратно; эта дорога отдѣляется отъ идущей въ Ходжентъ въ томъ мѣстѣ, откуда раньше я любовался великолѣпнымъ видомъ на заходжентскую цѣпь горъ. Обѣ дороги арбяныя и идущая по лѣвому берегу такъ хороша, что въ тараптасѣ свободно можно доѣхать до г. Кокана (К. В. Струве такъ и сдѣлалъ; и далѣе при переѣздахъ между большими городами онъ пользовался тарантасомъ); намъ впрочемъ нечего было и помышлять объ этомъ способѣ: почтовыхъ станцій здѣсь еще не существуетъ, а объ экстренной выставкѣ лошадей я не сталъ и думать. За самое лучшее я призналъ съ Ходжента же начать путешествіе верхомъ.

Выѣхавъ поздно, мы не могли разсчитывать проѣхать далеко и только торопились догнать наши арбы, ушедшія впередъ, раньше. Какъ ни старались, но скоро стемнѣло, поднялся сильный вѣтеръ и мы рѣшили остановиться въ лежащей на дорогѣ деревнѣ (или какъ тамъ зовутъ кишлакѣ) Костакозъ, верстахъ въ 20 отъ Ходжента. Тутъ мы узнали, что арбы чрезъ Костакозъ не проходили: онѣ выбрали другую дорогу чрезъ Исписаръ и Катагапъ и намъ пришлось провести ночь безъ самыхъ необходимыхъ вещей, уѣхавшихъ съ арбами.

Для ночлега намъ отвели садъ. Мнѣ часто придется повторять эту фразу и потому я лучше теперь же опишу туземный садъ, мѣсто нашихъ пріютовъ въ теченіи стольких ночей.

Сады въ Туркестанѣ имѣютъ приблизительно одинаковое устройство и садъ въ Костакозѣ представляетъ всѣ особенности типическаго сада. Бо́льшихъ или меньшихъ размѣровъ кусокъ земли обносится глиняной стѣнкой; затѣмъ обработанная земля занимается подъ посѣвы люцерны (Medicago sativa), разныхъ огородныхъ растеній; на нѣсколькихъ грядкахъ сажаются еще садовыя растенія, особенно столь любимая за душистость базилика, рейханъ (Ocymum Basilica). Нѣсколько дерерьевъ, преимущественно плодовыхъ (изъ которыхъ главное мѣсто принадлежитъ абрикосамъ, урюкъ), но можно встрѣтить еще ясень, тополи, иву и почти всегда шелковицу, тутъ, служащую главнымъ образомъ для выкормки червей. Необходимую принадлежность такой плантаціи составляютъ оросительныя канавы, арыки. Обыкновенно одинъ такой арыкъ входитъ въ садъ изъ проходящей по близости большей оросительной вѣтви или изъ сосѣдняго сада. Почти всегда арыкъ идетъ сначала къ находящемуся въ саду пруду. Прудъ, хоузъ, составляетъ самую лучшую принадлежность сада. Кругомъ его или съ одной стороны идетъ возвышенная площадка, турпакъ, изъ земли, вынутой при копаніи пруда. У внутренней и наружной стороны площадки сажаются деревья, чаще всего вязы, такъ называемые кайрагачи. Они являются въ двухъ породахъ: сада́ и бюджимъ, весьма различныхъ по своей физіономіи. Сада́ несетъ крону въ видѣ круглой шапки огромныхъ размѣровъ, бюджимъ тянется вверхъ и его шапку скорѣе можно сравнить съ конусомъ, обращеннымъ вершиной внизъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ крона представляетъ такое густое скопленіе листьевъ, что солнечные лучи не могутъ пробиться сквозь нее и у пруда въ теченіи всего дня можно найти прохладу. Особенно густа крона кайрагачъ-сада́, достигающая иногда въ діаметрѣ размѣра нѣсколькихъ саженъ. Такую крону и сильный дождь не въ состояніи пробить, подъ ней въ ливень остается сухо. Вообще, кайрагачи—это краса и предметъ всеобщаго восхищенія въ тамошнихъ садахъ. Къ тому же и древесина ихъ чрезвычайно пригодна на разныя подѣлки, требующія особой прочности или упругости, напр. на оси или ободья къ колесамъ арбъ. Поэтому нельзя не удивляться, что кайрагача разводится такъ мало: онъ встрѣчается почти исключительно близъ прудовъ въ садахъ или около могилъ святыхъ.

Если такой садъ служитъ и для жилища семьи сарта,—а лѣтомъ почти всѣ семейства изъ городовъ перебираются на житье въ окрестные сады,—то въ немъ еще устраивается курганчи; такъ называются лѣтнія помѣщенія въ садахъ, туземныя дачи, устройство которыхъ главнымъ образомъ характеризуется тѣмъ, что онѣ обнесены глиняной стѣной чрезвычайной вышины. Толщина стѣнъ, зубцы на верху, по угламъ утолщенія, напоминающія бастіоны, дѣлаютъ курганчи очень похожимъ на небольшую крѣпость, что собственно и означаетъ самое названіе: курганчи—значитъ крѣпостца. Вѣроятно такія сооруженія относятся еще къ тому времени, когда всякій самъ заботился о своей безопасности и о своемъ добрѣ и, не имѣя оружія, кромѣ развѣ палки, старался затруднить доступъ къ себѣ оградой.

Въ костакозскомъ саду, гдѣ мы остановились, была близъ пруда еще небольшая постройка изъ глины. Мы впрочемъ не воспользовались ею для ночлега: солнце такъ сильно прожариваетъ въ теченіи дня подобныя легкія постройки, что въ нихъ и ночью дышать нельзя. Поэтому мы всегда, даже въ городахъ, ночевали въ палаткѣ, которая всюду возилась съ нами. И въ Костакозѣ, хотя мы и остались безъ палатки, вслѣдствіе того, что арбы съ поклажей съ нами разъѣхались,

мы все-таки предпочли улечься на открытомъ воздухѣ, а не въ душной комнатѣ. Постройка послужила намъ только нѣкоторой защитой отъ вѣтра. Туземцы принесли намъ нѣсколько кошмъ, одѣялъ и такимъ образомъ ночь прошла сносно. Кстати замѣчу, что мнѣ вообще и въ прежнихъ моихъ путешествіяхъ рѣдко приходилось ночевать безъ палатки и теплаго платья,—сколько помню только четыре раза. Притомъ ночлегъ въ Костакозѣ былъ самый легкій: мы были не высоко, могли кое-чѣмъ позаимствоваться и у жителей. Другіе случаи дурныхъ ночлеговъ были при несравненно худшихъ условіяхъ: такъ мы ночевали безъ вьюковъ въ Лангарѣ и раньше во время Заравшанской экспедиціи въ 1870 г. въ сел. Пети, когда вьюки были задержаны страшно трудной неисправленной дорогой въ Фанской тѣснинѣ; тамъ было очень плохо: хотя высота Пети и не особенно значительна, но ночью лучеиспусканіе было такъ сильно, что я въ своей легкой блузѣ старался укрыться подъ снопами свѣжей люцерны. Пришлось померзнуть и на Куликаланѣ, когда, послѣ сраженія, отрядъ провелъ всю ночь, ежеминутно готовясь къ выступленію или печаянному нападенію. Тутъ на высотѣ 9500′ безъ прикрытія было весьма трудно. Я упоминаю объ исключительно дурныхъ ночлегахъ, когда приходилось проводить ночь въ томъ же костюмѣ, въ какомъ ѣхалъ днемъ, въ жаръ. Но не легки и тѣ ночлеги, когда мы укрывались лучше, но температура падала ниже нуля и палатка покрывалась инеемъ. Было бы конечно гораздо лучше употреблять въ горныхъ путешествіяхъ войлочную джуламейку, да ее очень трудно таскать по горнымъ дорогамъ, гдѣ верблюды не могутъ проходить, и поэтому я съ самаго начала исключилъ и мысль о кибиткахъ.

На другой день рано утромъ мы двинулись дальше. Тогда какъ наканунѣ мы ѣхали мѣстностью сравнительно обработанной и только близъ самаго Ходжента перерѣзали Рухакскую конгломератовую гряду, теперь отъ Костакоза дорога весьма недолго шла полями, за которыми началась голая степь, сначала глинистая, затѣмъ глина исчезла и обнажился лежащій подъ ней конгломератъ. Мѣстность представляла замѣтный, хотя совершенно постепенный подъемъ. Эта широкая безплодная полоса, лежащая между крайнимъ коканскимъ селеніемъ Карачшхумъ и нашимъ Костакозомъ и Катаганомъ, собственно и служитъ границей между русскими владѣніями и независимымъ Коканомъ. Пограничная черта проходитъ чрезъ ея средину. Мнѣ сказали, что она начинается на Сыръ-дарьѣ у небольшаго разрушеннаго кургана Абъ-хура [1]). Кромѣ него близъ дороги на мысу стоятъ еще развалины Чимъ-кургана, нѣкогда построеннаго бухарцами на границѣ ихъ владѣній съ Коканомъ. Никакихъ сооруженій на границѣ, бывающихъ въ Европѣ, тутъ не оказалось: всѣ формальности въ Средней Азіи выполняются въ ближайшемъ городѣ и близъ границы много что стоитъ небольшой никетъ, наблюдающій, чтобы торговые караваны направлялись по дорогамъ, ведущимъ въ мѣста, гдѣ есть зякетчи, т. е. таможенный сборщикъ.

Упомянутая выше ровная конгломератовая плоскость, такъ называемый Сибистанъ [2]), разстилалась до невысокихъ грядъ, которыя тянулись по южной окраинѣ. Восточную границу Сибистана мнѣ обозначили у Исманы. За ближайшею на югѣ невысокою горою лежитъ, какъ

[1]) Г. Кушакевичъ говоритъ, что граница начинается у мѣста называемаго Эски-юзъ-курганъ въ 10 верстахъ отъ Костакоза; урочище Абъ-хура на его картѣ стоитъ гораздо восточнѣе (Записки Геогр. Общ. Т. IV. p. 175).

[2]) Мнѣ сказали, что всѣ предгорья составляющія южную часть ходжентскаго уѣзда называются Сибистанъ; сибъ значитъ яблоко, станъ—страна; весьма возможно, что въ прежнее время она и была покрыта рощами яблоней, какъ это сохранилось до сихъ поръ въ болѣе сѣверныхъ частяхъ края; теперь же въ ходжентскомъ уѣздѣ яблони, кромѣ садовъ, вѣроятно можно встрѣтить только въ немногихъ горныхъ ущельяхъ.

мнѣ сказали, Бишъ-кентъ—пять селеній (Тогатъ, Тозакъ, Андарханъ, Кайрагачъ и Чурбекъ), принадлежащихъ еще русскимъ. Южнѣе Сибистана, въ болѣе высокихъ горахъ, находится страна Авагатъ, называемая такъ по имени кочующихъ тамъ киргизъ, признающихъ себя коканскими подданными, тѣхъ самыхъ, съ которыми въ предыдущемъ году у полковника Деннета было столкновеніе. Можно было опасаться, зная это, не вздумаютъ ли они на насъ выместить причиненныя имъ деннетовскимъ отрядомъ непріятности, но оказалось, что до долины Исфары они не доходятъ.

Скоро мы спустились съ конгломератовой степи, откуда окрестности къ югу видны были, какъ на ладони. Мы были почти у самаго русла Сыръ-дарьи. Конгломераты здѣсь отходятъ вправо и оставляютъ удобную для посѣвовъ низину. На обоихъ берегахъ убирали хлѣбъ (было 6 іюня). Правый берегъ еще принадлежалъ русскимъ, а мы были уже въ коканскихъ предѣлахъ. Показались кромѣ полей и другіе признаки осѣдлости: — это былъ первый изъ нѣсколькихъ раскиданныхъ на извѣстныхъ разстояніяхъ въ этой мѣстности пустыхъ дворовъ, обнесенныхъ высокими глиняными стѣнами. Эти дворы служили чѣмъ то въ родѣ этаповъ для защиты отъ зимнихъ мятелей. Они выстроены при Малляханѣ, послѣ какой-то весьма печальной катастрофы съ однимъ изъ его отрядовъ, сильно страдавшихъ отъ снѣговъ во время войны съ бухарцами. Такъ какъ мы уже выѣхали изъ полосы пустыхъ мѣстъ, (поля лежатъ хотя и на берегу Сыръ-дарьи, но поливаются изъ горныхъ ручьевъ), то я ожидалъ, что насъ скоро должны встрѣтить высланные намъ на встрѣчу коканскіе джигиты. Такъ всегда дѣлается при въѣздѣ ожидаемаго лица въ независимую территорію въ Туркестанѣ, а о моемъ пріѣздѣ коканцы должны были уже знать: Мирза-хакимъ изъ Ташкента отправилъ джапара (нарочнаго) ближайшей дорогой чрезъ Кендырь, да и уѣздный начальникъ, изъ Ходжента, послалъ въ Махрамъ предувѣдомленіе о нашемъ выѣздѣ. Дѣйствительно, вскорѣ показались три джигита, изъ которыхъ одинъ былъ на великолѣпномъ скакунѣ. Это былъ пянджабаши (пятидесятникъ) съ двумя джигитами, пріѣхавшій привѣтствовать насъ отъ имени бека Махрамской области, лежащей на границѣ съ нашими владѣніями. При встрѣчѣ посланные продѣлали всю серію обычныхъ среднеазіатскихъ церемоній: соскочили съ лошадей, пожали наши руки, т. е. легко коснулись ихъ ладонями обѣихъ рукъ, затѣмъ отвѣсили глубокіе поклоны, оригинально подхвативши животы руками, не выпрямляясь сдѣлали нѣсколько шаговъ назадъ и освѣдомились о здоровьи. Въ отвѣтъ на это привѣтствіе я спросилъ здоровъ ли ихъ бекъ, почелъ любезнымъ спросить и о здоровьи хана, а затѣмъ, едвали не съ большимъ еще интересомъ, спросилъ о нашихъ арбахъ. Оказалось, что онѣ еще съ разсвѣтомъ пріѣхали въ Махрамъ, не останавливаясь нигдѣ и не думая вовсе насъ поджидать, какъ было условлено. Арбакеши рѣшили воспользоваться ночной прохладой, чтобы сдѣлать цѣлую станцію. Въ Средней Азіи во время жаровъ такъ обыкновенно и дѣлаютъ, чтобы избѣгнуть зноя; ханъ, напримѣръ, всегда ѣздитъ почью.

Съ новыми спутниками мы отправились далѣе и очень скоро пріѣхали въ первое коканское селеніе—Карачшхумъ. Здѣсь намъ любезно предложили остановиться отдохнуть и сказали, что приготовленъ завтракъ. Такъ какъ мы имѣли намѣреніе наверстать въ этотъ день то, что потеряли наканунѣ (обыкновенно изъ Ходжента въ Коканъ пріѣзжаютъ на третій день, разстояніе равно 120 верстамъ), то такой ранній завтракъ былъ мало для насъ удобенъ, и лишь потому, что отказаться было бы неприлично, мы согласились на угощеніе, попросивши, чтобы остановка была не продолжительна. Насъ провели на обширный дворъ пикета, заня-

тый огромнымъ прудомъ съ деревьями, и усадили на разостланные ковры; здѣсь насъ встрѣтилъ начальникъ карачшхумскаго пикета Халь-Магометъ джюзъ-баши (сотникъ). Завтракъ заключался въ чаѣ, плодахъ и пловѣ. Покончивъ закуску такъ скоро, какъ только позволялъ азіатскій этикетъ, главное условіе котораго медлительность, мы двинулись въ путь. Выѣзжая изъ воротъ пикета нельзя было не обратить вниманія на украшенія наружной стѣны зданія: она была увѣшана ружьями, саблями и еще какими то военными принадлежностями. Глядя на это старье и никуда негодные бранные доспѣхи мы едва удержались, чтобы не улыбнуться и тѣмъ не оскорбить хлѣбосольныхъ хозяевъ, очевидно разсчитывавшихъ поразить насъ великолѣпіемъ сооруженной ими арматуры.

Съ тѣмъ же пянджабаши мы доѣхали до Махрама. Дорога шла обработанными мѣстами. Чѣмъ ближе къ городу, тѣмъ поля становились богаче и богаче, вслѣдствіе бо́льшаго количества проведенной сюда воды. Большинство коканскихъ селеній на лѣвомъ берегу получаетъ воду изъ горныхъ рѣчекъ, текущихъ изъ южныхъ горъ. Какъ только эти рѣчки выходятъ на открытое пространство, отъ нихъ отводятъ большіе рукава, въ свою очередь развѣтвляющіеся на болѣе мелкіе арыки. Такое вѣтвленіе идетъ дальше; арыки дробятся все болѣе и болѣе, проникая на поля, въ сады, въ огороды, на улицы и являясь въ концѣ концовъ въ видѣ маленькихъ канавокъ, вода которыхъ разбирается уже вся на ирригацію. Въ общемъ фигура этихъ вѣтвленій очень напоминаетъ вѣеръ или дельту съ множествомъ рукавовъ, какъ бы впадающихъ въ орошаемое ими пространство [1]). Вѣерообразный конецъ Исфаринской рѣки, откуда получаетъ воду Махрамъ и его округъ, особенно обширенъ: между крайними арыками, отъ Карачшхума до Бишъ-арыка, будетъ верстъ 45. Карачшхуму, какъ стоящему на окраинѣ оросительнаго раіона, достается воды уже немного.

Съ приближеніемъ къ Махраму все чаще и чаще стали попадаться военные. Подъ большинствомъ изъ нихъ были отличныя лошади, составлявшія, какъ видно было изъ разговоровъ, предметъ гордости и особой заботливости этихъ воиновъ. У джюзъ-баши, напримѣръ, лошадь стоила не менѣе 200 рублей [2]). Изъ всѣхъ встрѣченныхъ болѣе всего заинтересовала насъ очень странная фигура одѣтая въ красную рубаху, халатъ и черную баранью шапочку и съ привязанными за сѣдломъ мѣдными тарелками; едвали бы мы догадались сами, что это былъ кавалерійскій барабанщикъ.

Уже передъ самымъ городомъ, въ виду крѣпости, дорога вдругъ поворачиваетъ направо, хотя прежде она, какъ видно еще, шла прямо, возлѣ самыхъ стѣнъ крѣпости. Это новое направленіе далъ дорогѣ махрамскій бекъ въ самое послѣднее время, отведя мѣсто, гдѣ шла прежняя дорога, подъ посѣвы риса, очевидно съ цѣлью увеличить оборонительныя средства своей крѣпости, и какъ бы въ пику всѣмъ европейскимъ тактикамъ, старающимся проводить дорогу какъ можно ближе къ крѣпости или даже черезъ нее. Далеко обогнувъ такимъ образомъ крѣпость, мы въѣхали въ городъ и вскорѣ остановились у отведеннаго намъ дома, передъ которымъ стояли уже наши арбы, привлекшія цѣлыя толпы народа. На крышахъ, изъ за заборовъ всюду торчали головы любопытныхъ. У воротъ насъ встрѣтилъ ка-

[1]) Здѣсь кстати будетъ упомянуть, что вся эта сложная и трудная система ирригаціи, заставляющая такъ часто, и въ особенности въ горахъ, удивляться искусству туземцевъ, создалась и практикуется и понынѣ при помощи такого нехитраго самодѣльнаго нивелира, какъ трубка изъ нѣсколькихъ камышинъ, вставленныхъ одна въ другую и налитыхъ водой.

[2]) Такая цифра, при дешевизнѣ въ Туркестанѣ лошадей, составляетъ очень высокую цѣну. Ред.

кой-то чиновникъ въ красной курточкѣ, остроконечной шапкѣ и съ палкой, которую онъ держалъ въ родѣ того, какъ держатъ грудныхъ дѣтей; это былъ Мирза-кабиль, приставленный къ намъ отъ бека для пріема насъ и должнаго угощенія; въ рукахъ у него былъ шишпаръ—палка въ аршинъ длиною, раскрашенная, на одномъ концѣ съ мѣдной головкой, на другомъ съ петелькою для вѣшанія. Въ саду мы нашли обширную кибитку, устланную чистыми кошмами. Сейчасъ же конечно началось угощеніе. Начались и кой-какіе разговоры, но толковаго изъ нихъ извлекъ я немного. По поводу подапной соли я завелъ было рѣчь о соляныхъ источникахъ, которые, какъ мнѣ было извѣстно, находятся на другой сторонѣ дарьи противъ Махрама, но яснаго описанія ихъ добиться не могъ; изъ всѣхъ разсказовъ я только и понялъ, что соляные ключи выходятъ изъ земли, разливаются и, послѣ испаренія, образуется соляная корка, которую и ломаютъ приставленные отъ хана люди. На мѣстѣ верблюдъ (т. е. грузъ въ 16 пудовъ) соли стоитъ 80 коп., слѣдовательно пудъ соли и притомъ купленной у хана, т. е. оплаченной пошлиной, обходится въ 5 к., а въ Махрамѣ тѣ же 16 пудовъ стоятъ 1 р.—1 р. 10 к.,

Другой продуктъ, о которомъ я разспрашивалъ—нефть. Мнѣ было извѣстно, что Хаджи-юнусовымъ, проживающимъ въ Ташкентѣ, были заявлены въ горахъ близъ Махрама нефтяные источники и испрошено у хана право ихъ разработки. Разработка впрочемъ не была начата, такъ какъ вскорѣ потомъ сдѣлались извѣстны болѣе богатые источники къ востоку отъ Намангана. Разспросы мои про нефть поняли и объяснили, что она называется джиръ-джагы; но привезти образчикъ отказались, ссылаясь, что безъ разрѣшенія хана этого сдѣлать нельзя. «Вотъ увидите хана, тогда можно будетъ все собирать и узнавать» заключили они свою рѣчь, какъ будто желая этимъ дать мнѣ понять, что для меня открыта только одна дорога—въ г. Кокапъ, гдѣ я могу высказывать свои намѣренія и желанія. Подъ вечеръ мы были удивлены барабаннымъ боемъ: въ близъ лежащей крѣпости производили ученье солдатамъ. Нѣкоторые изъ нашихъ спутниковъ не утерпѣли и пошли посмотрѣть, но только и видѣли, что появлявшихся по временамъ на стѣнѣ сарбазовъ. На завтра мы хотѣли утромъ сдѣлать визитъ беку, поблагодарить его за оказанное вниманіе (кромѣ угощенія онъ намъ прислалъ и халаты) но бекъ не счелъ почему-то удобнымъ насъ принять, пока мы не представлялись хану. Опять указаніе, что ханъ и его вниманіе высоко поднимутъ насъ въ глазахъ мѣстныхъ властей.

При выѣздѣ изъ Махрама представилась слѣдующая картина: передъ нами былъ главный фасъ крѣпости, или по мѣстному кургана. Этотъ четырехугольникъ, обнесенный не очень высокими стѣнами съ бастіонами, сѣверной стороной примыкалъ къ Сыръ-дарьѣ и имѣлъ къ ней спуски. У берега подъ стѣной росло нѣсколько деревьевъ, видны были привязанныя лодочки. Надъ дарьей точно лента тянулась полоса пыли (чангъ), строго слѣдуя за всѣми изгибами рѣки. Далѣе за дарьей возвышалась отдѣльная гора Афтообъ; хотя послѣдняя и не отличалась особой высотой (не болѣе 9500'), но туземцы сочли долгомъ обратить на нее наше вниманіе, такъ какъ на ней остановился Ноевъ ковчегъ. Про претензіи ташкентцевъ, что ковчегъ остановился на Казыкуртѣ, они конечно знали и объясняли это невѣжествомъ. О томъ же, что и ихъ гора не болѣе, какъ одинъ изъ многихъ претендентовъ на то же значеніе, они очевидно и не подозрѣваютъ.

Вправо отъ дороги разстилалось ровное пространство до горы Мазаръ-тау, которую мы видѣли уже пакапунѣ. Тянется она въ видѣ хребта, не болѣе 6000' высоты, ограничивая

степь съ южной стороны. Чѣмъ далѣе на востокъ, тѣмъ степное пространство дѣлается шире. Самое узкое мѣсто степи приходится около Махрама: тутъ рѣшительно менѣе десяти верстъ степнаго пространства соединяютъ долину Ферганы съ ходжентскимъ уѣздомъ. На правомъ берегу го́ры у Махрама подходятъ вплоть къ рѣкѣ и кончаются неприступными обрывами, но горы эти ничтожной высоты. Дорога лѣваго берега обходитъ ихъ съ сѣверной стороны. Изъ этого видно, какъ естественно ограничено Коканское ханство съ запада.

Мазаръ-тау называется такъ потому, что тамъ находится могила уважаемаго святаго. На восточной части горы можно было разсмотрѣть свѣтлую полоску: это дорога въ г. Исфару, доступная и для верблюдовъ, но съ трудомъ. Далѣе Мазаръ-тау возвышалась западнѣе Исфары группа болѣе высокихъ горъ, а лѣвѣе, очень далеко, видны были снѣговыя горы—Кхаръ-тау, какъ намъ назвали ихъ туземцы. Кхаръ значитъ снѣгъ, и имя Кхаръ-тау туземцы придаютъ безразлично всякимъ снѣговымъ горамъ.

Скоро рѣка отошла далеко влѣво. Мы ѣхали по глиняному пространству съ разбросанными по немъ буграми. Правѣе, ближе къ горамъ, виднѣлись кромѣ полей и сады. Тутъ находятся маленькія поселенія Башыръ-курганъ и Ніазъ-бекъ. Впереди раскинулась обширная группа садовъ Кани-бадама, извѣстнаго своимъ прекраснымъ миндалемъ, который служитъ предметомъ вывоза. Намъ не пришлось быть въ самомъ Кани-бадамѣ, такъ какъ главная часть этого селенія лежитъ значительно правѣе дороги, которой мы ѣхали. Мы остановились для маленькаго отдыха въ придорожномъ сараѣ, т. е. постояломъ дворѣ для арбакешей; при немъ нашлась лавочка — дуканъ, съ громаднымъ самоваромъ, которымъ мы конечно и воспользовались.

Вторая половина пути до ночлега, предположеннаго въ Бишъ-арыкѣ, далеко не была такъ пріятна: путь пролегалъ черезъ каменистую конгломератовую степь, начинающуюся у Патара. Мѣстность была препечальная: всюду одинъ обнаженный конгломератъ, да изрѣдка торчатъ кустики янтака (Alhagi camelorum), который только верблюдъ ѣстъ съ удовольствіемъ, не смотря на огромныя колючки. Говорятъ, что весной здѣсь еще бываетъ что то похожее на жизнь: попадается кое-какая травка, пасутся овцы. Но въ то время, когда мы проѣзжали, весенняя растительность уже выгорѣла и все было совершенно голо. Степь эта, безъ малѣйшихъ неровностей простирающаяся верстъ на 10 до Мазаръ-тау, прорѣзана значительнымъ числомъ арыковъ, отведенныхъ отъ р. Исфары у мѣста выхода ея изъ горъ у Ходжа-такъ-равата и текущихъ въ направленіи съ юга на сѣверъ. Арыки значительны и судя потому, что при переѣздѣ одного изъ нихъ намъ попалась порядочная вѣтвь горнаго тополя — катаранга, очевидно принесеннаго изъ горъ,—имѣютъ сильное теченіе; изъ этого нужно заключить, что конгломераты лежатъ не горизонтально, а замѣтно подняты на югѣ. Хотя на первый взглядъ степь эта и можетъ показаться удобной для сохраненія арыковъ, такъ какъ берега ихъ не подмываются и они не засариваются, но на самомъ дѣлѣ въ конгломератѣ теряется, всасываясь, огромная масса воды и потому нисколько не удивительно, что при такихъ условіяхъ водъ большой рѣки Исфары хватаетъ только на орошеніе не широкой прибрежной полосы между Чильмахрамомъ и Бишъ-арыкомъ.

На этомъ переѣздѣ я имѣлъ еще случай видѣть летучіе, переносящіеся съ мѣста на мѣсто пески, холмы которыхъ виднѣлись мѣстами на каменистой степи. Происхожденіе этихъ песковъ мнѣ объясняли различно: одни указывали что песокъ выдѣляется изъ конгломератовъ, другіе что приносится съ дарьи, съ осыхающихъ лѣтомъ песчаныхъ отмелей. Собственно проис-

хожденіе этихъ песковъ заслуживало бы болѣе точнаго опредѣленія, да и образовавшіеся уже пески не слѣдовало бы оставлять безъ вниманія, такъ какъ они начали уже свою разрушительную дѣятельность. Такъ противъ Кара-куйлюка мы видѣли Гумбасъ и кладбище, печально помѣстившееся на возвышеніи и прежде вѣроятно окруженное полями. Далѣе виднѣлся брошенный курганъ, вокругъ котораго когда нибудь было селеніе. Затѣмъ наконецъ передъ нашими глазами совершался самый процессъ оттѣсненія культуры пескомъ, эта борьба между жизнью и смертью: въ одномъ изъ кишлаковъ, до котораго уже достигъ разрушитель, многіе сады были на половину засыпаны пескомъ и только одинокія, полузасохшія деревья, торчавшія на погребенной почвѣ, свидѣтельствовали о печальной участи окружавшей ихъ недавно растительности. Стѣна ближайшихъ садовъ служила еще нѣкоторой оградой дальнѣйшему распространенію песчанаго потока, но скоро уже песокъ и тутъ доберется до края и станетъ заносить садъ, потомъ второй, третій и т. д.

При поднявшемся сильномъ вѣтрѣ воздухъ наполнился мглой, горы сдѣлались неясны и песокъ сталъ переноситься съ одного холма на другой. Холмы эти съ одной стороны пологи, съ другой оканчиваются круто; пологость обыкновенно является на той сторонѣ откуда дуетъ вѣтеръ. Притомъ, такъ какъ холмы невелики, то концы ихъ загнуты такъ, что основаніе холма подковообразно. При вѣтрѣ песокъ начинаетъ двигаться по склону вверхъ и пересыпаться на другую сторону, увеличивая ее крутизну. Когда крутизна сдѣлается значительна, песокъ не останавливаясь несется дальше и ложится въ подковообразной выемкѣ холма, гдѣ укрытый отъ вѣтра онъ накопляется въ видѣ кучи. Мало-по-малу бо́льшая часть первоначальнаго холма пересыплется на новообразованную кучу и затѣмъ, при пониженіи стараго, вновь образовавшійся будетъ доступенъ дѣйствію вѣтра, который начнетъ ему придавать указанную своеобразную форму, а старый будетъ снесенъ до основанія. Такъ медленно, но постоянно движется песокъ и притомъ въ направленіи съ запада на востокъ, вслѣдствіе того, что сильные вѣтра въ Ферганѣ преобладаютъ западные, — по крайней мѣрѣ лѣтомъ. Причина этихъ вѣтровъ та, что чрезъ узкое мѣсто близъ Махрама, какъ черезъ трубу, входитъ съ запада воздухъ для поддержанія равновѣсія въ коканской долинѣ, подверженной лѣтомъ значительному нагрѣванію, отчего должны образовываться сильные восходящіе токи. Существованіе этихъ токовъ доказывается тѣмъ, что лѣтомъ воздухъ въ долинѣ наполненъ, какъ говорится, мглой. Видѣвшій съ восточныхъ перевaловъ коканскую долину г. Каульбарсъ говорилъ мнѣ, что причиной мглы ему назвали горѣніе камышей по Сыръ-дарьѣ. Я проѣхалъ вдоль этихъ камышей; они не горѣли и не носили слѣдовъ пожара, однако мгла была. Поэтому естественнѣе объяснить это явленіе поднятой вверхъ пылью. Эта тончайшая, проникающая въ малѣйшія щели пыль, поднимается съ осохшихъ ловатыхъ мѣстъ; илъ, измельченный до нельзя при движеніи ледниковъ и принесенный внизъ горными рѣчками, я и считаю именно причиной мглы. Стоитъ только подняться илу въ атмосферу, чтобы онъ, по своей легкости, держался при самомъ небольшомъ токѣ воздуха снизу. При такомъ объясненіи происхожденія мглы будетъ понятно, почему надъ Сыръ-дарьей тянется такая рѣзко очерченная полоса болѣе сильной мглы: илъ скопляется больше всего въ рѣкѣ и ея разливахъ, а слѣдовательно и на осохшихъ берегахъ и поемныхъ мѣстахъ.

Всасывающее дѣйствіе ферганской котловины такъ значительно, что она часто притягиваетъ къ себѣ потоки горячаго, сухаго воздуха, образующіеся лѣтомъ надъ песчаными пространствами Средней Азіи. Тогда въ Ходжентѣ и Коканѣ дуетъ такъ называемый гармъ-салъ,

жаркій вѣтеръ, (на Аму-дарьѣ, въ Хивѣ и Хиссарѣ горячій вѣтеръ называется теббадъ) который такъ губителенъ для шелковичнаго червя.

Дѣйствіе указанной мною тяги на востокъ простирается до меридіана города Кокана. Тамъ, какъ говорятъ, лѣтомъ почти каждый день бываютъ сильные западные вѣтра, приносящіе мглу.

Настрадавшись на этомъ убійственномъ вѣтру, который въ продолженіи полудня запосилъ насъ песочной пылью, набившейся въ ротъ, въ глаза, и ужасно ссадившей лицо, мы съ нетерпѣніемъ подъѣзжали къ показавшимся впереди на дорогѣ садамъ (до сихъ поръ у насъ всѣ деревни оставались влѣво), ожидая Бишъ-арыка и удивляясь, что такъ долго не можемъ доѣхать до него, хотя его положеніе на $^2/_3$ дороги между Ходжентомъ и Кокапомъ было уже нанесено на точную карту. Дѣло объяснилось очень просто, когда оказалось, что Бишъ-арыкъ всего въ 28 верстахъ отъ Кокана, а средняя треть дороги не менѣе 45 верстъ. Послѣдняя часть пути до Бишъ-арыка проходитъ по садамъ и мы незамѣтно доѣхали наконецъ до большаго селенія съ базаромъ, который такъ значителенъ, что на него ѣздятъ даже изъ г. Кокана. Для ночлега намъ предложили очень тѣсный дворъ, гдѣ должны были помѣститься и мы всѣ и весь нашъ обозъ съ лошадьми. Когда я спросилъ, нельзя ли устроиться поудобнѣе, т. е. отдѣлить насъ отъ лошадей, заставившихъ цѣлый дворъ, то туземцы пренаивно вытаращили глаза и отказались рѣшительно понять мое желаніе. По ихъ взглядамъ, самое лучшее помѣщеніе то, гдѣ хозяинъ можетъ видѣть все время своихъ лошадей,—и мои длинныя объясненія по этому поводу, хотя и достигли желанной цѣли, но едвали убѣдили кого изъ нихъ. Насъ перевели на постоялый дворъ, достаточно обширный, чтобы вмѣстить нашъ обозъ и лошадей; сами же мы помѣстились въ лавочкѣ и бывшемъ рядомъ небольшомъ дворикѣ съ саклей. Такъ какъ лавочка выходила на улицу, то передъ ней народу набралось видимо не видимо. Толпа впрочемъ стояла въ почтительномъ разстояніи и только съ любопытствомъ разглядывала насъ, интересуясь всякой мелочью нашей обстановки и костюмовъ, и съ великимъ недоумѣніемъ вглядываясь въ то, что мы дѣлали съ какими-то непонятными для нихъ машинами, какъ напр. сѣтки съ гербаріемъ, барометръ и т. п. Болѣе смѣлые пробирались впередъ, мальчишки лѣзли на заборъ, чтобы сверху посмотрѣть, что у насъ творится. Всюду слышались разговоры, замѣчанія, догадки,—но грубости ни единой.

Страннымъ образомъ въ Бишъ-арыкѣ не было получено свѣдѣній о нашемъ проѣздѣ и потому мы не нашли ни помѣщенія, ни груды яствъ, какъ это дѣлалось обыкновенно. Дѣло въ томъ, что Бишъ-арыкъ принадлежитъ уже къ округу города Кокана, находящемуся въ непосредственномъ вѣдѣніи хана и потому провожавшій насъ чиновникъ махрамскаго бека не могъ распорядиться, а въ Коканѣ полагали кажется, что мы проѣдемъ прямо до города не останавливаясь тутъ. На завтра впрочемъ такое упущеніе въ гостепріимствѣ было восполнено самымъ внимательнымъ образомъ.

Остававшійся путь до Кокана шелъ по большей части обработанными мѣстами, орошаемыми уже изъ Сохской рѣки. На половинѣ пути встрѣтился кишлакъ Сульфа. Вслѣдъ за нимъ мы проѣхали деревни Ханаватъ, Биговатъ и Хишъ-купрюкъ (послѣдній всего въ одномъ тапѣ отъ Кокана). День былъ плохой: страшный вѣтеръ поднималъ пылистую пыль и непроглядная мгла наполняла воздухъ.

Только что мы тронулись изъ Хишъ-купрюка, въ которомъ останавливались, какъ встрѣтили джигита, высланнаго намъ на встрѣчу мехтеромъ; такъ называется высшій гражданскій

чиновникъ въ ханствѣ и ближайшій совѣтникъ хана. Послѣ обычныхъ вопросовъ о здоровьи, посланный пригласилъ насъ остановиться и принять завтракъ, приготовленный для насъ немного не доѣзжая города. Около какого-то придорожнаго сарая насъ встрѣтили высланные мехтеромъ чиновники и попросили во дворъ, гдѣ подъ навѣсомъ уже были выставлены приготовленныя яства. Послѣ фруктовъ, сластей и чая, намъ подали обѣдъ, состоявшій изъ шурпы—супа, вареной курицы и палау, какъ туземцы называютъ пилавъ—вареный рисъ съ нарѣзанной бараниной, каймака — нѣсколько скисшихся сливокъ и катыка — кислаго питья изъ молока. Явился откуда-то кокандецъ съ обезьяной и, ко всеобщему восторгу туземцевъ, заставилъ ее выдѣлывать разные фокусы. Завтракъ длился долго. Вообще подобныя угощенія отнимали у насъ весьма много времени, не вознаграждая особыми результатами. Отказываться отъ этой массы приглашеній было неучтиво; да кромѣ того это значило бы идти въ разрѣзъ привычкамъ и интересамъ моихъ спутниковъ. По обычаю гостепріимства все, что остается отъ предложеннаго угощенія, принадлежитъ угощаемому и—если онъ не желаетъ самъ пользоваться—его людямъ. Многое съ тѣмъ и приносится, чтобы было взято съ собой, какъ напр. головка сахару, рядомъ съ которой подается само по себѣ сахаръ, нужный для питья чая. Такимъ образомъ, мнѣ волей не волей приходилось довольно часто доставлять ѣхавшимъ со мной переводчику и джигитамъ удовольствіе дѣлить между собой все оставшееся отъ такихъ угощеній, — какъ бы въ вознагражденіе за тѣ скучные дни, когда они, хотя и двигались за мной по новымъ, полнымъ интереса мѣстностямъ, но сильно тосковали, находясь на строгомъ походномъ иждивеніи. Джигиты уже иначе и не ѣздили на такія приглашенія, какъ запасшись огромнымъ мѣшкомъ, куда, какъ только я уѣзжалъ, сваливалось все, что оставалось отъ поданнаго: лепешки, куски мяса, сахаръ, плоды, конфекты и т. п. Неудобство этого я почувствовалъ на обратномъ пути: изъ набранныхъ такимъ образомъ лепешекъ нѣкоторые джигиты насушили мѣшки сухарей, весьма серьёзно затруднившіе нагрузку ящиковъ экспедиціи на арбы.

Проѣхавъ немного садами, мы приблизились къ городской стѣнѣ уже хорошо намъ знакомаго вида—прямой, невысокой, съ зубцами наверху; передъ крытыми воротами (дживахана) еще небольшая стѣнка; вдоль стѣны ровъ. Въѣхавъ въ ворота, мы попали на довольно прямую, широкую улицу, которая мнѣ живо напомнила улицу въ Самаркандѣ, ведущую отъ воротъ Шахъ-зинды въ городъ, къ базару. Та же архитектура, тѣ же аксессуары, только меньше лавокъ. По дорогѣ мы проѣхали мимо нѣсколькихъ скромнаго вида медрессе, захватили часть базара, опять попали въ улицы и наконецъ свернули въ слѣпой переулокъ, который и замыкался воротами отведеннаго намъ дома.

Черезъ дворъ, гдѣ должны были помѣститься джигиты и лошади, мы прошли въ приготовленный для насъ садъ. Галерея дома, выходившаго въ садъ и турпакъ—площадка, были устланы коврами и бѣлыми кошмами, что имѣло весьма красивый видъ. Только что мы усѣлись, конечно на полу, какъ явился особенно торжественный дастарханъ отъ имени мехтера. Такъ называется угощеніе, подаваемое передъ обѣдомъ. Такъ какъ дастарханъ играетъ въ тамошнемъ гостепріимствѣ одну изъ первыхъ ролей, то я позволяю себѣ привести здѣсь списокъ того, что было принесено намъ.

Девять человѣкъ на 13 подносахъ тащили:

1. Фисташки.
2. Урюкъ свѣжій (абрикосы).

3. Огурцы, обыкновенные и тарря, китайскіе.

4. Кагасъ-кандъ, русскія карамельки со стихами, и русту.

5 и 6. Руста, хальваи-тяшмакъ, курси-пичакъ, лябзъ и кандалатъ — разныя конфекты.

7. Кандъ и наватъ, леденецъ.

8. Кандакъ, сахарный урюкъ.

9. Мапзе, изюмъ.

10. Замбуча или хандалатъ, самый ранній сортъ дынь изъ канталупъ, весьма вкусный но мелкій, не болѣе $2^1/_2$ вершковъ въ діаметрѣ.

11. Алма (кизилъ-алма и ишакъ-алма), яблоки.

12. Нанъ, хлѣбъ въ видѣ лепешекъ.

13. Кульча, хлѣбъ въ видѣ булочекъ, съ вдавленной поверхностью, смазанный масломъ и потому крайне противный.

Къ вечеру были представлены мнѣ 10 человѣкъ сарбазовъ (солдатъ), присланныхъ отъ хана для держанія караула ночью и для сопровожденія насъ при поѣздкахъ по городу. Одѣты они были въ синяго и сѣраго цвѣта какіе-то суконные кафтаны со свѣтлыми пуговицами разнокалиберной формы и рисунка [1]). Каждый имѣлъ ружье и палку, тоненькую, жиденькую, но весьма крѣпкую и гибкую. Эти палочки меня живо заинтересовали и я освѣдомился для чего онѣ служатъ, но въ отвѣтъ получилъ только солидное «нужно». Послѣ уже увидалъ я, что ею разгоняютъ назойливыхъ любопытныхъ, для которыхъ тяжеловѣснаго ружья съ примкнутымъ штыкомъ очевидно слишкомъ много. Эти же самыя палки, говорятъ, служатъ также и для воодушевленія идущихъ въ бой войскъ. Намъ объяснили, что назначенные къ намъ сарбазы составляютъ, во первыхъ, личную стражу хана, а во вторыхъ, при войнѣ посылаются къ войскамъ—не затѣмъ однако, чтобы подавать примѣръ образцоваго порядка и храбрости, а чтобы, слѣдуя въ разсыпную за войскомъ, подгонять нерѣшительныхъ и напоминать бѣгущимъ о долгѣ. Такого рода спеціальный арьергардъ употреблялся коканцами и при столкновеніяхъ съ русскими.

На ночь разставили караулы. Я заявилъ, что достаточно одного поста, много двухъ. Но мнѣ доложили, что приказано караулить всѣмъ. И вотъ чуть не подъ каждымъ деревомъ стало по сарбазу и съ ружьемъ, и съ палочкой. Конечно, имъ скоро надоѣло стоять на одномъ мѣстѣ и они начали переходить другъ къ другу и садиться; мальчишка сталъ обносить ихъ кальяномъ. На разсвѣтѣ я нарочно полюбопытствовалъ, что дѣлаетъ караулъ. Наши охранители всѣ спали крѣпкимъ сномъ. Въ послѣдствіи они еще менѣе стѣснялись приказаніемъ караулить всѣмъ и очень быстро засыпали съ своими палочками, заранѣе запасаясь цыновками изъ камыша.

На другой день утромъ отъ мехтера прибылъ посланный узнать о нашемъ здоровьи. Я освѣдомился когда въ этотъ день могу его посѣтить. Къ назначенному часу мы отправились черезъ городъ на базаръ. Сарбазы, слѣдуя частію впереди, частію позади насъ составляли нашъ почетный конвой. Они были верхами и ѣхали, имѣя въ лѣвой рукѣ ружье, а въ правой палку. Ружье съ примкнутымъ штыкомъ держалось передъ собой вертикально, что весьма

[1]) На одномъ и томъ же мундирѣ можно было встрѣтить цѣлую коллекцію гербовъ разныхъ нашихъ губерній, плоскихъ и выпуклыхъ, нашихъ орловъ, золоченыхъ и серебряныхъ, пушекъ, якорей, словомъ всевозможныхъ сортовъ знакомыхъ пуговицъ, старыхъ и новыхъ.

естественно составляло немалыя затрудненія при ѣздѣ на лошади. Тяжесть ружья, управленіе лошадью и неизбѣжной палочкой, которая должна была сохранять внушительный видъ, все это вмѣстѣ до того стѣсняло ихъ, что было даже не безопасно для самихъ воиновъ, которымъ приходилось натыкаться на свое же оружіе, въ чемъ я черезъ нѣсколько дней имѣлъ случай убѣдиться на самомъ начальникѣ почетнаго конвоя, оцарапавшемъ себѣ весьма чувствительно штыкомъ носъ.

Мехтеръ (или какъ произносятъ туземцы метааръ) принялъ насъ въ казенномъ, т. е. ханскомъ зякетномъ сараѣ; это—мѣсто гдѣ онъ отправляетъ свои министерскія обязанности, такъ какъ онъ между прочимъ завѣдуетъ сборами зякета и всѣми дѣлами, касающимися торговли. Нужно замѣтить, что только торговые сборы взимаются во всѣхъ среднеазіатскихъ государствахъ непосредственно агентами хана, эмира или вообще главы государства, всѣ же другіе мѣстными начальниками, которые уже отъ себя отсылаютъ хану извѣстное количество денегъ и вещей. Такимъ образомъ государственное единство въ Средней Азіи выражается въ торговомъ сборѣ, въ другихъ же отношеніяхъ въ значительной степени господствуетъ децентрализація. Въ послѣднее время впрочемъ, кромѣ зякетчи, разсѣяны по ханству еще серкеры; они находятся при каждомъ начальникѣ, даже при аксакалахъ большихъ селеній, и обязаны слѣдить за всѣми ихъ дѣйствіями, главнымъ образомъ наблюдая, чтобы платимое хану составляло извѣстный, опредѣленный процентъ съ того, что собирается. Значеніе ихъ и боязнь передъ ихъ интригами и наговорами такъ велики, что даже высокопоставленные серкерда, управители большихъ округовъ, которыхъ мы привыкли называть беками, не дѣлаютъ ничего безъ вѣдома и согласія серкеровъ. А чтобы серкеръ не стакнулся съ начальникомъ, не сталъ бы самъ наживаться, за нимъ слѣдитъ еще кто нибудь. Система шпіонства доведена до утонченности.

Въѣхавъ въ зякетъ-сарай, мы были приглашены войти на площадку, надъ которой проходила галерея. Тутъ насъ встрѣтилъ мехтеръ, по имени Мулла-Миръ-Камиль, по чину мирахуръ. Это былъ старикъ лѣтъ 60, съ сѣдыми волосами и съ грубыми, сухими, непріятными чертами лица. На площадкѣ былъ приготовленъ чай. Мы сѣли. Я представилъ мехтеру привезенные подарки, впрочемъ весьма скромные. Послѣ обычныхъ вопросовъ о здоровьи, начался разговоръ, который я вообще старался держать на разсужденіяхъ о пользѣ путешествій и взаимныхъ выгодахъ, проистекающихъ отъ посѣщенія сосѣднихъ странъ, также о значеніи установившейся дружбы для учащенія такихъ посѣщеній. При этомъ мехтеръ вспомнилъ, что давно уже у нихъ былъ русскій, который объѣхалъ почти все ханство. Очевидно онъ разумѣлъ Назарова (былъ въ 1813 и 1814 гг.) «Все дикихъ кабановъ (чушка) стрѣлялъ», прибавилъ онъ. Я сказалъ, что Назаровъ въ своемъ описаніи говоритъ о множествѣ встрѣченной имъ дичи, и что мнѣ тоже хотѣлось бы посѣтить такія мѣста, чтобы набрать образцовъ въ коллекцію. Но оказалось, что отъ болотъ, на которыхъ охотился Назаровъ, нѣтъ уже и слѣда. «Коканское ханство съ тѣхъ поръ сильно измѣнилось и поля раскинулись тамъ, гдѣ прежде были болота,» пояснилъ мнѣ мехтеръ и въ этомъ онъ ни мало не прихвастнулъ. Я указалъ затѣмъ что мнѣ, въ отличіе отъ прежде пріѣзжавшихъ путешественниковъ, для выполненія возложенныхъ на меня порученій, нужно будетъ посѣтить и другія мѣста и притомъ преимущественно горныя. Отвѣтомъ на это было заявленіе, что все доложится хану. Тогда я сообщилъ, что имѣю письмо отъ генералъ-губернатора къ хану и долженъ передать его лично, для чего просилъ увѣдомить меня о днѣ, который ханъ назначитъ для пріема. При этомъ я просилъ мирахура доложить и о желаніи Ольги Александ-

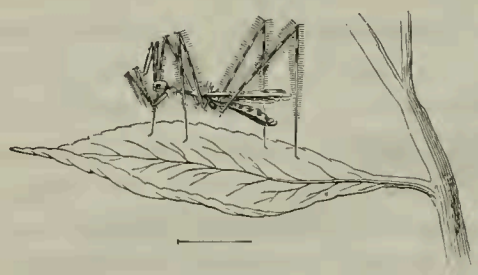
ровны принять участіе въ представленіи и получить разрѣшеніе на посѣщеніе женъ хана и поднесеніе имъ подарковъ; онъ отвѣчалъ, что какъ гостямъ вѣроятно и это будетъ можно.

Хотя передо мной былъ и государственный человѣкъ, но разговоръ вращался, какъ видно, на самыхъ общихъ мѣстахъ и поучительнаго ничего не представлялъ. Не нужно забывать, впрочемъ, что государственные люди въ среднеазіатскихъ государствахъ по развитію, да и по способностямъ, не стоятъ выше массы и обязаны своимъ возвышеніемъ случайностямъ, чаще волѣ хана, иногда интригамъ и разнымъ нечистымъ дѣлишкамъ. Блистательное исключеніе составляли въ Коканѣ представители кочевой партіи—Мусульманъ-кулъ и Алимъ-кулъ, достигшіе значенія полновластныхъ регентовъ; про нихъ даже ихъ враги говорятъ съ полнымъ уваженіемъ. Что касается мехтера, то онъ, какъ мнѣ разсказывали, былъ простымъ мирзой т. е. писаремъ при бекѣ въ Чиназѣ; какъ сартъ, онъ считалъ Худаяра законнымъ правителемъ, укрылъ его на какой-то мельницѣ отъ серьезной опасности, и въ благодарность за такую услугу былъ потомъ, по измѣненіи обстоятельствъ, возведенъ ханомъ въ довольно высокій чинъ мирахура и получилъ должность зякетчи. Должность эту онъ исправляетъ съ замѣчательнымъ усердіемъ: самъ присутствуетъ при перевѣскѣ и оцѣнкѣ товаровъ, разбираетъ торговые споры, сидитъ въ зякетъ-сараѣ съ ранняго утра до полудня, и затѣмъ отправляется съ докладомъ къ хану. Очень хвалили мнѣ его русскіе купцы въ Коканѣ за то, что они всегда находили у него вниманіе къ просьбамъ и защиту ихъ интересовъ.

Выѣхать обратно изъ каравань-сарая было дѣло не легкое: толпа любопытныхъ стиснулась въ воротахъ и запрудила улицу. Вотъ тутъ-то я понялъ значеніе магической палочки сарбазовъ. Впрочемъ удары достались весьма не многимъ: одно помахиваніе оказалось достаточнымъ, чтобы очистить дорогу. Черезъ базаръ, той же дорогой, какой мы ѣхали вчера, вернулись мы въ наше помѣщеніе и стали ожидать приглашенія къ хану. Какъ ни указывалъ я мехтеру необходимость скорѣйшаго отправленія въ дальнѣйшее путешествіе, какъ ни приставалъ къ его людямъ, бывшимъ при насъ, но дѣло тянулось и, зная азіатскіе порядки, я и не разсчитывалъ, чтобы рѣшеніе было скорое. Главное нужно было впрочемъ добиться свиданія съ ханомъ, потому что только въ случаѣ благопріятнаго отвѣта намъ стоило жариться въ городѣ Коканѣ. Наше помѣщеніе, которое, по объясненію путниковъ, непривлично было оставлять, пока еще ханъ насъ не принялъ, давало мало матеріала для полезнаго препровожденія времени. Мы останавливались въ домѣ Османа-байбачи (байбача, сынъ богача), гостепріимство котораго, какъ оказалось, было невольное: мехтеръ за что то былъ золъ на него и приказалъ помѣстить насъ у этого опальнаго боярина, для чего самъ онъ со всѣмъ семействомъ долженъ былъ перебраться въ другой садъ. Такимъ путемъ и мы оказались на положеніи прибѣгающихъ къ реквизиціи! Домъ Байбачи былъ устроенъ на широкую ногу: большія крытыя ворота вели въ обширный дворъ, отдѣлявшійся постройками отъ огромнаго сада. Ворота, согласно тамошнимъ правиламъ, были устроены такъ, что выходъ на дворъ приходился не противъ входа, а сбоку, чтобы съ улицы не было видно, что дѣлается во дворѣ. Такое приспособленіе можно встрѣтить во всѣхъ даже самыхъ бѣдныхъ дворахъ. Постройка у воротъ—такъ называемая дарваза-хана—напоминающая что-то въ родѣ проходнаго сарая, была отведена для постоя сарбазъ, учредившихъ здѣсь какъ бы свою гауптвахту: увѣшали стѣны оружіемъ и размѣстились сами на имѣвшихся завалинкахъ. Ворота помѣщеній, занятыхъ беками и вообще важными лицами, всегда имѣютъ такой видъ и стражу. Не смотря на пребывавшій безотлучно въ воротахъ караулъ, наши ворота все-таки

были постоянно заперты и отпирались только для впуска и выпуска постоянныхъ жильцовъ. Обыкновенно толпы около воротъ не собиралось, но какъ только мы выѣзжали или возвращались, крыши окрестныхъ домовъ покрывались любопытными, особенно дѣтьми и женщинами. Дворъ съ двухъ сторонъ имѣлъ навѣсы для лошадей; кромѣ того посреди двора были набиты колья для привязи лошадей; въ сторонѣ сада возвышалась постройка съ кладовыми и жилой комнатой, остальныя стороны были заняты галереями, яйванъ, обмазанными алебастромъ, съ множествомъ нишъ въ стѣнахъ. Тутъ сложили наши ящики и помѣстились джигиты, чтобы быть ближе къ лошадямъ.

Садъ былъ обширный, но очевидно молодой, такъ что давалъ очень мало тѣни. Кайрагачей да и самаго пруда къ удивленію не было, хотя въ занятой русскими части Туркестана они бываютъ почти во всякомъ саду. Кажется обиліе воды въ Коканѣ не заставляетъ такъ заботиться о прудахъ, которые собственно только запасный резервуаръ. Поэтому въ Кокапскомъ ханствѣ намъ чаще приходилось находить въ саду одну только турпакъ. Несмотря на отсутствіе пруда воды въ саду было много; нѣсколько арыковъ протекавшихъ черезъ него были настолько глубоки, что въ нихъ можно было купаться, хотя вязкій плистый грунтъ былъ къ тому большой помѣхой. Въ саду росли только плодовыя деревья и посѣвы джепушки; поэтому за время пребыванія нашего здѣсь весь сборъ ограничивался только насѣкомыми; много прилетало на цвѣты разныхъ пчелъ, попадались и представители другихъ отрядовъ, но конечно по большей части уже встрѣченные на прежнихъ экскурсіяхъ въ культурномъ поясѣ. Два пріобрѣтенія были впрочемъ интересны: разъ вечеромъ былъ пойманъ клопъ, Stenolemus Bogdanowii Osch., который былъ мною полученъ уже прежде въ Самаркандѣ. Клопъ этотъ довольно большой, но тонкій и до крайности нѣжный, густо покрытый тончайшими волосками, напоминаетъ попадающихся иногда у насъ въ купальняхъ плеарій, но сильно отличается отъ нихъ и удивительнымъ образомъ представляетъ сродство только съ двумя формами, изъ которыхъ одна извѣстна изъ Мексики, а другая немного поближе къ Туркестану, съ острова Целебеса. Сродство такъ велико, что онъ принадлежитъ къ тому же роду Stenolemus,—фактъ, который пока не объяснимъ вполнѣ или лучше объяснимъ только самымъ общимъ образомъ. Другая форма былъ особый тараканъ, получившій названіе Periplaneta tartara Sauss. Прусака въ Туркестанѣ нѣтъ и вообще въ домахъ я никогда не видалъ тамъ таракановъ; встрѣченные же мною черные тараканы, Periplaneta orientalis, были найдены въ горахъ и притомъ всего разъ. Очевидно имъ внизу слишкомъ жарко и тамъ появляется другая форма рода Periplaneta, своимъ рыжимъ цвѣтомъ напоминающая китайскаго таракана, хотя гораздо меньшей величины; но эта форма всего разъ и была только встрѣчена. Замѣняетъ же нашихъ таракановъ въ Туркестанѣ Polyphaga или Heterogamia aegyptiaca, житель болѣе жаркихъ странъ, какъ показываетъ ея названіе. Самка безкрыла, представляетъ видъ округлаго щита, самецъ крылатъ и болѣе похожъ на нашего чернаго таракана. Отсутствіе нашихъ таракановъ въ жилищахъ, фактъ чрезвычайно любопытный и совершенно

Stenolemus Bogdanowii Osch.

опровергаетъ разсужденія Риттера (Вост. Турк. пер. Григорьева вып. 1, стр. 188—192), который силится доказать, что черный тараканъ распространился въ Европѣ чрезъ Сибирь изъ Туркестана. Но, какъ я уже говорилъ, Periplaneta orientalis попадается очень рѣдко въ горахъ, а Blatta germanica вовсе нѣтъ. Трудно предположить, чтобы они внѣ своего отечества сдѣлались обитателями зданій и еще труднѣе думать, что черные тараканы эмигрировали изъ отечества почти всѣ, а красные безъ остатка. Кромѣ того и ссылка Риттера на Лаксмана не можетъ быть вѣрна, потому что и въ Забайкальи черныхъ таракановъ нѣтъ. Рѣзкой границей служитъ рѣка Обь. На первой же станціи на лѣвомъ берегу Оби встрѣчается масса черныхъ таракановъ—этой гадости, которая считается однако въ народѣ божіимъ благословеніемъ. Въ Сибири были даже попытки нарочно перевезти черныхъ таракановъ въ Иркутскъ. Тосковали западно-сибирцы по своимъ пріятелямъ, но попытки не удавались. «Только Обь переѣдутъ и помрутъ», говорили мнѣ съ тоской въ Сибири. За то прусаки въ огромнѣйшемъ количествѣ распространены до крайнихъ предѣловъ Сибири.

Точно также несостоятельно и мнѣніе Риттера (l. c. стр. 190), что отечество постельнаго клопа Туркестанъ. До прихода русскихъ тамъ не было вовсе постельнаго клопа, да и теперь въ Ташкентѣ онъ составляетъ рѣдкость. Вообще указаніе на Туркестанъ, какъ на родину разныхъ домашнихъ культурныхъ или сопутствующихъ человѣку животныхъ и растеній, было прежде въ большомъ ходу; при неизвѣстности страны удобно было указывать на Среднюю Азію, какъ на ихъ колыбель. Результатомъ нашего путешествія является совершенно обратный выводъ: Туркестанъ почти все животное и растительное населеніе получилъ изъ сосѣднихъ странъ, причемъ иммигрировавшія формы, конечно, видоизмѣнились при новыхъ условіяхъ, а также и вслѣдствіе возникшей между ними борьбы за существованіе, которая должна была быть тѣмъ сильнѣе, что здѣсь столкнулись пришельцы изъ разныхъ странъ. Но объ этомъ поговоримъ въ своемъ мѣстѣ.

Основаніемъ для сужденій Риттера послужило толкованіе его, что ба-чжа-чжунъ, упоминаемый у китайскаго писателя Си-юй-вынь-цзянь-лу, есть тараканъ. На ошибочность этого толкованія указалъ уже переводчикъ Риттера, проф. Григорьевъ (l. c. стр. 462 прим. CDVI), объясняя что подъ этимъ названіемъ разумѣется тарантулъ. Мнѣ же кажется, что болѣе вѣроятно признать ба-чжа-чжуна за фалангу: описаніе «рыльце бурое, съ четырьмя щитками», весьма характерно для сидящей напереди пары клешней фаланги, дѣйствительно тотчасъ же бросающихся въ глаза, тогда какъ двѣ челюсти тарантула требуютъ разсматриванія вблизи, да и то очень внимательнаго. «Бѣжитъ на свѣтъ, какъ моль летитъ на огонь» опять характернѣйшая особенность фаланги. Тарантулъ ведетъ ночной образъ жизни и отъ свѣта прячется, а фаланги прибѣгаютъ на огонь, [какъ это мы видѣли въ Кизилъ-кумахъ], въ огромномъ количествѣ, чтобы ловить летящихъ на свѣтъ насѣкомыхъ. Кстати замѣчу, что относительно укушенія фаланги я имѣю наблюденіе сильно заставляющее сомнѣваться въ справедливости общераспространеннаго мнѣнія, что это укушеніе ядовито или даже смертельно, какъ говоритъ китайскій писатель. Извѣстно, что клешни фаланги не имѣютъ отверстій, черезъ которыя могъ бы выливаться ядъ, да и вообще ядоотдѣлительнаго органа у нея не найдено. Поэтому я довольно спокойно чувствовалъ себя въ Кизилъ-кумахъ въ обществѣ фалангъ и только разъ былъ встревоженъ, когда жену укусила огромная фаланга. Но все ограничилось небольшою болью отъ укола, безъ всякихъ послѣдствій. Правда, она укусила черезъ платье и мо-

жетъ быть это помѣшало ей влить предполагаемый ядъ чрезъ язычекъ. Такимъ образомъ, повторяю, вопросъ объ ядовитости фаланги такъ и остался для меня подъ сомнѣніемъ [1].

Кстати о другихъ ядовитыхъ и кусающихся животныхъ въ Туркестанѣ. Фалангъ въ садахъ не водится и съ этой стороны намъ въ Коканѣ печего было безпокоиться; тарантулы и большія сколопендры ядовиты, но они встрѣчаются только на пустыряхъ. Каракуртъ, котораго ужаленіе, говорятъ, валитъ верблюда, встрѣчается только въ немногихъ мѣстахъ, въ травянистыхъ предгорьяхъ. Скорпіонъ напротивъ преимущественный житель домовъ. Подъ камнями онъ встрѣчается и въ горахъ, но тамъ онъ скрывается. Въ домахъ же, при его бродячемъ образѣ жизни, особенно по вечерамъ и ночью, очень легко можетъ случиться, что онъ заберется въ платье и ужалитъ. Обыкновенно, это вызываетъ крики, испугъ, у слабонервныхъ дѣлаются судороги отъ страха, что сейчасъ придется помереть. Въ сущности же дѣйствительная, не осложненная испугомъ боль отъ укушенія—что испытала жена въ Самаркандѣ — не особенно велика и, при помазываніи деревяннымъ масломъ, проходитъ скоро и безъ всякихъ послѣдствій.

Гораздо непріятнѣе фалангъ, скорпіоновъ и тарантуловъ мелкія, едва замѣтныя вслѣдствіе ихъ нѣжности и желтоватаго цвѣта, мошки. Онѣ нападаютъ по вечерамъ и ночью на спящихъ въ комнатахъ людей, чтобы насосаться крови. Уколы ихъ сильно чешутся и, при нѣжной кожѣ, лице и руки покрываются прыщами, чувствуется невыносимый зудъ. Мошки эти составляютъ также му́ку въ Италіи, гдѣ онѣ извѣстны подъ именемъ папатази, а также встрѣчаются и за Кавказомъ. Въ Туркестанѣ ихъ не менѣе четырехъ видовъ и онѣ распространены по всѣмъ оазисамъ, довольно высоко заходя въ горы; такъ я встрѣтилъ ихъ въ крѣпости Сарвада на Фанѣ (6300′). Впрочемъ, можетъ быть онѣ были завезены туда солдатами туземнаго гарнизона, такъ какъ я нигдѣ кромѣ домовъ ихъ не встрѣчалъ. Принадлежатъ эти мошки къ роду Phlebotomus; другія сродныя имъ формы встрѣчаются и у насъ (психоды), но совершенно безвредны, у нихъ даже нѣтъ и длиннаго хобота, находящагося у Phlebotomus'овъ, у которыхъ онъ, относительно величины тѣла, почти длиннѣе чѣмъ у комара.

Но вернемся къ разсказу. Не смотря на изящество и уютность комнаты, мы предпочли помѣститься въ саду и разбили подъ деревьями нашу палатку. Духота воздуха при отсутствіи вентиляціи въ такихъ комнатахъ невыносимая; собственно обмѣнъ воздуха есть, но онъ такъ ничтоженъ, что когда снаружи вечерняя прохлада, въ комнатѣ невыносимая духота. Къ тому же глиняныя стѣны, если нѣтъ кругомъ дома галереи, въ теченіи дня прогрѣваются настолько, что и свѣжій воздухъ опять быстро нагрѣвается.

Тутъ же въ саду была устроена и наша кухня: подъ навѣсомъ были вмазаны котлы, въ которыхъ варился рисъ и баранина. Провизія привозилась отъ мехтера, снабжавшаго насъ вообще всѣмъ необходимымъ. Требовалось, чтобы мы ничего не покупали сами, а за всѣмъ обращались къ приставленному къ намъ человѣку мехтера. Таковъ законъ гостепріимства, который, по правдѣ сказать, весьма стѣснителенъ. Вы не можете взять чего хотите, а берете только то, что даютъ. Впрочемъ, нужно отдать имъ ту справедливость, что провизія доставлялась хорошая и въ достаточномъ количествѣ. Разъ только была неудача съ кумысомъ. Кумысъ готовится только киргизами, укочевывающими на лѣто съ своими табунами въ горы, по-

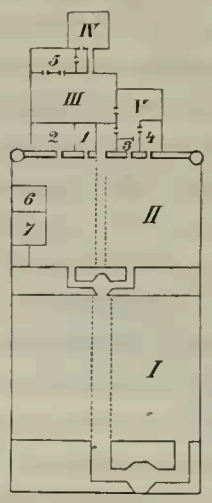
[1] Н. В. Ханыковъ сообщилъ мнѣ, что во время его путешествія по Персіи онъ видѣлъ какъ обезьяна, укушенная фалангой, вскорѣ затѣмъ умерла.

чему лѣтомъ въ городахъ кумыса имѣть нельзя. Въ Коканѣ только ханъ имѣетъ табунъ и пьетъ кумысъ. Такъ какъ переводчикъ нашъ, киргизъ по происхожденію, былъ большой охотникъ до кумыса, то присталъ, нельзя ли достать ему этого напитка. Люди мехтера сказали, что нужно доложить объ этомъ хану и дѣйствительно на завтра привезли турсукъ кумыса, говоря, что его прислалъ гостямъ ханъ. Переводчикъ принялся пить. Увы, только первые глотки кумыса и прошли подъ вліяніемъ эпитета «ханскій,» далѣе уже киргизъ не выдержалъ, восторгъ его перешелъ въ недоумѣніе и какъ ни позорно было, но и коканцы признали, что кумысъ прогоркъ и что его остается только вылить.

Завѣдывать нашимъ угощеніемъ и вообще играть роль михманъ-дара, т. е. принимающаго гостей, былъ назначенъ Караулъ-беги Магометъ-Шакиръ, вѣжливый, бойкій старикъ, испытанной опытности въ сношеніяхъ съ русскими и, какъ можно было замѣтить, тонкій дипломатъ. Такъ напримѣръ, мнѣ хотѣлось, во-первыхъ, узнать, когда ханъ насъ приметъ и отчего прошло уже два дня, а мы все не получаемъ еще никакого извѣстія о времени пріема, во-вторыхъ, хотѣлось выяснить еще до свиданія, какое рѣшеніе состоялось въ высшихъ сферахъ по поводу нашего путешествія и какія мѣстности найдено удобнымъ посѣтить намъ; послѣднее было особенно важно знать, такъ какъ если бы было рѣшено прокатить насъ по ханству, т. е. по культурной полосѣ его, и не пускать въ горы, то я рѣшилъ воспользоваться возможностью говорить съ ханомъ, чтобы усиленно добиваться посѣщенія Оша и горъ, лежащихъ отъ него къ югу. Но кромѣ самыхъ сладкихъ рѣчей, ни къ чему не обязывающаго обпадеживанія и тому подобныхъ пустяковъ, я не могъ ничего добиться отъ нашего Михманъ-дара. Старикъ выдерживалъ свою роль великолѣпно.

Наконецъ 12-го меня разбудили рано утромъ и сообщили мнѣ, что ханъ въ этотъ день желаетъ принять меня въ своемъ дворцѣ въ новой урдѣ (цитадель). Живя лѣтомъ въ загородномъ саду, онъ черезъ день пріѣзжаетъ въ городъ разбирать докладываемыя дѣла; кромѣ того въ это время года онъ раздаетъ солдатамъ халаты, что, какъ извѣстно, дѣлается въ годъ два раза. На счетъ представленія Ольги Александровны мнѣ передали извиненіе отъ имени хана, что, не смотря на все его желаніе, онъ не можетъ принять ее, такъ какъ это не понравится народу и, какъ послѣ оказалось, соврали. Поскорѣе собравшись, мы двинулись по дорогѣ ко дворцу; въ одной изъ улицъ встрѣтили мехтера съ огромной свитой изъ аксакаловъ, джигитовъ и т. п. халатниковъ. Это все были гражданскіе чины и потому въ обыкновенныхъ халатахъ. Переѣхавъ черезъ рѣчку или большой арыкъ, Улькунъ-сай, мы попали на огромную площадь, разстилающуюся передъ крѣпостью. Съ пея и еще лучше съ праваго берега Улькунъ-сая открывается видъ на дворецъ, въ своемъ родѣ недурной. Зданіе дворца выстроено на возвышеніи и потому видно изъ-за крѣпостной стѣны. Виденъ собственно только передній фасадъ его съ аркой по срединѣ. Фасадъ весь выложенъ разноцвѣтными изразцами, подражая рисункамъ, сохранившимся на древнихъ памятникахъ Самарканда. На фронтонѣ надпись: «построенъ Сендъ-Магометъ-Худайяръ ханомъ въ 1287 г.» Дворецъ совсѣмъ новый и заложенъ на новомъ мѣстѣ. Прежняя урда была совсѣмъ въ другой части города. Постройка его во время моего посѣщенія еще не совсѣмъ была окончена. Изразцы для облицовки главной стѣны приготовлялись въ Коканѣ; надо сознаться однако, что они много уступаютъ древнимъ самаркандскимъ по чистотѣ и тону красокъ. Издали впрочемъ облицованныя части производятъ весьма эффектное впечатлѣніе, благодаря свѣжести красокъ и отсутствію пятенъ, отъ обсыпавшихся изразцовъ, что такъ обыкновенно въ Самаркандѣ.

Направо отъ главныхъ воротъ находится небольшая, невзрачная на видъ мечеть, а налѣво подъ навѣсомъ стоитъ подъ чехлами до 40 пушекъ самой разнообразной величины и на лафетахъ, но съ такими станинами и колесами, что едва ли онѣ могутъ быть сдвинуты съ мѣста, не разсыпавшись. У воротъ мы сошли съ лошадей и должны были пройти еще много, прежде чѣмъ достигли комнаты, въ которой сидѣлъ ханъ. Помѣщаю здѣсь приблизительный планъ, который я набросалъ на глазъ.

I. Первый дворъ,
II. второй дворъ,
III. дворъ передъ комнатой хана, IV и V дворики.
1 — 5. Комнаты дворца, въ 5-й принимаетъ ханъ.
6 — 7. Мастерская для шитья мундировъ.

Осмиугольное пространство подъ воротами было занято солдатами; стѣны увѣшаны оружіемъ. Обширный дворъ, на который мы вышли затѣмъ, былъ занятъ солдатами, выстроенными по обѣ стороны дорожки, ведущей къ слѣдующимъ воротамъ. Вооруженіе и костюмъ ихъ были разнообразны и указывали, что это представители разныхъ частей войскъ. Особенно оригинальны показались мнѣ джигиты, державшіе топорики на плечахъ, единственное ихъ вооруженіе. Вторыя ворота также имѣютъ осмиугольную площадку. При выходѣ на второй дворъ мы пріостановились. Вѣроятно хану докладывали о нашемъ прибытіи, да кстати дали полюбоваться видомъ изразцоваго фасада и множествомъ сарбазъ, столпившихся на пологомъ подъемѣ къ дворцу, въ ожиданіи очереди получить халатъ. Затѣмъ насъ пригласили подняться по подъему, который вѣроятно имѣется въ виду замѣнить приличной лѣстницей, потому что едвали этотъ пологій скатъ съ наложенными поперегъ палками можетъ быть терпимъ въ ханскомъ дворцѣ. Сарбазы выстроились по сторонамъ, очистивъ намъ средину. Черезъ арку мы вошли на дворикъ (V). Здѣсь сопровождавшимъ меня джигиту и препаратору, конечно чрезвычайно желавшимъ видѣть хана, предложили остаться, а меня и переводчика пригласили дальше. Когда мы вошли на обширный дворъ (III), мнѣ указали куда то, сказавъ, что тамъ сидитъ ханъ и что нужно ему поклониться и сказать привѣтствіе. Я снялъ шляпу, а бывшіе съ нами коканцы что было силы заорали асселямъ-алейкумъ. Собственно кричать должны были мы, но коканцы, видя нашу неопытность, выручили насъ. Затѣмъ, проведя черезъ дворикъ (IV), гдѣ нѣсколькимъ сарбазамъ надѣвали жалованные ханомъ халаты (ситцевые, 2-хъ рублевые), насъ пригласили въ довольно маленькія сѣни; здѣсь церемоніймейстеры подхватили меня подъ руки и ввели въ комнату зарря, золотую, гдѣ находился ханъ. Онъ сидѣлъ на постланномъ на полу одѣялѣ и шубѣ, подогнувъ ноги подъ себя. Видя двоихъ и притомъ одного въ офицерскомъ военномъ мундирѣ, а другаго въ какомъ то странномъ костюмѣ (фракѣ), ханъ спросилъ который изъ насъ главный; затѣмъ пожелалъ имѣть письмо, которое и получилъ чрезъ мехтера. Когда на вопросъ, отъ кого это письмо переводчикъ отвѣтилъ, что отъ генералъ-губернатора, ханъ спросилъ о его здоровьи. Переводчикъ и на этотъ вопросъ отвѣтилъ отъ себя, но ханъ, вѣроятно въ силу соблюденія дипломатическихъ обычаевъ, остановилъ его и попросилъ перевести вопросъ мнѣ. Затѣмъ онъ началъ читать письмо (какъ извѣстно къ русскому оригиналу всегда прилагается переводъ) и видимо про-

челъ его все; такъ какъ это продолжалось довольно долго, то я оглядѣлъ комнату и присутствовавшихъ. Названіе золотая не много величественно: потолокъ дѣйствительно имѣетъ позолоту, но вообще комната довольно скромная, съ двумя окнами на тотъ самый дворъ, съ котораго мы кричали хану привѣтствіе. На полу у стѣны сидѣли трое знатныхъ коканцевъ въ бархатныхъ мундирахъ съ бляхами, держа на колѣняхъ сабли въ довольно дорогой отдѣлкѣ; это были: Абду-Назаръ пансатъ-баши-бій, Халикуль-бій и Сарымсакъ-сударъ. Самъ ханъ показался мнѣ весьма свѣжимъ, полнымъ мужчиной среднихъ лѣтъ; на видъ ему нельзя дать больше 40 лѣтъ. Одѣтъ онъ былъ въ шелковый халатъ; на головѣ бѣлая чалма.

Кончивъ чтеніе письма, ханъ сказалъ якши—хорошо—и поклонился. Пріемъ кончился. Затѣмъ насъ пригласили въ комнату 4, гдѣ подали дастарханъ; тамъ мехтеръ прочелъ письмо, переданное ему ханомъ. Принесли халаты. На меня надѣли парчевый, рисунка употребляемаго у насъ для священническихъ облаченій. Мехтеръ предложилъ посмотрѣть комнаты дворца. Въ компатѣ 1-й меня поразилъ круглый столъ, стулья и еще что-то изъ европейской мебели; но все это было сбито въ углу и очевидно стояло безъ употребленія. Слѣдующая комната (2) имѣетъ, вѣроятно, значеніе тронной залы: въ одной изъ стѣнъ сдѣлана ниша, въ которой лежитъ бархатная большая подушка, украшенная металлическими бляхами и пряжками съ камнями; массивность и величина послѣднихъ сильно заставляютъ сомнѣваться, что они настоящіе.

Воспользовавшись тѣмъ, что мы были одни съ мехтеромъ, я спросилъ его, какое рѣшеніе сдѣлалъ ханъ. Оказалось, что слово якши было полнымъ отвѣтомъ и означало совершенное согласіе хана на посѣщеніе всѣхъ указанныхъ въ письмѣ генералъ-губернатора мѣстъ.

Уходя изъ дворца, мы еще разъ взошли на дворикъ III и отклапялись хану. Теперь зная, гдѣ онъ сидитъ, и я его увидалъ. Очевидно, окно затѣмъ и сдѣлано, чтобы подданные видѣли своего владыку и чтобы ему удобно было наблюдать входящихъ. Поклоны наши опять сопровождались криками коканцевъ.

Въ аркѣ подъ воротами оказался маленькій птичникъ, вѣроятно играющій роль зоологическаго сада: въ клѣткахъ сидѣли бѣлые голуби, щеглы, скворцы, горныя куропатки (Perdix chukar) и сизоголовыя овсянки.

Черезъ тѣ же дворы, при той же толпѣ сарбазъ и джигитовъ, мы отправились назадъ. Но прежде ухода намъ предложили посмотрѣть мастерскія, гдѣ шьютъ сарбазамъ мундиры. Понятно, мы пошли, но увидали только массы цвѣтныхъ суконъ и кройку. Очевидно, хотѣли похвастать, сколько у хана дорогаго сукна. Сукна были разныхъ цвѣтовъ: сѣрыя, синія, красныя; послѣднихъ больше всего. Удивительно, какъ при невозможности одѣть какъ слѣдуетъ свое войско, коканцы съумѣли выбрать самое дорогое и маркое сукно. Кажется въ этомъ случаѣ имѣло вліяніе то, что понятіе о мундирѣ занесли въ Кокапъ авганцы, для которыхъ образцомъ обмундировки и пріемовъ были англійскія войска. Англійскую команду и теперь еще употребляетъ часть кокапскихъ сарбазъ, именно, гдѣ обучаютъ солдатъ авганцы.

Черезъ базаръ, полный толпы народа, вернулись мы домой. Я проѣхалъ всю дорогу, не снимая халата. Такъ какъ я былъ въ Кокапѣ безъ всякаго оффиціальнаго порученія, просто въ качествѣ ученаго человѣка, то безъ затрудненій могъ ѣхать въ халатѣ. Извѣстно, что для лицъ, посылавшихся съ оффиціальными порученіями, сниманіе халата по окончаніи ау-

діенціи требуется нашими оффиціальными взглядами, которыхъ туземцы никакъ не хотятъ уразумѣть. По туземнымъ понятіямъ, пожалованный халатъ не снимается до возвращенія домой.

Какъ ни курьезно казалось мнѣ проѣзжать верхомъ въ разноцвѣтномъ халатѣ на плечахъ поверхъ фрака и съ бѣлой дорожной шляпой на головѣ, но я выдержалъ характеръ до конца и ни разу не разсмѣялся во весь длинный путь чрезъ коканскій базаръ.

Такая оригинальная костюмировка, дѣйствительно, оказалась отвѣчающей своей цѣли: я столько разъ слышалъ всюду фразы, въ родѣ того «какъ взглянетъ ханъ», «какъ разрѣшитъ ханъ», что показать наглядно теперь его расположеніе ко мнѣ и его любезный пріемъ считалъ вполнѣ умѣстнымъ. А чего же еще наглядпѣе расписаннаго золотомъ халата?

Судьба Худаяръ-хана въ ряду среднеазіатскихъ правителей поражаетъ обиліемъ несчастій и чрезвычайно частыми перемѣнами: то ханъ полновластный, то ханъ по имени, послушный суровому регенту кипчаку, то бѣглецъ въ Бухарѣ, онъ только чрезъ 22 года послѣ призванія его на ханскій престолъ окончательно утверждаетъ свою власть и дѣлается всѣми признаваемымъ властителемъ. Сынъ Ширъ-али, двоюроднаго брата Мадали, самаго извѣстнаго изъ коканскихъ хановъ настоящаго столѣтія, какъ по своимъ военнымъ предпріятіямъ (на югъ его завоеванія доходили до Пянджъ-дарьи) такъ и по несчастному концу (звѣрски зарѣзанъ бухарскимъ эмиромъ Насруллой, будто бы за кровосмѣшеніе съ родной матерью),—Худаяръ-ханъ былъ провозглашенъ ханомъ въ 1843 г. извѣстнымъ Мусульманъ-куломъ. Мальчикъ 16 лѣтъ, почти младшій изъ сыновей Ширъ-али, онъ былъ выбранъ Мусульманъ-куломъ въ ханы именно за молодость: правленіе оставалось въ рукахъ Мусульманъ-кула, какъ было и при слабомъ Ширъ-али. Черезъ 7 лѣтъ Худаяръ убиваетъ Мусульманъ-кула и правитъ самостоятельно 8 лѣтъ, до 1858 г., когда кипчаки и другія тюркскія племена, ослабленныя на время потерей Мусульманъ-кула и страшнымъ избіеніемъ, которому они подверглись затѣмъ, снова берутъ перевѣсъ и провозглашаютъ Малля-хана. Худаяръ бѣжитъ въ Бухару. Черезъ два года, замѣтивши, что Малля-ханъ склоняется болѣе на сторону сартовской партіи, киргизскіе біи убиваютъ Малля-хана и провозглашаютъ ханомъ Шахъ-Мурада, сына Сарымсака, старшаго сына Ширъ-али. Худаяръ пользуется происшедшимъ междоусобіемъ, и такъ какъ Шахъ-Мурада признаютъ не многіе, завладѣваетъ Коканомъ и во второй разъ дѣлается ханомъ. Три года удерживается онъ на этомъ мѣстѣ, постоянно борясь съ кипчаками, между которыми явился замѣчательный по способностямъ вождь—Алимъ-кулъ. Наконецъ, не смотря на помощь со стороны бухарскаго эмира, Худаяръ долженъ былъ во второй разъ бѣжать въ Бухару. Алимъ-кулъ провозглашаетъ ханомъ Султанъ-сеида, сына Малля-хана. Смерть Алимъ-кула, при защитѣ Ташкента противъ русскихъ въ 1865 г., заставляетъ бѣжать въ Бухару Султанъ-сеида, а Худаяръ безъ борьбы занимаетъ ханскій престолъ къ полному удовольствію населенія, ослабленнаго междоусобіями и борьбой съ нами [1].

Пріемъ хана, который нужно назвать вполнѣ удачнымъ, особенно вслѣдствіе полученнаго безусловнаго согласія на посѣщеніе даже самыхъ отдаленныхъ мѣстъ, понятно, очень обрадовалъ насъ. Тѣмъ съ большей торопливостью стали мы собираться въ дорогу. Но должно

[1] Болѣе полныя свѣдѣнія о событіяхъ въ Коканскомъ ханствѣ съ 1843 г. читатель найдетъ въ статьѣ г. А. Нурекина, ѣздившаго при экспедиціи въ качествѣ переводчика и при постоянныхъ разговорахъ съ туземцами имѣвшаго возможность собрать много свѣдѣній, тѣмъ болѣе, что всѣ эти событія еще свѣжи въ памяти туземцевъ, нерѣдко даже можно встрѣтить очевидцевъ разныхъ событій, убійствъ и т. п. Свѣдѣнія свои г. Нурекинъ напечаталъ въ Турк. Вѣд. 1872 г. № 35.

было пройти еще нѣсколько дней, пока ханское правительство сдѣлаетъ свои распоряженія, назначитъ конвой и т. д. Главное, нужно было добиться открытаго предписанія, которое обязывало бы мѣстныя власти оказывать намъ содѣйствіе. Въ ожиданіи всего этого намъ пришлось прожить въ Коканѣ еще четыре дня.

Мы употребили ихъ также и для осмотра достопримѣчательностей города. Коканъ для бѣглаго обзора, какой мы могли сдѣлать, не представляетъ многаго; характеръ его такой же, какъ всѣхъ среднеазіатскихъ городовъ: тѣ же тѣсныя, кривыя улицы между глиняными заборами и стѣнами съ небольшими рѣдко попадающимися и всегда затвореннымі воротами, ведущими въ скрытыя на дворѣ строенія. Только базаръ, медрессе и мечети, да разбросанные базарчики нѣсколько разнообразятъ безличность среднеазіатскаго города.

Базаръ въ г. Коканѣ дѣйствительно замѣчателенъ; изъ всѣхъ видѣнныхъ мною въ краѣ это положительно лучшій по своему устройству, да кажется, лучшій и во всей Средней Азіи. Причина этого улучшенія, какъ это часто бываетъ у медленно прогрессирующихъ народовъ — пожаръ, бывшій почти за годъ до моего пріѣзда, зимой; тогда сгорѣло слишкомъ 800 лавокъ. Такъ какъ большая часть базара принадлежала хану, то онъ возобновилъ его на свой счетъ, да и мѣста, принадлежащія частнымъ лицамъ пріобрѣлъ (можетъ быть правильнѣе слѣдуетъ сказать отобралъ) у владѣльцевъ.

Такимъ образомъ уже на слѣдующее лѣто почти все погорѣвшее пространство было покрыто новыми рядами. Лавки конечно деревянныя, т. е. съ глиняной прокладкой въ деревянныхъ переплетахъ стѣнъ. Но главное, что достойно вниманія въ устройствѣ коканскаго базара, это то, что онъ крытый. Въ Средней Азіи почти всякій базаръ или базарчикъ на лѣто кроется, но это дѣлается наскоро, кое-какъ, съ помощью перекинутыхъ чрезъ улицу жердей, на которыя набрасывается камышъ, или плетенки; въ Коканѣ же крыша базара сдѣлана изъ дерева, изъ хорошо пригнанныхъ досокъ и поднята очень высоко, такъ что на главныхъ улицахъ всегда есть довольно воздуха; недостаетъ только вентиляціи (хотя бы даже въ формѣ нѣсколькихъ окошекъ внутри), чтобы было совсѣмъ хорошо. Впрочемъ и тогда останется причина зараженія воздуха на базарѣ: два раза каждую недѣлю улицы базара являются биткомъ набитыми народомъ, причемъ почти всѣ покупщики и пріѣзжіе продавцы непремѣнно верхами. Слѣды пребыванія въ теченіи цѣлаго для нѣсколькихъ тысячъ лошадей, а также и всѣ помои, выливаемыя обыкновенно, съ самымъ искреннимъ простодушіемъ, тутъ же на улицу, понятно, должны образовывать съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе толстый слой навознаго удобренія, которое въ крытыхъ улицахъ базара дѣлаетъ воздухъ весьма мало годнымъ для дыханія и пропитаннымъ своеобразнымъ удушливымъ запахомъ.

Лавочки въ базарный день полны товару и въ этомъ отношеніи характеръ ихъ такой же, какъ въ Ташкентѣ и Самаркандѣ, а потому я и не буду объ нихъ распространяться [1]; къ тому же наши посѣщенія базара обыкновенно ограничивались проѣздомъ: стоило только остановиться у какой-нибудь лавки на минуту, чтобы кругомъ тотчасъ образовалась толпа любопытныхъ, желавшихъ посмотрѣть на урусовъ (русскихъ), и чтобы вслѣдъ за этимъ сопровождавшіе насъ конвойные уже практиковали своими палочками, ревнуя объ охраненіи нашего покоя. Понятно, что отъ такой ревности только противно станетъ и поспѣшишь уѣхать дальше,

[1] Интересующимся могу указать на мастерское описаніе базара въ Самаркандѣ, напечатанное въ журналѣ „Бесѣда“ за 1872 г. А. Ф.

стараясь поскорѣе освободиться отъ впечатлѣній такого усиленнаго вниманія къ нашимъ удобствамъ.

Медрессе были удобнѣе для обзора, такъ какъ уличную толпу дальше воротъ не пускали, а обитатели этихъ храмовъ науки держатъ себя особенно серьезно, желаютъ казаться слишкомъ погруженными въ свои занятія, чтобы бѣгать за урусами; мы часто и находили въ медрессе очень немногихъ изъ нихъ, — хотя и потому еще, можетъ быть, что они тоже воспользовались лѣтнимъ временемъ и отправились въ сады или въ деревни на проповѣди. Впрочемъ, медрессе не могли особенно привлечь нашего вниманія: лучшее изъ нихъ, отдѣлка котораго не была еще при насъ окончена, выстроено Худаяръ-ханомъ и братомъ его Султанъ-Мурадомъ, бекомъ маргіанскимъ, въ память ихъ недавно умершей матери. Другія медрессе [1] всѣ не старѣе нынѣшняго столѣтія; извѣстно, что и Коканъ сталъ столицей недавно, со времени объединенія ханства подъ властью Нарбута-бія, основателя нынѣшней династіи. Устройство медрессе такое же, какъ и въ другихъ городахъ Средней Азіи, напр. въ Ташкентѣ, т. е. въ формѣ обширнаго двора, съ выходящими на него дверями келій; наружный фасадъ имѣетъ посрединѣ арку, по угламъ минареты, между ними и аркой ниши, куда выходятъ двери келій.

Больше интереса представили для меня намазныя мечети, т. е. такія, въ которыхъ по пятницамъ совершаются при большомъ стеченіи народа праздничныя богослуженія. Эти мечети въ Коканѣ отличаются обширностью навѣсовъ, поддержанныхъ множествомъ колоннъ. Одна мечеть Медрессе-и-джума довольно старая, другая Каляндарь-ханà еще не была при насъ окончена. Строили ее на ханскій счетъ и по окончаніи она должна была сдѣлаться кафедральною, на мѣсто Медрессе-и-джума. Она построена недалеко отъ цитадели въ обширномъ саду, гдѣ прежде жили дуваны, откуда и ея названіе.

Говоря о базарѣ, я долженъ упомянуть и о мостахъ, такъ какъ главные мосты тоже имѣютъ лавки по сторонамъ—устройство, переносящее насъ въ средневѣковую Европу. Чрезъ Коканъ протекаетъ два рукава Сохской рѣчки: Улькунъ-сай и Кичикъ-сай. Черезъ нихъ-то и перекинуты довольно большіе мосты. Главный, Хишъ-купрюкъ, каменный, съ смѣлой аркой, былъ построенъ при Мадали-ханѣ, какъ сокращенно зовется Мухаметъ-Али-ханъ (1822—1842); строителемъ его называютъ Ходжа-кушбеги. Другой мостъ съ лавками мнѣ назвали Дерезликъ; есть еще третій.

Затѣмъ меня интересовали такія учрежденія, которыя можно встрѣтить только въ столицѣ, какъ напр. монетный дворъ; по нашимъ михмандарамъ должно быть лѣнь было похлопотать для насъ и они объявили, что монетный дворъ никакъ нельзя видѣть. На заявленное желаніе посмотрѣть гробницы хановъ и ихъ семействъ, мнѣ отвѣчали, что Гуристанъ, гдѣ онѣ находятся, запертъ и ключъ хранится у хана, а когда я сказалъ, что можно попросить объ этомъ хана, то получилъ уже въ отвѣтъ, что Гуристанъ замурованъ и открывается только въ случаѣ погребенія. Эти два отказа показали мнѣ, что не стоитъ труда просить показывать оффиціальныя учрежденія. Я рѣшился лучше воспользоваться оставшимся временемъ, чтобы осмотрѣть писчебумажную фабрику (обиджуазъ), такъ какъ эти заведенія въ Средней Азіи только и существуютъ въ Коканскомъ ханствѣ.

[1] Я видѣлъ: Медрессе Мадали и напротивъ его м. Хакъ-кули-мингъ-баши, м. Мингъ-аимъ и м. Али.

Впрочемъ и въ этомъ ханствѣ фабрики существуютъ только въ двухъ пунктахъ: въ Коканѣ и въ сел. Чарку. Что за причина обусловливаетъ такое спорадическое распространеніе этихъ заведеній—для меня осталось неизвѣстнымъ. Правда они нуждаются въ сильной струѣ воды, которая приводила бы въ дѣйствіе толчеи, разбивающія тряпье,—толчеи гораздо большихъ размѣровъ, чѣмъ употребляемыя для обдирки рису,—но это условіе встрѣчается и во многихъ другихъ мѣстахъ, однако оби-джуазовъ мы не видимъ.

Я имѣлъ случай какъ-то познакомиться съ китайскимъ способомъ приготовленія бумаги и, осматривая оби-джуазъ въ Коканѣ, былъ пораженъ сходствомъ виднаго съ тѣмъ, какъ китайцы приготовляютъ бумагу. Источникъ, откуда приготовленіе бумаги проникло въ Туркестанъ, слѣдовательно ясенъ; учителями туркестанскихъ мастеровъ были несомнѣнно китайцы, но когда это случилось, сказать конечно трудно.

Писчебумажныя фабрики въ Коканѣ всѣ расположены за воротами Муймуворакъ, по арыку того же имени и недалеко отъ мазара самаго знаменитаго святаго города Кокана, отъ котораго и арыкъ и ворота получили свое имя. Внѣшній видъ заведенія очень незатѣйливъ: снаружи видна обыкновенная въ тамошнихъ мѣстахъ толчея, а внутреннее помѣщеніе—простой сарай весьма тѣсныхъ размѣровъ, около 10—12 квадратныхъ сажень.

Одна сторона павѣса занята толчеей, другая—резервуарами съ тѣстомъ, а средина служитъ для промывки измельчаемаго тряпья.

Тряпье, употребляемое на выдѣлку бумаги, хлопчатобумажное, безъ всякой примѣси другихъ волокнистыхъ веществъ. Разныя изношенныя тряпки, а особенно истрепанные и загрязненные до послѣдней возможности халаты и одѣяла туземцевъ, составляютъ сырой матеріалъ, покупаемый на базарахъ по тиллѣ (3 р. 80 к.) за батманъ ($10^1/_2$ пудовъ). Сортировки тряпья не существуетъ. Въ дѣло идутъ и лоскуты тканей и куски ваты, которою набиты одѣяла. Только по цвѣту немного разбираютъ тряпки и окрашенныя въ синій цвѣтъ пускаютъ на выдѣлку синей оберточной бумаги. Разборка впрочемъ самая небрежная и на такой синей бумагѣ весьма не рѣдко встрѣчаются пятна и прожилки краснаго цвѣта.

Тряпье кидается въ ящикъ, гдѣ и подвергается ударамъ пестовъ, насаженныхъ на толстыя палки, то поднимающіяся, то опускающіяся, какъ въ обыкновенной толчеѣ, употребляемой туземцами для обдирки риса.

Вода, падающая по желобу (фарра), лежащему подъ угломъ 45^0, ударяетъ въ крылья, насаженныя на горизонтальный валъ, называемый туземцами окъ и приводитъ его въ движеніе.

По срединѣ вала вдѣланы два зуба, противъ которыхъ помѣщаются два толстыхъ, неравноплечныхъ рычага, опирающихся на поперечины. Зубья вертящагося вала задѣваютъ за короткіе концы рычаговъ, отчего длинные ихъ плечи, обращенные внутрь постройки, приподнимаются приблизительно на аршинъ. Когда зубъ соскакиваетъ съ короткаго плеча рычага, послѣдній стремительно падаетъ и ударяетъ насаженнымъ на длинномъ плечѣ и обитымъ желѣзомъ пестомъ (тигъ) о камень, укрѣпленный въ срединѣ квадратнаго деревяннаго ящика, стороны котораго имѣютъ до $2^1/_4$ аршиновъ длины.

Оби-джуазъ имѣетъ по два песта и зубья на валѣ сидятъ такимъ образомъ, что песты приподнимаются и опускаются поперемѣнно.

Тряпье, смоченное водою, кладется въ ящикъ и работникъ постоянно подбрасываетъ его на камень, о который ударяется пестъ.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ толченія, тряпье кладется въ салфекту (рума) и промывается. Промывка производится подъ жолобами. Для полученія струи воды, около сарая имѣется небольшой прудокъ изъ котораго вода по желобу, лежащему на полу, входитъ въ зданіе; конецъ жолоба приходится надъ ямой, куда и падаетъ вода. Глубина ямы до полутора аршина; вода изъ нея выходитъ сейчасъ же наружу. Промытая довольно сильной струей воды масса опять кладется въ ящикъ и подвергается снова толченію.

Толченіе и промывка повторяются три раза. Послѣ третьей промывки получается желтовато-бѣлая масса, которая формуется въ кругъ, до 3 четвертей въ діаметрѣ, и переходитъ въ руки другихъ мастеровъ, приготовляющихъ изъ нея листы.

Въ с. Чарку эти два процесса приготовленія массы и листовъ производятся въ разныхъ помѣщеніяхъ, въ разныхъ частяхъ селенія. Въ г. Кокандѣ, напротивъ, въ томъ же самомъ, гдѣ установлены ящики съ пестами, находятся и двѣ ямы, въ которыхъ бумажное тѣсто разбалтывается до необходимой густоты. Ямы эти (таска) имѣютъ до 5 четвертей глубины.

Мастеръ, приготовляющій листы, пользуется мутовкой, рамкой и сѣткой.

Мутовка (пичакъ) имѣетъ весьма оригинальную форму: это палка, на концѣ усаженная упругими согнутыми прутьями, свободные концы которыхъ связаны вмѣстѣ; въ общемъ получается яйцевидное прорѣзное тѣло, насаженное на длинную рукоять. Такое устройство мутовки позволяетъ очень удобно и быстро взмучивать разведенную въ водѣ бумажную массу, что приходится дѣлать довольно часто, такъ какъ масса быстро осѣдаетъ на дно. Впрочемъ опытность мастера позволяетъ ему приготовлять листы одинаковой толщины, какъ сейчасъ послѣ взмучиванія, такъ и спустя довольно долгое время. Для этого ему стоитъ только или опускать рамку съ сѣткой каждый разъ нѣсколько глубже, или медленнѣе вынимать изъ воды.

Аппаратъ (хальпа), посредствомъ котораго мастеръ черпаетъ бумажное тѣсто (хталя) и превращаетъ его въ листы, имѣетъ слѣдующее устройство: на деревянную рамку (хасы) кладется сѣтка изъ чія (товара). Чій, это растеніе изъ семейства злаковъ (Lasiagrostis splendens), имѣющее довольно прочный стебель, не толстый, но весьма правильно цилиндрическій.

Рамка съ наложенной сѣткой, укрѣпленной боковыми палочками (юнчакъ), опускается въ яму съ тѣстомъ, которое процѣживается черезъ сѣтку, оставляя на ней осадокъ. Тогда поперегъ ямы кладутся двѣ палочки (давандакъ), на которыя ставится рамка и, пока процѣженное тѣсто нѣсколько обсыхаетъ и уплотняется, мастеръ снимаетъ боковыя палочки (юпчакъ) и прикладываетъ ихъ сверху и снизу, чѣмъ и обравниваетъ края листа.

Такой листъ, расползающійся при самомъ легкомъ усиліи, посредствомъ оборачиванія рамки кладется на доску и начинается приготовленіе другаго, который кладется на предыдущій, и такимъ образомъ получается порядочная стопка бумаги; одинъ мастеръ въ теченіи дня приготовляетъ 300 листовъ; къ вечернему намазу они готовы и на ночь на нихъ накладывается доска съ достаточнымъ грузомъ камней сверху, отчего за ночь излишняя вода стекаетъ и листы крѣпнутъ.

Назавтра они подвергаются просушкѣ, для чего служитъ стѣна, обращенная къ югу. Стѣна эта составляетъ часть забора сосѣдняго дома или сада и отличается только тѣмъ, что оштукатурена гипсомъ и притомъ очень гладко, какъ бы отполирована. На эту стѣну при-

лѣпляются окрѣпшіе за ночь листы бумаги и при тамошнемъ жарѣ очень быстро высыхаютъ. Тогда ихъ собираютъ и складываютъ въ пачки по 24 листа, называемые даста. Этимъ и кончается весь процессъ приготовленія бумаги на оби-джуазѣ.

Бумага сбывается на базарѣ, гдѣ попадаетъ въ руки муракашей—мастеровъ, покрывающихъ ее клеемъ и наводящихъ лоскъ. Для проклейки употребляется декстринъ, содержащійся въ корняхъ ширяша, дикорастущаго растенія изъ семейства лилейныхъ. Наведеніе глянца дѣлается посредствомъ отшлифованнаго камня, насаженнаго на палку. Послѣ гласированія цѣнность бумаги значительно возрастаетъ: даста (24 л.), стоившая на оби-джуазѣ 15 коп., продается за 20—30 к., смотря по аккуратности, съ какой наведенъ лоскъ и по количеству склеенныхъ и снабженныхъ заплатами листовъ. Муракашъ не бросаетъ листа надорваннаго или имѣющаго дыру, а накладываетъ ленту бумаги или заплату, приклеиваетъ ее и тщательно притираетъ своимъ камнемъ, такъ что такіе листы съ перваго раза трудно даже замѣтить и, только глядя на свѣтъ, видно, что листъ имѣетъ заплату.

Форматъ коканской бумаги близокъ къ формату нашей пропускной. Не проклеенная употребляется туземцами какъ оберточная; смазанная масломъ замѣняетъ въ окнахъ стекла и т. п. Съ наведеннымъ глянцемъ служитъ для письменныхъ надобностей. Сильно отличаясь отъ нашей и будучи не пригодна для писанія чернилами, она не годится для русскихъ, почему въ край и привозится значительное количество бумаги. Съ другой стороны потребности туземцевъ не могутъ быть удовлетворены нашей бумагой: они привыкли писать своей камышевой палочкой и наша бумага многимъ не нравится. По этому разсчитывать на сбытъ нашей писчей бумаги между туземцами и вытѣсненіе ею туземной—нельзя. Развѣ окажется возможнымъ съ выгодою приготовлять бумагу, подходящую къ тамошней, но и тогда, при требованіи торгующихъ въ Туркестанскомъ краѣ русскихъ купцовъ, чтобъ капиталъ приносилъ не менѣе 100%, не представится возможности продавать эту бумагу дешевле туземной, стоющей около 5 рублей за стопу. Туземные оби-джуазы будутъ существовать, слѣдовательно, еще долго и потому было бы желательно только, чтобы, подъ вліяніемъ соприкосновенія съ русскими, они получили нѣкоторыя усовершенствованія, что особенно необходимо и возможно въ процессѣ приготовленія бумажной массы.

Возвращаясь обратно въ городъ и проѣзжая мимо святаго Муймуворакъ, мы пожелали посѣтить могилу этого святаго. Сопровождавшіе насъ джигиты сначала было указывали, что это неудобно, но живущіе при могилѣ духовные нисколько не обидѣлись нашимъ посѣщеніемъ и, къ удивленію нашему, даже прочли молитву за посѣтителей. Такой неожиданностью я даже нѣсколько скопфузился и оставилъ у молящагося муллы переводчика (мусульманина), давши муллѣ кокань (20 к.). Это былъ первый видѣнный мною случай терпимости (даже больше) со стороны мусульманскаго духовенства, о которомъ я всегда слышалъ и читалъ, какъ о крайне фанатичномъ. Позже я имѣлъ много случаевъ видѣть такой же либерализмъ по отношенію ихъ къ намъ. Нельзя же предположить, что ихъ соблазняли и заставляли дѣйствовать на перекоръ ихъ убѣжденіямъ получаемые коканы.

Самая гробница не представляетъ ничего замѣчательнаго. Глиняная постройка съ дверями скрываетъ надгробный камень.

По дорогѣ на оби-джуазъ мы проѣхали мимо обширнаго лѣса два раза; напротивъ его на возвышенномъ мѣстѣ находилась прежде цитадель, теперь разрушенная до основанія. Намъ показали тутъ же домъ, гдѣ жилъ извѣстный Алимкулъ. Далѣе въ восточномъ углу находится

у стѣны обширная площадка и въ этомъ мѣстѣ входитъ въ городъ Катта (или Улькунъ) сай. Черезъ этотъ оврагъ при насъ возводили постройку, напоминавшую нѣчто въ родѣ моста на жидкихъ сваяхъ. Мостъ этотъ длиною саженъ въ 7 служилъ основаніемъ устраиваемой на немъ стѣны, которая должна была сомкнуть подходившіе къ водѣ оврага концы городской стѣны.

Во время моего пребыванія въ Коканѣ тамъ находился братъ хана Султанъ Мурадъ-бекъ, управляющій самымъ обширнымъ и богатымъ изъ округовъ Коканскаго ханства — Маргланскимъ. Я много слышалъ о его умѣ и чрезвычайной любезности, съ которой онъ относился къ русскимъ и поэтому очень желалъ его посѣтить. 14-го утромъ мы поѣхали въ его домъ, находящійся у воротъ Муймуворакъ. Домъ не поражалъ никакимъ великолѣпіемъ. У входа стоялъ почетный караулъ изъ пестрой толпы сарбазъ. Обширный дворъ выглядѣлъ пусто, непривѣтливо; въ концѣ его встрѣтилъ насъ самъ Султанъ Мурадъ-бекъ и ввелъ въ комнату съ окнами. Тамъ мы нашли обширный столъ, накрытый коленкоромъ, какъ салфеткой и четыре табурета. Бекъ сѣлъ у окна, а мы по другую сторону и такимъ образомъ удобно могли его разглядѣть. Одѣтъ онъ былъ въ кафтанъ изъ китайской шелковой матеріи съ вытканными узорами. На видъ ему между 35 и 40 годами (онъ моложе хана); физіономія чрезвычайно добрая, располагающая. Началось конечно съ вопросовъ о здоровьи; затѣмъ я передалъ ему небольшіе привезенные для него подарки. Подали чай. Разговоръ я старался больше держать на цѣляхъ путешествія, такъ какъ избранныя для посѣщенія мѣстности по преимуществу находились въ его округѣ и мнѣ хотѣлось расположить его въ пользу нашего путешествія. За чаемъ слѣдовалъ дастарханъ, принесенный на 27 подносахъ; тутъ были плоды, конфекты и разныя другія сласти, изъ которыхъ мнѣ понравился кандакъ-нишадлы—бѣлокъ взбитый съ сахаромъ. По поводу билетиковъ на русскихъ конфектахъ, бекъ освѣдомился, что они значатъ. Нужно сказать, что среднеазіатцы предпочтительно берутъ конфекты съ билетиками, полагая, что это означаетъ лучшій сортъ. Для полнаго объясненія беку перевели нѣсколько изъ попавшихся билетиковъ, но — увы — стихи, какъ нарочно, подвернулись самые безсмысленные и вѣроятно хозяинъ не составилъ себѣ выгоднаго понятія о нашей поэзіи. Мы хотѣли уже уходить, какъ объявили, что приготовленъ обѣдъ. Къ обѣду подали тарелки, ножи, вилки, ложки. Читатель замѣтитъ, что я подчеркиваю то, что въ обстановкѣ у бека было на русско-европейскій манеръ. Султанъ Мурадъ впрочемъ ушелъ обѣдать къ себѣ, должно быть въ виду невозможности справиться съ вилкой, ложкой и т. д., а ѣсть ему пальцами при насъ вѣроятно было уже совѣстно. Обѣдъ состоялъ изъ каурша (пельмени), курицы, ташмы (лапша) и неизмѣннаго палау. По окончаніи обѣда принесли халаты, бекъ пришелъ еще разъ, простился и мы уѣхали.

Кромѣ этого визита я посѣтилъ еще разъ мехтера, но не на дому, а опять въ караванъ сараѣ. Я засталъ его провѣряющимъ какіе то торговые списки. Цѣлью моего визита было выяснить разные частные вопросы касательно путешествія. Такъ какъ при коканскомъ правительствѣ нѣтъ никакого русскаго агента, то сношенія и заботы о разныхъ разрѣшеніяхъ пали на меня. Сдѣланныя мною при этомъ наблюденія заставляютъ меня высказать сожалѣніе, что нѣтъ постояннаго агента въ Коканѣ. Правительство охотно выполняетъ желанія русской администраціи, но бываютъ случаи, когда необходимы личныя объясненія хану или мехтеру или наблюденіе на мѣстѣ какъ исполняется какое либо требованіе или рѣшеніе. Я это испыталъ во время описываемаго свиданія съ мехтеромъ: наканунѣ во дворцѣ я получилъ

отвѣтъ, что можно ѣхать всюду, теперь же оказывалось, что посѣтить Терекъ-даванскій перевалъ опасно, что кашгарцы обезпокоятся и выставятъ усиленные пикеты; затѣмъ начали описываться ужасы дороги въ Каратегинъ изъ Соха, гдѣ нужно идти черезъ таракъ (трещины въ ледникѣ) для чего жители привязываютъ къ тѣлу длинныя палки, чтобы въ случаѣ паденія въ трещины зацѣпиться пока не вытащатъ. Я благодарилъ мехтера за его заботливость, но указывалъ, что мнѣ уже не въ первый разъ приходится путешествовать по горамъ, что я и жена привыкли къ этому, просилъ только дать надежныхъ людей для сопровожденія, а главное приказать, чтобы вездѣ давали проводниковъ. Мехтеръ обѣщалъ устроить все это возможно скорѣе.

Въ томъ же зякетъ-сараѣ мы посѣтили русскихъ купцовъ. Въ Кокандѣ жили въ то время прикащики двухъ домовъ Пуышевыхъ, троицкихъ купцовъ; дома эти ведутъ самую обширную и солидную торговлю и пользуются въ Ташкентско-кокапскомъ раіонѣ наибольшимъ уваженіемъ и значеніемъ. Особенно пріятно было для меня знакомство съ прикащикомъ г. Колесниковымъ. Отъ него я получилъ много практическихъ совѣтовъ и указаній; онъ замѣнилъ мнѣ во многомъ такого агента, па отсутствіе котораго я указывалъ выше. Въ послѣднихъ сборахъ онъ тоже много помогъ мнѣ и я позволяю себѣ здѣсь выразить ему свою признательность за его обязательную любезность.

Отзывы его о ходѣ торговли были вообще благопріятны; о мехтерѣ онъ отзывался какъ объ очень внимательномъ къ интересамъ русскихъ купцовъ и говорилъ, что всѣ его претензіи (по полученію денегъ, торговля ведется въ кредитъ) па кокапскихъ купцовъ всегда внимательно разбирались и рѣшенія быстро приводились въ исполненіе. Много хвалилъ онъ также Атабека. Это весьма почтенная личность, очень старая и имѣвшая въ то время титулъ паиба, т. е. начальника всѣхъ войскъ. При взятіи Пишпека въ 1860 г., гдѣ онъ былъ комендантомъ, онъ попался въ плѣнъ къ русскимъ и долго прожилъ въ качествѣ военнопленнаго въ Вѣрномъ. Тамъ онъ узналъ русскихъ, ихъ силу и значеніе и потому при теперешнемъ правительствѣ явился ревностнымъ поборникомъ политики дружбы съ Россіей. Народъ чрезвычайно уважаетъ его и почитаетъ за святаго. Пользуясь этимъ и своими годами, онъ не стѣсняясь высказываетъ хану правду и даетъ совѣты, не подлаживаясь подъ настроеніе и желанія хана. Положеніе его поэтому часто бывало тяжело: наушники сейчасъ же иначе объясняли его дѣйствія, ханъ дѣлался невнимателенъ къ нему и поэтому уже при мнѣ поговаривали, что онъ проситъ отставку. По послѣднимъ свѣдѣніямъ дѣйствительно паибъ вышелъ въ отставку послѣ крупной размолвки, когда ханъ пригрозилъ ему даже смертью. Старикъ не смутился и отвѣтилъ, что онъ такъ старъ (ему болѣе 80 лѣтъ), что ему все равно сейчасъ ли умереть, или нѣсколько позже. Ханъ нѣкоторое время сердился, но далъ ему деревню и черезъ нѣсколько времени Атабекъ опять сталъ появляться при дворѣ.

Посѣтить мнѣ его не удалось, сначала все откладывалось, говорилось что нужно выбрать время, такъ какъ Атабекъ почти постоянно во дворцѣ, а потомъ уже нужно было ѣхать въ путешествіе. Мехтеровымъ людямъ какъ будто не хотѣлось, чтобы я ѣхалъ къ Атабеку. Я его впрочемъ видѣлъ: проѣзжая мимо крѣпости, мы замѣтили старика съ длинной бѣлой бородой, сидѣвшаго на площадкѣ у воротъ. Почтенная фигура этого старца невольно врѣзывалась въ памяти.

Средоточіе общественной жизни въ среднеазіатскихъ городахъ это — базары; тутъ, куда ни оглянись, всюду встрѣтишь столько оригинальнаго, столько характернаго для правовъ ту-

земной жизни, что описаніе тамошнихъ сценъ завело бы насъ слишкомъ далеко, поэтому я упомяну здѣсь только о двухъ сценахъ, видѣнныхъ мною на улицахъ. Обѣ онѣ печальныя: первая — похоронная процессія, мало напомнившая мнѣ то, что я видѣлъ раньше, напр. въ Самаркандѣ: два плачущихъ мальчика съ палками открывали шествіе; затѣмъ несли носилки, обвѣшанныя бѣлой матеріей, скрывавшей трупъ, въ головахъ у котораго былъ положенъ халатъ; сзади шло нѣсколько мужчинъ.

Другая сцена — арестанты, собирающіе милостыню: въ одной изъ глухихъ улицъ мы встрѣтили двухъ человѣкъ, скованныхъ цѣпью вмѣстѣ такъ, что они должны были всюду слѣдовать другъ за другомъ. Они обратились къ намъ за подаяніемъ; чрезвычайно заинтересованный подобной встрѣчей, я сталъ распрашивать; оказалось, что случай этотъ самое обыденное, обычное дѣло: скованныхъ такимъ образомъ арестантовъ часто выпускаютъ, предоставляя имъ бродить по городу и выпрашивать себѣ милостыню. Видъ этихъ несчастныхъ былъ ужасенъ. Въ одинѣхъ рубахахъ, испитые, изможенные бродили эти непризнаваемыя за людей существа, очевидно ни въ комъ не возбуждая ни малѣйшей жалости. Я сдѣлалъ было попытку спросить за что они сидятъ, но толковаго отвѣта не получилъ; одинъ отвѣтилъ, что онъ кураминецъ, посаженъ муллой Маруфомъ т. е. Махрамскимъ бекомъ. Въ чемъ онъ обвинялся, гдѣ мѣсто совершеннаго имъ преступленія, наконецъ, когда онъ оставилъ Кураму (которая, какъ извѣстно, находится въ русскихъ предѣлахъ) и считаетъ ли себя русскимъ подданнымъ, я не могъ добиться, а слѣдовательно и выяснить насколько бекъ былъ правъ, посадивши его въ коканскую тюрьму. Нечего говорить, что въ виду всего этого дѣлать какія либо заявленія мехтеру относительно этой встрѣчи я не видѣлъ достаточно поводовъ и своимъ непрошеннымъ вмѣшательствомъ могъ сразу возбудить неудовольствія и испортить все дѣло. Да я и не знаю оговорены ли права русскихъ подданныхъ быть судимыми русскимъ судомъ или по крайней мѣрѣ въ присутствіи русскаго представителя. Конечно, природнаго русскаго ни одно среднеазіатское правительство не осмѣлится судить само, но относительно выясненія правъ русскихъ подданныхъ изъ туземцевъ обращаться въ подобныхъ случаяхъ къ русской власти съ просьбою о защитѣ, едвали не необходимы особыя мѣры и заботы администраціи. Гарантіи туземнаго суда очень недостаточны для подсудимыхъ: главное основаніе — показанія свидѣтелей, подкрѣпленныя присягой; а извѣстно, что продажность тамошнихъ свидѣтелей вошла давно уже въ поговорку, нисколько впрочемъ не вліяющую повидимому на строгость примѣненія самыхъ жестокихъ наказаній.

Казни весьма не рѣдки. Благодаря случаю или любезности коканцевъ, при насъ не было совершено ни одной казни и мы были избавлены отъ непріятности наталкиваться на картины валяющихся на улицѣ труповъ. Процедура казни самая возмутительная: осужденнаго сначала водятъ по городу и стража заставляетъ его кричать собравшемуся народу: «не дѣлай (того то, за что преступникъ осужденъ), иначе постигнетъ тебя судьба моя!» Казнятъ обыкновенно чрезъ зарѣзаніе, что совершается съ самой первобытной простотой: палачъ беретъ осужденнаго за голову, читаетъ молитву и перерѣзываетъ ножомъ горло. Передъ этимъ заставляютъ осужденнаго громко прокричать благодарность хану и его правосудію, что осужденные исполняютъ безпрекословно.

Какъ о рѣдкомъ случаѣ разсказываютъ объ одномъ преступникѣ, который вмѣсто похвалы началъ ругать хана. Несчастнаго били безпощадно, желая вырвать у него эту оригинальную благодарность правосудному властителю, но наконецъ, для прекращенія скандала,

должны были зарѣзать его, не добившись похвалъ хану. Обыкновенно для казни выбирается базарный день и трупъ казненнаго въ назиданіе народу лежитъ два дня, заражая во время жаровъ воздухъ. Чуть ли не послѣдняя казнь передъ нашимъ пріѣздомъ была совершена надъ злостнымъ банкротомъ: купецъ, хорошо ведшій свои дѣла, вдругъ прекратилъ торговлю и объявилъ, что разорился; но черезъ нѣсколько времени пріобрѣлъ большой садъ, началъ строить домъ и вообще устраивать свою жизнь далеко не такъ, какъ подобаетъ бѣдняку; навели справки и ханъ приказалъ его казнить. Но если часты казни публичныя за такія даже преступленія, которыя у насъ разсматриваются по гражданскому кодексу, то чуть ли еще не больше казней тайныхъ, вызываемыхъ желаніемъ устранить людей, опасныхъ въ политическомъ отношеніи. Предшествовавшія междоусобія оставили въ ханствѣ много людей, желавшихъ видѣть во главѣ правленія другую партію, кипчакскую или кочевую и вотъ отъ нихъ то ханъ почелъ за нужное избавиться посредствомъ не гласныхъ казней. Многіе изъ недовольныхъ, особенно люди знатные, бѣжали въ Кашгаръ, гдѣ какъ разъ въ это время утвердился Якубъ-бекъ, съ радостью ихъ принимавшій, такъ какъ нуждался въ вѣрныхъ и способныхъ сотрудникахъ. Такимъ образомъ основавшееся въ это время новое государство въ Кашгарѣ имѣло свою долю вліянія на ускореніе спокойствія и мира въ Коканскомъ ханствѣ, отвлекши къ себѣ много горючихъ элементовъ. Число тайно казненныхъ ханомъ въ послѣдніе пять лѣтъ (1866—1871 г.) мнѣ опредѣляли въ три тысячи человѣкъ. «Вдругъ пропадетъ человѣкъ и нѣтъ его, говорили мнѣ коканцы: это значитъ его зарѣзали по приказанію хана». Когда я выражалъ удивленіе, что единственнымъ средствомъ сдѣлать человѣка безвреднымъ считается зарѣзать его и спрашивалъ отъ чего не прибѣгаютъ къ заключенію или ссылкѣ, коканцы, мнѣ отвѣчали: «у насъ нѣтъ Сибири, куда бы можно было ссылать людей, какъ это дѣлается у русскихъ; прежде у насъ была Сибирь — *Куртка* въ нарынскихъ горахъ, но теперь и эта Куртка отошла къ Россіи,» замѣчали они при этомъ. Впрочемъ, кажется, Узгентъ служитъ теперь мѣстомъ ссылки. Возможно, что цифра тайно казненныхъ и преувеличена, но она показываетъ во всякомъ случаѣ, что отправлено на тотъ свѣтъ народу не мало; съ другой стороны нельзя и опровергать ее: человѣческая жизнь въ Средней Азіи считается ни во что. Страннымъ образомъ вслѣдствіе этого не выработалось у туземцевъ храбрости, а напротивъ самая тупая готовность умирать: туземецъ одинаково спокойно идетъ на казнь и стоитъ угрожаемый палкой подъ выстрѣлами картечи; способныхъ же сдѣлать что-нибудь самимъ съ рискомъ смерти находится лишь очень и очень немного.

Въ Коканѣ намъ нужно было еще кое-что пріобрѣсти для путешествія. Во-первыхъ, нужно было купить массу халатовъ. Это было легко, такъ какъ въ Коканѣ производство ихъ весьма развито въ виду того обстоятельства, что ханъ дважды въ годъ раздаетъ всѣмъ своимъ солдатамъ по халату. Склады ихъ громадны; самые дешевые и весьма приличные изъ русскаго ситца стоятъ всего только по 2 р. 20 к.; рисунки ситца, употребляемаго на халаты, весьма разнообразны; главный характеръ конечно пестрота. Кромѣ этихъ дешевыхъ халатовъ я пріобрѣлъ еще нѣсколько болѣе дорогихъ, адрасовыхъ и канаусовыхъ для подарковъ болѣе важнымъ лицамъ. Всего въ Коканѣ пріобрѣтено было 65 халатовъ на 230 р., но и этого оказалось мало; пришлось прикупать еще и уже за болѣе дорогую цѣну [1].

[1] Мнѣ показалось страннымъ, до чего могутъ мѣняться цѣны даже на такія общераспространенныя вещи, какъ халаты; помнится, въ Наманганѣ, всего въ 80 верстахъ отъ Кокана, за болѣе плохіе ситцевые халаты, я заплатилъ уже больше 3 руб., т. е. на 4 рубля дороже.

Еще бо́льшую заботу доставили вьючныя лошади; сначала я хотѣлъ купить лошадей, сѣдла и т. д., но оказалось это весьма затруднительнымъ: при спѣшности выборъ лошадей былъ бы вѣроятно неудаченъ, затѣмъ нужно было бы прiискивать людей для вьючки и наблюденія за лошадьми въ пути. Поэтому я очень обрадовался, когда узналъ, что можно нанять такъ называемаго пшакчи, т.-е. занимающагося перевозкой товаровъ на вьюкахъ, чрезъ горныя мѣстности. Свои вьючныя лошади представляли ту выгоду, что мы могли, не стѣсняясь состояніемъ дорогъ, ѣхать куда угодно; при наемныхъ лошадяхъ можно было ожидать протеста со стороны возчиковъ. Но это неудобство устранялось: за извѣстную плату пшакчи Мирза-Рахмъ соглашался ѣхать всюду, или какъ онъ выразился въ сочиненномъ имъ самимъ условіи: «все, что онъ (т.-е. я) прикажетъ, будетъ ли бранить, или велитъ навьючить вьюки и прикажетъ двинуться, куда онъ захочетъ, буду слушаться и все исполнять». Затѣмъ и объявленная имъ цѣна по 4 тилли (15 р. 20 к.) въ мѣсяцъ съ лошади была не высока. Я согласился на нее, радуясь, что избавляюсь отъ заботъ о семи лошадяхъ, надзора за вьючкой, цѣлостью веревокъ и проч. и проч., что опять неизбѣжно пало бы на меня. Нельзя впрочемъ сказать, чтобы послѣ я такъ же радовался: Мирза Рахмъ доставилъ мнѣ много огорченія. Затѣмъ нужно было позаботиться о прислугѣ: взятый мною изъ Ташкента, Василій, кажется, напугался разсказовъ о трудностяхъ пути и объявилъ себя больнымъ, причемъ назвалъ такую болѣзнь, что отбилъ всякіе помыслы уговаривать его ѣхать дальше. Я рѣшился попытаться взять молодаго парня изъ туземцевъ, надѣясь, что онъ все-таки будетъ хоть до извѣстной степени полезенъ. Но, увы, и этой надеждѣ черезъ два же дня суждено было отлетѣть: я не могъ добиться, чтобы онъ вскипятилъ, какъ слѣдуетъ, воду въ чайникѣ, а моихъ познаній въ туземномъ языкѣ было недостаточно для систематическаго обученія.

Наконецъ, 15-го іюня, привезли намъ пиаатъ наму́, т.-е. открытое предписаніе съ ханской печатью, въ силу котораго мы должны были на всемъ пространствѣ ханства находить содѣйствіе и гостепріимство. Привожу этотъ интересный документъ.

„Правителямъ, аминамъ, серкерамъ и другимъ начальствующимъ лицамъ округовъ: Маргляна, Андиджана, Шаариханы, Аравана и Булакбаши, и городовъ: Оша, Учъ-кургана, Чеміана, Соха, Исфары, Чарку и Воруха, да будетъ извѣстенъ сей высочайшій приказъ: шесть человѣкъ русскихъ и въ числѣ ихъ одна женщина, съ семью служителями, ѣдутъ видѣть гористыя страны, почему повелѣвается, чтобы въ каждомъ округѣ и въ каждомъ мѣстѣ ихъ принимали, какъ гостей, чтобы никто изъ кочевниковъ и сартовъ ихъ не трогалъ и чтобы упомянутые русскіе совершили свое путешествіе весело и спокойно. Это должно быть исполнено безпрекословно!“

Для сопровожденія насъ было назначено 8 человѣкъ джигитовъ, людей мехтера. Главнымъ изъ нихъ былъ Абдукаримъ караулъ беги, старикъ лѣтъ 70, весьма почтенной внѣшности. Остальные были по большей части молодежь. Мирза Едгаръ, бывшій при насъ во все время пребыванія въ г. Коканѣ, тоже былъ назначенъ сопровождать насъ. Ему я поручилъ перевезти въ г. Маргланъ наши вещи, ненужныя для предстоящей поѣздки въ горы, и тяжелый грузъ серебряныхъ денегъ. Съ остальными людьми мы выѣхали изъ Кокана 17 іюня.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ВЪ ИСФАРУ И КЪ ЛЕДНИКУ ЩУРОВСКАГО.

Первый день пути.— Способы путешествія.— Составленіе маршрута.— Ночлегъ.— Непріятный случай; оригинальный уходъ за лошадьми.— Видъ на Фергану.— Лякконъ дагана.— Исфара.— Воспоминаніе о Конолли.— Древніе курганы.— Чарку.— Ворухъ.— Лживость таджиковъ.— Встрѣча съ Хасаномъ пянджабаши.— Ходжа Чибурганъ.— Граница ячменя.— Чичикъ яйлау.— Первое знакомство съ киргизами.— Подарки.— Перевалъ Джипыкъ.— Верхняя и нижняя границы арчи.— Бій Катта-Магометъ.— Лѣтовка.— Дорога къ леднику.— Альпійскія растенія.— Каменныя жилища.— Посѣщеніе ледника.— Описаніе его.— Кехъ.— Тѣснина Караколь.— Кара булакъ.— Masarideae.— Характеръ киргизскаго селенія.— Сохская рѣка.— Сохъ.— Верховья Сохской рѣки.— Дорога въ Каратегинъ.— Киргизское возстаніе.— Ключъ.— Дорога въ Ошу.— Р. Шахимарданъ.

За разными сборами мы выѣхали изъ Кокана уже послѣ полудня и потому торопились ѣхать до предположеннаго ночлега, въ селеніи Яйпанъ. Дорога почти все время пролегала по садамъ и вообще по обработаннымъ пространствамъ, такъ что особаго интереса въ естественно-историческомъ отношеніи не представляла: все было повтореніемъ того, что я наблюдалъ уже въ другихъ оазисахъ. Поэтому я рѣшился до Исфары ѣхать безостановочно. Я спѣшилъ; въ послѣдніе дни, когда сборы въ Коканѣ затянулись и время уходило напрасно, я начиналъ даже колебаться относительно того, ѣхать ли въ долину Исфары, такъ какъ эта поѣздка должна была увести насъ опять къ западу. Но отказаться отъ нея—значило показать коканцамъ, что въ предположенномъ маршрутѣ могутъ дѣлаться измѣненія, а слѣдовательно дать имъ довольно вѣскій доводъ, что подобныя же измѣненія можно производить и въ другихъ случаяхъ. Такимъ образомъ поѣздка въ исфаринскую долину была рѣшена. При этомъ я предполагалъ дойти до истоковъ Исфары и, если можно, спуститься на Заравшанскій ледникъ, который по имѣвшимся свѣдѣніямъ оканчивался приблизительно на меридіанѣ Исфары. Дорожа временемъ, я вообще рѣшилъ двигаться возможно быстро, но самый способъ путешествія не позволялъ дѣлать большихъ переходовъ. Мы ѣхали верхомъ, имѣя при себѣ изъ снарядовъ и другихъ принадлежностей только самое необходимое; все остальное ѣхало вьюками на особыхъ лошадяхъ. Этотъ то вьючный обозъ главнымъ образомъ и задерживалъ насъ при движеніяхъ. Онъ шелъ обыкновенно отдѣльно и при этомъ значительно медленнѣе насъ. Несмотря на то, что мы во время дороги дѣлали много остановокъ для наблюденій и коллектированія, что большею частію ѣхали шагомъ,—обозъ все-таки почти постоянно приходилъ позже насъ на ночлегъ. Поэтому наши переходы были не велики; въ горахъ, напр., мы дѣлали обыкновенно верстъ 20—25 въ день, а въ трудныхъ мѣстахъ и менѣе; по дорогамъ болѣе открытымъ—верстъ 30, и иногда линь до 40. Понятно, конечно, что величина переходовъ находилась также въ связи съ возможностью собирать во время пути, почему

дѣлать переѣзды болѣе 40 верстъ рѣдко приходилось, развѣ тогда только, когда имѣлось въ виду пріѣхать скорѣе въ данный пунктъ. Такъ, напримѣръ, на обратномъ пути въ Ташкентъ изъ Намангана, мы сдѣлали въ шесть дней, не останавливаясь, 270 верстъ, причемъ были переходы слишкомъ въ 55 верстъ. Но и это не самая большая скорость: въ Заравшанской долинѣ мнѣ приходилось дѣлать переѣздъ изъ Пянджикента въ Самаркандъ (65 верстъ) въ одинъ день. Джигиты же, посылаемые съ экстренными извѣстіями (джапары), проѣзжаютъ гораздо болѣе: меня увѣряли, что изъ Ошъ въ Кашгаръ джапаръ пріѣзжаетъ на пятый день, а разстояніе тутъ не меньше 350 верстъ. Вотъ при такомъ разнообразіи въ числѣ верстъ, которое проѣзжаютъ въ день, т.-е. отъ 20 до 70, и сводите разстоянія, получаемыя при распросахъ! прибавьте къ этому еще преувеличенія, дѣлаемыя туземцами, вовсе не съ цѣлью обмануть, а просто потому, что въ горахъ дорога кажется ужасно длинна, и по трудности, и по ея постоянной извилистости, вслѣдствіе чего попадающіеся виды постоянно мѣняются.

Мы выѣхали изъ Кокана чрезъ ворота Ауганъ; они называются такъ потому, что вблизи ихъ находится обширный кишлакъ, тоже называемый Ауганъ отъ живущихъ въ немъ афганцевъ, говорятъ давно уже поселившихся тутъ. Немного кривя, мы ѣхали однако приблизительно въ одномъ направленіи, но въ какомъ—рѣшить было трудно. Мнѣ очень хотѣлось посмотрѣть на буссоль, но коканскіе джигиты не оставляли насъ ни на минуту, а мнѣ не хотѣлось возбуждать ихъ подозрительность на первыхъ же шагахъ. Установивъ общее направленіе дороги по виднѣвшейся далеко на юго-западѣ горѣ, я воспользовался какой то разрушенной стѣнкой, зашелъ за нее и взялъ направленіе. На другой день дѣло шло уже легче: мы какъ то разбились, вся партія растянулась на нѣсколько верстъ, и я уже менѣе стѣснялся. Затѣмъ, когда нужно было, при частыхъ поворотахъ въ ущельяхъ, чаще брать направленіе, буссоль перешла въ руки Ольги Александровны, какъ менѣе вызывавшей сомнѣнія относительно ея занятій. Но послѣ, ознакомившись съ джигитами и увидавъ, что они въ сущности очень добродушный народъ, я пересталъ стѣсняться, да и они немного обращали вниманія на мои посматриванія въ разныхъ направленіяхъ: но и тогда все-таки, если близко были коканцы, я, чтобы не возбуждать никакихъ подозрѣній, запоминалъ углы и при первомъ удобномъ случаѣ дѣлалъ какой-нибудь вопросъ и тогда уже записывалъ цифры. Наносилъ же направленія и вообще дѣлалъ набросокъ пройденной мѣстности уже по пріѣздѣ на ночлегъ; дорогой же набрасывалъ только очень запутанныя мѣста для памяти въ карманной книжкѣ. Кромѣ того, мнѣ много помогалъ и самый способъ буссольной съемки, такъ какъ туземцы не видали, чтобы при такихъ ничтожныхъ повидимому средствахъ тоже можно было начертить пройденное пространство; глазомѣрная съемка буссолью не въ употребленіи у туркестанскихъ топографовъ: они таскаютъ съ собой мензульную доску, линейку съ діоптрами, тяжелый штативъ, зонтикъ и т. д., что требуетъ много людей и вообще ужасно усложняетъ дѣло. Мнѣ кажется, что въ Туркестанскимъ краѣ, гдѣ больше половины всего пространства приходится наносить «по соображенію», какъ нѣкоторые выражаются, было бы нелишнее прибѣгнуть къ буссольной съемкѣ; тогда въ годъ, два, при огромномъ числѣ имѣющихся тамъ топографовъ, можно было бы составить очень хорошую карту края, особенно еслибы было сдѣлано побольше астрономическихъ опредѣленій. Инструментальныя съемки, тріангуляціи, хозяйственныя съемки, къ чему уже приступлено, дали бы возможность потомъ дополнить составленную карту. Для маштаба же въ 40—50 верстъ въ дюймѣ, въ которомъ издаются общія карты Туркестана, глазомѣрная съемка съ буссолью, связанная съ астроно-

мическими пунктами, была бы совершенно достаточна. Но все имѣетъ свою хорошую сторону: не зная, что такимъ невиннымъ способомъ можно обмѣрять землю, туземцы въ Коканѣ нисколько не затруднили мнѣ составленіе маршрутовъ и ограничились небольшимъ числомъ вопросовъ о томъ, для чего у меня маленькій инструментъ, на который я такъ часто поглядываю. Отвѣты въ родѣ того, что это необходимо для наблюденія вѣрнаго хода часовъ, или что черезъ эту машинку я лучше вижу вдали, совершенно ихъ удовлетворили. Даже какъ то пробовали смотрѣть чрезъ діоптры, но, конечно, ничего не увидали, хотя, не желая уронить своего достоинства, отходили съ глубокомысленнымъ видомъ и заявляли свое лаконическое якши (хорошо).

Такимъ образомъ я имѣю возможность дать здѣсь маршруты моего пути, которые помогутъ слѣдить за разсказомъ. При этомъ я долженъ оговориться, что сдѣланные мною маршруты даютъ болѣе или менѣе точное изображеніе линіи пути, направленія долинъ, рѣкъ, лощинъ, но я счелъ полезнымъ нѣсколько расширить полосу изображеннаго пространства, такъ какъ только при этомъ выступаетъ характеръ пройденной мѣстности. Въ общемъ характеръ выраженъ вѣрно, но детали, конечно, могутъ сильно измѣниться: гдѣ поставленъ пикъ тысячъ въ 17′, можетъ впослѣдствіи оказаться сѣдловина въ 14,000′, а пикъ станетъ на мѣсто сосѣдней сѣдловины; отъ этого общій характеръ все-таки не измѣнится.

На переѣздѣ въ с. Яйпанъ меня поразила одна лощина, которую намъ приходилось пересѣчь: вертикальныя глиняныя стѣны, галька на днѣ, все это указывали на русло рѣчки, и я полагаю, что это вѣроятно было русло Сохской рѣки, которая въ прежнее время текла однимъ руслом. Теперь эта рѣка, какъ только выходитъ изъ послѣдней гряды горъ, начинаетъ дѣлиться на арыки; многіе изъ тѣхъ, чрезъ которые намъ пришлось переѣхать, имѣютъ значительную величину. Въ настоящее время районъ орошенія изъ Сохской рѣки доходитъ до арыковъ изъ Исфаринской рѣки, и селеніе Бишъ-арыкъ получаетъ воду изъ обѣихъ рѣкъ. Хотя мы ѣхали не по окраинѣ садовъ, но мѣстность эта обработывается еще недавно; на это указываютъ и названія: мы проѣхали кишлаки: Луганъ, основанный и заселенный выходцами изъ Афганистана въ настоящемъ столѣтіи; Якка-тутъ, что значитъ одинъ тутъ,—названіе, происшедшее отъ того, что кто то посадилъ здѣсь тутовое дерево, и фактъ этотъ еще не забытъ; Даштъ кишлакъ,—даштъ значитъ степь, бывшая въ этомъ мѣстѣ не такъ давно. Такихъ мѣстъ, которыя недавно, при посредствѣ орошенія, сдѣлались доступными культурѣ, въ ханствѣ много, и я еще буду имѣть случай указать на нихъ далѣе.

Яйпанъ, гдѣ намъ былъ приготовленъ почлегъ, лежитъ немного правѣе прямой дороги, но былъ выбранъ сопровождавшими насъ джигитами, какъ болѣе обширный и богатый. Предписаніе хана и гостепріимство требовали, чтобы мы и всѣ наши спутники, а также и наши лошади, имѣли вездѣ даровую пищу. Можетъ быть такой обычай и прекрасенъ, но намъ онъ доставилъ великое множество стѣсненій, такъ какъ онъ часто заставлялъ насъ останавливаться тамъ, гдѣ насъ хорошо накормятъ, а не тамъ, гдѣ это нужно было для работъ. Кромѣ того это вліяло на поѣздки въ горы, гдѣ нельзя было разсчитывать на даровое угощеніе. Наконецъ, это же отзывалось очень неловко и на счетахъ, такъ какъ, оплачивая за поставляемый фуражъ и приготовляемую пищу, приходилось отдаривать вмѣстѣ съ тѣмъ и за то, что давалось моимъ джигитамъ и ишакчи, которые и безъ того получали деньги. Въ Яйпанѣ намъ приготовили хорошую саклю. Несмотря на это, когда тутъ же, въ тѣсномъ дворѣ, расположились наши спутники со всѣми лошадьми, мы, чтобы избѣжать духоты,

КОКАНЪ
1740
Ворота Дуганъ
Ленгеръ
Кайнаръ
Кульматъ
Якка-тутъ
Ленгеръ кишлакъ
Ишанъ
Ахсикентъ
Кирмень дивана
Чильмы
Кулыкентъ
Шефара
2850
Кирганъ
Гора Гуль Исламъ
Кирганъ Замераша
Сиръ
Чарку
4730
Коруль
Кокъ
Кисловодскъ
Мечеть Ходжа Чидиргана
Ханъ
8860
Яйчикъ Яйлау
12700
Ленгеръ
Ленгерскій Яйлау
9850
Хотуръ тау
19030
Ленгеръ Шуровскаго
Дер. Шуровскаго
19000
Тъсанна
Керакольскій Яйлау
Кара Булакъ
дор. черезъ Будыкенъ въ Чарку и Нефару
дор. изъ Нефары
дор. въ Коканъ
Ревань
Горы Катранъ
Ханъ
Сохъ
Чашма
Хишъяръ
Дувалъ
Горы Алаудинъ
дор. въ Каратегинъ чрезъ перевалъ Гарбакъ
Шаукань
Ташкентъ
Сыртала
Вадиль
Ташкентская дор.
Ленгаръ
Шахи-мардянъ
4690
Кара Шура
Шивалдакъ
6300
6500
Кангаусъ
Маликъ
8500
Кирикалукъ Яйлау
8750
11300
Г. Баба
Кирикалукъ
12350
Картографическое заведение Ф. Ф. Беллодеръ въ Берлинѣ

забрались на плоскую крышу дома, гдѣ и расположились окончательно, поставивъ къ ночи палатки.

Утромъ ждала меня непріятная новость: лошадь, только что купленная въ Коканѣ, и на которой я ѣхалъ наканунѣ, заболѣла. Зная, что туземцы имѣютъ обыкновеніе сейчасъ же по пріѣздѣ задавать лошадямъ кормъ, я поставилъ джигитамъ первымъ условіемъ не кормить лошадей раньше, какъ черезъ 3 — 4 часа, смотря по дорогѣ, и требовалъ этого вопреки всѣмъ ихъ возраженіямъ, но, кажется, это соблюдалось только въ тѣхъ случаяхъ, когда лошади стояли передъ палаткой, или фуражъ былъ у меня въ рукахъ, и слѣдовательно я могъ или самъ наблюдать, чтобы лошади выстаивались, или же не выдавалъ корму раньше глубокой ночи. Случай болѣзни лошади я приписываю именно этой небрежности въ выдачѣ корма,—такъ какъ впослѣдствіи, при вскрытіи, у нея оказалось воспаленіе кишекъ, набитыхъ массой непереваренной пищи. Надѣясь, что лошадь оправится, я велѣлъ вести ее дальше въ Исфару, но дорогой у нея все больше и больше раздувало животъ. Туземцы и даже бывшіе тутъ же киргизы не могли дать никакого совѣта, что меня очень удивило, такъ какъ они проводятъ большую часть жизни съ лошадьми. Довести больную лошадь до Исфары однако не удалось: только что я уѣхалъ впередъ, джигиты распорядились ее зарѣзать, чтобы предупредить смерть. Дѣло въ томъ, что павшую лошадь никто не станетъ употреблять въ пищу, а зарѣзанную, хотя бы въ моментъ послѣдней агоніи, ѣсть нисколько не считается неудобнымъ. На этомъ основаніи джигиты и выказали столько предупредительности въ соблюденіи моихъ интересовъ.

Потеря лошади была для меня непріятна и чувствительна: это была уже вторая лошадь, которую я терялъ въ одно лѣто; первая, тоже вслѣдствіе дурнаго ухода, была навсегда искалѣчена во время путешествія въ Кизилъ-кумы.

18 іюня, оставивъ Яйпанъ, мы скоро выѣхали изъ полосы садовъ и полей и приблизились къ мѣстамъ, гдѣ культура уже невозможна, такъ какъ почва состоитъ изъ голаго конгломерата. Здѣсь крайнимъ жилымъ пунктомъ одиноко стоитъ рават Каримъ-дивапы. Старикъ хозяинъ былъ сильно озабоченъ передѣлкой своего небольшаго рават, служившаго доселѣ постоялымъ дворомъ, въ мазаръ—могильную постройку, внутри которой онъ завѣщалъ себя погрести. Мы видѣли, такимъ образомъ, какъ бы возникновеніе новаго святаго. И будетъ прохожій народъ вспоминать, какъ онъ останавливался тутъ, находилъ хорошій пріемъ, слышалъ здѣсь умныя рѣчи; одинъ положитъ на заваленку камень, привяжетъ къ палкѣ тряпочку, слѣдующій повторитъ и т. д. Въ результатѣ получится обстановка, соотвѣтствующая могилѣ святаго, и память о новомъ святомъ легко и незамѣтно войдетъ въ народное сознаніе. Такой нехитрый способъ появленія новыхъ святыхъ объясняетъ между прочимъ, почему въ Туркестанѣ ихъ такая масса. А кромѣ того дѣлу помогаютъ немало и сыновья или родственники умершаго, удачно подъ часъ эксплуатирующіе память пріобрѣтшихъ уваженіе при жизни, обдѣлавъ немного могилу, поставивъ на ней палку съ тряпицей, да зажигая на ночь почникъ, такъ какъ этимъ можно обезпечить себѣ средства къ безбѣдному существованію.

Приближаясь къ ущелью, мы воспользовались случаемъ посмотрѣть на долину Ферганы съ высоты. Къ сожалѣнію, вѣтеръ дулъ страшный, подымалъ пыль и тѣмъ затруднялъ въѣздъ на голую каменную гору. Въ направленіи къ сѣверо-востоку мы увидали сплошную массу зелени, сливавшуюся съ горизонтомъ. Намъ показали мѣсто, гдѣ находился г. Коканъ, но

масса садовъ шла еще далѣе на сѣверъ и пропадала во мглѣ. Такой обширной непрерывной массы зелени садовъ я не видалъ еще въ Средней Азіи. Нельзя было не удивляться, смотря на раскинувшуюся внизу картину, зная, что все въ ней есть исключительно дѣло рукъ человѣческихъ. Я видалъ мѣста, совершенно сходныя по почвеннымъ условіямъ и климату съ тѣмъ, что представляетъ только что пройденное пространство, но въ нихъ или не хватаетъ воды, или по какимъ либо причинамъ нельзя было воспользоваться ею въ нужномъ количествѣ, словомъ условія были болѣе или менѣе стѣснительныя. Здѣсь же значеніе человѣческихъ усилій выступало въ полной ихъ силѣ.

По поводу этого вида я разговорился съ нашимъ вожакомъ Абдукаримомъ караулъ беги и онъ объяснилъ мнѣ, что коканская долина въ книгахъ называется Фергана, но что въ народѣ это названіе уже неупотребительно.

Въѣзжая въ горы, я увидалъ довольно значительной величины ручей, протекавшій по ущелью и обрадовался было представившейся возможности напиться, но былъ остановленъ замѣчаніемъ, что вода въ ручьѣ солепая и негодная для питья. Оказалось, что мы должны весь путь до Исфары, т.-е. слишкомъ 30 верстъ, совершить по мѣстности, не имѣющей воды, годной для питья. Насъ не предупредили объ этомъ раньше и мы не запаслись водой, никакъ не предполагая, что, въѣзжая въ горы, окажемся безъ питья. Страдая отъ жажды, мы радовались если случайно попадались на встрѣчу арбакеши, у которыхъ была съ собою вода въ кувшинахъ и которые ни разу не отказали подѣлиться съ нами своими запасами. Хотя дорога все время идетъ между горъ, т.-е. вѣрнѣе поперегъ или между невысоко поднятыхъ пластовъ, но она настолько широка и равномѣрно поднята, что арбы двигаются безъ малѣйшихъ затрудненій. Сначала дорога идетъ по широкой долинѣ съ соляпымъ ручьемъ, называемой Лякконъ-дагана; Лякконъ — по имени селенія, которое лежитъ дальше, за первой грядой горъ, а дагана означаетъ ущелье. Потомъ дорога сворачиваетъ направо, а ущелье продолжается еще далѣе на югъ, гдѣ въ его вершинѣ производится добыча жерноваго камня. Свернувъ направо, дорога идетъ по продольной лощинѣ, между двухъ поднятыхъ грядъ; затѣмъ она зигзагомъ переходитъ чрезъ южную гряду, безъ всякаго подъема, черезъ трещину. Открывающаяся новая продольная долина гораздо обширнѣе, и горы, ограничивающія ее съ юга, гораздо выше, именно тысячи на 2 футъ подымаются надъ лощиной. Мы проѣхали такимъ образомъ чрезъ рядъ приподнятыхъ позднѣйшихъ морскихъ осадковъ, простираніе которыхъ было восточно-западное, а довольно крутое паденіе на сѣверъ. Первое, что мы пересѣкли, были конгломераты; далѣе на югъ сѣрыя глины, затѣмъ красныя; южнѣе лежали известняки съ толстыми слоями гипса. Нельзя не припомнить, что тѣ же слои и въ томъ же порядкѣ встрѣчаются близъ Самарканда на Чупанатѣ.

Проѣхавъ довольно долго по лощинѣ, мы вдругъ оказались на краю ея: на востокѣ она переходитъ въ глубокій оврагъ, направляющійся къ Исфарѣ. По нему мы и стали спускаться и скоро съ высоты увидали яркую зелень, пятномъ лежавшую на правой сторонѣ рѣки. Это и былъ городъ или вѣрнѣе селеніе Исфара; размѣры ея не особенно обширны. Было уже довольно поздно, когда мы пріѣхали, и поэтому мы ограничились посѣщеніемъ ближайшихъ къ нашему саду (мѣсту ночлега) мѣстъ; взглянули на ничтожный базаръ, поинтересовались мостомъ черезъ Исфару. Съ страшной быстротой несется эта значительная рѣка по каменистому ложу. Въ послѣдніе дни она стала, какъ мнѣ говорили, сильно прибывать. Мостъ, длиною до 12 саженъ, стоитъ на трехъ устояхъ. Устои эти сдѣланы изъ дерева на

подобіе ящиковъ лодкообразной формы; доски, изъ которыхъ они сбиты, скрѣплены желѣзными полосами; внутренность наполнена каменьями. Мостъ достаточно широкъ для проѣзда арбъ; строенъ давно; требуетъ, вслѣдствіе первобытности постройки, частаго ремонтированія. Такъ какъ рѣка значительно разливается, а постройки, особенно мельницы, подходятъ къ самому руслу, то берегъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ подверженъ сильнымъ ударамъ воды, защищенъ косо отходящими насыпями изъ булыжника и палокъ (называемыми харакъ). Пройдя далѣе моста, мы наткнулись на весьма непріятное зрѣлище. Передъ нами былъ даръ, т. е. висѣлица. Она состояла изъ двухъ жердей вышиной сажени въ три, соединенныхъ наверху перекладиной, къ которой прикрѣплялись два блока. Такъ какъ до сихъ поръ по поводу туземныхъ казней я слышалъ лишь, что преступники зарѣзываются, и трупы ихъ бросаются на базарахъ, то висѣлица была для меня полною неожиданностью. Мнѣ разъяснили, что есть два рода казней: осужденнаго или рѣжутъ, это называется сауганъ — зарѣзанный, или оглушаютъ только ударомъ топора по головѣ и затѣмъ вздергиваютъ на висѣлицу, гдѣ трупъ остается три дня и затѣмъ уже хоронится; вторая казнь — асханъ, т. е. повѣшенный. Висѣлица стояла на маленькомъ островкѣ, между арыками, и, чтобы идти дальше, нужно было непремѣнно пройти подъ нее. Признаюсь, какое то неопредѣленное, очень непріятное ощущеніе невольно охватило меня, когда я двигался чрезъ эти ворота, спеціально назначенныя для отвратительной казни.

Вечеромъ мнѣ представили почтеннаго, всѣми уважаемаго старика, Сендъ-Ахмета, доживающаго свой вѣкъ въ Исфарѣ. Онъ пожелалъ видѣть европейцевъ, потому что давно, лѣтъ тридцать тому назадъ, видѣлъ инглиза, т. е. англичанина, пріѣзжавшаго къ Мадали-хану; очевидно онъ разумѣлъ Конолли, послѣ того такъ печально кончившаго свою жизнь въ Бухарѣ въ 1842 г. Къ сожалѣнію все, что этотъ старецъ могъ мнѣ сказать про упомянутаго путешественника, заключалось въ отзывѣ, будто бы сдѣланномъ Конолли: «у васъ что за горы, у насъ онѣ гораздо выше!» Если это только такъ, то, вѣроятно Конолли разумѣлъ Гималаи, а не горы Англіи, какъ туземецъ понялъ это. Старику за память о Конолли достался халатъ и угощеніе чаемъ. Я воспользовался его словоохотливостью, чтобы разузнать о пещерахъ, которыя, какъ мнѣ говорили въ Ташкентѣ, находятся близь Исфары, но всѣ вопросы остались напрасны; Сендъ-Ахметъ съ недоумѣніемъ отвѣтилъ мнѣ, что развѣ только подъ именемъ пещеръ нужно разумѣть подземную галлерею, по которой проходитъ арыкъ выше Исфары у Суръ. Не могъ я также узнать ничего о зеркальномъ камнѣ (санги-айна), о которомъ говоритъ Баберъ [1]), будто въ немъ всѣ предметы отражаются, какъ въ зеркалѣ.

На слѣдующій день мы посѣтили медрессе, о которомъ мнѣ разсказывали, какъ объ очень древнемъ, построенномъ Абдулла-ханомъ. Оно находится въ восточной части города и настолько разрушилось, что входить въ него не безопасно, потому что выкрошившіеся кирпичи угрожаютъ паденіемъ. Центральная зала довольно обширна, въ нишѣ есть длинные стихи, которые будто бы описываютъ посѣщеніе Абдуллы и выражаютъ радость жителей. Намъ показали тарехъ, которымъ опредѣляется время постройки этого зданія, называемаго туземцами медрессе Абдулла; какъ извѣстно, тарехъ есть надпись, заключающая стихи или изрѣченіе, составленные такъ, что число, которое получается отъ сложенія буквъ послѣдняго слова, даетъ годъ событія. По нашему счету вышелъ 994 годъ, что опредѣляетъ зданію 293 года и туземцы тоже считаютъ, что оно построено за 290 лѣтъ.

[1]) Baber, Mémoires T. I p. 5.

Мы взошли по полуобвалившейся лѣстницѣ на пристройку, примыкающую къ средней залѣ. Видъ оттуда на окрестности не представлялъ ничего особеннаго: невысокія округлыя горы съ выжженной солнцемъ растительностью окружали площадку, на которой раскинулись сады и поля Исфары. На югъ видъ былъ болѣе живописенъ; тамъ горы были скалистыя, видѣлись болѣе высокіе пики, а въ направленіи SSW можно было разглядѣть высокій пикъ, покрытый снѣгомъ. Ближайшія къ Исфарѣ селенія находятся на востокъ отъ него; это Кулькепъ и Чильгазы, затѣмъ значительные кишлаки лежатъ внизъ по теченію р. Исфары, каковы: Ханаватъ, основанный при Омаръ-ханѣ (1810—1822), Фидевикъ, а при выходѣ рѣки изъ горъ на степь — Равать, селеніе въ 56 домовъ, до него отъ Исфары около 2 ташъ (ташъ 8 верстъ), а отъ Равата до Канибадама около таша; тутъ селеній уже нѣтъ, а разстилается описанная выше каменистая степь (дашт). Въ западную сторону, какъ мнѣ объяснили, кишлаковъ ближе Исманы нѣтъ, но это невѣрно; по дорогѣ въ Ходжентъ долженъ находиться рават Исманы, лежащій будто бы на разстояніи 9 ташъ, т. е. 72 верстъ; и опять соврали: все разстояніе отъ Исфары до Ходжента, по крайней мѣрѣ по прямой линіи, равно 72 верстамъ. По этимъ примѣрамъ можно судить о томъ, насколько слѣдуетъ полагаться на распросы. Въ юго-западномъ направленіи долженъ находиться Ляйлякъ, повидимому очень небольшое поселеніе, больше служащее мѣстомъ зимовки для киргизъ. Мнѣ сказали, что близь Ляйляка въ горахъ кочуютъ киргизы Ауахатъ, а дальше къ западу Кисакъ и Чабъ-куллюкъ, изъ которыхъ послѣдніе уже принадлежатъ къ Ходжентскому уѣзду. Я не буду говорить здѣсь о мѣстностяхъ къ югу отъ Исфары, такъ какъ мы сами туда направились, и многія я видѣлъ лично.

До Исфары идетъ колесный путь; онъ продолжается и немного далѣе, но уже верстахъ въ 5 отъ Исфары скалистыя горы такъ близко подходятъ къ руслу рѣки, что можно проѣхать только верхомъ; впрочемъ для верховаго путешествія дорога прекрасна до самаго Воруха.

Видъ, открывшійся передъ нами, какъ только мы выѣхали изъ садовъ Исфары, былъ великолѣпенъ; я назову его единственнымъ, какой я видѣлъ въ этомъ родѣ въ Туркестанѣ. Широкая долина, до полуверсты въ поперечникѣ, обрамленная темными скалистыми горами, была сплошь почти покрыта садами и полями съ самой свѣжей зеленью; небольшія возвышенности въ долинѣ тоже поросли зеленью и красиво разнообразили ландшафтъ. Голыя горы круто спускались съ обѣихъ сторонъ къ долинѣ и своими черными, а мѣстами красными, скалами еще рѣзче выдѣляли прелестную зелень долины. На заднемъ планѣ горы обоихъ береговъ почти сходились и замыкали долину, оставляя только тѣсный проходъ для рѣки.

На возвышеніи, недалеко отъ Исфары, находятся развалины древней крѣпости, которую туземцы называютъ Зимвраша. Мы посѣтили ее и нашли все въ состояніи полнаго разрушенія: едва можно только признать, что когда-то тутъ были жилища; оканчиваясь почти отвѣсно къ сторонѣ рѣки и возвышаясь надъ садами, прилегающими съ восточной стороны, крѣпость при несовершенствѣ оружія у мѣстныхъ жителей, вѣроятно, считалась очень сильнымъ военнымъ пунктомъ. Баберъ описываетъ, что онъ осаждалъ Исфару, и взятіе ея стоило ему порядочныхъ усилій; но такъ какъ самая Исфара не имѣетъ и слѣдовъ какихъ-либо укрѣпленій, то очень возможно, что его описаніе относится къ указанному кургану Зимвраша. Нѣсколько далѣе къ югу есть еще Зимвраша, старый курганъ на скалѣ лѣваго берега рѣки. Отъ него сохранились еще стѣны, что нужно приписать его положенію на трудно доступной скалѣ, лазить на которую за кирпичомъ едвали найдется много охотниковъ.

Почти у самаго Зимвраша (втораго) долина стѣсняется и здѣсь-то по скалѣ, а отчасти подъ землей, проходитъ тотъ арыкъ, о которомъ мнѣ говорили въ Исфарѣ; особенно замѣчательнаго (сравнительно съ подземными арыками Ходжентскаго уѣзда и карисомъ близъ Пянджикента) онъ ничего не представляетъ; провелъ его житель с. Суръ, по имени Ташъ-бай, лѣтъ 40 тому назадъ.

Проѣхавъ небольшой кишлакъ Суръ, мы увидѣли Чарку, селеніе для горъ весьма значительное: въ немъ 400 домовъ. Оригинальный видъ придаютъ ему двѣ горы, на значительномъ протяженіи покрытыя террасами, на которыхъ разбиты сады; вершины же ихъ совершенно голыя по невозможности провести туда воду. Горы являются эффектными вслѣдствіе того, что на нихъ культура значительно приподнята надъ уровнемъ лощины или, вѣрнѣе, продольной террасы, въ которой лежитъ Чарку. Вода, поящая всѣ эти поля и сады, проведена туда по хребтику, который соединяетъ эти горы на югѣ съ другими болѣе высокими; но соединенія этого не видно, и горы кажутся совершенно изолированными отъ ирригаціи лощины. Извѣстно, съ какимъ искусствомъ туземцы умѣютъ проводить воду на мѣста очень высоко лежащія (что̀ дало начало сложившейся шуткѣ объ умѣньи туземцевъ гнать воду въ гору); горы въ Чарку представляютъ отличный примѣръ этого искусства.

Въ Чарку мы осмотрѣли обиджуазъ, т. е. толчею, на которой приготовляется бумажная масса. Устройство такой фабрики совершенно сходно съ тѣмъ, что я видѣлъ въ Коканѣ, но приготовленіе изъ массы бумаги производится здѣсь въ другомъ помѣщеніи. На сосѣдней толчеѣ работала вѣялка (кампа), которая устройствомъ не отличалась почти отъ русской. Не обошлось, конечно, безъ угощенія со стороны жителей; на̀ скоро напившись чая, мы поспѣшили ѣхать далѣе, такъ какъ до Воруха на разстояніи почти 20-ти верстъ не было никакихъ селеній.

Довольно долго мы ѣхали еще полями, принадлежащими жителямъ Чарку; въ водѣ здѣсь недостатка нѣтъ и потому поля имѣли самый роскошный видъ; несмотря на значительную высоту (3100'; Коканъ лежитъ приблизительно на высотѣ 1540') въ Чарку культивируются еще всѣ растенія, разводимыя внизу, и посѣвы риса значительны; у мазара попался и экземпляръ саура (Biota orientalis), тоже дерево теплыхъ странъ.

Чтобы переѣхать изъ лощины Чарку въ слѣдующую, ворухскую, намъ нужно было войти въ ущелье, по которому протекаетъ р. Исфара; ущелье не широко и почти все занято разлившейся рѣкой, такъ что только на правой сторонѣ по осыпямъ можно было проложить дорогу. Бурная рѣка бойко бѣжитъ по каменистому руслу, съ пѣной и шумомъ разбиваясь о выдающіеся камни. Изъ ущелья дулъ сильный вѣтеръ и когда мы въѣзжали въ ущелье, то насъ, какъ дождемъ, обдало брызгами, сорванными вѣтромъ съ пѣнящихся волнъ рѣки. Дорога по ущелью не трудна, но только потому, что хорошо разработана. Проводники сказали мнѣ, что это сдѣлано недавно, стараніями махрамскаго бека Мулла-Маруфа, къ району котораго принадлежатъ Ворухъ, Чарку и Исфара. Мы много благодарили Мулла-Маруфа за такую его заботливость о своемъ участкѣ, когда ночь застала насъ на этихъ карнизахъ. Немало похвалъ также получила отъ насъ и луна (было полнолуніе), освѣщавшая дорогу все время, пока мы не выѣхали уже на болѣе ровное мѣсто. Какъ это всегда бываетъ при ночныхъ поѣздкахъ, путь казался безконечнымъ. Въѣхавъ въ сады Воруха, мы снова встрѣтили затрудненія: улицы дѣлились и мы начинали уже недоумѣвать, куда держать путь, какъ къ намъ подъѣхалъ всадникъ, оказавшійся аксакаломъ, т.-е. выборнымъ старшиной

этого мѣстечка. Но такая любезность со стороны аксакала только представила новыя трудности: онъ былъ таджикъ и не понималъ ни слова по-узбекски, а я оказался далеко впереди всѣхъ съ джигитомъ-киргизомъ. Кое-какъ я понялъ, что нужно подождать всѣхъ и тогда уже ѣхать дальше до мѣста, гдѣ намъ устроено пристанище. Поздно вечеромъ, проѣхавъ главную массу домовъ Воруха, мы добрались наконецъ до отведеннаго для насъ сада. Мѣсто было выбрано очень удачно: сейчасъ внизу бѣжалъ бурный Кшемшъ, за нимъ возвышалась скалистая гора Дюшахи (что значитъ двурогій); въ другую сторону террассами разстилались сады. Характеръ этой мѣстности во многомъ напомнилъ мнѣ деревни по верхнему Заравшану, посѣщенныя мною въ предыдущемъ году. Садъ, въ которомъ мы остановились, былъ засаженъ огромными деревьями урюка (абрикосъ), — дерева довольно южной полосы. Изъ южныхъ деревьевъ я встрѣтилъ въ садахъ Воруха еще и грецкій орѣхъ. Что касается кайрагача (Ulmus campestris var.), тополей, тута, персиковъ, джиды, вишни, айвы, ивъ, то ими переполнены были всѣ сады. Кромѣ пшеницы, ячменя и нахуда (горохъ), индау, кукурузы, проса, дынь, тыквъ и люцерны, жители разводятъ и рисъ, хотя высота Воруха довольно значительна, именно 4530′; но изъ разводимыхъ ниже растеній здѣсь уже нѣтъ джугары (Sorghum cernuum), маша и хлопчатника, а въ садахъ отсутствуетъ черная слива (каралю) и другой сортъ сливы, называемый гайпалю. Виноградъ есть, но его разводятъ больше какъ украшеніе: онъ поднимается по деревьямъ на значительную высоту, но плоды приноситъ мелкіе, кислые, не годные въ пищу.

Шелководство существуетъ, но въ ничтожныхъ размѣрахъ.

Ворухская лощина гораздо меньше чаркуйской; возвышенности и въ ней есть; на нихъ то, какъ на мѣстахъ неудобныхъ для орошенія, и сконцентрировались главнымъ образомъ дома жителей. Вслѣдствіе этого Ворухъ весьма разбросанъ, и по числу четырехъ главныхъ группъ его домовъ дѣлится на четыре махалля (прихода): Майдонъ, Сидонъ, Гузари и Сарыкурушъ.

Жители Воруха—таджики, говорятъ почти исключительно по таджикски, т. е. парѣчіемъ или, по незначительности отличій, вѣрнѣе говоромъ персидскаго языка. Представляетъ ли ихъ языкъ тѣ провинціализмы, которые замѣчаются у гальчей, обитателей верхней долины Заравшана, не знаю; сами же ворухцы себя гальчами не называютъ. Наружность ихъ, впрочемъ, одинакова съ наружностью гальчей: они короткоголовы, высокаго роста; черты лица ихъ весьма правильны, совершенно арійскаго типа; волосы порядочной величины, борода и глаза черные, сложенія они вообще крѣпкаго, на видъ стройные.

Природа мѣстностей такой высоты и такого характера, какъ Ворухъ, была мнѣ уже извѣстна изъ путешествія по Заравшану. Горы вблизи были голы и скалисты: Дюшахи почти неприступна, а ограничивавшая лощину съ запада гора Ташъ-халыкъ поражала оголенностью своихъ скатовъ. Для сбора, слѣдовательно, нужно было подняться выше; такъ какъ у Воруха сливаются двѣ рѣчки, Кшемшъ и Кереушшнъ, отъ сліянія которыхъ и образуется Исфара, то, казалось, можно было надѣяться по нимъ проникнуть далѣе. Однако на мое желаніе ѣхать въ горы я получилъ отвѣтъ, что изъ Воруха туда нѣтъ дороги; я, конечно, не повѣрилъ этому, и сталъ настойчиво доказывать караулъ-беги, что его обманываютъ, хотя былъ положительно увѣренъ, что онъ-то и подучилъ жителей не показывать дороги. Я очень хорошо понималъ, что старику лѣтъ 70-ти не хотѣлось ѣхать въ горы, но и я вѣдь пріѣхалъ въ Ворухъ не затѣмъ, чтобы изъ него отправиться въ какую-нибудь другую деревню или обратно въ Ис-

фару. Поэтому я прибѣгалъ къ самымъ смѣшнымъ уловкамъ, чтобы уличить жителей во лжи, когда они пресерьёзно объявляли мнѣ, что никто изъ нихъ въ горы не ходитъ и дорогъ туда не знаетъ. Подойдя къ костру, на которомъ варился для нашихъ джигитовъ вкусный пловъ—этотъ постоянный мой врагъ во время путешествія,—и замѣтивъ огромный стволъ можжевельника, я обратилъ вниманіе возившагося за пловомъ таджика на весьма пріятно пахнущій дымъ этого дерева и спросилъ, какъ оно называется.—«Арча», съ нѣкоторою гордостью отвѣтилъ не подозрѣвавшій ничего таджикъ, и, конечно, на дальнѣйшіе вопросы онъ принужденъ былъ мнѣ отвѣтить, что въ садахъ этого дерева не разводятъ, а растетъ оно въ горахъ, откуда его и привозятъ. Казалось дорога давалась въ руки; разъ я въ зонѣ можжевельника—я съ результатами. Но при дальнѣйшихъ вопросахъ о дорогѣ, таджикъ оказался далеко не такъ уже простъ: онъ показалъ на противолежащей горѣ такую тропинку, по которой можжевельники, можетъ быть, сбрасываются, но о движеніи съ вьюками по ней нечего было и думать.

Я зналъ, что налѣво есть ущелье, по которому вѣроятно и идетъ дорога; но когда я указалъ на удобства, представляемыя этимъ ущельемъ для снабженія Воруха можжевельникомъ, мой собесѣдникъ отвѣтилъ: «не знаю, мы туда не ѣздимъ; вонъ съ того конца Воруха туда, должно быть, ѣздятъ, а я тамъ никогда не бывалъ.» Какъ ни покажется это страннымъ, но и такое свѣдѣніе уже было громаднымъ пріобрѣтеніемъ: я съ подобающею важностью изложилъ караулъ-беги, какъ какую-нибудь новость, что изъ лѣваго ущелья жители восточной половины Воруха привозятъ себѣ топливо, что по ущелью идетъ хорошая вьючная дорога, что жители только скрываютъ это и по какой-то непонятной для меня причинѣ лгутъ передъ нимъ и тѣмъ лишаютъ его возможности исполнить порученіе, возложенное на него ханомъ: при этомъ я намекнулъ, что, конечно, онъ всѣми силами стремится исполнить порученіе хана и сдѣлать пріятное намъ. Караулъ-беги, разумѣется, отказался отъ солидарности съ таджиками, даже какъ будто распекъ призваннаго аксакала, но отъ этого дѣло все-таки не подвигалось. Наконецъ мнѣ удалось встрѣтить на улицѣ таджика, который везъ на ослѣ арчу и проговорился, что онъ ѣдетъ изъ лѣваго ущелья. Торжественно привелъ я его въ нашъ лагерь и, какъ великую находку, показалъ нашему караулъ-беги. Теперь уже дорога была констатирована, человѣкъ ее знающій найденъ; пущены входъ деньги, и таджикъ высказалъ наконецъ, что на разстояніи одного таша (8 верстъ) дорога ему извѣстна. Такъ какъ мнѣ важно было только попасть на дорогу, то я сейчасъ же пообѣщалъ ему награду за этотъ первый ташъ и сказалъ, что за каждую слѣдующую версту дороги, которую онъ покажетъ, я дамъ ему по кокану (20 коп.). Но когда мы порѣшили завтра же утромъ выѣхать, у всѣхъ почти туземныхъ спутниковъ нашихъ вытянулись физіономіи. Ишакчи явился съ представленіями, что лошади его не подкованы, а кузнецъ уѣхалъ на сосѣдній базаръ; что ему неудобно часть лошадей оставить въ Ворухѣ, а другую взять въ горы; джигиты стали хныкать, что имъ будетъ нечего ѣсть, что единственное ихъ цѣнное имущество—лошади, пожалуй, испортятъ себѣ ноги на каменистой дорогѣ; однимъ словомъ, всякій выставлялъ какую-нибудь причину, только чтобы я отказался отъ горной поѣздки. Остатокъ дня и начало слѣдующаго были для меня истинной пыткой въ этомъ отношеніи. Но наконецъ мы выѣхали. Странное спокойствіе караулъ-беги безпокоило меня немало: я предчувствовалъ, что онъ хочетъ выкинуть какую-нибудь штуку. Дѣйствительно, только-что мы выѣхали изъ садовъ, какъ я имѣлъ удовольствіе узнать, что мы проѣхали уже больше половины и что виденъ уже конецъ таша. Очевидно вожаку было сказано, чтобы онъ, проведя по той части дороги, которая идетъ по Кшемшу

и довольно хороша, объявилъ, что дальше дороги не знаетъ и тѣмъ принудилъ насъ вернуться въ Ворухъ. Въ эту самую (откровенно сказать, весьма скверную) минуту изъ бокового ущелья выѣхалъ всадникъ: костюмъ, посадка обличали въ немъ киргиза; заводная лошадь, которую онъ велъ, и небольшой вьюкъ показывали, что онъ ѣдетъ вѣроятно изъ неблизкой киргизской кочевки. Я сейчасъ же рѣшилъ пристать къ нему за свѣдѣніями и добиться отъ него согласія быть нашимъ вожакомъ въ киргизскія яйлау. Внушивъ переводчику приставать къ нему какъ можно настойчивѣе, и опасаясь, чтобы караулъ-беги и здѣсь не испортилъ дѣло, я поскакалъ навстрѣчу всаднику. Онъ дѣйствительно оказался киргизомъ и притомъ довольно простымъ и прямодушнымъ: на наши вопросы онъ сообщилъ, что ѣздилъ въ свой аулъ и теперь возвращается въ г. Коканъ, гдѣ служитъ въ числѣ джигитовъ у хана. Узнавъ это, я еще настойчивѣе сталъ просить его показать намъ дорогу, сказалъ, что ханъ разрѣшилъ намъ путешествовать и при этомъ посѣтить горы и киргизовъ, но таджики отказываются провести насъ въ горы; я заключилъ свою рѣчь тѣмъ, что, исполнивъ нашу просьбу, онъ и отъ насъ получитъ хорошую награду и къ хану я дамъ ему письмо, въ которомъ опишу его услуги, за что конечно ханъ его наградитъ. Киргизъ видимо начиналъ сдаваться, когда подъѣхалъ караулъ-беги. Минута была рѣшительная и я прямо сказалъ старику, что Хасанъ-пянджабаши (таковы были имя и чинъ киргиза) согласенъ насъ сопровождать, и теперь только нужно убѣдить его, что онъ сдѣлаетъ пріятное хану, если будетъ нашимъ вожакомъ. «Караулъ-беги имѣетъ ханское повелѣніе», сказалъ я при этомъ киргизу. Дѣйствительно было нечего, караулъ-беги вынулъ пиаатъ-наму, киргизъ съ почтеніемъ взялъ ее, прочелъ и сказалъ, что онъ обязанъ исполнить повелѣніе хана. Въ нѣсколько минутъ были рѣшены второстепенные вопросы, таджику выдана условленная плата за пройденный будто-бы ташъ [1]) (т.-е. три версты), и я наконецъ почувствовалъ, что наше дѣло стоитъ на твердой почвѣ.

Я остановился на этомъ эпизодѣ, потому что онъ характеризуетъ условія, при которыхъ приходилось путешествовать; совершенно такая же исторія повторялась при всякой попыткѣ ѣхать въ горы изъ крайняго кишлака; такъ, напр., въ Сохѣ, гдѣ и удалось не пустить меня въ ущелье, въ Шахимарданѣ, гдѣ мнѣ пришлось наконецъ самымъ рѣшительнымъ образомъ объявить, что не уѣду изъ Шахимардана пока не съѣзжу до перевала; въ Учь-курганѣ и Ошѣ, гдѣ меня выручила только любезность Султанъ-Мурадъ-бека, сдѣлавшаго особыя распоряженія, чтобы мы могли ѣхать въ горы.

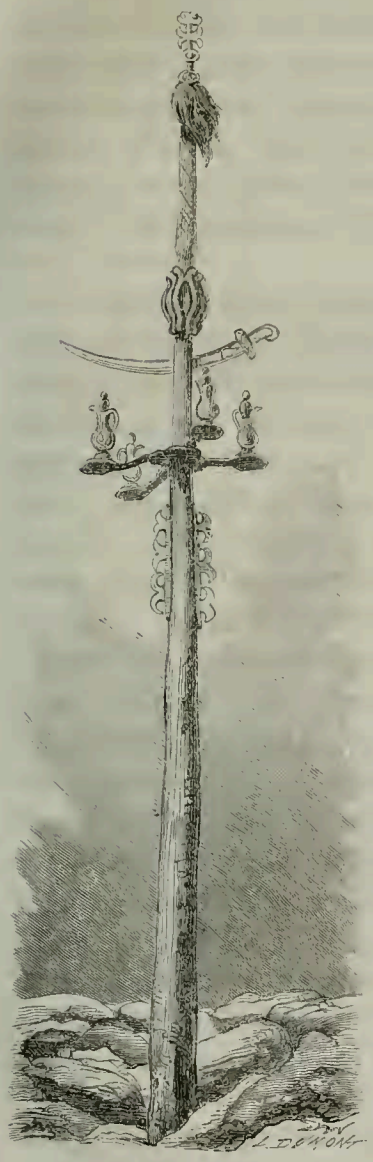
Не нужно, впрочемъ, думать, что это было послѣдствіемъ враждебности, подозрительности туземцевъ или чего-нибудь подобнаго; нѣтъ, причина была самая невинная: въ селеніяхъ всѣ наши спутники благодушествовали, объѣдались пловомъ, спали сколько угодно и т. д., въ горахъ же совсѣмъ другое: холодно, пищи и фуражу въ обрѣзъ, да еще, пожалуй, какой-нибудь киргизъ попадется съ ружьемъ: и трудно и страшно. Интересно было ѣхать въ горы только мнѣ да женѣ; чтобы сколько-нибудь заинтересовать сопровождавшихъ, я назначилъ кокандскимъ джигитамъ суточныя деньги за время, проведенное въ горахъ, пріобрѣталъ для ихъ лошадей фуражъ, словомъ—дѣлалъ всякія поблажки, ничто не помогало. Хорошо еще, что большая часть джигитовъ были совершенные мальчики, и немало смущались, когда бывало начнешь ихъ убѣждать.

Но возвращаюсь къ разсказу. У самаго мѣста встрѣчи съ киргизомъ дорога отходитъ отъ

[1]) Ташъ равенъ приблизительно 8-ми верстамъ.

Кшемиша и направляется на югъ по ущелью Ходжа-Чибурганъ. Дорога здѣсь проложена по косогору, довольно широка, почти не камениста, и представляетъ весьма постепенный подъемъ, такъ что ѣхать было очень легко. Но джигиты знали, что дальше будетъ хуже, не этого мѣста они боялись.

Склоны ущелья были покрыты почти сплошь кустарникомъ, караганой. Это было для меня большой новостью: нигдѣ на предыдущихъ экскурсіяхъ въ болѣе западныхъ горахъ не видалъ я, чтобы Caragana являлась, да еще преобладающей формой; въ этомъ замѣчалось уже нѣкоторое сходство съ Нарыномъ и Алтаемъ. Проѣхавъ тѣснину, мы увидали и могилу святаго, который далъ свое имя рѣчкѣ и ущелью; ходжа Чибурганъ жилъ отшельникомъ и похороненъ тамъ же, гдѣ была его келейка; мы были въ области таджиковъ, а они страшные охотники открывать святыхъ и сами дѣлаться святыми. У киргизъ этого стремленія вовсе нѣтъ, и, мнѣ кажется, нахожденіе святыхъ можетъ служить указаніемъ прежнихъ границъ таджикскаго племени, бывшаго здѣсь очевидно болѣе распространеннымъ.

Могила имѣла обычное устройство: надгробную насыпь окружала стѣнка, надъ ней развѣвался тугъ, т. е. палка съ весьма замысловатыми украшеніями и пучками волосъ изъ хвоста яка. У стѣнки были навалены рога домашнихъ и дикихъ барановъ и козловъ; особенно поразили меня рога оленя, должно быть марала. Туземцы зовутъ его богу, и говорятъ, что онъ водится въ горахъ на сѣверной окраинѣ кокандскаго ханства. Благодаря набожности туземцевъ на безчисленныхъ мазарахъ, т. е. могилахъ святыхъ, всегда находится множество роговъ домашнихъ и дикихъ жвачныхъ. Брать эти рога неудобно, потому что этимъ можно задѣть религіозное чувство, но изслѣдовать на мѣстѣ этотъ огромный вѣками накопленный матеріалъ было бы крайне интересно. Многіе изъ роговъ чрезвычайно старые, вывѣтрившіеся, и, кто знаетъ, очень можетъ быть, что между ними найдутся рога формъ, нынѣ уже вымершихъ или истребленныхъ. Дорога и дальше могилы святаго была не дурна, ущелье расширилось, появились пашни, принадлежавшія отчасти таджикамъ Воруха, именно тѣмъ, которые такъ упорно увѣряли, что въ горы нѣтъ дороги.

Трудное мѣсто встрѣтилось уже далеко выше, когда пришлось подниматься на скалистую окраину ручья. Поднявшись, мы скоро вышли на открытую, мало покатую площадку; она была уже не засѣяна: послѣдняя пашня осталась подъ нами на 70 саженъ (вертикально) ниже, именно, на высотѣ 8100′, а наша площадка лежала уже на 8650′. Стѣсненная кругомъ скалами, пашня эта имѣла очень ограниченные размѣры и была засѣяна ячменемъ (конечно яровымъ—богары); ростъ ячменя роскошный, но зерна были еще далеки отъ созрѣванія, и когда мы ѣхали назадъ 26-го іюня, я и тогда нашелъ ихъ еще зелеными и совсѣмъ

мягкими. Ячмень на такой высотѣ созрѣваетъ, какъ я убѣдился потомъ на Акъ-бурѣ, лишь въ самомъ концѣ іюля; внизу ячмень жнутъ, какъ и пшеницу, въ концѣ мая, такъ что разница въ созрѣваніи составляетъ цѣлыхъ два мѣсяца; посѣвъ же производится въ горахъ вѣроятно во второй половинѣ мая. Я замѣтилъ, что къ пашнѣ проведена была изъ рѣчки канавка,—доказательство, что дожди и на такой высотѣ не обезпечиваютъ земледѣлія.

Площадка, гдѣ мы остановились на ночлегъ, лежала немного выше двухъ ручьевъ, которые носятъ названіе Чичикты, мѣстность же называется Чичикъ-яйлау; чичикъ значитъ оспина, яйлау—мѣсто лѣтнихъ пастбищъ,—названіе указывающее, что пастбищныя мѣста здѣсь разбросаны небольшими клочками, какъ оспины. Площадка на большей части своего протяженія представляла болото, только на суженномъ мѣстѣ была она суше, за то и не такъ ровна, да къ тому же усыпана крупными и мелкими каменьями; все это сильно затрудняло выборъ мѣста, гдѣ бы можно было поставить палатки. Вся площадка была сплошь покрыта травой и дерномъ изъ мелкихъ злаковъ.

Обрадовавшись, что мы наконецъ въ горахъ, я пригласилъ караулъ-беги и пянджабаши къ себѣ и надѣлъ на нихъ халаты; выбралъ нарочно самые пестрые, адрасовые и прямо сказалъ, что дѣлаю это отъ удовольствія, что достигъ горъ и въ благодарность за оказанное ими въ томъ содѣйствіе. Собственно говоря, радоваться можно было, конечно, тому только, что мы на пути къ горамъ, т. е. къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ можно было разсчитывать на обильный и интересный сборъ и на новыя наблюденія. Мѣстность же ночлега не дала много любопытнаго: на площадкѣ пашлись кос-какія растенія; на скалистыхъ склонахъ ихъ было больше, но лазить тамъ было ужъ очень трудно. Склоны поросли можжевельникомъ, но разбросанно, кустиками. Удивительно размѣщеніе по горамъ этой единственной чисто горной древесной породы (всѣ другія деревья сосредоточиваются внизу, у русла рѣчки). Она встрѣчается только на скалистыхъ частяхъ горъ и обыкновенно чѣмъ неприступнѣе скалы, тѣмъ можжевельника больше. Конечно, на это могла вліять вырубка деревьевъ жителями, но не нужно забывать, что жителей въ горахъ вовсе не такъ много. Истребленное успѣвало бы, судя по тому какъ это происходитъ въ горныхъ лѣсахъ Европы, замѣняться приростомъ. Вѣроятно, есть еще причины, препятствующія возобновленію вырубленнаго лѣса; можетъ быть самое устройство плода вліяетъ неблагопріятно въ этомъ случаѣ. Извѣстно, что у можжевельника плоды довольно массивны и имѣютъ совершенно шарообразную форму; при крутизнѣ склоновъ отнавшіе плоды очень легко скатываются внизъ и попадаютъ въ ручей, если только ихъ не задержитъ какой нибудь выступъ скалы. Вслѣдствіе этого-то, можетъ быть, деревья и встрѣчаются въ большинствѣ случаевъ только тамъ, гдѣ торчатъ скалы. Отсутствіе всякаго подлѣска тоже не остается на это безъ вліянія.

Хасанъ-пянджабаши, очевидно хорошо знакомый съ размѣщеніемъ ауловъ по разбросанной Чичикъ-яйлау, отправился на розыски и скоро вернулся съ нѣсколькими киргизами. Онъ отрекомендовалъ мнѣ ихъ, какъ представителей мѣстной власти, старшинъ кочующихъ въ этой мѣстности ауловъ. Самый главный изъ нихъ былъ Магометъ-Азимъ, казы (судья) киргизъ-кипчаковъ. На видъ старшины были народъ небогатый. Желая познакомиться съ ними поближе, узнать ихъ взгляды на первыхъ русскихъ, забравшихся въ ихъ горныя кочевья, и вмѣстѣ надѣясь добыть отъ нихъ какія-нибудь свѣдѣнія по топографіи, чтобы имѣть возможность до нѣкоторой степени ориентироваться въ этой мѣстности, я пригласилъ ихъ къ себѣ пить чай.

Въ первый разъ я видѣлъ передъ собой настоящихъ киргизовъ, т. е. ту часть кочующаго племени, которая сама себя зоветъ киргизами, въ отличіе отъ именующихъ себя казаками и обыкновенно называемыхъ нами киргизами (по книжному также киргиз-кайсаками). Для этихъ же, настоящихъ киргизовъ, у насъ существуютъ названія: кара-киргизы, дикокаменные или, какъ пишетъ Назаровъ, закаменепные киргизы. Въ наружности ихъ я не замѣтилъ существенныхъ отличій отъ тѣхъ киргизовъ, которые пріѣхали съ нами изъ Ташкента; можно было замѣтить только нѣкоторую грубость въ ихъ чергахъ, но въ этомъ отношеніи между ними существовала такая же разница съ нашими аргынцами изъ Ташкента и всякими другими казаками, какая замѣчается между горными и городскими таджиками. Языкъ тѣхъ и другихъ тоже представлялъ незначительныя отличія и они видимо понимали другъ друга превосходно. Болѣе всего обращало вниманіе въ говорѣ ихъ то, что киргизы произносили слова, измѣняя въ нихъ звукъ ш въ с, и выговаривая, напримѣръ, аргынское башъ—басъ (голова), ташъ—тасъ (камень).

Разговоры наши однако не дали мнѣ много свѣдѣній; киргизы держали себя скромно, больше молчали, на вопросы давали неясные краткіе отвѣты, и вообще казались точно запуганными. Несмотря на ихъ наружную суровость и сосредоточенность, ясно было, что на самомъ дѣлѣ это очень трусливый народъ и что мы можемъ чувствовать себя въ полной безопасности между ними. Каждому изъ нихъ при прощаньи я подарилъ, соображаясь съ ихъ вѣсомъ, кому халатъ, кому ситцу на рубашку и т. д., чтобы, вернувшись въ свои аулы, они разсказали про наше гостепріимство и тѣмъ расположили въ нашу пользу своихъ угрюмыхъ сородичей. Кромѣ того, наши подарки были даже дѣломъ до нѣкоторой степени обязательнымъ въ виду мѣстнаго обычая, требовавшаго съ ихъ стороны исполненія всѣхъ обязанностей гостепріимства: имъ предстояло не только угощать насъ и нашихъ людей, но даже и кормить лошадей нашихъ. Еще одно замѣчаніе по поводу подарковъ: всякій разъ, внизу ли у сартовъ, въ горахъ ли—у киргизъ, получившій подарокъ и всѣ присутствовавшіе прочитывали краткую благодарность, обращенную къ имени хана съ пожеланіемъ ему долгоденствія, хотя казалось бы, что ханъ какъ-то тутъ былъ не при чемъ, такъ какъ подарки вѣдь были пріобрѣтены на русскія деньги. Разумѣется, я не считалъ нужнымъ обращать на это какое-нибудь вниманіе, и заношу это просто какъ курьёзъ изъ мѣстныхъ обычаевъ. Ночь прошла отлично, было только немного холодно: уже въ 6 часовъ вечера было 13° С., а въ половинѣ одиннадцатаго только 10° С.; за то въ 10 час. слѣдующаго утра термометръ показывалъ уже 20,4°.

Какъ ни хотѣлось нашакчи и джигитамъ остаться на этомъ мѣстѣ, и какъ они ни аргументировали на ту тему, что вѣдь мы уже въ горахъ, я велѣлъ вьючить и рѣшился ѣхать далѣе къ какой-то большой рѣкѣ, которая, по вчерашнимъ разсказамъ, текла за горой. Караулъ-беги съ частью джигитовъ остался и вожакомъ поѣхалъ пянджабаши. Мы направились по лѣвому ручью; дорога была уже много хуже, чѣмъ наканунѣ, и притомъ шла непрерывнымъ подъемомъ. Сначала мы двигались по береговому склону ручья, потомъ перешли на его ложе, усыпанное галькой, по которой лошадямъ идти было до того трудно, что слѣдующая часть пути, вверхъ по мягкому косогору, показалась уже сравнительно легкою, кромѣ послѣдняго подъема на самый гребень, гдѣ дорога такимъ крутымъ зигзагомъ пошла въ гору, что мы вынуждены были даже сойти съ лошадей. Во время подъема намъ встрѣтилось нѣсколько ословъ, волочившихъ можжевелевые стволы; погонщики, таджики, были изъ Воруха. Еще далѣе я увидалъ цѣлую группу таджиковъ рубившихъ можжевельникъ на значительной

высотѣ и сбрасывавшихъ деревья по осыпи, и такимъ образомъ мнѣ представился удобный случай показать джигитамъ, какъ лгали ворухскіе таджики, упорно отрицавшіе всякую возможность проникнуть въ горы. Здѣсь кстати замѣтить, что эти таджики употребляютъ желѣзный топоръ совсѣмъ другой формы, чѣмъ сарты: у него лезвее идетъ въ одномъ направленіи съ рукояткой, тогда какъ сартовскій чотъ, единственно употребляемый всюду въ подгорномъ поясѣ, имѣетъ лезвее, перпендикулярное къ плоскости топорища. Такія дальнія поѣздки за можжевельникомъ могутъ дать понятіе, на какихъ крутыхъ склонахъ онъ по преимуществу растетъ. Онъ встрѣчается и на горахъ верстъ на десять ближе къ Воруху, да добраться до него нельзя, а потому и ѣдутъ за нимъ гораздо дальше, въ самую голову ущелья.

Труденъ былъ подъемъ на перевалъ, но за то открывшійся съ него чудный, хотя и безотрадный, видъ вознаградилъ насъ вполнѣ за трудъ. Мы стояли на высотѣ 12,500′ и могли видѣть уже нѣсколько пиковъ, къ томъ числѣ и снѣговые; нѣсколько таковыхъ оказалось на СВВ. подъ углами въ 70° и 89° (отъ меридіана); это были, какъ мнѣ объяснили, горы въ верховьяхъ Кшемиша; въ западномъ направленіи крайній пикъ былъ виденъ подъ угломъ 256°. Почти прямо передъ нами выслась массивная громада Хотуръ-тау, на большомъ протяженіи засыпанная снѣгомъ. Это была та самая гора, которую мы увидѣли двумя днями ранѣе, въѣзжая изъ Чарку въ тѣснину, по которой идетъ дорога въ Ворухъ, гора, возбудившая у препаратора живѣйшее желаніе взлѣзть на ея вершину; теперь она стояла передъ нами и дѣйствительно ея верхняя часть сравнительно плоска, но бока точно обгесаны подъ прямымъ угломъ. Между Хотуръ-тау и нами лежала глубокая долина. Одинъ взглядъ туда привелъ въ ужасъ всѣхъ нашихъ туземныхъ спутниковъ: короткое ущелье, идущее отъ перевала, падало, казалось, почти отвѣсно къ главпому. На днѣ его замѣтна какая-то сѣрая полоса, точно сухое русло, покрытое галькой; послѣ уже, услыхавъ отъ пянджабаши, что это и есть та большая рѣка, про которую онъ говорилъ мнѣ, я дѣйствительно разсмотрѣлъ въ этой полосѣ рѣку: поверхность ея при страшной быстротѣ всегда волнистая и произвела на меня впечатлѣніе гальки. Какъ послѣ оказалось изъ барометрическихъ измѣреній, рѣка было почти на 3000′ ниже (2850′), что составляетъ 400 саженъ. (Чтобы читатель могъ составить себѣ осязательное понятіе объ этой высотѣ, напомню, что Иванъ Великій, откуда смотрятъ на Москву, имѣетъ всего 46 [1]) саженъ возвышенія надъ Москвой). Какъ только джигиты увидѣли бездну, въ которую нужно было спускаться, то начали тотчасъ доказывать невозможность такого спуска. Подъѣхавшій съ вьюками ишакчи поглядѣлъ и заявилъ, что онъ не поѣдетъ дальше: «дороги тутъ вовсе нѣтъ», прибавилъ онъ; дороги съ перваго взгляда дѣйствительно не видно: она идетъ по склону, дѣлая безчисленные изгибы. Когда спустившійся немного препараторъ указалъ дорожку, то ишакчи заявилъ, что подняться обратно не будетъ возможности, что спустившись въ эту яму мы не вылѣземъ изъ нея; лошади его не въ силахъ будутъ поднять и тѣ легкіе вьюки (нуда по 4), которые были взяты въ эту поѣздку. Пянджабаши, лучше всѣхъ знавшій, можно ли подняться по такой дорогѣ, упорно молчалъ: очевидно ему не хотѣлось принимать на себя рѣшенія, чтобъ не возстановить противъ себя коканскихъ джигитовъ. Не отвѣчалъ онъ положительно и на то, можно ли по ущелью, гдѣ течетъ рѣка, выѣхать въ Ворухъ, хотя и пришлось бы сдѣлать крюкъ.

Я догадался, что бѣжавшая подъ нашими ногами рѣка была Кереушинъ, сливающаяся

[1]) Высота колокольни „Иванъ Великій“ 46 саженъ 2½ аршина съ крестомъ.

съ Кишемишемъ около Воруха; но зналъ и то, что горныя рѣки часто пробиваются такими тѣснинами, что проѣхать нѣтъ никакой возможности, а спуститься намъ хотѣлось. Мы не знали, будетъ ли что́ особенно интересное, ради чего стоило бы мучиться, но нужно было предполагать, что таковое найдется; опять же отступить, значило показать кокандцамъ джигитамъ, что насъ можно удержать отъ исполненія задуманнаго. Я рѣшилъ спускаться, объявивъ ишакчи, что если какая-нибудь изъ его лошадей свалится и убьется, то я заплачу за нее; спросилъ у него стоимость каждой лошади и записалъ. Удивляюсь, какъ онъ нарочно послѣ этого не спустилъ своихъ лошадей въ пропасть, чтобы выгодно сбыть своихъ дряннымъ клячъ. Еслибъ оказалось затруднительно поднять тяжести, то я рѣшилъ бросить внизу все, чего нельзя будетъ вытащить. Пришлось все-таки самому отправиться впередъ, чтобъ доказать наглядно мое твердое рѣшеніе спускаться. Первые зигзаги дороги были очень круты, но потомъ, когда ущелье расширилось, они сдѣлались длиннѣе и положе; небольшая наша партія—12 человѣкъ и 16 лошадей—растянулась уступами по горѣ. Сошли благополучно, конечно, пѣшкомъ, ведя лошадей въ поводу.

Спускаясь, я опредѣлилъ верхнюю границу древесной растительности, представителемъ которой здѣсь, какъ и во всѣхъ посѣщенныхъ мной горахъ, былъ можжевельникъ (арча по-тюркски, бурсъ по-таджикски). Она оказалась на высотѣ 11300′. Высота эта сначала поразила меня, но потомъ, во время послѣдующихъ экскурсій, я убѣдился, что эта цифра не случайная. Поразила же она меня потому, что во время моего прошлогодняго путешествія въ горахъ верхняго Заравшана, я не видалъ можжевельника выше 9520′ (что́ было на Ягнобѣ). Цифру же 11300′, или лучше 11200′ считаю довольно точнымъ выраженіемъ верхняго предѣла древесной растительности на горахъ южной окраины кокандскаго ханства, потому что во время экскурсіи къ Караказуку послѣдніе можжевельники встрѣчались на высотѣ 11100′, а въ Кичи-Алаѣ на высотѣ 11200′. Допуская ошибку въ опредѣленіи (отъ мѣстнаго пониженія барометра, отъ отсутствія у подошвы горъ соотвѣтственныхъ наблюденій) на 100′ и избирая среднее изъ трехъ опредѣленій, получаю 11200′. При этомъ считаю нужнымъ замѣтить, что я дѣлалъ наблюденія не на высотѣ крайняго кустика, пріютившагося на удобномъ, хорошо обогрѣваемомъ солнцемъ, утесѣ, и не тамъ, гдѣ близъ дороги появлялись первыя деревья; нѣтъ, я останавливался на уровнѣ, гдѣ можжевельникъ начиналъ являться уже группами. Мнѣ казалось, что эту высоту всего полезнѣе опредѣлить, такъ какъ ростъ нѣсколькихъ деревцовъ на случайно благопріятныхъ мѣстахъ не даетъ права дѣлать общихъ выводовъ. Конечно, выборъ того или другаго уровня отчасти условный и зависитъ отъ личности наблюдателя; но я убѣжденъ, что при такомъ пріемѣ разности будетъ гораздо меньше, чѣмъ если опредѣлять высоту крайнихъ кустиковъ. Что приводимая мной высота не случайная и основанная только на трехъ опредѣленіяхъ, а весьма близкая къ истинѣ, подтверждается тѣмъ, что ночуя на Тепгисбаѣ на высотѣ 10900′ и въ Кичи-Алаѣ на высотѣ 10300′, мы были еще ниже этой границы. Затѣмъ, надъ нижнимъ концемъ описываемаго далѣе ледника, находящемся на высоты 10730′, росли крупныя деревья можжевельника; напротивъ, ночуя, у Кавука, на высотѣ 11700′, мы еще не достигли и самыхъ крайнихъ кустиковъ этого растенія. Но если высота верхней границы арчи такъ постоянна въ посѣщенныхъ мной горахъ, то существуетъ значительная разница въ слѣдующемъ: на Джипгыкѣ до высоты весьма близкой къ 11300′ доходятъ крупныя деревья, а далѣе къ востоку они оста-

навливаются ниже и до приведенныхъ высотъ достигаютъ только низкіе кустики, стелящійся можжевельникъ и притомъ, чѣмъ далѣе къ востоку, тѣмъ этотъ, такъ сказать, бордюръ низкорослаго можжевельника шире [1]), что̀ на глазъ чрезвычайно замѣтно; выразить же это цифрами, основываясь на барометрическихъ наблюденіяхъ, довольно трудно; къ тому же опять-таки нѣтъ рѣзкой границы: деревья и кустики на извѣстной высотѣ растутъ вмѣстѣ, да и высокоствольный можжевельникъ дѣлается наверху ниже и корявѣе, принимаетъ форму кустарнаго, а послѣдній чѣмъ выше, тѣмъ приземистѣе, печальнѣе, книзу же роскошнѣе. Такимъ образомъ, относительно физіономіи оба можжевельника незамѣтно смѣняются одинъ другимъ. Составляютъ ли они разные виды, или только формы, обусловленныя разной высотой, сказать не могу: нужно подождать обработки ботаническихъ коллекцій экспедиціи. Плоды у низкорослаго гораздо мельче.

Итакъ можжевельникъ въ южно-коканскихъ горахъ [2]) встрѣчается гораздо выше, нежели далѣе къ западу, именно до высоты 11200′. Гдѣ въ направленіи къ востоку и на какой высотѣ останавливается это возвышеніе предѣла можжевельника и опять начинается пониженіе, я отказываюсь судить. Наблюденія Буняковскаго опредѣляютъ предѣлъ ели (которая вмѣстѣ съ можжевельникомъ растетъ въ Нарынскомъ краѣ по склонамъ горъ) на хребтѣ Уюрмень-Чеку, у перевала Богушты, на высотѣ 10760′; а относительно можжевельника есть только указаніе г. Сѣверцова, что въ томъ же хребтѣ, восточнѣе, у перевала Тасъ асу онъ растетъ выше ели еще на 100′, именно до 10600′ (предѣлъ ели Сѣверцовъ полагаетъ въ этомъ мѣстѣ въ 10500′), на ближнихъ же горахъ поднимаеся до 11000′. Но извѣстно, что г. Сѣверцовъ опредѣлялъ не границы растеній посредствомъ наблюденій, а наоборотъ, за разбитіемъ барометра онъ пользовался растеніями для опредѣленія высотъ, поэтому цифръ его и недостаточно, чтобы судить, какъ измѣняется далѣе на востокъ абсолютная высота верхняго предѣла арчи.

Можно сказать только, что къ востоку верхняя граница арчи понижается гораздо медленнѣе, чѣмъ къ западу; замѣчу при этомъ, что и снѣговая линія тамъ ниже: по опредѣленіямъ барона Аминова снѣговая линія въ Когистанѣ на сѣверномъ склонѣ 12000′, на южномъ 13000′, въ посѣщенныхъ же мною южно-коканскихъ горахъ около 14000′, при чемъ такой большой разницы между сѣвернымъ и южнымъ склонами я не замѣтилъ.

На какой высотѣ появляются самыя нижнія деревья можжевельника—сказать гораздо труднѣе по причинамъ уже выше приведеннымъ: внизу его вырубаютъ; затѣмъ и другія причины затрудняютъ это опредѣленіе: нижнія части горъ далеко не такъ скалисты; поэтому, можетъ быть и не высота ихъ, а другія условія помѣшали имъ зарости можжевельникомъ; наиболѣе довѣрія внушаетъ мнѣ наблюденіе, сдѣланное близъ Шахимардана; тамъ горы покрыты довольно частымъ можжевельникомъ и самое нижнее дерево оказалось на высотѣ 6100′; но такъ какъ вверхъ отъ этого дерева росло ихъ очень немного, и только на высотѣ 6350′ были замѣтны уже значительныя скопленія деревьевъ, то приблизительная цифра получается въ 6200′ [3]). Такимъ образомъ для древесной растительности въ горахъ получается довольно широкій поясъ въ 5000′ высоты.

Лиственныя деревья, растущія почти исключительно у береговой полосы, при горныхъ

---

[1]) Въ Нарынскихъ горахъ онъ является широкимъ поясомъ; въ горахъ по Заравшану я его вовсе не видалъ.

[2]) Я буду употреблять здѣсь это названіе для обозначенія посѣщенныхъ мною горъ просто потому, что у туземцевъ нѣтъ общаго названія для нихъ; разъясненія же, какія горы я посѣтилъ, я надѣюсь изложить въ приложеніи.

[3]) Впрочемъ, я долженъ сказать, что у самого с. Кеха растетъ уже можжевельникъ, а высота Кеха, я полагаю, не будетъ болѣе 5500—5700′.

потокахъ, занимаютъ поясъ вдвое уже, всего только въ 2200'—2500'; съ распространеніемъ ихъ мы ознакомимся позже, здѣсь же я считалъ полезнымъ указать на предѣлы распространенія можжевельника, такъ какъ намъ часто придется имѣть дѣло съ поясомъ его и онъ представляется по своему населенію довольно характернымъ; затѣмъ даны и предѣлы альпійскаго пояса, который, впрочемъ, опять не рѣзко отдѣляется отъ древеснаго, а въ благопріятныхъ мѣстахъ спускается много ниже 11300'.

При спускѣ съ перевала Джилтыкъ, подходя къ можжевельникамъ, мы почти не нашли альпійской растительности: склонъ былъ очень сухъ, сильно припекаемъ солнцемъ, усыпанъ мелкими обломками сланцевъ, изъ которыхъ состоитъ гора; кое-какія растенія попались и на самой вершинѣ въ расщелинахъ сланцевъ, а пониже, между разрушенными обломками, встрѣтился чрезвычайно красивый лукъ съ ярко-малиновыми цвѣтами (Allium oreophilum C. A. Meyer). Съ появленіемъ высокихъ (до 2 саженъ) деревьевъ можжевельника спускъ сдѣлался удобнѣе; намъ пришлось проѣхать чрезъ небольшую площадку, гдѣ деревья росли довольно часто, хотя, конечно, на весьма ограниченномъ пространствѣ. Такія мѣста встрѣчаются въ горахъ нерѣдко и не уничтожаютъ высказанной выше характеристики, что хвойный лѣсъ въ средне-азіатскихъ горахъ растетъ преимущественно на скалистыхъ мѣстахъ.

Отъ этой площадки мы безъ труда уже доѣхали до рѣчки и на берегу ея нашли киргизскій аулъ. Тутъ кочуетъ одинъ изъ главныхъ киргизскихъ біевъ, именно рода киргизъ-кипчаковъ, по имени Катта-Айтъ-Магометъ-бій; то былъ старикъ на видъ бодрый и характера довольно общительнаго. Не смотря на его высокое положеніе (начальникъ части рода киргизъ-кипчаковъ, кочующей въ окрестныхъ горахъ) онъ носилъ такую же одежду, какъ и всѣ его соплеменники, и явился ко мнѣ пить чай такимъ же грязнымъ и неумытымъ, какъ и простые киргизы.

Изъ разсказовъ этого старика выяснилось между прочимъ, что протекавшая у его аула рѣка начинается нѣсколькими верстами выше и вытекаетъ изъ льда (мусъ). Ясно было, что въ верховьяхъ рѣки находится ледникъ, что, конечно, сильно заинтересовало меня и я рѣшилъ на слѣдующій день подняться вверхъ по ущелью.

Путь оказался легкій, ущелье поднималось очень постепенно, дорога была хорошо протоптана, потому что въ верхнюю часть ущелья прогоняется скотъ на находящіяся тамъ альпійскія пастбища. Гора Хотуръ-тау почти все время высилась надъ нами справа; ея западный склонъ повидимому даетъ начало леднику; по крайней мѣрѣ сплошная масса снѣга оканчивалась напереди стѣной мелкаго щебня; впрочемъ, снизу невозможно было точнѣе опредѣлить эти отношенія. Самая Хотуръ-тау оканчивалась къ ущелью страшнымъ обрывомъ: съ нея стекало нѣсколько ручьевъ, по большей части каскадами; тутъ были водопады самыхъ разнообразныхъ размѣровъ и формъ: иные падали тонкой струей, пока опять не попадали на пологій скатъ, другіе, небольшіе, пропадали въ воздухѣ, разсыпавшись мелкою пылью. Всего эффектнѣе былъ каскадъ, падавшій на выступъ скалы, находившійся въ расщелинѣ: брызги клубами наполняли расщелину и то лѣзли по ней вверхъ, скрывая потокъ, то вихремъ вырывались изъ нея и тогда потокъ открывался во всей своей красотѣ. Нельзя было не залюбоваться на эти каскады. Въ отличіе отъ европейскихъ Альпъ въ средне-азіатскихъ горахъ они очень рѣдки и встрѣчаются только въ самомъ верхнемъ альпійской поясѣ.

Почти при самомъ началѣ нашего пути надъ нами довольно высоко появилась огромная птица, спускавшаяся все ниже и ниже; наконецъ можно было различить у ней пучокъ перь-

евъ подъ нижней челюстью; то былъ бородачъ (Gypaëtus barbatus),—одна изъ самыхъ огромныхъ птицъ въ Туркестанѣ, величиною уступающая только грифамъ. Смѣло спускалась она къ намъ, но все же оставалась внѣ выстрѣла, да и при меньшемъ разстояніи убить дробью эту птицу было бы очень трудно, развѣ только крупная дробина случайно попала бы въ кость крыла.

Немного выше, на высотѣ около 10000′. появились приземистыя мелкія формы растеній которыя получили названіе «альпійскихъ», потому что находятся на большихъ высотахъ у верхняго предѣла жизни, и имѣютъ особый габитусъ. Эти растенія встрѣчаются также на склонахъ горъ и внизу на сырыхъ лужайкахъ. Между тѣми, которыя попадаются на сухихъ склонахъ, чрезвычайно характерна Dryadanthe Bungeana Ledb. Она образуетъ шапки облекающія камни и видомъ своимъ напоминающія болотныя кочки; такая кочка состоитъ изъ множества индивидуумовъ, очень мелкихъ; по мѣрѣ роста нижнія части отмираютъ и кочка повышается кверху, но очень медленно. Это растеніе, можно сказать, заступаетъ въ ландшафтѣ мѣсто мховъ (которыхъ въ средней Азіи вообще весьма мало). Кромѣ Dryadanthe, есть еще нѣсколько растеній, принадлежащихъ къ различнымъ семействамъ, которыя растутъ колоніями и образуютъ кочки; очень характерны кочки на горныхъ склонахъ, образуемыя растеніями изъ сем. Staticeae (разные виды Acantholimon), которыя у туземцевъ обозначаются весьма характернымъ названіемъ кампыръ-мурушъ—старушечьи пальцы: они колючи до послѣдней крайности и руками нельзя извлечь ни одного растенія изъ колоніи.

На лужайкахъ, разстилавшихся по берегамъ рѣки. частью въ болотцахъ, намъ попалось гораздо больше альпійскихъ формъ, чѣмъ на склонахъ: тутъ преобладали камнеломки (Saxifraga, разные виды, особенно hircinus L.).

Поднявшись еще нѣсколько, мы увидали, что ущелье замкнуто сѣрою массою, это и былъ ледникъ. Мы поспѣшили къ нему; дорога была удобна почти до того самаго мѣста, гдѣ изъ подъ ледника вытекаетъ рѣка. Конечная морена, лежавшая саженъ на двадцать-пять впереди ледника, остановила насъ; рѣка пробила себѣ путь чрезъ эту невысокую гряду огромныхъ камней и бѣжитъ каскадомъ. Пѣшкомъ кое-какъ перебрались мы чрезъ эту морену, между ней и ледникомъ было довольно ровное пространство: рѣка разливалась здѣсь на нѣсколько потоковъ. На этомъ пространствѣ и между камнями конечной морены росли растенія, между которыми особенно выдавались крупный Epilobium latifolium L. съ кистями розовыхъ цвѣтовъ. Очевидно, ледникъ давно уже отошелъ отъ конечной морены, если пространство это успѣло покрыться растеніями. Фактъ, что ледникъ отступилъ и притомъ вдругъ (не останавливаясь на нѣкоторое время), былъ очевиденъ; возможно, впрочемъ, что отступаніе и движеніе впередъ чередовались, и конечная морена образовалась оттого, что, при послѣдовательно повторявшихся поступательныхъ движеніяхъ, ледникъ передвигалъ до пея всѣ предыдущія морены. Фактъ отступанія ледника, указываемый здѣсь, представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что, очень близко находящійся отъ него и отдѣленный отъ него только горнымъ кряжемъ, Заравшанскій ледникъ, по наблюденіямъ участниковъ Искандеръ-кульской экспедиціи 1870 г., не имѣетъ конечной морены, и поэтому, а также и по разсказамъ туземцевъ, необходимо допустить, что онъ все болѣе и болѣе спускается.

Я не рѣшаюсь въ отступаніи посѣщеннаго мною ледника видѣть явленіе, общее всѣмъ ледникамъ въ Тяньшанѣ; очень возможно, что какая-нибудь чисто мѣстная причина повліяла на его отступаніе. Для общихъ заключеній нужны сравнительныя наблюденія надъ большимъ числомъ этихъ, еще столь мало извѣстныхъ въ Тяньшанѣ, образованій.

По эскизу съ натуры О.А.Фидлера 1868 г.

Рисовалъ А.К.Савраскій

Ледникъ Щуровскаго и истоки [illegible]

GLACIER DE S'SCHOUROWSKI ET SOURCES DE L'ISLAR

У конца ледяной массы теперь отлагается новая конечная морена: сверху, по мѣрѣ таянія льда, почти каждыя пять минутъ валятся камни; они отскакиваютъ отъ ледянаго ската передняго конца и, прыгая, летятъ внизъ, иногда откатываясь на нѣсколько саженъ. Высота, съ которой они сваливаются, т. е. толщина ледянаго слоя на концѣ ледника, около 12 саженъ. Лежащая у подошвы его морена совершенно закрываетъ сводъ, изъ котораго вытекаетъ рѣка, такъ что она выходитъ уже изъ этой морены. Вѣроятно она не достаточно сильна, чтобы удалять сваливающіеся камни. Рѣка, которой даетъ начало этотъ ледникъ, имѣетъ значительные размѣры; она образуется изъ трехъ истоковъ: средняго, составляющаго собственно начало рѣки, и двухъ боковыхъ, идущихъ по краямъ ледника; соединяются они выше старой конечной морены. Вытекающая вода наполнена чрезвычайно мелкимъ иломъ, который придаетъ ей особый видъ, и постоянно измѣняетъ оттѣнокъ. Самый конецъ ледника образуетъ на одной сторонѣ значительный выступъ; это зависитъ, очевидно, отъ того, что западная сторона ледника, прикрытая высокими горами, менѣе подвержена дѣйствію солнца, и вообще температура на этой сторонѣ ниже. На этой западной половинѣ край ледника не такъ обрывистъ и настолько пологъ, что камни держатся на его склонѣ и закрываютъ совершенно ледъ. На восточной же половинѣ ледъ выступаетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ большими пятнами грязно-сѣраго цвѣта.

Я рѣшился въ этотъ день ограничиться осмотромъ конца ледника и изслѣдовать мѣстность настолько, чтобы на другой день можно было попытаться пройти по склонамъ горъ вдоль ледника. Препараторъ пожелалъ взлѣзть на самый ледникъ, что̀ ему и удалось; оказалось, что поверхность его усѣяна сплошь обломками камней и между этими камнями пріютилось нѣсколько растеній, такихъ же, какія встрѣчались намъ и внизу.

Высота, на которой лежитъ конецъ ледника, оказалась 10730′.

Ночлегъ нашъ былъ саженяхъ въ 150-ти отъ ледника на возвышенной площадкѣ, ниже конца ледника на 130 футъ; отсюда открывался общій видъ на ледникъ (прилагаемый видъ нарисованъ изъ палатки); внизу у рѣчки разстилались луга, куда и отправлены были наши лошади; наша же площадка, напротивъ, была покрыта растеніемъ, которое встрѣчалось и гораздо ниже—астрагаломъ, съ длинѣйшими колючками (Oxytropis kaschmiriana Bnge.)

Наши лошади были повидимому первыми, попавшими на луга у ледника въ томъ году. Киргизы выгоняютъ сюда свой скотъ, но позже: въ это время (23-го іюня) онъ насся по лужайкамъ ниже. Проѣзжая къ леднику, я видѣлъ изгородь изъ деревьевъ и сучьевъ, которая перегораживала ущелье въ томъ мѣстѣ, гдѣ его стѣсняли скалы; мнѣ сообщили, что изгородь эта сдѣлана для скота; значитъ, онъ долженъ вытравить сначала низкія части ущелья. Кстати будетъ замѣтить, что и на той высотѣ онъ насся еще недавно: въ лѣтовку Джинтыкъ, гдѣ мы ночевали у бія (9650′), киргизы пришли всего за двѣ недѣли до нашего пріѣзда, а въ Чичкты (8650′) за 20 дней. Мы помѣстились въ палаткѣ и ночью порядочно померзли; уже въ 10 часовъ вечера было только 6,6°C. Джигиты помѣстились въ оказавшихся на площадкѣ каменныхъ жилищахъ: то были небольшіе домики, сложенные изъ камней, сверху прикрытые можжевельникомъ и землей. Часть построекъ очевидно была назначена для помѣщенія скота, другая—для людей. Дыръ между каменьями было однако въ каждомъ такомъ домѣ столько, что они представляли плохую защиту отъ непогоды. Огонь раскладывался внутри и отъ вѣтра нерѣдко дымъ наполнялъ все помѣщеніе. Несмотря на всѣ недостатки этихъ построекъ, я не думаю, чтобы онѣ принадлежали киргизамъ; я увѣренъ, что онѣ воз-

двигнуты таджиками, которые въ прежнее время занимали большее пространство, и думаю это потому, что подобныя постройки встрѣчались довольно часто въ занятыхъ таджиками горахъ верхняго Заравшана и вовсе не встрѣчались далѣе на востокъ въ тѣхъ горахъ, гдѣ по преимуществу кочуютъ киргизы. Весьма возможно, что прежде таджики, напр. изъ Воруха, со своими стадами уходили далеко въ горы; на Заравшанѣ они дѣлаютъ это и до сихъ поръ; ихъ лѣтовки находятся очень высоко, потому что киргизовъ тамъ нѣтъ. Киргизъ не станетъ складывать каменнаго дома, а принесетъ свою войлочную кибитку. Назвали мнѣ эти постройки кала.

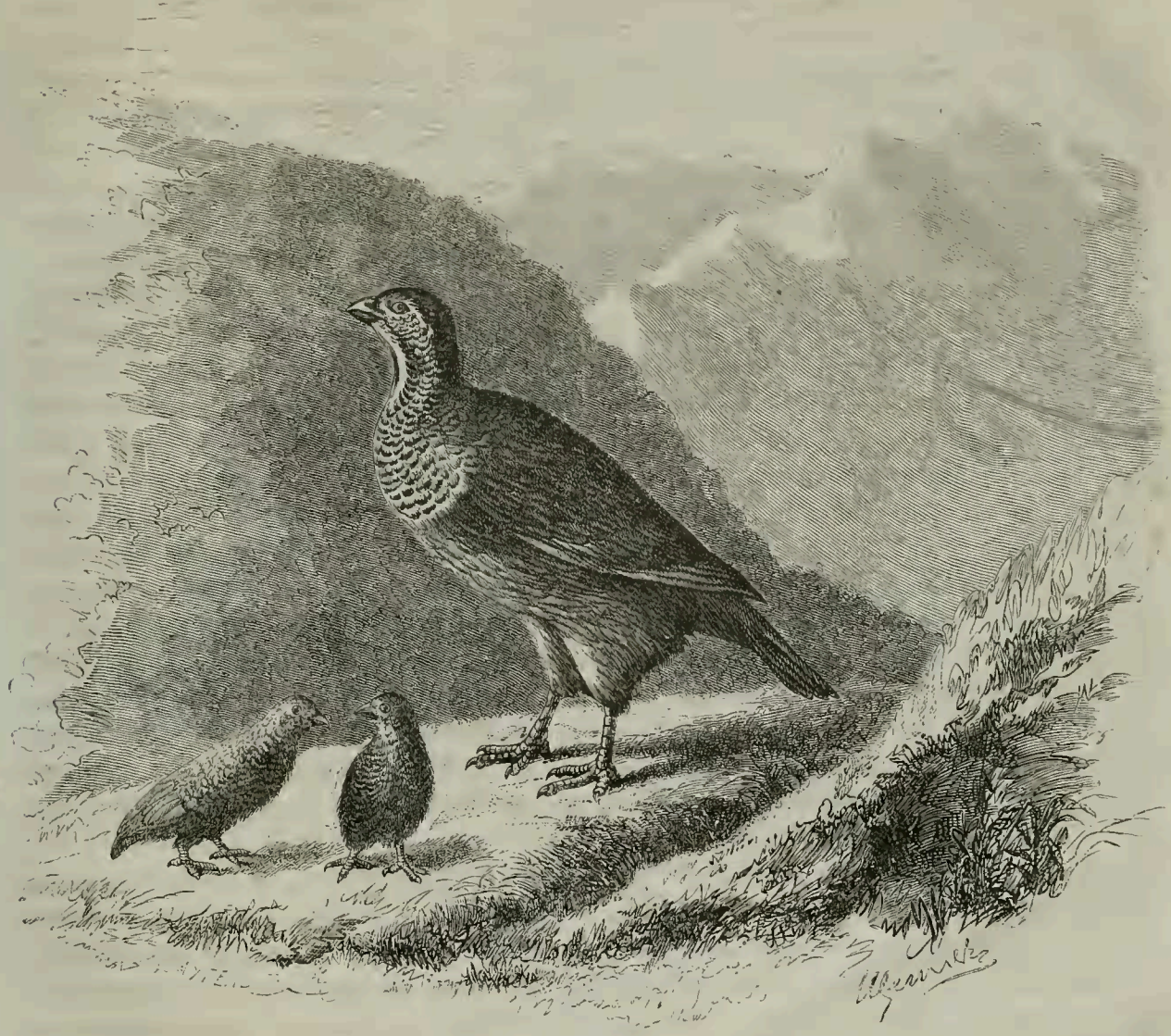
Утромъ 24-го іюня мы отправились въ нашу экскурсію для осмотра ледника. Несмотря на всѣ обѣщанія, нельзя было уговорить ни одного изъ киргизовъ, насъ сопровождавшихъ изъ лѣтовки бія, идти съ нами въ качествѣ вожаковъ; всѣ отговаривались тѣмъ, что никогда туда не ходили, что тамъ нѣтъ никакой дороги и пройти невозможно. Кокандскіе джигиты еще менѣе были расположены къ такой экскурсіи. Тогда я взялъ только двухъ нашихъ джигитовъ и рѣшился идти, хотя, признаться, и самъ недоумѣвалъ, какъ это сдѣлать; потому что никогда прежде по ледникамъ не ходилъ, а только читалъ, что такая ходьба представляетъ много трудностей и опасностей. Со мной пошли препараторъ и охотникъ. Ольга Александровна, какъ ей ни хотѣлось поглядѣть на ледникъ и собрать растущія по склонамъ растенія, рѣшилась остаться, чтобы нарисовать видъ ледника. Начало пути было опредѣлено еще наканунѣ: была замѣчена тропинка, поднимавшаяся на сѣверный склонъ; рѣшили идти по ней въ томъ соображеніи, что куда-нибудь да должна же она привести. Первая трудность заключалась въ томъ, что нужно было перескочить бурный потокъ, падавшій по склону; трудно было его перескочить теперь, но еще труднѣе на обратномъ пути, когда онъ увеличился чуть не вдвое; горные ручьи много зависятъ отъ дневной температуры, такъ, напр., по южному склону наканунѣ сбѣгало нѣсколько потоковъ, утромъ изъ нихъ не оказалось ни одного, а позже они опять появились. Дорожка нашлась и по ту сторону ручья; она круто поднималась кверху, но потомъ пошла почти горизонтально, слѣдуя изгибамъ склона. Поднявшись, мы увидали, что на противоположномъ склонѣ, почти на одной высотѣ съ нами, находятся остатки старыхъ моренъ, прилегающихъ къ склону въ видѣ карнизовъ. Одна находится саженъ на 15, другая на 20 выше теперешней поверхности ледника; притомъ эти остатки кончаются какъ разъ противъ старой конечной морены, т. е. впереди теперешняго конца ледника. Слѣдовательно, ледникъ былъ прежде не только длиннѣе, но и вдвое толще.

Когда мы поднялись выше ледника, то, насколько можно было видѣть, поверхность его была покрыта сплошь камнями; по большей части камни эти были мелкіе, но встрѣчались и такіе, которые имѣли въ діаметрѣ нѣсколько саженъ; такой же величины были камни и въ старой конечной моренѣ.

Склонъ, по которому мы шли, былъ покрытъ мягкою землей, на ней росло много низенькихъ растеній; все это цвѣло и довольно много насѣкомыхъ летало на цвѣтахъ; было замѣчено нѣсколько шмелей (Bombus), насѣкомыхъ, встрѣчающихся въ Туркестанѣ только въ горахъ, ниже 6000′ я не видалъ ни одного. Внизу мѣсто ихъ заступаютъ Anthophor'ы, встрѣчающіяся во множествѣ видовъ (мнѣ извѣстно уже до 50 [1]); въ средней Европѣ, гдѣ шмели не рѣдкость, Anthophor'ъ не болѣе десятка видовъ). Но поймать что-нибудь на склонѣ было очень трудно: рѣдко гдѣ можно было безъ особаго риска подняться, или спуститься съ

[1]) По точному опредѣленію всего собрано А. П. Федченко въ Туркестанѣ 53 вида Anthophora, изъ нихъ 40 видовъ оказались новыми. Ред.

тропники. Дорожка шла впередъ, не пропадая, и была очень хорошо протоптана; на ней попались намъ въ довольно большомъ количествѣ извержепія овецъ, лошадей и даже верблюдовъ. Позже, впрочемъ, она исчезла и нужно полагать, что по этой дорожкѣ скотъ проходитъ на самыя верхпія пастбища, т. е. на маленькія лужайки и болѣе доступные склоны, разбросанные кое-гдѣ. Мы нашли дальше и убогій пріютъ изъ камней съ слѣдами огня, вѣроятно

Megaloperdix Nigelii, въ 1/6 настоящей величины.

устроенный пастухами; скота же мы, впрочемъ, не видали; онъ, какъ я говорилъ выше, не дошелъ еще и до конца ледника.

Безжизненность ландшафта была замѣчательная; только потоки, сбѣгавшіе съ лѣваго склона (западнаго) и часто преграждавшіе намъ путь, да каскады, падавшіе по краю ледника, прерывали безмолвіе.

Изъ животныхъ на пути вверхъ попалась только крупная горная куропатка (Megalo-

perdix Nigelii), называемая русскими уларъ (она распространяется до Семирѣчья), а туземное названіе ей, по крайней мѣрѣ въ Заравшанской долинѣ, капкихиляль. Эта птица высокихъ горъ, какъ и всѣ ея сродичи: M. altaica живетъ на Алтаѣ, M. caucasica на Кавказѣ; встрѣченная мною M. Nigelii распространяется отъ семирѣченскаго Ала-тау до Гималая; встрѣчена нами была самка съ двумя дѣтенышами, которые безъ труда были пойманы, какъ только застрѣлили самку. Высота, на которой она намъ попалась, не ниже 11300′. Гнѣзда мы не видали, но нельзя полагать, чтобы она зашла такъ далеко снизу; она кормилась на маленькой лужайкѣ между камнями, куда и поспѣшила скрыться съ дѣтенышами. Цвѣтъ ея, сѣрый съ желтокоричневыми крапинками, отлично подходитъ къ цвѣту камней и ей, уже подстрѣленной, почти удалось укрыться отъ нашихъ поисковъ. При вскрытіи, желудокъ ея оказался наполненнымъ травой, а въ кишечномъ каналѣ нашлось множество паразитовъ, именно ленточныхъ глистовъ (Taenia) и круглыхъ (Heterakis sp.).

Мягкій склонъ, обильный растительностью, внрочемъ, скоро кончился; дорожка еще была, но идти по ней было уже гораздо труднѣе, и наконецъ въ одномъ мѣстѣ она прерывалась осыпью. Осыни эти состоятъ изъ очень мелкихъ обломковъ и если лежатъ на крутомъ склонѣ, то при малѣйшемъ прикосновеніи начинаютъ сползать внизъ. Не найдя нигдѣ удобнаго мѣста, мы рѣшились по одиночкѣ перейти черезъ нее; вся задача въ этихъ случаяхъ состоитъ въ томъ, чтобы переходить скорѣе, ставя однако ногу какъ можно тверже; тогда понемногу съѣзжаешь съ осыпью вмѣстѣ внизъ, но все-таки успѣваешь переставлять ноги. Конечно, нужно разсчитать движеніе такъ, чтобы на другой сторонѣ осыни было мѣсто, на которое можно было бы легко перейти съ осыпи. Хотя зеленые склоны кончились, но растенія все еще попадались, да мы и не дошли до крайняго пункта растительности. На этомъ протяженіи попались чрезвычайно интересныя растенія: Corydalis Stshurowskii Reg. n. sp.—замѣчательная весьма раздутой пузыревидной формой своихъ еще незрѣлыхъ плодовъ. Ту же особенность, пузыревидность плодовъ, представило другое растеніе, даже изъ другаго семейства (крестоцвѣтныхъ) Didymophysa Fedtschenkoae Reg. n. sp.; затѣмъ попалась Lonicera hispida Pall. var. alpina, форма, въ которой не сразу признаешь жимолость: маленькая, длиною не болѣе двухъ-трехъ вершковъ, стелющаяся, она скорѣе напоминаетъ брусшику, а красныя ягоды еще болѣе вводятъ въ заблужденіе. Наконецъ назову Gnaphalium leontopodium, который такъ часто встрѣчается въ европейскихъ альпахъ и предлагается на память туристамъ подъ именемъ альпійской розы (Alpen-Rose).

Растенія были и на горѣ, которая преградила намъ дальнѣйшій путь (12300′) и росли еще выше: среди ледянаго моря возвышается обширная скала и видно было, что ея пологіе склоны покрыты зеленью; скала эта была выше насъ и высоту ея нельзя считать ниже 12500′. Какія растенія были тамъ, не знаю; мы не дошли до скалы, но и она не у крайняго предѣла растительности: позже, на перевалѣ Кавукъ, мы нашли Oxygraphis glacialis Bnge на высотѣ 13300′. Это наибольшая высота въ средне-азіатскихъ горахъ, съ которой до сихъ поръ имѣются растенія, но я увѣренъ, что они растутъ и выше; снѣговая линія лежитъ еще выше, приблизительно на 14000′, а мѣста, гдѣ снѣгъ не держится, встрѣчаются и выше снѣговой линіи, и тамъ въ щеляхъ есть хорошій пріютъ для растеній. Въ Заравшанской долинѣ, на перевалѣ Мура, я нашелъ растенія на скалѣ, со всѣхъ сторонъ окруженной снѣгомъ, на высотѣ 12200′.

Если я сообщу состояніе температуры, которую я наблюдалъ въ продолженіи описывае-

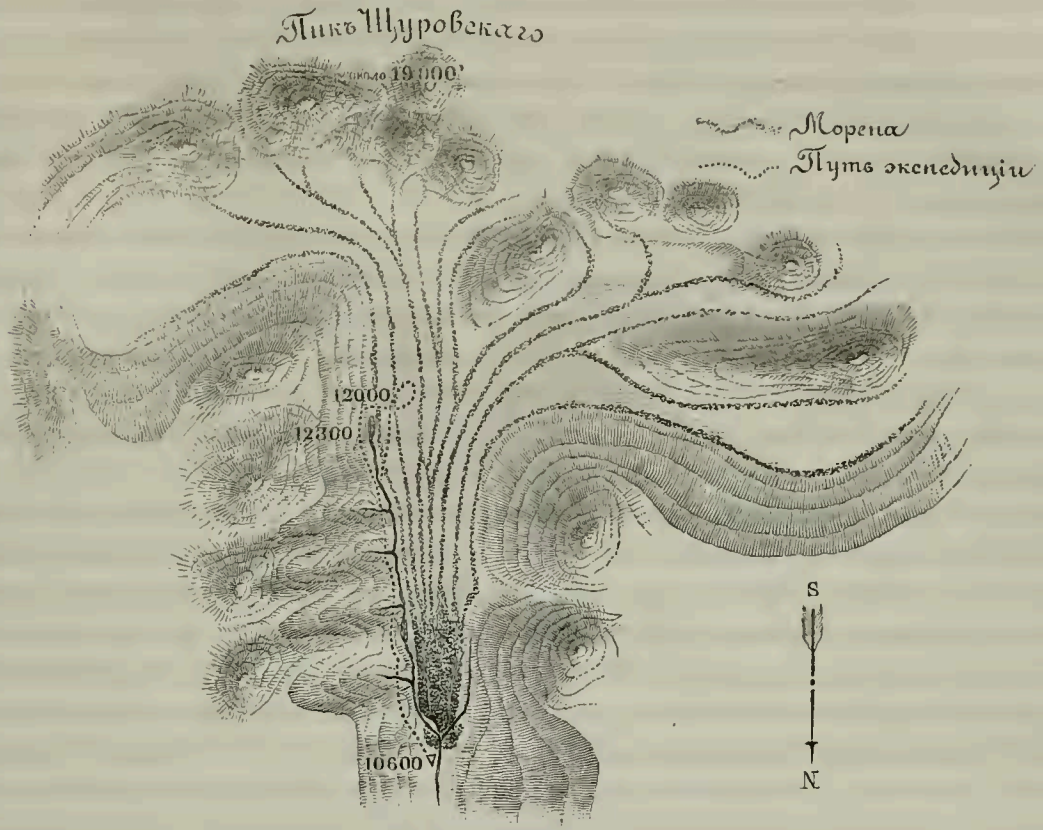
мой экскурсіи на ледникъ, то присутствіе растеній на такихъ высотахъ и притомъ въ такомъ числѣ, что на удобныхъ мѣстахъ образуются луга, не покажется удивительнымъ: въ 7 ч. 48 м. въ тѣни, на томъ мѣстѣ, гдѣ мы ночевали, было уже 15° С. (на высотѣ 10600′); а въ 2 ч. дня на крайнемъ пунктѣ, до котораго мы дошли по склону, на высотѣ 12300′ было 26° С. въ тѣни. Ночью за то температура понижается на этой высотѣ навѣрное до нуля, если не ниже; по крайней мѣрѣ уже тамъ, гдѣ мы ночевали, ночью едвали было больше 3—4°. Слѣдовательно, днемъ есть достаточное количество теплоты, ночью же холодно и растенія должны быть такія, которыя не боятся ночнаго мороза.

Высокая температура днемъ на большихъ высотахъ—такое обычное явленіе, что я при всѣхъ поѣздкахъ и пѣшеходныхъ экскурсіяхъ никогда не бралъ съ собой теплаго платья и отправлялся въ обычномъ полотняномъ костюмѣ, въ какомъ путешествовалъ и по знойнымъ Кизилъ-кумамъ. Какъ я уже говорилъ, мы шли все по склону, довольно высоко надъ ледникомъ. Онъ мѣстами обнажалъ свой край; его мощная боковая морена то оказывалась на склонѣ, такъ что между нею и ледникомъ было свободное пространство, то вплоть прилегала къ леднику; дорожка привела насъ къ самой боковой моренѣ, и это была лучшая часть пути, ровная, съ ничтожнымъ паденіемъ, но не надолго: между боковой мореной и склономъ появились небольшія озера и намъ пришлось опять лѣпиться по склону. Въ это время мы замѣтили, что впереди намъ дорога заперта скалой, упирающейся въ озерко. Пролѣзть тамъ нечего было и надѣяться. Мы рѣшили обойти препятствіе, поднявшись вверхъ. Круто было очень, но, на счастье, склонъ былъ мягкій, поросшій травой и не ровный, а уступами, такъ что намъ можно было идти какъ по лѣстницѣ. Но двигаться приходилось все-таки очень медленно; нужно было чрезъ нѣсколько шаговъ останавливаться и отдыхать. Мы далеко не были еще на такой высотѣ, чтобы чувствовать затрудненія въ дыханіи и, стоя спокойно, ничего не ощущали, но при движеніи, именно при крутыхъ подъемахъ, чувствовали что то не нормальное: дыханіе становилось гораздо болѣе частымъ, кровь приливала къ головѣ, что́ выражалось въ нѣкоторомъ отупленіи слуха; особенно же замѣтное вліяніе высоты проявлялось въ какой-то тягости въ ногахъ, которыя было труднѣе передвигать. Я, конечно, указываю на отличія сравнительно съ тѣмъ, что я чувствовалъ при подъемахъ на возвышенности на небольшихъ высотахъ. Но и послѣ, во время путешествія, всякій разъ, какъ я находился на значительной высотѣ надъ уровнемъ моря, описываемое ощущеніе повторялось, даже при самыхъ отлогихъ подъемахъ. Если мы припомнимъ, что ноги поддерживаются давленіемъ воздуха (такъ какъ въ сочлененіи бедра съ тазомъ вовсе нѣтъ воздуха; извѣстно, что нога съ обрѣзанными связками и перепонками все-таки не падаетъ, пока просверливаніемъ не будетъ искусственно открытъ доступъ воздуху въ сочлененіе) и при ходьбѣ внизу мы не замѣчаемъ ихъ тяжести, то понятно, что на высотѣ, съ уменьшеніемъ давленія воздуха, мы уже должны почувствовать часть ихъ вѣса и употреблять болѣе усилій для ихъ передвиженія.

Много труда пришлось употребить для подъема, и поэтому легко представить наше разочарованіе, когда оказалось, что гора на другой сторонѣ оканчивается обрывомъ, за которымъ поднимается другая, болѣе высокая гора и уже совсѣмъ неприступная. Мы остановились на краю обрыва, а ледникъ разстилался передъ нами, какъ обширное снѣговое поле съ правильно протянутыми линіями моренъ и манилъ насъ къ себѣ. Видъ съ этой горы замѣчательно хорошо знакомитъ съ ледникомъ и поэтому я опишу его.

Обширная снѣговая площадь была ограничена на югѣ и юго-западѣ рядомъ высоко поднимавшихся пиковъ; самые высокіе были прямо на югѣ; это былъ собственно одинъ массивный пикъ, на верху дѣлившійся на три вершины: двѣ стояли въ рядъ, третья немного позади, затѣмъ направо шла сѣдловина, высота которой была едвали на 1500—2000′ выше того мѣста, гдѣ я находился; правѣе сѣдловины онять виднѣлся невысокій пикъ, за которымъ слѣдовали другіе, болѣе высокіе. Наконецъ выступъ ближней горы скрывалъ дальнѣйшее положеніе ледника. Пики были покрыты снѣгомъ, но не сплошь; они очень круты, многія мѣста просто отвѣсны, и понятно, что снѣгъ не можетъ на нихъ удержаться; видно, какъ свалившійся снѣгъ образовалъ у подошвы пиковъ пологія насыпи. Насыпи эти изборождены; падающіе съ пиковъ камни оставили на нихъ свой слѣдъ; но не съ пиковъ получаетъ ледникъ главную массу своего снѣга и каменьевъ: они идутъ съ сѣдловинъ. Съ каждой сѣдловины спускается болѣе или менѣе обширное поле, окаймленное черными кантами—боковыми моренами. Особенно обширно было поле, спускавшееся съ запада; только конецъ его былъ виденъ изъ-за выступа ближней горы; спускалось оно очевидно черезъ крутой порогъ и все растрескалось; при взглядѣ на него мнѣ стало понятно, какую «гребенку» (таракъ) описывали мнѣ, черезъ которую приходится переходить съ большими опасностями по дорогѣ изъ Соха въ Каратегинъ. Отъ нѣкоторыхъ пиковъ въ снѣговую массу вдавались болѣе или менѣе длинные мысы и на концѣ одного-то изъ нихъ, самаго большаго, была та зеленая площадка, о которой я упоминалъ раньше. Влѣво отъ высокихъ южныхъ пиковъ немного было видно; выступъ горы позволялъ только видѣть вершины двухъ большихъ пиковъ. Снѣговыя поля отъ самаго верха имѣютъ по сторонамъ морены, образовавшіяся отъ накопленія скатывающихся сверху камней; понятно, что эти боковыя морены массивнѣе внизу, такъ какъ по мѣрѣ спуска морена послѣдовательно обогащается падающими со склоновъ каменьями. Массивнѣе эти морены также у тѣхъ полей, которыя идутъ вдоль каменистыхъ мысовъ, далеко вдающихся въ ледникъ. Боковыя морены отдѣльныхъ вначалѣ полей сливаются вмѣстѣ по мѣрѣ соединенія послѣднихъ. Какъ велико число полей, питающихъ описываемый ледникъ, можно видѣть уже изъ того, что, несмотря на указанныя соединенія, прямо противъ горы, на которой я стоялъ, можно было ясно разсмотрѣть на поверхности ледника, кромѣ двухъ боковыхъ, шесть моренъ, шесть валовъ, которые тянулись параллельно другъ другу съ замѣчательною правильностью; ниже начиналось соединеніе, но не вдругъ; за полверсты же отъ конца ледника вся его поверхность была, какъ описано выше, покрыта сплошь каменьями. Сначала на этой каменистой поверхности еще можно было различить одинъ-два каменистые вала, продолженіе болѣе массивныхъ моренъ, но потомъ они исчезали и разстилалась уже сплошная, ровная каменистая поверхность. Къ концу ледникъ, т. е. ложе его, значительно суживается (я полагаю, ледникъ при концѣ не шире 50—70 саженъ), и поэтому-то морены такъ рано сливаются въ одинъ общій покровъ; то, что выше помѣщалось на пространствѣ вчетверо болѣе обширномъ, должно было умѣститься теперь на 60—80 саженяхъ; къ тому же число срединныхъ моренъ и, слѣдовательно, приносимыхъ ими камней, очень велико. Во всякомъ случаѣ это слитіе срединныхъ моренъ въ одинъ общій покровъ особенность весьма характерная въ описываемомъ ледникѣ. Кстати здѣсь будетъ сообщить свѣдѣнія о размѣрахъ ледника, свѣдѣнія, конечно, приблизительныя: отъ подошвы высокихъ южныхъ пиковъ до конца ледника около 6-ти верстъ, изъ нихъ первыя три приходятся на циркъ, а остальныя на узкую долину, по которой спускается ледникъ внизъ. Циркъ въ на-

правленіи съ запада на востокъ гораздо обширнѣе; полагаю, что между крайними возвышенными точками не менѣе 8-ми верстъ разстоянія. Съ очертаніемъ этого цирка и вообще съ расположеніемъ ледника можетъ ознакомить прилагаемый планъ.

Приблизительный планъ ледника Щуровскаго. Маштабъ въ англ. д. 2 версты.

Пока я разсматривалъ ледникъ, препараторъ и охотникъ спустились внизъ и знаками показывали, что можно взойти и на самый ледникъ. Спускъ съ горы совершился скоро: приходилось большею частію сырыгивать съ уступовъ. Внизу у ледника оказалось, что нужно пробираться между огромными камнями, составлявшими уже часть боковой морены; миновавъ ихъ, нужно было, чтобы взойти на ледникъ, подняться по крутому боку морены. Трудности увеличивались тѣмъ, что въ этомъ мѣстѣ морена была засыпана рыхлымъ, крупнымъ пескомъ съ галькой (свалившимся съ сосѣдней горы), который при малѣйшимъ прикосновеніи катился внизъ, угрожая увлечь и крупные камни, лежавшіе весьма непрочно, такъ что, прежде чѣмъ становиться на нихъ, нужно было ногой попробовать, устойчиво ли они лежатъ. Если въ этомъ мѣстѣ мы благополучно поднялись, то это нужно приписать просто случайности, да и вообще можно только удивляться, что вся попытка побывать на ледникѣ кончилась такъ благополучно.

Поднявшись по боковой моренѣ, мы все еще не достигли чистаго льда; для этого пришлось пройти черезъ нѣсколько каменистыхъ грядъ, обойти нѣсколько озерковъ. Выйдя на ледъ, мы уже могли двигаться быстро, точно по паркету: такъ отлого поднималась поверхность ледника. Впрочемъ, далеко пойти вверхъ мы не могли; было уже поздно, солнце скрылось за высокими горами, окружающими ледникъ съ запада; появилось нѣсколько тучъ, ко-

торыя на этой высотѣ могли легко кончиться дождемъ, а пожалуй и снѣгомъ. Тучи эти двигались со стороны Когистана, т. е. верховьевъ Заравшана.

Обратный путь, конечно, долженъ былъ занять вдвое-втрое менѣе времени; но слѣдовало прежде сойти съ ледника, а скоро ли намъ это удастся — опредѣлить было трудно. Поэтому мы повернули назадъ, дойдя до того мѣста, гдѣ на ледникѣ возвышался огромный столъ, т. е. громадный камень лежалъ на ледяномъ столбѣ,—явленіе обыкновенное на ледникахъ, и объясняющееся тѣмъ, что, когда кругомъ ледъ таетъ и поверхность его понижается, камень защищаетъ отъ солнечныхъ лучей лежащій подъ нимъ снѣгъ и такимъ образомъ оказывается какъ бы на столбѣ.

Поверхность ледника тамъ, гдѣ мы по немъ ходили, была покрыта, кромѣ камней, сгруппированныхъ въ длинные валы (срединныя морены), и отдѣльно разбросанными обломками. Гдѣ не было камней, поверхность льда была покрыта тонкой коркой, какая у насъ образуется на снѣгѣ, когда жаркое весеннее солнце сплавляетъ верхній слой, который затѣмъ опять замерзаетъ. Вѣроятно это и были остатки зимняго, или весенняго снѣга. Вся поверхность ледника была довольно мокрая; множество ручейковъ прозрачной холодной воды текло по леднику; болѣе крупные нѣсколько углубили свое ложе.

Чтобы увидать цвѣтъ и строеніе льда, прикрытаго коркой, я поднялъ нѣсколько камней, валявшихся на его поверхности, и былъ пораженъ шевелящейся черной массой, которая находилась подъ каждымъ камнемъ; оказалось, что это были мелкія, чернаго цвѣта животныя, въ которыхъ я сразу призналъ подуръ. Мнѣ извѣстно было, что подуры встрѣчаются на альпійскихъ ледникахъ, и поэтому любопытно было увидѣть ихъ же и на среднеазіатскомъ; позднѣйшее изслѣдованіе показало даже, что найденная мною подура принадлежитъ къ тому же виду (Desoria glacialis или scandens Ag.). Подъ камнями сидѣли подуры всевозможныхъ возрастовъ, и поэтому нельзя думать, что онѣ приходятъ на ледникъ съ окружающихъ горъ. Несомнѣнно, онѣ развиваются тутъ же, всю свою жизнь проводятъ на ледникѣ и даже внѣ ледниковъ не встрѣчаются. Высота, на которой онѣ мнѣ попались, не менѣе 12100′. Ледъ подъ камнями оказался синимъ и наполненнымъ множествомъ пузырьковъ воздуха.

Ровная гладкая поверхность ледника манила насъ идти по ней внизъ; дыръ, трещинъ, о которыхъ я много читалъ, не было замѣтно, и поэтому мы рѣшились по крайней мѣрѣ избѣжать необходимости подниматься на гору, какъ это сдѣлали, взбираясь на ледникъ. Мы разсчитывали пройти по леднику до того мѣста, гдѣ его боковая морена вплотную прилегаетъ къ дорожкѣ; но вскорѣ пришлось разочароваться: встрѣтилась трещина, за ней другая, третья, и сколько можно было видѣть впереди, имъ конца не было; притомъ — чѣмъ ниже, тѣмъ онѣ дѣлались все шире и шире. Черезъ первую мы перешагнули, черезъ вторую — перескочили, на третьей уже пріостановились, разсчитывая, хватитъ ли усилій для необходимаго прыжка. Трещины имѣютъ отвѣсныя стѣнки, темны, поэтому глубины нельзя сообразить; на днѣ ихъ текутъ ручьи, судя по шуму, весьма значительные. Не имѣя ничего, кромѣ веревки (съ нами не было даже палки: гдѣ ее возьмешь въ средне-азіатскихъ горахъ?), мы не рѣшились продолжать нашъ путь черезъ трещины и повернули назадъ. Теперь все наше желаніе было — сойти съ ледника ниже того выступа, который преграждалъ всякій путь по склону. Боковая морена представляла намъ удобный путь, но была очень крута для спуска, да и угловатые камни лежали такъ непрочно, что, еслибы мы пошли, то, конечно, нѣсколько камней сорвалось бы вслѣдъ за нами. Немного ниже виденъ былъ болѣе пологій спускъ, но

моренѣ; мы туда направились и двигались съ большимъ трудомъ, какъ вдругъ увидали, что нашъ путь перерѣзанъ озеркомъ; въ надеждѣ обойти его мы стали забирать направо (налѣво намъ перерѣзали путь громадныя трещины, изъ которыхъ вода каскадомъ лилась въ озерко). Съ трудомъ лѣпились мы по узкой полосѣ камней, которая отдѣляла озеро отъ лежавшей направо ложбины и, вмѣсто хорошаго спуска, вдругъ увидали, что озеро изливается черезъ небольшой перерывъ въ моренѣ. Путь впередъ былъ намъ отрѣзанъ; внизъ спускаться не было возможности: потокъ падалъ съ камня на камень каскадами, разбиваясь въ брызги: идти назадъ и лѣзть на гору не было времени, мы не вернулись бы домой до вечера; запоздать и до разсвѣта сидѣть подъ камнемъ и мерзнуть безъ возможности развести огонь (мы были уже выше предѣла древесной растительности)—было не утѣшительно. Попробовали навалить камней, чтобы перебраться черезъ потокъ вбродъ; оказалось, что у самаго истока большая глубина; кое-какъ удалось намъ укрѣпить нѣсколько камней, и тѣмъ, сузивъ пространство, сдѣлать возможнымъ прыжокъ. Охотникъ прыгнулъ первый, но камень, на который онъ ступилъ, лежалъ непрочно и покачнулся; охотникъ тоже пошатнулся и какъ разъ въ сторону каскада, но успѣлъ наклониться на другой бокъ и перескочить на слѣдующій камень. Какъ только перешелъ одинъ, переходъ другихъ былъ обезпеченъ: шатавшійся камень укрѣпленъ, въ руки бралась веревка и мы всѣ пятеро перебрались благополучно черезъ эту непріятную преграду. За то далѣе мы скоро нашли удобный, или, по крайней мѣрѣ, возможный спускъ внизъ. Оставалось преодолѣть еще одно препятствіе, чтобы попасть на твердую почву: между мореной и склономъ тянулось озеро, неширокое — всего какихъ-нибудь 4 — 5 саженъ ширины, но длинное. Мы нашли мѣсто, гдѣ озеро суживалось и въ немъ лежали два огромные камня; нужно было только перепрыгнуть чрезъ раздѣлявшій ихъ промежутокъ. Пространство было невелико, за то поверхность камней слишкомъ округла. Трудно было бы удержаться при мало-мальски невѣрномъ прыжкѣ.

Попавши на склонъ, мы безъ особыхъ трудовъ достигли нашего лагеря. Осынь была тоже пройдена довольно легко, но когда мы шли на ледникъ, то, подходя къ ней, мы сбились съ тропинки, а потому и встрѣтили такія затрудненія.

Мы ходили всего 10 часовъ, но назадъ, — отъ того мѣста, гдѣ свернули съ ледника, — шли какихъ-нибудь полтора часа. Конечно, еслибъ случилось идти еще разъ тѣмъ же путемъ, то, зная дорогу, особенности ледника и т. д., можно было бы сдѣлать его вдвое скорѣе. Вся бѣда наша была въ томъ, что мы не имѣли проводника.

Я было и помышлялъ на слѣдующій день отправиться снова на ледникъ, надѣясь пройти дальше, но какъ только джигиты узнали о моемъ намѣреніи, то чуть не съ плачемъ пристали ко мнѣ — отказаться отъ этого, жалуясь, что прошедшую ночь они измерзли: у лошадей нѣтъ корма, говорили они; весь взятый съ собой вышелъ, въ аулѣ внизу достать нельзя, ужъ посылали (я увѣренъ, что кормъ былъ и купить его было можно), и напоминали мнѣ, что я обѣщалъ изъ Чичиктовъ съѣздить не надолго, и т. д. Меня собственно интересовалъ, при посѣщеніи этой мѣстности, вопросъ — нельзя ли перейти на другую сторону горъ, или, по крайней мѣрѣ взойти на гребень, чтобъ увидѣть, что находится на той сторонѣ. По всѣмъ соображеніямъ, какъ разъ противъ ледника, мною посѣщеннаго, долженъ былъ находиться конецъ исполинскаго ледника, изъ котораго вытекаетъ Заравшанъ. А. К. Абрамовъ говорилъ мнѣ, что почти къ самому концу Заравшанскаго ледника выходитъ дорога изъ Исфары; не та ли самая и есть эта дорода, по которой мы шли? Она пропадала, но мы

могли потерять ее изъ виду. Туземцы, впрочемъ, упорно отрицали существованіе всякой дорожки, по которой отсюда можно было пройти въ долину Заравшана, въ такъ называемую Мачу. Наконецъ нашелся какой-то киргизъ, который разсказалъ, что, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, пять мачинцевъ, возвращавшихся къ себѣ на родину, хотѣли пройти черезъ ледникъ, чтобы избѣжать длиннаго обхода въ нѣсколько дней пути. Но послѣ всѣхъ усилій, измученные и разбитые, они принуждены были вернуться назадъ. Разсказъ дышалъ правдой и я, обладая только тѣми же средствами для хожденія по леднику, какъ бѣдные мачинцы, не могъ разсчитывать на бо́льшій успѣхъ. Съ другими приспособленіями, съ другой опытностью, я увѣренъ, можно было бы пройти до гребня, да вѣроятно и снуститься внизъ. По другую сторону, въ долину Заравшана спускается, вѣроятно, тоже ледникъ; по крайней мѣрѣ, бывшіе у конца Заравшанскаго ледника говорятъ, что изъ боковыхъ ущелій спускаются тоже ледники. Вообще, вся эта мѣстность, очень возвышенная, должна быть богата ледниками. Здѣсь находятся истоки рѣкъ: Заравшана, Исфары, Соха и двухъ каратегинскихъ рѣкъ, и всѣ онѣ вытекаютъ изъ ледниковъ. Это съ достовѣрностью извѣстно относительно первыхъ трехъ; о каратегинскихъ же можно тоже предполагать съ большою вѣроятностью. Будемъ ждать, пока представиться возможность изслѣдовать все это пространство; оно представитъ, вѣроятно, немало грандіозныхъ явленій въ области образованія ледниковъ; а изученіе нынѣ существующихъ еще въ Тяньшанѣ ледниковъ необходимо для соображеній и сужденій о прежде бывшихъ въ этой же мѣстности. Переносить цѣликомъ выводы, сдѣланные въ Европѣ, невозможно. Главныя черты, конечно, одинаковы, и въ Альпахъ, и въ Тяньшанѣ; но непремѣнно должны быть мѣстныя различія, хотя бы только и количественнаго характера.

Добавлю еще, что въ боковыхъ ущельяхъ, весьма крутыхъ и короткихъ, тоже были замѣчены ледниковыя образованія, но безъ моренъ: то были просто груды снѣга, оканчивавшіяся напереди отвѣсно. Видно было, что они состоятъ изъ многихъ снѣговыхъ слоевъ; каждый слой, соотвѣтствующій году, былъ отдѣленъ отъ слѣдующаго темной или сѣрой полоской.

Открытый и посѣщенный мною ледникъ я позволилъ себѣ назвать ледникомъ Щуровскаго, въ честь извѣстнаго геолога, путешественника и изслѣдователя Россіи Г. Е. Щуровскаго, президента Общества Любителей Естествознанія, Общества, вызвавшаго къ дѣятельности столько молодыхъ силъ и по порученію котораго я совершилъ описываемое путешествіе въ Туркестанъ.

Обратный путь въ Чичикты мы совершили гораздо скорѣе, какъ это и всегда бывало, когда нужно ѣхать назадъ, а не впередъ. Мимо лѣтовки бія мы проѣхали, не останавливаясь; не испугала туземцевъ и необходимость подниматься на перевалъ, не пріостановились они даже, чтобы дать отдохнуть лошадямъ. Подъемъ совершился вполнѣ благополучно; трудно было на верхнихъ зигзагахъ подниматься пѣшкомъ; но все же никакихъ ужасовъ не оказалось. Спуститься съ перевала къ Чичиктамъ было, конечно, уже бездѣлицей.

Старикъ караулъ-беги съ радостью встрѣтилъ насъ; и помучился же онъ, я думаю, не поѣхавъ съ нами; потому что, если бы что́ случилось, бѣдняку крѣпко бы досталось. Я старался описать ему, какія прелести мы видѣли, и сообщилъ при этомъ, что если бы такой ледникъ былъ у насъ въ Россіи, то каждое лѣто толпы народа собирались бы его осматривать. Какое же впечатлѣніе это произвело на туземцевъ? Они потомъ спрашивали у переводчика, часто ли генералъ-губернаторъ будетъ присылать смотрѣть ледникъ.

Изъ Чичиктовъ пришлось ѣхать обратно въ Ворухъ. Мнѣ хотѣлось пробраться далѣе

на востокъ киргизскими лѣтовками, не спускаясь внизъ. Возможность есть, хотя, конечно, дороги трудныя; но наши спутники не дали и заикнуться объ этомъ: «тамъ караки [1]) бунтовали противъ хана весной», съ ужасомъ повторяли они мнѣ, при всякой попыткѣ завести объ этомъ разговоръ.

Нѣкоторыя свѣдѣнія о лѣтовкахъ въ окрестныхъ горахъ и о распредѣленіи по нимъ разныхъ киргизскихъ родовъ сообщилъ мнѣ Катта-Айтъ-Магометъ-бій; конечно, отвѣтственность за точность этихъ свѣдѣній лежитъ на немъ и на переводчикѣ. Въ верховьяхъ рѣки Исфары, по ея притокамъ, кочуютъ киргизъ-кипчаки; именно они занимаютъ лѣтовки: Джинтыкъ, Чичикты, Берь-су, Кшемишъ, Каракуль, Манатай, Мамакъ, Сухъ-сурлюкъ, Каллявазъ, Чаарташъ. Главнымъ біемъ ихъ мнѣ назвали самого разсказчика.

На Кшемишѣ кочуютъ еще киргизы рода Токмакъ; ими завѣдуетъ Абдурахманъ-Ишикъ-агаси.

Далѣе, къ востоку отъ Соха, кочуютъ киргизы ношутъ въ лѣтовкахъ Акъ-сепрликъ, Раутъ, Полалъ, Кизилъ-чимкентъ, Сепрликъ, Кизилъ-орда и Гиштитъ; у нихъ біи: Акъ-кулубій и Касимъ-бій въ Сепрликъ-джяйляу; третій, Мадали-юзъ-баши, увезенъ въ Кокапъ, такъ какъ ношуты принимали участіе въ возстаніи.

Еще далѣе къ востоку кочуютъ роды бостонъ (лѣтовки: Габіанъ и Куроту; бій: Джаналь [2]) бій) и джяу-кесякъ (бій: Мулла-ша-мирза).

Обратный путь въ Ворухъ мы сдѣлали очень скоро, т. е. вьюки и коканскіе джигиты; я же останавливался по дорогѣ, пользуясь множествомъ богатыхъ растительностью лужаекъ.

Въ Ворухѣ мы только переночевали и 27-го іюня отправились въ Сохъ самой близкой дорогой. Проѣхавъ черезъ Ворухъ, мы вступили въ лежащее между двухъ горъ продольное ущелье, сначала довольно узкое, безъ воды; по немъ мы ѣхали до Кеха, киргизскаго селенія. Здѣсь продольная лощина расширилась, даже можно сказать, что передъ нами было плоскогорье. Съ правой, южной стороны, оно было замкнуто цѣпью горъ съ очень крутымъ скатомъ. Своимъ обрывистымъ видомъ и вытянутой формой горы эти напоминали берегъ моря; да очень можетъ быть, что такимъ онѣ и были прежде. Нѣсколько неглубокихъ ущелій изрѣзывали ихъ. Склонъ горъ этихъ покрытъ былъ можжевельникомъ; высота ихъ—едва ли болѣе 9000′. У селенія протекаетъ рѣчка, небольшая, но благодаря ей киргизы могли употребить нѣсколько участковъ земли подъ пашню. Кехъ есть собственно зимовка, т.-е. мѣсто, гдѣ киргизы проводятъ зиму съ своими стадами.

Обширныя плоскости покрыты обильною травой; она засыхаетъ на корнѣ и зимой служитъ для корма скота. При нашемъ проѣздѣ трава уже была желта.

Рѣчка течетъ въ небольшомъ оврагѣ; мы оставили его вправо и начали подниматься по весьма пологому скату; горы, ограничивающія этотъ скатъ съ юга, были верстахъ въ трехъ; подъемъ такъ незначителенъ, что можно было бы безъ труда подняться на него въ экипажѣ. Проѣхавъ по склону верстъ 12, мы встрѣтили глубокую трещину; по другую сторону ея видно было, что плоскогорье продолжается, хотя и суженное выступившей слѣва грядой. Намъ пришлось спускаться въ трещину; спускъ оказался очень крутымъ; внизу стояли двѣ-три киргизскія кибитки, и трещина была такъ узка, что между сухимъ русломъ, по-

---

[1]) Разбойники.

[2]) Въ записной книжкѣ А. П. Федченко онъ названъ Джапакуль-бій. Ред.

крытымъ галькой и круто поднимавшимся склономъ оставалось ровнаго мѣста не болѣе, какъ еще для одной кибитки. Выше она суживалась до какихъ-нибудь двухъ-трехъ саженъ и въ южной грядѣ продолжалась въ видѣ такой же узкой щели; пройти здѣсь нѣтъ возможности, потому что щель поднимается уступами; весной, очевидно, образуется великолѣпный рядъ каскадовъ. Я надѣялся, что мы поднимемся изъ трещины на другую сторону, и поѣдемъ по продолженію плоскогорья; но оказалось, что дорога идетъ внизъ по тѣснинѣ. Сначала еще было сносно, но вскорѣ тѣснина еще болѣе сузилась. Разстояніе между почти отвѣсно воздымавшимися боками ея было всего нѣсколько саженъ, да и это пространство стѣснялось спускавшимися осыпями, такъ что едва оставалось мѣсто, гдѣ проѣхать; даже для конной тропинки нужно было расчистить камни. Въ одномъ мѣстѣ, по причинѣ большого уступа, сдѣланъ искусственный спускъ. Тѣснина идетъ не прямо, а извиваясь, и, благодаря возвышающимся выступамъ каменистыхъ осыней, представляетъ такіе термопилы, доступъ къ которымъ легко оградить даже при ничтожномъ числѣ защитниковъ; впрочемъ, обойти ихъ горами нѣтъ ничего легче. Нашъ старый караулъ-беги все время, какъ мы проѣзжали по ущелью, творилъ молитвы и съ ужасомъ, даже съ отчаяньемъ, смотрѣлъ на нависшіе камни, которые дѣйствительно, казалось, сейчасъ же упадутъ на голову. Да и на меня эта тѣснина произвела сильное впечатлѣніе; я никогда, ни прежде, ни послѣ, не видалъ ничего подобнаго. Тѣснины съ болѣе высокими стѣнами, но и болѣе открытыя вверху я видѣлъ; эта же, при незначительной высотѣ стѣнъ, поражала своей узкостью.

Тѣснина эта называется Караколь; названіе коль и созвучныя съ нимъ—колъ, кулъ, куль, гелъ, встрѣчаются очень часто въ именахъ урочищъ въ среднеазіатскихъ горахъ и были уже источниками многихъ недоразумѣній при попыткахъ отожествить разныя названія, напр. Сары коль и Сери куль. Мнѣ хотѣлось разобрать ихъ употребленіе, но не удалось добиться никакого толка. Для объясненія названія тѣснины Кара-коль, мнѣ сказали, что коль, иначе босага, называются боковыя палки у дверей кибитки; кара же, какъ извѣстно, значитъ черный, мрачный, дурной и т. д.

Первое, что́ мы увидали при выѣздѣ изъ ущелья, была двухколесная мѣстная арба. Арба—предметъ самъ по себѣ весьма обыкновенный, но на этотъ разъ возбудившій въ насъ сильное удивленіе, такъ мало приготовлены мы были, полные впечатлѣній тѣснины, увидать экипажъ—признакъ равнины. Вмѣстѣ съ арбой и окружающая мѣстность, конечно, представляла полный контрастъ съ пройденной тѣсниной; горы были, но пологія, казавшіяся ничтожными. Между ними тянулась лощина, постепенно расширявшаяся; названіе ей Сарыкыръ-сай; самое названіе сай показываетъ, что мы были въ горахъ весьма невысокихъ: такъ называются овраги.

По этому оврагу мы безостановочно уже ѣхали до выхода Сарыкыръ-сая на обширную продольную лощину. Тутъ дорога, арбяная, раздѣлялась на двѣ; мы были въ нерѣшительности, когда къ намъ выѣхало справа нѣсколько всадниковъ: оказалось, что то́ были киргизы, высланные къ намъ навстрѣчу уѣхавшими впередъ джигитами. Они объявили, что сейчасъ направо лежитъ киргизское селеніе—Кара-булакъ, гдѣ мы и должны имѣть почлегъ. Насъ привели въ садъ, одинъ изъ немногихъ, бывшихъ въ деревнѣ, но только-что мы расположились, полилъ дождь. Такъ какъ вьюковъ еще не было, то пришлось искать убѣжища въ саклѣ. Намъ отвели одинъ изъ домовъ, хозяина котораго безцеремонно заставили перебраться къ сосѣду. Трудъ очищенія комнатъ былъ, впрочемъ, напрасенъ; мы предпочли по-

мѣститься подъ навѣсомъ, который соединялъ двѣ бывшія по сторонамъ мазанки,— расположеніе почти общее всѣмъ бѣднымъ домамъ. Ночевать мы, впрочемъ, и тутъ не рискнули, опасаясь различныхъ насѣкомыхъ, а, по приходѣ вьюковъ, велѣли подъ дождемъ раскинуть палатку. Вьюки пришли очень поздно; ишакчи ругался, ему пришлось пройти въ этотъ день 40 верстъ, да еще промучиться всякими страхами въ тѣснинѣ, которая, вѣроятно, показалась ему дверями ада. Нужно замѣтить, что большую часть пути ишакчи и его единственный помощникъ, мальчикъ, дѣлали пѣшкомъ, изрѣдка только присаживаясь то на ту, то на другую лошадь.

Этотъ переѣздъ далъ довольно разнообразный сборъ растеній, въ числѣ которыхъ было нѣсколько кустарниковъ и деревьевъ. На подъемѣ передъ тѣсниной Караколь особенно обильна была алтыхана (Caragana pygmaea); крутой спускъ въ тѣснину поросъ различными Rosa, Lonicera (ишкъ шильбе) и другими кустами; въ самой тѣснинѣ найдена Ephedra (чаканда), золу которой кладутъ для крѣпости въ табакъ, акчичакъ или зарангъ (кленъ, Acer Lobelii), употребляемый на ободья (тегиръ), и нѣсколько другихъ.

Изъ насѣкомыхъ попалась, между прочимъ, одна форма въ высшей степени замѣчательная (Masaris). Между осами есть особая группа такъ-называемыхъ Masaridae; распространена она почти исключительно въ жаркихъ странахъ; въ Европѣ имѣетъ всего двухъ-трехъ представителей, да и изъ всѣхъ странъ извѣстно съ небольшимъ двадцать видовъ. Особенности, отличающія эту группу отъ настоящихъ осъ, многочисленны; рѣзкія особенности представляетъ устройство частей рта; у Masaridae мы находимъ удлиненный язычекъ, тогда какъ у всѣхъ другихъ осъ онъ короткій. Попавшаяся въ Ходжа-Чибурганскомъ ущельи форма оказалась принадлежащею къ роду Masaris, самому рѣдкому изъ всѣхъ, до сихъ поръ извѣстному только изъ Египта. Притомъ это былъ самецъ, имѣющій длинные усики, съ булавовиднымъ утолщеніемъ на концѣ. Самки здѣсь не попалось, но я имѣю самокъ Masaris, хотя другаго вида, съ береговъ Сыръ-дарьи у Байракума. Между самцомъ и самкой у Masaris отличія такъ велики, что долгое время ихъ принадлежность другъ другу подвергалась сомнѣнію, и въ лѣтописяхъ энтомологіи записанъ любопытный споръ по этому предмету: французскіе энтомологи назначали коммиссіи, писали доклады самого противоположнаго содержанія по поводу этого диморфизма, хотя нужно сознаться, что отличія далеко не такъ велики, какъ между многими другими насѣкомыми. Здѣсь кстати скажу, что Masaridae имѣютъ въ Туркестанѣ весьма обильныхъ представителей, болѣе обильныхъ, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, насколько можно судить по существующимъ свѣдѣніямъ. Мною найдено 8 видовъ, и все новыхъ, т.-е. еще не найденныхъ въ сосѣднихъ странахъ; изъ нихъ 4 вида привезено изъ песковъ Кизилъ-кумъ.

Въ Карабулакѣ мы только переночевали. Лежитъ онъ на окраинѣ обширной лощины, которая съ сѣвера, верстахъ въ семи, ограничена низкими горами, отдѣляющими ее отъ главной долины Ферганы. На западъ эта лощина тянется до Исфары, на востокѣ ограничена долиной Сохской рѣки; вся эта обширная плоскость представляла травянистую степь; это опять богатѣйшее киргизское кстау, т.-е. зимовка. Полями занято весьма небольшое пространство и причина этого заключается въ отсутствіи значительной рѣки. Карабулакъ получаетъ воду для своихъ полей изъ рѣки Калакъ, но въ концѣ іюля она высыхаетъ и тогда остается маленькій ключъ. Какъ я уже сказалъ, Карабулакъ населенъ киргизами; они сѣютъ ячмень, пшеницу, просо, люцерну; изъ деревьевъ разводятъ талъ (иву) и тирякъ (тополь). Высота Карабулака съ небольшимъ 5000′, и

немногочисленность разводимыхъ растеній зависитъ не отъ нея, а отъ того, что жители — киргизы. Возможно, что они начали недавно заниматься земледѣліемъ, но все же отсталость ихъ отъ живущихъ о́-бокъ съ ними таджиковъ, или сартовъ, нужно приписать тому, что у нихъ земледѣліе остается побочнымъ занятіемъ. Занимаются имъ тѣ, кому негдѣ кочевать. Люди богатые засѣваютъ небольшія поля и, оставляя ихъ подъ присмотромъ какого-нибудь байгуша, сами отправляются въ горы, откуда пріѣзжаютъ на время жатвы. Понятно, что такое отношеніе къ земледѣлію, напоминающее пріемы управленія имѣніемъ нѣкоторыхъ нашихъ помѣщиковъ, не можетъ быть выгодно для развитія земледѣлія. Сартъ, таджикъ постоянно копаются на своихъ поляхъ съ февраля до осени, за то и очевидна разница растительности и въ жатвѣ. Карабулакъ — не единственный примѣръ въ этомъ отношеніи: всѣ селенія киргизовъ одинаковы. Издали можно узнать киргизское селеніе по отсутствію садовъ; нѣсколько отдѣльныхъ жалкихъ деревьевъ торчатъ надъ группой киргизскихъ мазанокъ, прожигаемыхъ солнцемъ. У сартовъ же, напротивъ, густые сады тянутся сплошь на цѣлые десятки верстъ и издали кажутся лѣсами, какъ ихъ и называли нѣкоторые путешественники. Сады составляютъ настолько отличительную принадлежность сартовскихъ поселеній, что когда, въ предшествовавшіе годы, въ Коканскомъ ханствѣ шла упорная борьба между осѣдлыми жителями и кочевниками, то все населеніе разбилось на двѣ партіи, и кочевники называли сартовъ кара дарахтъ — черный лѣсъ. Въ средней Азіи, гдѣ древесная растительность возможна только при усиленномъ трудѣ, нельзя придумать болѣе лестнаго названія. Нечего объяснять бѣдность киргизскихъ поселеній неблагопріятными условіями, недостаткомъ воды и т. д. Въ Карабулакѣ, а равно и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, эта причина дѣйствительно существуетъ; но есть много и такихъ мѣстъ, гдѣ условія одинаково благопріятны, и однако же разница громадная. Достаточно указать на долину Чирчика и долину Келеса; разстояніе между ними нѣсколько верстъ: въ долинѣ Чирчика трудятся сарты, а на Келесѣ — пашутъ киргизы. Когда я возвращался изъ Кизилъ-кума, то едва могъ найти на Келесѣ группу деревьевъ, гдѣ бы укрыться на нѣсколько минутъ отъ солнца, и ничего, кромѣ молока, не могъ добыть. Или — на Сыръ-дарьѣ: гдѣ прежде были осѣдлыя поселенія, тамъ встрѣчаются обширныя развалины (Суткентъ, Байракумъ), степь изрѣзана старыми арыками; теперь же только кое-гдѣ близъ берега видны пашни киргизовъ, да и то сѣется больше просо — самое неприхотливое изъ всѣхъ разводимыхъ въ Туркестанѣ растеній. А степь рядомъ такая, что ѣздившій со мной Мадали-ходжа съ восторгомъ говорилъ, что еслибы ее поливать (для чего нужно только возобновить арыки), то она, отдохнувъ столѣтія, давала бы урожай вдесятеро бо́льшій, чѣмъ въ Ташкентѣ. Нѣтъ, о культурныхъ способностяхъ киргизовъ могутъ говорить только тѣ, кто узналъ казовую и веселую сторону ихъ жизни, или кто былъ увлеченъ сохранившимися у нихъ остатками первобытной простоты, безыскусственности; но отсюда еще не слѣдуетъ, что изъ нихъ выработается новый народъ съ одними прекрасными свойствами; напротивъ, чуть они принимаются за дѣло, дѣло пейдетъ, потому что нѣтъ энергіи, настойчивости, не говоря о привычкѣ. Кто же видѣлъ киргизовъ и сартовъ въ работѣ, тотъ не будетъ увлекаться киргизами, по крайней мѣрѣ не будетъ превозносить ихъ культурныя достоинства. Я позволилъ себѣ остановиться нѣсколько на этомъ сравненіи потому, что мы слышимъ о проектахъ цивилизаціи киргизовъ — съ тѣмъ, чтобы ввести въ мировую исторію новый народъ (это мнѣніе въ научной литературѣ высказано Радловымъ), о проектахъ устраивать школы для киргизовъ предпочтительно предъ осѣдлымъ населеніемъ, и вообще

давать имъ во всемъ преимущество передъ сартами. По моему мнѣнію, одобреніе этихъ проектовъ будетъ большой ошибкой въ дѣлѣ устройства и развитія края, ошибкой тѣмъ болѣе нежелательной, что немного пройдетъ времени, какъ болѣе близкое знакомство съ краемъ приведетъ къ противоположнымъ мѣропріятіямъ, и, пожалуй, вызоветъ увлеченія въ другую сторону. Главные доводы составителей указанныхъ проектовъ — политическіе (создать новое населеніе изъ народа, не имѣющаго историческихъ преданій, политическаго прошлаго), разбирать ихъ, поэтому, не стану; скажу только, что напрасно думаютъ, будто сарты имѣли политическую жизнь,—они и гражданскою-то жизнью пользовались весьма немного; небольшой классъ разныхъ служилыхъ людей и грамотное меньшинство помнятъ старое и могутъ желать возвращенія къ нему, но для того-то, чтобъ устранить ихъ вліяніе на массу, и нужно завести для нея школы, познакомить ее съ лучшими стремленіями. Это и будетъ самое вѣрное средство привлечь на свою сторону населеніе и пропитать его инымъ духомъ.

Кромѣ Карабулака въ той же лощинѣ лежитъ еще киргизское селеніе Буджунъ-Батканъ; впрочемъ, кажется, есть два селенія—одно Буджунъ, другое Батканъ, лежащія рядомъ, почему ихъ и называютъ двойнымъ именемъ. При этомъ дорога въ Исфару идетъ изъ Карабулака черезъ Батканъ, а чтобы достигнуть Чарку, нужно проѣхать черезъ Буджунъ. Въ Батканѣ, какъ мнѣ сказали, сѣютъ даже хлопокъ, который поливаютъ изъ колодца.

Изъ Карабулака нашъ путь шелъ равниной съ чисто степнымъ характеромъ. Чтобы спуститься въ долину Сохской рѣки, намъ пришлось проѣхать въ сѣверовосточномъ направленіи. Сохъ былъ почти прямо на востокѣ отъ Карабулака, но невысокія, скалистыя горы непроходимы, говорятъ, даже для всадниковъ. Изъ Карабулака видны и снѣговыя горы; онѣ лежатъ въ юго-восточномъ направленіи (подъ углами 297° и 312°) и представляютъ высокія и широкія массы, засыпанныя снѣгомъ. Это горы Алаудинъ.

Подъѣхавъ къ горамъ, замыкающимъ долину съ сѣвера, мы выѣхали на большую арбяную дорогу, которая идетъ изъ Исфары, и скоро начали спускаться по оврагу въ долину Сохской рѣки. Въ этомъ мѣстѣ долина образуетъ обширную котловину, со всѣхъ сторонъ закрытую невысокими, но скалистыми горами; только на сѣверѣ и на югѣ горы образуютъ узкія трещины, по которымъ протекаетъ рѣка: котловина отлично обработана и въ ней лежитъ нѣсколько селеній; мнѣ назвали ихъ: Реванъ и Туль-и-Газнау; послѣднее расположено у входа въ сѣверную тѣснину, послѣ которой, у Сары-кургана, рѣка раздѣляется на арыки; главные направляются къ сѣверозападу (изъ Сохской рѣки получаетъ воду и г. Коканъ), но довольно далеко отводится вода и на востокъ; Риштанъ получаетъ воду также изъ нея.

Сохъ лежитъ не въ этой котловинѣ: нужно проѣхать черезъ южную тѣснину. Какъ разъ въ тѣснинѣ устроенъ мостъ; рѣка, сдѣлавъ изгибъ, устремляется на лѣвый берегъ, образующій въ этомъ мѣстѣ высокую отвѣсную скалу. Отскочивъ отъ скалы, рѣка идетъ уже довольно узкимъ, но глубокимъ русломъ; этимъ воспользовались туземцы и устроили мостъ, перекинувъ черезъ рѣку длинныя тополевыя бревна. Мостъ достаточно широкъ и проченъ для проѣзда арбъ съ тяжестями.

Рѣка мнѣ показалась больше Исфаринской, такъ говорили мнѣ и туземцы; но видѣть разъ горный потокъ далеко еще не достаточно, чтобъ сказать, многоводенъ ли онъ; нельзя даже, посѣтивъ послѣдовательно разные потоки, сказать, который изъ нихъ богаче водой. Ангренъ, напр., лѣтомъ весьма ничтожная рѣка, почти вся отведенная по арыкамъ, а весной почти невозможна для переправы и считается опаснѣе Чирчика. Колп-

чество воды въ горной рѣчкѣ въ разные мѣсяцы зависитъ отъ того, съ какой высоты получаетъ она свою воду. Ангренъ бушуетъ весной потому, что получаетъ воду отъ таянія снѣга на довольно невысокихъ горахъ; снѣгъ таетъ быстро, горы обнажены, нѣтъ ни лѣса, ни мха, ни плотнаго дернового покрова, и вода быстро скатывается въ русло и уносится въ Сыръ-дарью почти безъ пользы для орошенія. Напротивъ, чѣмъ выше горы, тѣмъ снѣгъ таетъ медленнѣе, тѣмъ прибыль воды постепеннѣе. Наибольшую равномѣрность въ количествѣ воды лѣтомъ представляютъ рѣки, вытекающія изъ ледниковъ, такъ какъ ихъ таяніе гораздо постояннѣе и равномѣрнѣе. На большихъ рѣкахъ, имѣющихъ притоки съ низкихъ и высокихъ горъ, какова рѣка Сыръ-дарья, явленіе это выражается половодьями; первое, какъ мнѣ сказали кокандцы, бываетъ, когда цвѣтетъ алма (яблонь), т.-е. въ концѣ марта; второе — лѣтомъ.

Проѣхавъ тѣснину, мы увидѣли обширную лощину, тянувшуюся съ запада на востокъ. Въ ней-то, на правомъ берегу рѣки, и былъ расположенъ Сохъ, обширное поселеніе, больше Исфары. Первое, что̀ попалось намъ на глаза при въѣздѣ на обрывъ, на которомъ лежитъ Сохъ, была висѣлица; послѣ Исфары это была вторая, но надо прибавить, что больше мы ихъ уже не видали. Сохъ не имѣетъ кургана, т.-е. цитадели; не обнесенъ и стѣной. Правитель живетъ въ обширномъ домѣ внутри города. Домъ этотъ былъ замѣтенъ по своей величинѣ, нѣсколькимъ солдатамъ, да развѣшанному въ воротахъ оружію. Впрочемъ, все это смотрѣло какъ-то невесело. Оказалось, что правитель Соха и его округа былъ приглашенъ ханомъ въ Кокандъ по поводу послѣдняго возстанія киргизовъ въ его округѣ, и было неизвѣстно, останется ли онъ живъ, такъ какъ силенъ былъ говоръ, что причиной возстанія были его несправедливости и поборы. Послѣ, оставляя ханство, я узналъ, что онъ вернулся къ своему мѣсту, что̀ впрочемъ, по моему мнѣнію, отнюдь не доказательство, чтобъ онъ не былъ виновенъ въ поборахъ; напротивъ, милость достигнута была, вѣроятно, усиленными подарками, что̀ въ свою очередь повлечетъ за собою новые поборы.

Въ Сохѣ намъ отвели цѣлую группу садовъ, лежавшихъ террасами. Послѣ восьмидневнаго безостановочнаго движенія, Сохъ показался намъ отличнымъ мѣстомъ для отдыха, на который и былъ опредѣленъ слѣдующій день, 29-го іюня. Въ этотъ день мы имѣли удовольствіе получить первую почту, — письма изъ Ташкента и Россіи и газеты. Ихъ привезъ джигитъ Марглянскаго бека; въ письмѣ бека говорилось, между прочимъ, что посылаетъ онъ ихъ къ намъ вслѣдствіе письма изъ Ташкента, гдѣ сказано: «отошлите эти письма къ вашему пріятелю, гдѣ бы онъ ни находился, за что̀ будемъ очень благодарны.»

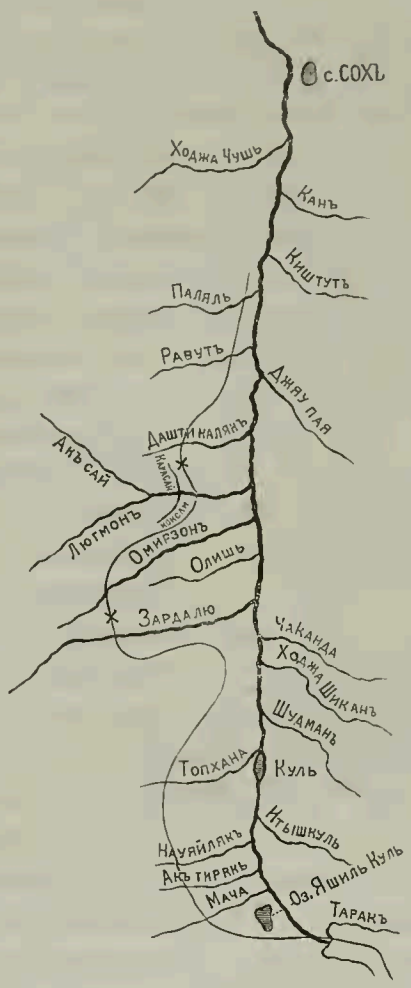
Я воспользовался остановкой, чтобы написать отвѣты и коротенькое описаніе совершенной поѣздки, для отсылки въ Ташкентъ. Привезшій почту, джигитъ Марглянскаго бека, получилъ за услугу халатъ и повезъ нашу почту въ Кокандъ. Оттуда она должна была съ новымъ джигитомъ, уже отъ мехтера, слѣдовать въ Ташкентъ. При отсутствіи почты въ ханствѣ, такія экстренныя посылки джигитовъ — единственное средство сношеній; хану и бекамъ приходится часто прибѣгать къ нимъ, и я не знаю, отчего они не устроятъ сообщеній на болѣе выгодныхъ основаніяхъ, и не сдѣлаютъ своихъ почтарей доступными и для частной корреспонденціи. Потребность въ ней несомнѣнно есть: съ устройствомъ почты въ русскихъ предѣлахъ, туземцы отлично поняли ея выгоды и пользуются ею для пересылки писемъ и денегъ.

Охотникъ и препараторъ дѣлали небольшія экскурсіи въ окрестностяхъ, я же все оставшееся отъ писемъ время посвятилъ разговорамъ съ аксакаломъ о верхнемъ теченіи Сохской

рѣки. Свѣдѣній, особенно названій, онъ мнѣ сообщилъ много, но сознаюсь—изъ отвѣтовъ его я не могъ составить себѣ яснаго понятія о томъ, о чемъ спрашивалъ.

Въ противоположность большинству туземцевъ, всегда увѣряющихъ, что они ничего не знаютъ, разсказчикъ заявилъ, что онъ прекрасно знаетъ мѣстность въ верховьяхъ Сохской рѣки, потому что часто ѣздилъ въ лежащія по ней киргизскія лѣтовки для сбора зякета. Извѣстно, что киргизы и вообще кочевники платятъ съ 40 барановъ по одному, что́ и называется зякетомъ.

Сохская рѣка образуется изъ 20 рѣчекъ, какъ сообщилъ мнѣ разсказчикъ. Вотъ ихъ названія: Таракъ, Мача, Акъ тирякъ, Нау яйлякъ, Итышкуль, Топхана, Шудманъ, Чаканда, Шиканда, Зардалю, Олишь, Омирзонъ, Люгмонъ, Дашти-калянъ, Джяу-пая, Равутъ, Паляль, Киштутъ, Канъ, Ходжа-чушь. Изъ нихъ главныя: Люгмонъ, Зардалю, Омирзонъ. Затѣмъ слѣдуетъ множество ручьевъ.

Чтобы сколько-нибудь сдѣлать понятными будущему изслѣдователю полученныя мною свѣдѣнія, я сообщаю здѣсь чертежъ, сдѣланный мнѣ туземцемъ. При этомъ нельзя дать никакихъ указаній относительно разстояній, и представляемый планъ показываетъ только, какая рѣка выше, да и то это вѣрно только относительно крайнихъ; напр. Шудманъ навѣрное выше Паляля, а что Джяу-пая выше Паляля, этого нельзя утверждать. Также нельзя утверждать, что всѣ притоки, показанные съ правой стороны, дѣйствительно текутъ справа.

Многія изъ сообщенныхъ названій я слышалъ уже прежде, въ Джиптыкѣ (Зардалю и тамъ былъ мнѣ названъ большой рѣкой, Омирзонъ былъ названъ—Орумзанъ; затѣмъ назвали Раутъ, Полалъ и Киштитъ; еще называли какую-то рѣку Кален-мамутъ); поэтому я не думаю, что все это множество названій разсказчикъ выдумалъ для удовлетворенія моего любопытства.

Изъ этихъ рѣчекъ я остановлюсь здѣсь на двухъ: Таракъ и Мача. Таракъ, какъ я уже говорилъ, долженъ быть несомнѣнно ледникъ; на это указываетъ описаніе трещинъ, черезъ которыя приходится переходить, и которыя на снѣговыхъ поляхъ, переходящихъ черезъ крутыя неровности, издали дѣйствительно похожи на исполинскую гребенку. По описанію туземцевъ, ледникъ этотъ имѣетъ громадные размѣры и я сначала предполагалъ, не Заравшанскій ли это ледникъ, такъ какъ Искандеръ-кульская экспедиція вывезла свѣдѣнія, что онъ тянется на востокъ на 50 верстъ; но едва ли это такъ. Мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, что Заравшанскій ледникъ кончается ранѣе. Таракъ есть другой ледникъ, дающій начало самому южному истоку Сохской рѣки. Разсказчикъ съ полной увѣренностью сообщалъ, что изъ Тарака вытекаетъ рѣчка, идущая къ Соху, и при этомъ сказалъ, что Мача-дарья вытекаетъ восточнѣе и впадаетъ въ Сохскую рѣку ниже. Я спрашивалъ про Мачу-дарью, верховье

Заравшана, такъ какъ этимъ именемъ туземцы обозначаютъ главный истокъ Заравшана, а у разсказчика явилась Мача-дарья. притокъ Сохской рѣки. Конечно, возможно, что притокъ съ такимъ названіемъ есть и у Сохской рѣки.

Озеро Яшимъ-куль [1]), лежащее недалеко отъ ледника, сильно напоминаетъ Яшиль-куль, являющійся въ нѣкоторыхъ старыхъ описаніяхъ, но можно ли считать ихъ однимъ и тѣмъ же? Яшиль значитъ зеленый, и такое названіе могутъ имѣть многія альпійскія озера, какъ есть много Аксу и Карасу.

Несмотря на неясность полученныхъ свѣдѣній, я все-таки сообщаю ихъ здѣсь для справокъ будущимъ изслѣдователямъ. При распросахъ чрезвычайно полезно бываетъ даже простое знаніе названій; тогда легче добиться отвѣта.

Изъ Соха идетъ въ Каратегинъ дорога, если не самая удобная, то самая короткая. Я весьма интересовался проѣхать этой дорогой, но мнѣ начали разсказывать разные ужасы; тогда я попросилъ опредѣлительнѣе указать трудности, и изъ разсказа вывожу то заключеніе, что берегомъ рѣки во многихъ мѣстахъ ѣхать нельзя, потому что она течетъ тѣснинами, которыя приходится объѣзжать, сворачивая въ долины притоковъ и переѣзжая высокіе перевалы. Названія переваловъ мнѣ сообщили въ изобиліи: Люгмопъ, Омирзонъ, Акташъ, Даванъ, Каракія, Зардалю, Икенджой, Коксіясъ, Топхана, Нау яйлякъ, Акъ тирякъ. Если только показанія не были искажены, то не остается ничего больше, какъ предположить, что дорога идетъ вдали отъ главной рѣки, пересѣкая горы, отдѣляющія ея притоки.

Какъ на большое затрудненіе указывали еще на Куль. Куль значитъ озеро; этотъ куль нужно будто бы переѣзжать вбродъ и притомъ придерживаясь извѣстнаго, весьма извилистаго направленія. Когда я потомъ съѣздилъ изъ Шахимардана въ Караказукъ, то для меня сдѣлался понятенъ этотъ куль. Рѣка образуетъ, вѣроятно, разливъ въ видѣ озера; когда воды мало, рѣка течетъ нѣсколькими руслами съ измѣнчивой глубиной; при бо́льшемъ притокѣ воды лѣтомъ, русла скрываются подъ водой и образуется озеро, дно котораго изрѣзано углубленіями, идущими неправильно, отчего путникъ рискуетъ попасть вдругъ съ мелкаго мѣста на глубину, если не запомнитъ расположенія руселъ въ другое время, когда они были видны. Чтобы убѣдить меня, что эти трудности дѣйствительно такъ велики, а не придуманы для меня, мнѣ сказали стихами:

زرل اشنك بولسه زردالوغه بارماغل
چكمكى اشنك بولسه چكنديك بارماغل
قوقس اشنك بولسه خوجه شكن بارماغل

«Безъ нужды не ѣзди въ Зардалю;
«Безъ крайности не ѣзди въ Чаканду;
«Безъ неотложной необходимости не ѣзди въ Ходжа-Шиканъ».

Въ переводѣ трудно было передать въ точности смыслъ стиховъ; въ оригиналѣ выражается, что мотивъ поѣздки долженъ быть для Чаканды сильнѣе, чѣмъ для Зардалю, а для Шикана—еще сильнѣе, потому что Чаканда гораздо опаснѣе Зардалю, а проѣздъ черезъ Ходжа-Шиканъ представляется небезопаснымъ даже для жизни путника.

Но самое трудное и ужасное мѣсто—Таракъ: только пѣшій будто бы можетъ пройти черезъ

[1]) Во многихъ черновыхъ замѣткахъ А. П. Федченко оно названо Яшиль-куль. Ред.

него. Всегда отправляются по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ, привязавъ къ тѣлу длинныя палки; эти палки удерживаютъ при паденіи въ трещину, пока товарищи не помогутъ выбраться. И, несмотря на такой рискъ, масса каратегинцевъ идетъ черезъ Таракъ. Это самая короткая дорога изъ Каратегина въ Коканъ, а извѣстно, что множество каратегинцевъ, не находя въ своей бѣдной странѣ средствъ для существованія, пробирается въ Коканъ, гдѣ нанимается въ поденную работу, поступаетъ въ рабочіе къ земледѣльцамъ и даже, какъ говорили мнѣ, снимаетъ въ аренду участки земли для обработки. Эти каратегинцы, или, какъ ихъ называютъ сарты и киргизы, гальча, доходятъ даже до Ташкента, гдѣ слывутъ хорошими неутомимыми чернорабочими.

На югъ отъ Тарака дорога гораздо легче; въ одинъ день достигаютъ Яркуша, Каратегинскаго селенія, откуда остается будто бы еще 5 ташъ до Гарма, главнаго города Каратегина.

Понятно, что всѣ разсказы о такихъ необычайныхъ препятствіяхъ только разжигали мое любопытство и усиливали желаніе доѣхать до перевала; но тогда мнѣ указали, что ѣхать ни подъ какимъ видомъ нельзя, потому что кочующіе тамъ киргизы взбунтовались противъ хана и если мы поѣдемъ, то они нападутъ на насъ. Меня это удивило: я слышалъ, что возстаніе кончилось; но какъ я ни убѣждалъ въ этомъ, сохскія власти рѣшительно настаивали на продолжающемся возстаніи. Такъ какъ я не могъ допустить и мысли, чтобы начальство изъ-за какихъ бы то ни было побужденій, безъ всякихъ основаній, стало утверждать, что подвластные ему жители бунтуютъ, то я повѣрилъ ихъ утвержденіямъ и согласился не ѣздить до перевала, а проѣхать только по ущелью, насколько оно безопасно, но и на такое скромное желаніе получилъ отвѣтъ, что непокойная территорія начинается сейчасъ же за сохской лощиной. Это меня поразило, но на всѣ сомнѣнія мнѣ отвѣчали въ одинъ голосъ, что киргизы бродятъ въ ущельи у самого Соха; я шутя спросилъ: «отчего же они не нападутъ на самый Сохъ?» И меня начали увѣрять, что при входѣ въ ущелье каждую ночь ставится караулъ изъ 250 вооруженныхъ сохскихъ жителей. Увидѣвъ, что я все-таки сомнѣваюсь, серкеръ предложилъ, что онъ сейчасъ же (разговоръ шелъ поздно вечеромъ) пригонитъ эту толпу къ нашему саду, чтобы я могъ убѣдиться въ справедливости его словъ. Я, конечно, отказался, потому что правду трудно было бы узнать: онъ могъ собрать по домамъ нѣсколько сотъ человѣкъ и выгнать ихъ къ саду. На мои убѣжденія, что съ такой силой навѣрное можно безъ риска пройти нѣсколько по ущелью, серкеръ началъ описывать, что киргизы, конечно, скроются, но вѣдь нѣсколько человѣкъ можетъ засѣсть гдѣ-нибудь за камнями и, не будучи замѣчены, застрѣлятъ насъ. Ну, ужъ когда дѣло пошло на разныя случайности, которыя могутъ встрѣтиться, стало ясно, что его не переспоришь и я принужденъ былъ отказаться отъ своего намѣренія.

Теперь нѣсколько словъ о самомъ возстаніи.

Въ 1870 году въ Коканское ханство явился Сендъ-ханъ, сынъ Малля-хана, слѣдовательно племянникъ хана Худаяра; тотъ самый принцъ, котораго по смерти Малля-хана Алимкулъ провозгласилъ ханомъ. По его несовершеннолѣтію, Алимкулъ самостоятельно правилъ ханствомъ. Послѣ смерти Алимкула при защитѣ Ташкента и по взятіи Ташкента русскими, Сендъ убѣжалъ въ Бухару, гдѣ и прожилъ пять лѣтъ. Весной 1870 года онъ скрылся изъ Бухары и, какъ оказалось, отправился въ Коканъ по приглашенію партіи, враждебной нынѣшнему хану. Худаяръ, узнавъ объ этомъ, велѣлъ его схватить и зарѣзать, что́ и было

исполнено въ с. Якка-тутѣ, черезъ которое мы проѣхали въ первый день путешествія изъ Кокана въ Исфару. «Къ намъ пріѣхалъ Сендъ-ханъ, но мы съ нимъ покончили»,—коротко, но ясно писалъ Худаяръ-ханъ въ Ташкентъ.

Дѣло, однако, этимъ не кончилось: Бухарскій эмиръ заявилъ, что Сендъ уѣхалъ безъ его вѣдома и доставилъ письмо, присланное ему съ печатями лицъ, просившихъ эмира отпустить Сенда въ Коканъ. Имѣя въ рукахъ списокъ заговорщиковъ, утвержденный ихъ собственными печатями, ханъ, конечно, началъ отъ нихъ избавляться обычнымъ способомъ: постепеннымъ и тайнымъ убійствомъ.

Были ли въ числѣ умерщвленныхъ біи киргизовъ, кочующихъ по Сохской рѣкѣ, или эти біи хотѣли возстаніемъ предупредить ожидавшую ихъ участь,—не знаю; но ранней весной 1871 г. всѣ сохскіе киргизы взбунтовались. Ханъ послалъ около 2000 сарбазовъ подъ начальствомъ главнаго начальника своихъ войскъ Наиба-Атабека.

Солдаты, составлявшіе нашъ почетный конвой въ Коканѣ, были въ этомъ походѣ и разсказывали, что они проникли далеко въ горы, но до киргизовъ не могли добраться; снѣга лежали въ горахъ страшные и они никакъ не могли пройти по тамошнимъ тропинкамъ. Захватили они 12 киргизовъ, которые, какъ участники въ возстаніи, и были казнены въ Коканѣ. Въ числѣ ихъ былъ Мулла-мыръ, таджикъ изъ Каратегина, котораго мнѣ выставляли однимъ изъ главныхъ руководителей возстанія. Другой предводитель возставшихъ, узбекъ Мулла-аширъ, убѣжалъ будто бы въ Каратегинъ. Вообще, коканцы сильно напирали на то, что каратегинцы, именно бекъ Рахимъ-ша, по прозванью нучукъ, курносый, дѣятельно помогали возставшимъ киргизамъ и что только въ разсчетѣ на помощь со стороны Каратегина и Бухары и могло организоваться возстаніе. За смертью Сенда претендентомъ на ханство будто бы былъ выставленъ Назырь-бекъ, сынъ Суфи-бека, тоже брата Худаяра. Такъ какъ киргизы не могутъ на зиму оставаться въ горахъ, а должны спускаться въ мѣста болѣе низкія и доступныя, гдѣ коканцы легко держатъ ихъ въ повиновеніи, то, по увѣренію мѣстныхъ властей, киргизы никогда не рѣшились бы возстать, если бы они не разсчитывали, что найдутъ на зиму пріютъ въ Каратегинѣ.

Другіе изъ народа, напротивъ, говорили мнѣ, что причина возстанія не что иное, какъ поборы сохскаго правителя, и что ближайшей причиной его былъ отказъ хана назначить въ Сохъ правителемъ киргиза, а не таджика, въ виду преобладанія киргизовъ въ населеніи этого округа. Возможно, что правы и тѣ и другіе, т.-е. что поборы вызвали недовольство и тѣмъ подготовили почву для возстанія, затѣяннаго недовольными нынѣшнимъ ханомъ.

Итакъ, то былъ только эпизодъ изъ указанной выше борьбы между осѣлымъ и кочевымъ населеніемъ, борьбы, едвали навсегда закончившейся. Правительству хана, пользуясь теперешней своей силой, слѣдовало бы устранить возможность подобныхъ явленій на будущее время, и, конечно, иными средствами, чѣмъ умерщвленіе біевъ и уважаемыхъ киргизами лицъ. Но отсутствіе плана у правительства и доведенная до крайности децентрализація (извѣстно, что въ средней Азіи крайній деспотизмъ и децентрализація, по странному противорѣчію, существуютъ рядомъ) не позволяютъ разсчитывать на устраненіе нынѣшнихъ аномалій. Я не вѣрилъ въ невозможность или большую опасность посѣщенія Сохскаго ущелья еще потому, что мнѣ за достовѣрное разсказывали, будто, по приказанію хана, въ ущельи выстроено два кургана. Въ Сохѣ не отвергали существованія кургановъ, но все-таки стояли на томъ, что, несмотря на нихъ, киргизы все-таки бунтуютъ, и дорога опасна. Въ Коканѣ

мнѣ пояснили, что курганы эти устроены ханомъ для того, чтобы ему было гдѣ укрыться, если русскіе начнутъ завоевывать ханство. Про одинъ изъ кургановъ разсказывалось, что онъ построенъ на такой скалѣ, которую рѣшительно нельзя взять никакими средствами. Не знаю, насколько тутъ правды. Замѣчу только, что верховья Соха представляютъ замѣчательно замкнутую почти со всѣхъ сторонъ область: съ востока вовсе нѣтъ дорогъ; какъ трудны онѣ съ сѣвера и съ юга—мы видѣли выше; а съ запада и изъ Чичиктовъ хотя и есть тропинки, но до крайности опасныя, да и тѣ ведутъ въ нижнюю часть Сохской долины. Одинъ изъ коканскихъ государей, знаменитый Баберъ, потерявъ тронъ Ферганы, укрывался почти цѣлый мѣсяцъ въ горахъ Сохскаго и Ушьярскаго округовъ. Ушьяръ я видѣлъ; по крайней мѣрѣ такъ мнѣ назвали большое селеніе на другой сторонѣ рѣки, противъ Соха.

30-го іюня мы отправились далѣе на востокъ. Высокія горы съ снѣговыми вершинами невдалекѣ возвышались съ юга; болѣе низкія, но сильно скалистыя горы Катранъ тянулись съ сѣвера; между ними простиралась въ направленіи на востокъ широкая, въ нѣсколько верстъ, лощина; — по ней-то мы и поѣхали. Выѣхавъ изъ селенія, мы опять увидали арбяную дорогу: оказалось, что въ Сохъ арбы приходить не могутъ, но изъ котловины, гдѣ лежитъ Реванъ, не входя въ тѣснину, онѣ съ моста направляются на низенькую сѣдловину въ горахъ Катранъ.

Власти Соха сопровождали насъ до Чашма, о которой они съ большимъ удивленіемъ разсказывали намъ. Оказывается, что Сохъ всю воду для своихъ садовъ и полей получаетъ изъ ключа, находящагося верстахъ въ $2^1/_2$ восточнѣе. Ключъ дѣйствительно поражаетъ своей грандіозностью: въ вершинѣ небольшой ложбины находится обложенный камнями круглый бассейнъ, сажени въ $3^1/_2$ въ поперечникѣ, — на днѣ его съ большой силой бьютъ ключи; вода прозрачная, холодная. Справа и слѣва вода выливается изъ бассейна въ большіе арыки, идущіе къ Соху. Мы встрѣтимся еще съ такими ключами. Извѣстны они мнѣ и изъ Зарафшанской долины, напр. ключъ въ Ходжадукѣ, Кайнаръ — въ Пянджикентѣ. Происхожденіе ихъ стоило бы прослѣдить возможно основательнѣе. Дальнѣйшій путь выяснилъ, почему у Соха образуется такой громадный ключъ: обширная лощина не имѣетъ никакого поверхностнаго стока: изъ южныхъ горъ тоже не падаетъ ни одного ручья (и потому ущелья очень узки, ничтожны), а горы, возвышающіяся на югѣ, достигаютъ снѣговой линіи и даже высоко поднимаются надъ ней. Ясно, что вода уносится подземными потоками. Мнѣ всегда казалось, что количество воды, вытекающей изъ Тяньшаня, несоразмѣрно мало сравнительно съ поверхностью, покрытою снѣгомъ, и я готовъ предположить, что много воды уносится подземными потоками. Фактъ существованія большихъ поселеній, получающихъ воду исключительно изъ ключей, каковы изъ видѣнныхъ мной въ Коканскомъ ханствѣ Балыкчи, Анмъ-кишлакъ, Сохъ, можетъ дать понятіе, какъ мощны подземные потоки, выходящіе наружу. А сколько воды такъ и остается подъ землей, не выходя наружу, не принося никакой пользы для культуры? Мнѣ кажется вопросъ настолько важный, что слѣдовало бы на него обратить вниманіе. Обширныя геологическія изслѣдованія надъ строеніемъ Тяньшаня одни могутъ выяснить его; и вотъ еще новое доказательство, что если оффиціально геологія понимается только въ смыслѣ добыванія рудъ и полезныхъ ископаемыхъ, то при такомъ взглядѣ многое остается вовсе незатронутымъ.

Но жизнь возьметъ свое: увеличеніе населенія вызоветъ бо́льшую внимательность въ

этомъ направленіи; мнѣ хотѣлось бы только, чтобы съ именами ключей отнынѣ связывались не имена ходжей и святыхъ (Ходжадукъ и др.), а русскихъ ученыхъ изслѣдователей.

Лощина ничтожно, едва замѣтно, поднималась къ востоку; вдали виднѣлись небольшія возвышенности въ видѣ холмовъ, но общій видъ былъ—широкой ровной лощины между двумя грядами горъ. Здѣсь было повтореніе того, что я видѣлъ въ Исфарѣ, Чарку, Ворухѣ, Кехѣ, Карабулакѣ: и послѣ этого еще до сихъ поръ нѣкоторые утверждаютъ, что въ Тянышанѣ и среднеазіатскихъ горахъ цѣпей нѣтъ, а есть развѣ только рѣчныя русла, промытыя и углубленныя въ плоской возвышенности. Хорошо, что коканцы не опасный врагъ, а то, въ случаѣ войны, они превосходно могли бы дать почувствовать существованіе цѣпей и лежащихъ между ними долинъ. Цѣпи эти отдѣляютъ двѣ, а иногда и три продольныя долины, сообщающіяся только узкими трещинами. При нѣсколько иномъ состояніи военнаго искусства у коканцевъ, ханство, благодаря такому строенію почвы, было бы просто неприступно со стороны Ходжента.

Еще одно замѣчаніе: когда я послѣ увидѣлъ Алай, меня поразило сходство внѣшняго вида, а при внимательномъ разсматриваніи, и строенія Алая и Сохской лощины. Конечно, размѣры были весьма различны; но дѣло не въ нихъ; и тутъ и тамъ я видѣлъ синклинальную долину; съ сѣвера были слегка поднятые слои, съ юга — массы, возвышавшіяся до вѣчныхъ снѣговъ. Изъ этого ясно также, что я разумѣю подъ словомъ цѣпь — гребень поднятыхъ слоевъ. При такомъ обозначеніи и прерываемость цѣпей и ихъ раздѣленіе широкими долинами не даютъ еще права заключить объ ихъ отсутствіи и все-таки ставитъ Тянышань въ рядъ съ Андами, состоящими изъ цѣпей, или грядъ, а не съ выпуклыми массивными поднятіями Алтая, Скандинавіи и т. п. Если нельзя прослѣдить вдоль всего Тянышаня одной цѣпи, если ихъ встрѣчается цѣлая масса, то тѣмъ болѣе основаній назвать Тянышань грядовыми горами. Я не утерпѣлъ, чтобъ не высказать здѣсь же этихъ впечатлѣній; въ приложеніи надѣюсь подробнѣе развить мои наблюденія и взгляды по этому вопросу, весьма важному для пониманія строенія среднеазіатскихъ горъ, составляющему основную черту ихъ орографіи.

Пріостанавливаясь и собирая животныхъ и растенія (не могу не упомянуть о встрѣченномъ здѣсь прелестномъ новомъ видѣ Amphicome), мы ѣхали до киргизской зимовки Дуваль. Весьма характернымъ для этой лощины растеніемъ была Lavendula latifolia; цѣлыми группами росла она, привлекая своими синими, благоухающими цвѣтами множество перепончатокрылыхъ насѣкомыхъ. Начиная отъ Ура-тюбе, растеніе это встрѣчалось на извѣстной высотѣ широкимъ поясомъ и должно быть причислено къ самымъ характернымъ на высотѣ отъ 2500′ до 5000′. Туземцы называютъ его тагъ-ялпузъ и высоко цѣнятъ его врачебныя свойства. У зимовки мы встрѣтили ничтожныхъ размѣровъ поля и обширный прудъ, въ которомъ вода держится или весной, или когда ее много въ близъ-лежащемъ оврагѣ. Къ удивленію нашему, мы отъ Дуваля начали спускаться въ оврагъ, или обширную яму, которая тянулась къ южнымъ горамъ, гдѣ и оканчивалась безъ выхода. Яма эта производила впечатлѣніе озерной котловины и сами туземцы были того мнѣнія, что тутъ прежде было озеро, которое потомъ исчезло. По моему мнѣнію, исчезновеніе его имѣетъ связь съ существованіемъ выше описанныхъ богатыхъ водою ключей близъ Соха. Теперь на днѣ озера киргизы сѣютъ хлѣбъ. Называется это углубленіе Гайдаркинъ, или Гайдаръ-ку. Изъ него намъ пришлось опять подниматься на невысокій перевалъ Митинъ. На перевалѣ и по склонамъ оврага, идущаго отъ него къ

востоку, росли разные кустарники: Caragana, Berberis, Rosa; вблизи перевала въ изобилiи росли разные злаки, въ томъ числѣ много ковыля (Stipa); на бликнихъ скалахъ немного арчи (Juniperus). Дорога, по которой мы ѣхали, была все время арбяная и притомъ прекрасная; въ первый разъ еще въ средней Азiи я видѣлъ широкую, удобную для экипажа дорогу, живописно извивавшуюся вдоль склона крутаго оврага, поросшаго высокими кустами и на склонахъ, благодаря значительной высотѣ, сохранившаго сплошной зеленый покровъ изъ высокой травы. Оказалось, что дорога такъ хороша потому, что тутъ проѣхалъ въ прошломъ году ханъ; по этому случаю она и была исправлена, что́ не осталось и безъ экономическаго значенiя: теперь по ней на арбахъ вывозятъ уголь, выжигаемый въ горахъ.

Спустившись съ перевала, мы очутились на днѣ оврага, который шелъ изъ южныхъ горъ, и черезъ трещину въ сѣверныхъ горахъ выходилъ въ слѣдующую лощину. Дорога раздѣлялась; изъ нашихъ спутниковъ никто не зналъ, по которой намъ слѣдуетъ ѣхать; направлялись же мы въ с. Шахимарданъ. Встрѣтившiйся киргизъ объяснилъ, что обѣ дороги приведутъ въ Шахимарданъ, но что идущая направо тянется черезъ горы, а лѣвая — ровной лощиной. Конечно, наши коканцы устремились налѣво. Узкая трещина скоро кончилась и мы выѣхали на обширную лощину, равномѣрно и полого спускавшуюся къ востоку. Справа и слѣва тянулись горы опять гребнями. Лощина и горы были покрыты пожелтѣвшей травой; на склонѣ сѣверныхъ горъ виднѣлись киргизскiя кочевки: группы мазанокъ съ навѣсами для скота. Въ лощинѣ были поля пшеницы, не поливаемой изъ арыковъ, такъ-называемой ляльми.

Въ концѣ лощины должно было находиться селенiе Обихана, или, по искаженному произношенiю живущихъ тамъ киргизовъ, Охна. Уже совсѣмъ стемнѣло, когда мы замѣтили вдали крайнiя деревья; въ темнотѣ въѣхали мы въ селенiе и направились по улицѣ между двумя рядами садовъ и полей. Ѣхали мы, показалось намъ, безконечно долго; нѣтъ ничего несноснѣе поѣздки въ темнотѣ; ѣхать приходится медленно, и поэтому путь кажется безконечнымъ; къ тому же вовсе не видишь, насколько передвигаешься; почти не воспринимаешь никакихъ внѣшнихъ впечатлѣнiй, и отъ этого время кажется еще длиннѣе. Двое джигитовъ съ утра уѣхали впередъ, чтобы приготовить ночлегъ, нужные запасы и т. д.; потомъ и караулъ-беги уѣхалъ впередъ, видя, что если мы на пути будемъ останавливаться для наблюденiй, то раньше полуночи не доѣдемъ до Охны; поэтому мы ждали, чтобъ къ намъ выѣхалъ кто-нибудь навстрѣчу и проводилъ въ садъ, для насъ отведенный. Никто не показывался и мы были уже въ недоумѣнiи, какъ вдругъ появилось нѣсколько всадниковъ, высланныхъ караулъ-беги. Они повели насъ черезъ арыки, пригорки, сады и т. д.; однимъ словомъ, черезъ такой лабиринтъ, что я ничего не могъ понять, и удивляюсь, какъ только уцѣлѣли наши глаза отъ торчавшихъ вѣтокъ, какъ мы не зацѣпились за сучья. Оказалось, что насъ провели кратчайшей дорогой въ отведенный намъ садъ.

Караулъ-беги мы нашли въ страшномъ раздраженiи. Дѣло въ томъ, что уѣхавшiе впередъ джигиты ничего не приготовили; они спали глубокимъ сномъ. Дорогой, или пріѣхавъ, они жестоко накурились наши (гашиша) и предались сладостнымъ мечтамъ. Какъ извѣстно, послѣ куренiя наши, которымъ занимается большинство туземцевъ, человѣкъ погружается въ сонъ и ему представляются очаровательныя сновидѣнiя. Наша приготовляется изъ цвѣтовъ и изъ окружающихъ цвѣты листочковъ конопли. Эти части растенiя растираются съ водой; полученная порошковатая масса сохнется въ куски; для куренiя ее кладутъ въ табакъ кальяна.

Немногихъ затяжекъ достаточно для того, чтобъ опьянѣть. Сухіе наркотики (кромѣ наши туземцы употребляютъ и опіумъ) совершенно замѣняютъ въ мусульманскихъ странахъ спиртные напитки, строго запрещенные кораномъ; про нашу́ же и опіумъ тамъ ничего не сказано, слѣдовательно ихъ можно употреблять: и законъ соблюденъ и потребность удовлетворена, хотя и болѣе вреднымъ для организма способомъ. И не съ одною нашо́й такъ бываетъ. У тѣхъ же мусульманъ мы видимъ, что женщины, въ силу постановленій корана, закрываются и изображаютъ изъ себя чучело, болѣе некрасивое, чѣмъ пугало на нашихъ огородахъ; цѣль была очевидно та, чтобъ отрѣзать женщину отъ остальнаго міра, а для мужчины—устранить всякій соблазнъ. А на дѣлѣ? Мужчины, за неимѣніемъ женскаго лица, фигуры, засматриваются на мальчиковъ, влюбляются въ нихъ, ухаживаютъ, любезничаютъ, и т. д. и доходятъ до самыхъ противоестественныхъ дѣйствій. И женщины соблюдаютъ законъ, обезображиваютъ себя, но, конечно, натуры не переспишь, и опять самыя дикія послѣдствія: особый продуктъ въ промышленности Ура-тюбе или связь, несмотря на вѣрную смертную казнь (закопанная до головы въ землю должна быть побита камнями) въ случаѣ огласки.

Джигиты увѣряли, что, пріѣхавъ, они приказали, чтобы все было готово, но мѣстное начальство не послушалось ихъ; начальство же говорило, что пріѣхало двое пьяныхъ и, что-то пробормотавъ, завалились спать. Караулъ-беги пріѣхалъ уже поздно, да и его, кажется, приняли сначала безъ особаго вниманія, и такимъ образомъ подъ-утро уже мы получили нужные припасы.

Ночлегъ нашъ былъ на самомъ берегу рѣки, текущей отъ Шахимардана къ Маргіяну. Вода этой рѣки поразила меня своимъ цвѣтомъ: она была молочно-бѣлая, точно въ ней была разболтана известь. Всю узкую долину занимали разбросанные сады; горы же справа и слѣва были голы; правыя, западныя, были скалистыя, лѣвыя—болѣе мягкія, третичныя. На сѣверѣ долина замыкалась горами, черезъ которыя рѣка протекала узкой трещиной.

Утромъ къ намъ явились—мѣстный аксакалъ и проживающій въ селеніи юзъ-баши Тасъ-Магометъ. Они извинялись, что наканунѣ мы встрѣтили такія затрудненія. Юзъ-баши былъ для меня чрезвычайно интересенъ: онъ завѣдывалъ дорогой, ведущей къ переваламъ въ Каратегинъ. Я сейчасъ же сталъ его распрашивать о дорогѣ, и, получивъ весьма обстоятельныя свѣдѣнія, просилъ его, не можетъ ли онъ сопровождать насъ при поѣздкѣ къ перевалу, и для того, чтобъ заинтересовать, подарилъ ему самый пестрый халатъ, полосатый, цвѣтовъ любимыхъ киргизами. Онъ обѣщалъ пріѣхать въ Шахимарданъ.

До Шахимардана намъ оставалось недалеко, не болѣе 8—9 верстъ. Дорога до самаго Шахимардана идетъ арбяная. Сады и поля встрѣчаются на пути очень часто, но селеній намъ назвали только одно—Лангаръ. Къ нему-то будто бы и выходитъ та дорога, которая осталась вправо отъ перевала Митинъ. Подъѣзжая къ Шахимардану, мы невольно залюбовались прелестнымъ видомъ на этотъ горный кишлакъ, въ которомъ намъ пришлось потомъ такъ долго прожить.

Olga Fedtchenko ad nat. del.

Savrassow. del

ШАХИМАРДАНЪ

Schahimardan

Th Deyrolle lith

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

КЪ КАРАКАЗУКУ И ВЪ УЧЪ-КУРГАНЪ.

Шахимарданъ.—Великій святой.—Богомольцы.—Увѣщанія жителей; письмо къ мехтеру.—Рыбы горныхъ рѣчекъ.—Озеро Кутбанъ-куль.—Поѣздка къ Караказуку; осѣвшая почва; встрѣча съ Тасъ-Магометомъ.—Раватъ въ Караказукѣ.—Поѣздка къ перевалу.—Лиственный лѣсъ; его верхняя граница.—Переѣздъ въ Учъ-курганъ.—Свиданіе съ Музафаръ-ша.—Исторія сверженія его.—Пріѣздъ Нуръ-Магометъ-мирахура.—Отъѣздъ въ Алай.

Шахимарданъ лежитъ при сліяніи двухъ рѣчекъ, Аксу и Карасу, въ мѣстѣ соединенія двухъ долинъ, продольной и поперечной. Образовавшійся такимъ образомъ трехугольникъ занятъ селеніемъ, сады котораго поднимаются высоко по склонамъ и далеко вдаются въ долины, или, правильнѣе, въ ущелья, особенно въ то, которое тянется къ югу. Самый мысъ занятъ гробницей святаго, отъ котораго селеніе получило свое имя, и принадлежащими къ нему постройками.

Селеніе имѣетъ небольшой базарчикъ, но вообще довольно бѣдно. Оно составляетъ вакуфъ или, какъ у насъ выражаются, приписано къ гробницѣ святаго, которую, впрочемъ, можно разсматривать какъ своего рода монастырь. Мутевали, т.-е. главное духовное лицо при гробницѣ, въ то же время есть и правитель селенія, сборщикъ его податей и т. д. При самомъ нашемъ пріѣздѣ намъ объяснили, что мы находимся въ гостяхъ у мутевали, что предложенное имъ гостепріимство зависитъ вполнѣ отъ его доброй воли и что ни бекъ Маргланскій, во владѣніяхъ котораго лежитъ Шахимарданъ, ни даже самъ ханъ не могутъ приказать, чтобы мы здѣсь имѣли готовое содержаніе. Я поручилъ поблагодарить мутевали и заявилъ желаніе на завтра посѣтить его.

Святаго, который здѣсь похороненъ, называютъ Шахимарданъ, но это, такъ-сказать, прозвище и значитъ «царь людей»; какъ его имя, я не могъ узнать; нѣкоторые настойчиво утверждали, что это Али, одинъ изъ первыхъ калифовъ, но, конечно, это нелѣпость. Въ настоящее время это самый знаменитый святой въ Коканскомъ ханствѣ, затмившій даже съ древности извѣстныхъ святыхъ близъ Оша. Множество богомольцевъ стекаются къ нему не только изъ разныхъ частей ханства, но и изъ сосѣднихъ владѣній, особенно изъ Каратегина. Самъ ханъ часто пріѣзжаетъ сюда на поклоненіе.

Наши киргизы, джигиты изъ Ташкента, на завтра же утромъ, вымывшись и надѣвъ чистое бѣлье (все это для киргиза значитъ очень много), посѣтили гробницу и вернулись въ великомъ умиленіи. Нашъ визитъ былъ около полудня. Вожаки провели насъ, впрочемъ, нѣсколько поправѣе гробницы, на галлерею дома, гдѣ жилъ мутевали. Тутъ онъ принялъ насъ.

Самъ мутевали и его свита находились въ комнатѣ, мы же помѣстились на галлереѣ. Мутевали сидѣлъ у раскрытой двери, замѣняющей окно и оттуда разговаривалъ съ нами. Очевидно, онъ разыгрывалъ важную персону; разговоръ ограничивался самыми общими мѣстами. Вдругъ, къ удивленію моему, мнѣ предложили, что передъ подачей угощенія прочтутъ молитву о путешествующихъ; я смутился: конечно, имъ отлично было извѣстно, что я и бывшая тутъ же жена моя — христіане, и вдругъ молитва изъ корана. Черта замѣчательная и не мѣшало бы имѣть ее въ виду тамъ, гдѣ масса населенія мусульманская, которую потому принято заранѣе считать до крайности фанатическою.

Угощеніе было не блистательное, намъ подали отъ общаго стола; въ воспоминаніе святаго каждую пятницу послѣ праздничнаго намаза богомольцы, словомъ всякій желающій получаетъ обѣдъ, изготовляемый на доходы, получаемые съ вакуфовъ.

Мнѣ хотѣлось посмотрѣть и гробницу, но этого сдѣлать не удалось; сказали, что никакъ невозможно, чтобы неправовѣрный видѣлъ мѣсто успокоенія калифа Али; даже переводчика мусульманина просили посѣтить гробницу не въ русскомъ военномъ мундирѣ, который онъ постоянно носилъ во время путешествія, а въ халатѣ. Удивительные взгляды: молиться за иновѣрца можно, а показать ему глиняный бугоръ — нельзя!

Юзъ-баши изъ Охны сдержалъ свое слово и явился сопровождать насъ на перевалъ; съ нимъ пріѣхалъ и аксакалъ Охны, готовый тоже ѣхать, въ надеждѣ, очевидно, на подарки. Мы условились въ подробностяхъ; я далъ юзъ-баши и аксакалу денегъ, чтобы они сдѣлали запасы на дорогу; велѣлъ закупить ячменя и дѣлалъ сборы въ разсчетѣ провести въ горахъ дней восемь. 3-го іюля утромъ рѣшено было выѣхать; все было готово. Вдругъ мнѣ говорятъ, что къ караулъ-беги явилась депутація отъ мѣстныхъ жителей съ просьбой уговорить меня отложить поѣздку, потому что въ горахъ на насъ могутъ напасть каратегинцы. Я, конечно, этому не повѣрилъ и старался сбить жителей въ ихъ разсказахъ; въ концѣ-концовъ они согласились, что теперь каратегинцевъ дѣйствительно нигдѣ по близости нѣтъ, но они могутъ придти изъ-за перевала и просто затѣмъ, чтобъ сдѣлать непріятность хану, покровительствующему намъ, нападутъ на насъ. На это, конечно, возражать было трудно, хотя я и сознавалъ, что такую хитрую штуку едва-ли выдумаютъ каратегинцы, и вполнѣ былъ увѣренъ, что вся эта депутація и выставленныя ею причины выдуманы нашимъ караулъ-беги. Такъ какъ это было повтореніе исторіи, разыгранной съ нами въ Сохѣ, то я рѣшился не уступать и добиться поѣздки въ горы. Но что я могъ сдѣлать? Серкеръ изъ Охны и юзъ-баши уѣхали; никто изъ жителей не соглашался показать дорогу. Оставалось одно: писать въ Коканъ съ просьбой о приказаніи нашему караулъ-беги сопровождать насъ въ горы. Я такъ и сдѣлалъ; хотя на переѣздъ до Кокана и обратно нужно было не менѣе 4—5 дней, но я рѣшился лучше подождать, потому что еслибы я уступилъ и здѣсь, мнѣ нечего было бы разсчитывать на дальнѣйшія поѣздки въ горы; а я особенно заботился, чтобъ состоялась поѣздка въ Алай, такъ какъ много слышалъ уже про эту удивительную мѣстность (самое имя Алай значитъ, говорятъ, — „удивляйся“). Въ письмѣ моемъ къ мехтеру я указывалъ, что, при разговорахъ съ нимъ, въ Коканѣ, опасною была признана только экскурсія на Терекъ-даванъ, и поэтому выражалъ сомнѣнія, основательны ли предостереженія со стороны жителей и просилъ, въ случаѣ подтвержденія опасеній, усилить конвой и все-таки дать намъ возможность быть на перевалѣ. Чтобы устранить замедленіе въ отвѣтѣ, я писалъ, что остануcь въ Шахимарданѣ пять дней, въ теченіе коихъ, навѣрное, могъ быть полученъ отвѣтъ

изъ Кокана. „Если же,—писалъ я,—по истеченіи пяти дней, я не получу отъ васъ отвѣта, то все-таки полагаю отправиться по долинѣ Аксу къ Караказуку, предполагая, что вы нашли изложенныя въ этомъ письмѣ опасенія жителей не заслуживающими вниманія и отвѣта, и что вы считаете прежде принятыя вами мѣры достаточными для нашей безопасности".

Въ ожиданіи отвѣта я посвятилъ время знакомству съ Шахимарданомъ и природой окрестностей. Мы жили въ саду, у самаго берега рѣки, какъ разъ у мѣста сліянія Аксу и Карасу. Небольшая площадка была засажена урюкомъ, созрѣвавшіе въ то время плоды котораго доставляли намъ освѣжительное лакомство. Главное же — урюковыя деревья доставляли превосходную тѣнь; было только немного сыро: бурная рѣчка, разбивавшаяся о камни, наполняла воздухъ мелкой пылью; да и вообще воздухъ былъ гораздо влажнѣе, чѣмъ внизу; одинъ день шелъ даже порядочный дождь. Дневной зной былъ умѣренный сравнительно съ тѣмъ, что́ наблюдается въ это время внизу; какъ у меня записано, 3 іюля было въ тѣни въ 11 ч. 45 м. утра 29° С., 8-го въ 2 ч. дня 27,4° С., затѣмъ въ другіе дни около полудня: 20°, 23°, 25° С. Ночью температура не очень понижалась: чаще всего около полуночи было около 18° с. Самая низкая температура, 15° С., наблюдалась 5 іюля въ 11 ч. вечера.

Высота, на которой лежитъ Шахимарданъ, 4500′.

Нашъ садъ и ближайшія окрестности давали уже хорошій матеріалъ: въ протекавшей рѣкѣ мальчики ловили рыбу весьма простыми крючками; ловилась исключительно маринка (Schizothorax sp.), которую туземцы называютъ ширман. Такъ какъ я за рыбу всегда платилъ, то ко мнѣ постоянно приносили ее во множествѣ и я отбиралъ только лучшіе экземпляры (вся рыба оказывалась принадлежащею къ одному виду, и, несмотря на всѣ просьбы, я не могъ получить другой формы, хотя за первый экземпляръ второй формы обѣщалъ по кокану (20 коп.).

Рыбы среднеазіатскихъ горныхъ рѣчекъ чрезвычайно любопытны и представляютъ замѣчательный зоогеографическій фактъ, котораго объясненіе я постараюсь дать въ приложеніи. Теперь же скажу, что рыбы горныхъ потоковъ принадлежатъ родамъ Barbus, Schizothorax и Diptychus, къ которымъ относятся и многіе изъ обитателей водъ Гималая. Виды другіе, но близко сродные съ гималайскими. На первый взглядъ фактъ этотъ долженъ показаться удивительнымъ, такъ какъ не только рѣки Гималая изливаются въ другой океанъ, но и рѣки, даже горные потоки, стекающіе съ Тяньшаня, не находятся въ связи другъ съ другомъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время. Но, обращаясь къ распространенію рыбъ въ другихъ горахъ, мы находимъ, что наблюдаемый въ средней Азіи фактъ не одиноченъ; именно: замѣчено, что рыбы, доходящія до верховьевъ рѣчекъ, нерѣдко встрѣчаются въ ручьяхъ, текущихъ въ противоположныя стороны. Такъ, въ Альпахъ замѣчено это относительно нѣкоторыхъ форелей. Причина, которая могла повліять на переходъ форелей изъ одного бассейна въ другой, указана: перевалъ Бреннеръ такой плоскій, что достаточно самаго небольшаго препятствія, обвала, скопленія льда, чтобы ручей, текущій въ Эчъ, направился въ Дунай и наоборотъ. Тѣ же условія находимъ мы въ Тяньшанѣ и Гималаяхъ, даже въ большемъ развитіи: водораздѣлы тамъ такъ ничтожны и образованы такими мягкими возвышеніями, что измѣненія въ направленіи теченія верхнихъ ручьевъ весьма возможны. Затѣмъ возможно перенесеніе рыбъ или ихъ икры птицами: въ теченіе многихъ лѣтъ развѣ не можетъ случиться, что скопа рыбу, пойманную въ одной рѣкѣ, уронитъ въ другую, принадлежащую другому бассейну. Предыдущія замѣчанія указываютъ на возможность распространенія такихъ исклю-

чительно водяныхъ животныхъ, каковы рыбы, чрезъ сухія пространства. Указанный способъ несомнѣнно имѣлъ мѣсто, когда мы находимъ въ разныхъ рѣкахъ одну и ту же форму, или весьма близкіе виды. Но вопросъ является нѣсколько инымъ, если мы находимъ разныя формы въ горахъ довольно отдаленныхъ. Тутъ является и другая возможность. Горныя рыбы не создались же прямо въ горахъ, онѣ, въ концѣ-концовъ, все-таки сводятся къ родичамъ, жившимъ въ морѣ. Эти родичи могли направиться въ разныя рѣчки и измѣниться тамъ неодинаковымъ образомъ. Въ общемъ они остались сходны, потому мы относимъ ихъ къ одному роду, а въ частностяхъ различны, почему признаются за разные виды. Напр. родъ Diptychus извѣстенъ, съ одной стороны, изъ Тяньшана, съ другой — изъ Тибета. Мы можемъ съ большой вѣроятностью предполагать, что рыба, отъ которой произошли эти породы, жила въ морѣ, которое еще недавно покрывало теперешній Алтышаръ; затѣмъ она направилась въ горные потоки, стекавшіе съ Тяньшаня и Тибета: та, которая поселилась въ Тяньшанѣ, измѣнилась и дала Diptychus Sewerzowi, другая, попавшая въ нѣсколько иныя условія въ Тибетѣ, измѣнилась иначе и потому получила другое названіе. На всемъ промежуточномъ пространствѣ между Тибетомъ и Аксаемъ родъ Diptychus не встрѣченъ, а рыба эта такъ рѣзко отличается отъ другихъ, что я ее замѣтилъ бы. Фактъ, что двѣ разныя формы встрѣчаются въ горахъ, между которыми лежитъ широкая долина, только и можетъ быть объясненъ такимъ образомъ.

Въ строеніи роды Schizothorax и Diptychus представляютъ двѣ особенности, встрѣчаемыя еще у весьма немногихъ рыбъ: губы ихъ покрыты въ извѣстное время года твердой пластинкой, съ острымъ, рѣжущимъ краемъ, и около поперницы и половаго отверстія у нихъ находится обширная складка, ограниченная особой формы чешуйками.

Губная пластинка развивается только въ опредѣленное время года у обоихъ половъ; въ другое — губы представляются мягкими; размѣръ губъ опять бываетъ различенъ. Толстыя губы выдѣляютъ обильную слизь и я предполагаю, что твердая пластинка образуется чрезъ отвердѣніе выдѣленій железъ, находящихся въ губахъ; тогда совершенно понятно, что губы, при усиленномъ развитіи железъ, дѣлаются толще; пластинка эта у спиртовыхъ экземпляровъ весьма легко отпадаетъ,—это также показываетъ, что она—какъ будто приклеенное къ губѣ затвердѣвшее отдѣленіе; вѣроятно ее нужно отнести къ кутикулярнымъ образованіямъ, выдѣляемымъ железами. Какую роль она играетъ — неизвѣстно. Туземцы разсказывали мнѣ, что во время метанія икры, маринка входитъ въ арыки, отведенные изъ горныхъ рѣчекъ, въ мягкихъ стѣнкахъ арыковъ дѣлаетъ норы, и что тогда ее легко поймать въ норѣ. Не играютъ ли губы, покрытыя острыми пластинками, при этомъ роли, т.-е., можетъ быть, она откусываетъ ими землю? Чѣмъ иначе можетъ она сдѣлать нору? Расщепъ или складка, на днѣ которой находится половое отверстіе, вѣроятно, играетъ какую-нибудь роль при размноженіи; возможно, что она помогаетъ совокупленію, т.-е., что самецъ и самка прикладываются своими анальными складками и живчики лучше, вѣрнѣе оплодотворяютъ яички. Не нужно забывать, что всѣ эти рыбы съ анальнымъ расщепомъ живутъ въ страшно быстро-текущихъ водахъ. Желательно, чтобы охотники до рыбной ловли провѣрили высказанныя предположенія.

Для собиранія безпозвоночныхъ наша стоянка представляла превосходныя условія: на небольшой площадкѣ у берега рѣки, открытой для солнца и поросшей растеніями, бывшими тогда въ цвѣту, летала масса насѣкомыхъ. Площадка была въ какія-нибудь 50 квадр. са-

женъ и на ней, въ одинъ день, 2 іюля, было собрано 725 экземпляровъ насѣкомыхъ, а собиралъ почти одинъ препараторъ; всего же въ 6 дней пребыванія въ Шахимарданѣ было собрано 1700 экземпляровъ насѣкомыхъ разныхъ отрядовъ. Хорошую добычу доставляли еще большіе камни, лежавшіе по берегу рѣки; мѣсто было сырое и подъ этими камнями находили пріютъ во множествѣ разные жуки и другія насѣкомыя. Подъ камнями же были найдены голые слизняки, животныя, весьма рѣдкія въ Туркестанѣ: я встрѣтилъ ихъ тамъ всего только три вида: одинъ видъ очень крупный, Parmacella Olivieri, нерѣдокъ въ тѣнистыхъ садахъ Заравшанской долины; другую форму (Amalia maculata n. sp. K. et H.) я нашелъ близъ Самарканда; наконецъ третья была найдена въ Шахимарданѣ; послѣдняя очень близка къ обыкновенному въ Европѣ Limax agrestis, но оказалась особымъ видомъ (Limax Fedtschenkoi n. sp. K. et H.). Впрочемъ, только близъ рѣчки и былъ хорошій сборъ въ Шахимарданѣ; чуть удалялись отъ нея, почва дѣлалась сухою, каменистою, безплодною. Съ запада, сейчасъ надъ нашими садами, возвышалась площадка; высота ея была саженъ десять; вся эта толща состояла изъ конгломерата. Съ этой площадки и снятъ прилагаемый видъ Шахимардана. Далѣе къ западу возвышались обнаженныя скалистыя горы и такія же высились на противоположномъ берегу.

Богаче по результатамъ были болѣе отдаленныя экскурсіи, особенно въ долину рѣки Карасу, т.-е. того притока, который идетъ прямо съ юга. Другая рѣка, Аксу, течетъ съ запада; Карасу — гораздо меньше, но рѣка по сліяніи сохраняетъ направленіе съ юга на сѣверъ. Очевидно, что эта, съ юга на сѣверъ, чрезъ нѣсколько цѣпей или грядъ переходящая трещина, — есть примитивная, т.-е. образовавшаяся при поднятіи горныхъ массъ и впослѣдствіи, дѣйствіемъ воды, расширенная. Всѣ рѣки, стекающія съ южно-кокандскихъ горъ къ Сыръ-дарьѣ, текутъ по такимъ трещинамъ; мѣстами же, но сравнительно на меньшемъ протяженіи, по продольнымъ лощинамъ между грядъ. Эти поперечныя трещины, дѣйствіемъ воды превратившіяся въ долины, весьма интересны въ одномъ отношеніи: наблюденія надъ ними не подтверждаютъ предположенія, что въ разсматриваемыхъ горахъ былъ ледяной періодъ; напротивъ, они скорѣе приводятъ къ заключенію, что онъ не имѣлъ здѣсь того развитія, какое, напр., въ Альпахъ. Дѣйствительно, еслибы ледяной періодъ былъ, то при этомъ или 1) ледники доходили до моря, т.-е. онъ могъ быть, когда море покрывало еще Фергану, или 2) ледники не доходили до моря, причемъ Фергана могла уже быть сушей, или еще быть покрытой моремъ. Въ первомъ случаѣ мы имѣли бы въ указанныхъ долин хъ горныя озера; наблюденія надъ фіордами показываютъ, что трещины, образующіяся при поднятіяхъ, выполняются ледниками (конечно, если есть благопріятныя для такого роста ледниковъ условія, если нѣтъ, — то трещины эти или засыпаются землей, или превращаются въ долины рѣкъ), которые, въ мѣстѣ соприкосновенія съ моремъ, таютъ, и отлагаютъ такъ-называемую конечную морену. Когда потомъ ледники исчезнутъ, или уменьшатся, то получается или фіордъ,—если трещина доходитъ до морскаго берега, или горное озеро,—если море, омывавшее ея конецъ, по какимъ-либо причинамъ, отошло. Первый случай мы видимъ въ Норвегіи (фіорды); второй — въ сѣверной Италіи (Lago di Garda, di Como, Maggiore и проч.); и въ томъ и другомъ случаѣ наблюдается, что гдѣ былъ прежде конецъ ледника, тамъ теперь гораздо мельче, чѣмъ далѣе къ срединѣ озера или фіорда. Между тѣмъ, ни въ одной изъ поперечныхъ трещинъ, или теперешнихъ долинъ, не только въ южно-кокандскихъ горахъ, но и во всемъ Тянь-шанѣ,

не наблюдается ни одного озера [1]). Слѣдовательно, въ Тяньшанѣ ледянаго періода не было, когда Арало-каспійская низменность, собственно части ея, прилегающія къ горамъ, были еще подъ водой. Во второмъ случаѣ, т.-е. если ледники не достигали моря, озера могли и не образоваться, но тогда мы видѣли бы древнія морены, находили бы слѣды движенія ледниковъ (исчерченныя, или отшлифованныя поверхности) на бокахъ ущелій, а ихъ не видалъ до сихъ поръ никто, хотя много уже изслѣдователей посѣтило Тяньшань. Да еслибы ущелье у Шахимардана было когда-нибудь занято ледникомъ, сомнѣваюсь, чтобы уцѣлѣлъ упомянутый выше конгломератъ,—его бы стерло безъ остатка.

Но могутъ сказать, что если не прямыя наблюденія, то косвенныя приводятъ къ заключенію о существованіи ледянаго періода въ Тяньшанѣ; на это я скажу, что всякія такого рода соображенія имѣютъ значеніе весьма и весьма второстепенное. Замѣчу еще, что въ Алтаѣ, находящемся гораздо сѣвернѣе, слѣдовъ древнихъ ледниковъ, какъ я узнаю изъ сочиненія Котты, до сихъ поръ не найдено; онъ прямо говоритъ даже, что ледянаго періода въ Алтаѣ не было. Въ Гималаяхъ Гукеромъ (Himalayan Journals) указаны древнія морены, но на высотѣ не ниже 8—10000', и я этого не признаю за ледяной періодъ, т.-е. такое особое состояніе извѣстной части земной коры, при которомъ физическія условія на всемъ или, по крайней мѣрѣ, наибольшемъ пространствѣ этой части приближались къ полярнымъ.

Ущелье, по которому текла рѣчка Карасу, мы также посѣтили нѣсколько разъ. Обильное водой, хорошо обработанное, оно богато растительностью, но почти исключительно культурной. Склоны горъ покрыты были засохшей травой и на нихъ можно было собрать немного. Мнѣ хотѣлось но немъ проѣхать далѣе, что̀ казалось особенно легко, т.-е. я не ждалъ противодѣйствія со стороны нашего вожака, потому что никакой дороги въ Каратегинъ по ущелью не идетъ и, доѣхавъ до киргизскихъ кочевокъ, я вернулся бы назадъ. Но караулъ-беги возсталъ и противъ этой попытки, ссылаясь на трудности дороги: «упадете еще, пожалуй, да расшибетесь». На эти увѣщанія я не обратилъ ни малѣйшаго вниманія и 5-го іюля мы отправились вверхъ по ущелью, въ сопровожденіи нѣсколькихъ кокапскихъ джигитовъ. Многаго отъ этой поѣздки я не ожидалъ, такъ какъ зналъ уже, что горное озеро, которое находится въ ущельи, лежитъ очень близко (караулъ-беги, напротивъ, выставлялъ, что оно лежитъ очень далеко въ горахъ и весьма трудно доступно), но сдѣлать эту поѣздку счелъ необходимымъ, иначе выходило бы, что мы не можемъ оставить Шахимардана. Я рѣшилъ сдѣлать и еще поѣздки въ ближнія горы, чтобы, пріучивъ понемногу коканцевъ, въ одинъ прекрасный день выѣхать уже подалѣе, по дорогѣ на Караказукъ.

Озеро оказалось всего въ 7 верстахъ отъ Шахимардана; ущелье вскорѣ съ окончаніемъ садовъ съузилось; рѣчка Карасу протекающая по немъ, оказалась выходящею изъ трещины въ конгломератѣ въ боку ущелья; а самое ущелье въ этомъ мѣстѣ загромождено камнями. Съ источникомъ, т.-е. выходящей наружу рѣчкой, связано имя Шахимардана: онъ, будто бы,

[1]) Описываемое далѣе озеро Кутбань-куль не можетъ служить доказательствомъ противнаго: оно, очевидно, произошло отъ обвала скалъ, завалившихъ узкую долину; озеро Искандеръ-куль, по-моему, тоже не одинаковаго образованія съ сѣверо-итальянскими: это — просто яма. Замѣчу еще, что всѣ соображенія, приводимыя здѣсь, выясняютъ только, что ледники въ Тяньшанѣ никогда не спускались такъ низко, какъ въ Европѣ, именно ниже 4500—5000'. Доходили ли они до 6—7000', вообще были ли они прежде обширнѣе—для этого нужны другія наблюденія. Но, повторяю, если они и спускались до 6—7000', то отсюда еще далеко до того ледянаго періода, который былъ въ Европѣ, и во время котораго многочисленные ледники Швейцаріи спускались до высоты 600'. До 8000' спускаются ледники и теперь (Заравшанскій), а развѣ это мѣшаетъ Ходженту имѣть самый жаркій климатъ изъ всѣхъ мѣстностей, занятыхъ русскими.

Olga Fedtschenko ad nat del

тутъ нѣкоторое время жилъ и изъ камня извлекъ воду. Богомольцы, стекающіеся въ Шахмарданъ, приходятъ и сюда и совершаютъ омовеніе святою водою. Для укрытія странниковъ устроена избушка, а для обозначенія святости мѣста поставлена обычная палка съ лоскутьями. Ущелье поросло въ этомъ мѣстѣ кленами, березой и дулоной. Туземцы, проведя насъ къ источнику, кажется надѣялись, что мы тутъ и остановимся, очарованные такимъ явленіемъ. Но меня болѣе занимала каменная плотина, запиравшая долину. По ней шла дорожка и мы стали подниматься. Чрезъ нѣсколько минутъ мы были уже на гребнѣ ея и открывшійся передъ нами видъ поразилъ насъ: мы были на краю Кутбанъ-куля, горнаго озера, съ чистою синею водою. Оно лежало саженъ на 10 ниже насъ; размѣры его не велики: въ длину съ полъверсты, а въ ширину—саженъ 50; справа и слѣва оно было обставлено отвѣсными горами; на югѣ этотъ коридоръ расширялся и горизонтъ закрытъ былъ высокими горами Маликъ и Кауштусъ, съ которыхъ спускались богатые растительностью луга, образующіе лѣтовку Курруяйлау. Южный берегъ озера былъ довольно плоскій, покрытый деревьями, между которыми замѣтно было нѣсколько домиковъ, очевидно, киргизская кстау (зимовка).

Я освѣдомился о дорогѣ дальше и мнѣ начали говорить, что дальше уже ѣхать нельзя и т. д. Въ это время на правой сторонѣ отъ озера, на выступѣ утеса, показался киргизъ съ ношей на плечахъ и, слѣдя за его движеніемъ, я разсмотрѣлъ тропинку, по которой проходятъ на другой конецъ озера. Такъ какъ путникъ обозначилъ дорожку и возможность пройти по ней, то наши коканцы не могли уже настаивать на отсутствіи дороги; начались увѣренія, что дорожка такъ опасна, что мы рискуемъ свалиться въ озеро и т. д. При этомъ переводчикъ сообщилъ, что караулъ-беги при отъѣздѣ нашемъ поручилъ взять съ меня, если я, несмотря на всѣ увѣщанія, все-таки отправлюсь, росписку въ томъ, что я не послушался и пошелъ по дорожкѣ въ противность предостереженіямъ. Тогда въ случаѣ несчастія онъ считалъ бы себя гарантированнымъ отъ отвѣтственности. Странный взглядъ у этихъ людей: чтобы охранить меня и себя, они, въ трудныхъ мѣстахъ, вмѣсто того, чтобъ всячески уменьшить опасность указаніемъ болѣе надежной дорожки и т. д., напротивъ — прекращали всякія указанія и помощь, чтобы тѣмъ вынудить меня не идти далѣе. Такъ было на ледникѣ Щуровскаго; такъ было здѣсь; такъ было потомъ во множествѣ случаевъ (Караказукъ, Алай, Кавукъ, Кичи Алай, Гульша).

Дорожка была дѣйствительно не хороша: проложенная по выступамъ скалъ, она шла по склону почти отвѣсному; бревна можжевельника, упертыя въ выступы скалы, были положены во многихъ мѣстахъ, образуя нависшіе надъ озеромъ балконы (какъ характерно прозвали такія мѣста во время Искандеръ-кульской экспедиціи); но что́ всего хуже—но этимъ балконамъ нужно было подниматься и очень круто; этого не было даже на Фанѣ. Какъ все это держалось безъ всякихъ желѣзныхъ скрѣпъ, не понимаю: возможно, что оно не выдержало бы тяжести лошади и съѣхало бы внизъ. Меня увѣряли, что лошади и не ходятъ по этой дорожкѣ, а переправляются черезъ озеро вплавь; вьюки же переносятся на рукахъ. Дѣйствительно, къ берегу озера спускалась дорожка, а другая начиналась на противоположной сторонѣ.

Сообразивъ время, я увидѣлъ, что, едва успѣвъ пройти трудное мѣсто, я долженъ буду спѣшить назадъ, такъ какъ спускаться въ темнотѣ по такой дорогѣ нечего было и думать; пройти же только для того, чтобъ показать коканцамъ мою неустрашимость, очевидно не сто́ило. Поэтому я ограничился тѣмъ, что поднялся лишь на нѣсколько саженъ и затѣмъ

предпочелъ заняться осмотромъ каменистой осыпи, завалившей долину. Эта осыпь и есть причина образованія озера. Первая мысль моя была—не есть ли это древняя морена? Но потомъ, взглянувъ на стѣны ущелья, я понялъ, что то были только отвалившіеся отъ отвѣсно возвышающихся здѣсь горъ камни: видны были совершенно свѣжія поверхности, множество трещинъ; наконецъ такой видъ известковыя горы имѣли какъ разъ на томъ протяженіи (около 120 саженъ), на которомъ лежала каменная плотина. Очевидно, явленіе объяснялось и безъ ледника. Каменистая гряда эта такъ плотно слежалась уже (что̀ опять указываетъ на сильную разрушаемость породы), что истокъ озера выходитъ не изъ нея, а изъ трещины въ боковой стѣнѣ ущелья, какъ указано выше.

Trigonocephalus halys, въ наст. вел.

Возвращаясь, я увидѣлъ экземпляръ змѣи, которая необычнымъ своимъ видомъ внушила мнѣ осторожность и которую туземцы назвали мнѣ чагыри-гилянъ и признали за весьма ядовитую, что̀ и подтвердилось при ближайшемъ осмотрѣ. Змѣи не слишкомъ часто встрѣчаются въ Туркестанѣ, да и тѣ, которыя попадаются, почти всѣ неядовитыя; ихъ мнѣ извѣстно пять видовъ: весьма красивая Taphrometopon lineolatum (Choristodon sibiricus): длинная, тонкая, съ нѣсколькими желтоватыми линіями на оливковомъ полѣ; Tropidonotus hydrus, водяной ужъ, обыкновенная европейская форма; Elaphis dione, описанная еще Палласомъ изъ южной

Сибири; Zamenis Fedtschenkoi, новая форма, распространенная отъ Красноводска до Ташкента: очень крупная змѣя, по совершенно безвредная; наконецъ, Eryx jaculus, весьма любопытная змѣя, толстая, съ очень короткимъ толстымъ хвостомъ. Она принадлежитъ къ семейству питоновъ, т.-е. къ тому же куда и всѣмъ извѣстные удавы и боа (Python и Boa) и прежде называлась даже татарскимъ удавомъ (Boa tatarica). Всѣ эти формы замѣчательны, между прочимъ, тѣмъ, что имѣютъ зачатки заднихъ конечностей: они скрыты, лежатъ по сторонамъ клоаки въ видѣ двухъ ногтевидныхъ придатковъ; для движенія не служатъ, но играютъ роль при совокупленіи.

Змѣя, попавшаяся у озера, оказалась ядовитою и притомъ одною изъ самыхъ опасныхъ: Trygonocephalus halys; принадлежитъ къ семейству Crotalidae, т.-е. къ тому же, куда и американская гремучая змѣя. Кромѣ нея, изъ ядовитыхъ въ Туркестанѣ найдена еще гадюка, Vipera berus; но она должна быть очень рѣдка: я нашелъ ее всего разъ и то въ желудкѣ аиста, убитаго на Чирчикѣ подъ Ташкентомъ.

Другая поѣздка была сдѣлана 7 іюля въ ущелье, верстахъ въ пяти отъ Шахимардана. Проѣхавъ довольно широкую лощину, по которой течетъ Аксу, я, не доѣзжая с. Іорданъ, свернулъ влѣво по ущелью, которое хотя и было сухо, но обѣщало привести насъ въ глубь горъ. Несмотря на протесты со стороны коканцевъ, что тутъ нѣтъ никакой дороги, я поѣхалъ по ущелью, говоря, что тѣмъ будетъ безопаснѣе, и нечего бояться, что придутъ каратегинцы.

Ущелье было замѣчательно узко и наполнено обломками камней, скатившихся съ крутыхъ боковъ его; эти каменистыя осыпи лежали поперемѣнно, то у правой стороны, то у лѣвой, и дорожка или проходила между ними, или взбиралась на самую осыпь. Черезъ нѣсколько времени ущелье расширилось и дорожка пошла по крутому склону вверхъ; мы предпочли пойти далѣе пѣшкомъ. Ущелье въ этой части оказалось весьма лѣсистымъ; склоны горъ были покрыты разными лиственными деревьями и можжевельникомъ. Высоко надъ нами раздавались голоса киргизовъ и удары топоровъ; это киргизы рубили лѣсъ; для вывоза его и служитъ дорожка.

Древесныя и кустарныя породы въ ущельи были: рябина, Cotoneaster, Rosa, Spiraea, два вида Lonicera, Ephedra, Juniperus, Berberis, Caragana, Ribes.

День 7 іюля былъ послѣднимъ срокомъ, до котораго я опредѣлилъ ждать отвѣта изъ Кокана отъ мехтера. Вернувшись изъ ущелья, я отвѣта однако не нашелъ; уже поздно вечеромъ прибылъ джигитъ съ письмами изъ Кокана.

Письмо отъ мехтера было очень характерно и я рѣшаюсь привести его въ переводѣ:

„Почтенному пріятелю нашему, Алексѣю Павловичу Федченко.

Письмо ваше, присланное съ Мухаммедъ-Юсуфомъ, нами получено. Его величество [1]) ханъ уѣхалъ въ сѣверныя владѣнія [2]) и письмо ваше, гдѣ изъявляете вы желаніе перевалиться чрезъ каратегинскій даванъ, я уже послалъ къ хану. Но я, желая вамъ добра, могу сказать, что лучше бы было, еслибы вы оставили ваше желаніе съѣздить въ ту страну, такъ какъ каратегинскія владѣнія—страна, намъ не подвластная и не дружественная. Просите вы также побольше людей; но если вы поѣдете въ ту страну со многими людьми, то жители испугаются и этимъ учинится нашимъ подданнымъ безпокойство; встревожатся также и каратегинцы, узнавъ о пріѣздѣ многихъ

[1]) Русскіе титулуютъ среднеазіатскихъ владѣтелей „ваше высокостепенство“, но сами они употребляютъ титулъ „величество“.

[2]) Т.-е. въ бекства по сѣверному берегу Сыръ-дарьи. А. Ф.

людей. Не хорошо, если случится съ вами какое-нибудь несчастіе. Мы не знаемъ и не видимъ, какая польза намъ принесется, если вы не посѣтите эту страну, считаемъ также безвредною и вашу поѣздку туда; но желаемъ только одного: чтобы вы, какъ пріѣхали благополучно, такъ и благополучно вернулись. Такъ какъ его величество, нашъ ханъ, находится въ дружбѣ съ великимъ императоромъ и генералъ-губернаторомъ, то намъ будетъ непріятно и совѣстно, если какіе-нибудь недобрые люди, воры или тюрки, нанесутъ вамъ несчастіе. Наши люди, находящіеся при васъ, вамъ добра желаютъ. Лучше сдѣлаете, если будете слушаться ихъ предостереженій. 1288 года 1 день мѣсяца Хаммадь-Улъ-Ауаль.

Печать: Мулла Миръ-Камиль мехтеръ мирахуръ, сынъ муллы Миръ-Гинаятъ".
(Переводилъ прапорщикъ Нурекинъ).

Невинное мое желаніе доѣхать до перевала было понято (очевидно, вслѣдствіе письма караулъ-беги, писавшаго одновременно со мной) за попытку уѣхать въ Каратегинъ. Я поспѣшилъ успокоить мехтера и послалъ ему разъясненіе, что я имѣлъ въ виду доѣхать только до перевала, самое большее — подняться на него, и затѣмъ во всякомъ случаѣ возвратиться въ Шахимарданъ и увѣрялъ его, что всячески и самъ желаю, чтобы съ нами не случилось никакой непріятности, «и въ отплату за гостепріимство, которымъ мы пользуемся, вовсе не желаю подвергать ханское правительство непріятностямъ». Въ заключеніе сообщалъ: «сегодня съ людьми караулъ-беги и серкеромъ Охны поѣду по ущелью до безопаснаго мѣста».

Съ тѣмъ же посланнымъ караулъ-беги отправилъ мехтеру просьбу дозволить ему вернуться въ Коканъ «по болѣзни».

Бѣдный караулъ-беги! Мнѣ было искренно жаль его: старикъ онъ былъ добрый, услужливый, но вѣдь не могъ же я исполнить его желаніе — ѣздить по кишлакамъ и притомъ скоро; онъ меня все донималъ примѣромъ К. В. Струве: «вотъ былъ у насъ (въ 1870 г.) тюря, такъ тотъ старался поскорѣе переѣхать изъ одного мѣста въ другое, а вы все останавливаетесь по дорогѣ». Не могъ онъ уяснить себѣ, что цѣли у насъ были разныя.

Я очень благодаренъ еще караулъ-беги за сообщенныя имъ свѣдѣнія о Каратегинѣ и Дарвазѣ; оказалось, что онъ участвовалъ въ завоеваніи этихъ бекствъ въ царствованіе Мадали хана. Я сообщу этотъ разсказъ позже.

Остановлюсь еще нѣсколько на письмѣ мехтера: оно очевидно было написано подъ вліяніемъ ошибочныхъ свѣдѣній о моихъ намѣреніяхъ. Но помимо этого дышало полною откровенностью, высказывало, что пожалуй лучше не ѣздите, чтобы не было какой непріятности. Я считаю долгомъ указать на это въ виду мнѣнія, высказаннаго однимъ изъ путешественниковъ по Бухарскому ханству, что его не пустили въ Керки и Чарджуй изъ политическихъ соображеній, что туземныя правительства въ Средней Азіи не допускаютъ русскихъ посѣщать ихъ земли, кромѣ столицъ и большихъ городовъ. Какъ читатель видѣлъ уже и увидитъ дальше, едвали кому приходилось слышать и читать столько увѣщаній не ѣздить, какъ мнѣ, и однако ни въ одномъ случаѣ не было и возможности предполагать, что эти убѣжденія имѣли источникомъ желаніе правительства не показать какой-либо мѣстности. Со стороны крупныхъ властей эти увѣщанія вызывались заботами о нашей безопасности, со стороны низшихъ и нашихъ спутниковъ тою же причиною и нежеланіемъ ѣздить по горнымъ тропинкамъ, претерпѣвать холодъ и лишенія въ пищѣ.

Продолжительное пребываніе въ Шахимарданѣ имѣло однако свое вліяніе: я рѣшилъ употребить на поѣздку къ перевалу только четыре дня, вмѣсто восьми, какъ думалъ прежде. Рѣшено было, что мы остановимся на ночлегъ въ с. Іорданъ, крайнемъ осѣдломъ пунктѣ, и

въ слѣдующій день доѣдемъ до перевала. Для облегченія движенія я взялъ съ собою самое необходимое; палатки, постели и т. п. вещи — все было оставлено, чтобы только облегчить движеніе и освободиться отъ доводовъ, что дальше такого-то мѣста ѣхать никакъ нельзя, потому вьюки и т. д. Фуражъ былъ, впрочемъ, взятъ, чтобы можно было остановиться въ любомъ мѣстѣ, а не тамъ, гдѣ лошадямъ хорошо.

Вечеръ, 8 іюля, мы употребили на переѣздъ въ с. Іорданъ; дорога была мнѣ уже знакома; она идетъ по широкой лощинѣ между двумя грядами горъ; рѣка прорыла себѣ глубокое ложе на днѣ этой лощины, посреди наполняющихъ ее конгломератовъ. Русло находится какъ разъ у сѣверной гряды, которая оканчивается къ рѣкѣ почти отвѣсными обрывами; противъ Іордана гора имѣетъ довольно большую плоскость даже совершенно вертикальную. Напротивъ, южная половина лощины довольно широка, горы начинаются въ верстѣ отъ рѣки и эта часть лощины почти вся обработана. Жители во время нашего проѣзда убирали хлѣбъ (пшеницу). Фактъ, далеко не лишенный интереса, что все время, отъ въѣзда въ ханство до крайняго нашего пункта на востокѣ, въ теченіи слишкомъ двухъ мѣсяцевъ (съ 6 іюня по 12 августа), мы постоянно видѣли уборку хлѣба, конечно, на разныхъ высотахъ: 6 іюня близъ Махрама, въ концѣ іюня на высотахъ около 4000′, 8 іюля въ Іорданѣ (4800′), 28 іюля на Акъ-бурѣ (8000′) и 12 августа въ Тюечи (7400′).

Не доѣзжая полуверсты до Іордана, мы проѣхали чрезъ весьма любопытное мѣсто: обширныя развалины когда-то бывшаго тутъ селенія; оказывается, что мѣсто, на которомъ оно находилось, вдругъ осѣло на нѣсколько саженъ, но не равномѣрно, отчего дома разрушились, а почва сдѣлалась неровною, бугристою. Говорятъ, много жителей при этомъ погибло. На южной окраинѣ осѣвшаго пространства видно, на какой высотѣ она была прежде: отвѣсный обрывъ до 2 саженъ высоты ясно показываетъ это. Жители называютъ это мѣсто Качканъ-джаръ (качканъ значитъ бѣжитъ, джаръ — обрывистый берегъ), а разрушенный кишлакъ назывался Таджикъ-кишлакъ. Поводомъ къ осѣданію, мнѣ кажется, послужили слѣдующія обстоятельства: у Іордана есть небольшое озеро, образовавшееся отъ камней, падающихъ съ отвѣсной скалы лѣваго берега; значитъ стокъ воды въ рѣкѣ затрудненъ; затѣмъ долина выполнена конгломератомъ, т.-е. породой, легко проницаемой водою, какъ я уже прежде много разъ указывалъ (я сообщалъ выше, что подземный истокъ озера Кутбапъ-куль выходитъ изъ трещины конгломерата, лежащаго въ боку ущелья; водѣ, слѣдовательно, легче проложить себѣ путь чрезъ него, чѣмъ чрезъ слежавшуюся массу обломковъ известняка). Задержанная въ озерѣ вода проникала въ конгломератъ и промыла его подземными потоками настолько, что верхній слой наконецъ провалился въ эти подземныя пустоты. Такъ какъ вода промыла вѣроятно каналы и мѣстами болѣе обширныя пустоты, то въ результатѣ и получилось неравномѣрное осѣданіе и нынѣшняя бугристая поверхность.

Въ Іорданѣ въ рѣку Аксу вливается съ южной стороны значительный ручей. Широкая долина этого ручья занята полями и садами селенія, а само селеніе (очень небольшое) стоитъ на крутомъ обрывѣ праваго берега.

Ночь подъ открытымъ небомъ или, точнѣе, подъ садовыми деревьями, прошла отлично. Чѣмъ свѣтъ мы поднялись и двинулись дальше. Переѣхавъ чрезъ долинку упомянутаго ручья, мы поднялись и стали двигаться по лощинѣ, составлявшей продолженіе той, по которой мы ѣхали наканунѣ. Но здѣсь она была уже. Какъ разъ у Іордана, горы подходятъ къ рѣкѣ совсѣмъ близко. Тутъ рѣка образуетъ, какъ я говорилъ, разливъ въ родѣ озера и дорога долж-

на проходить по склону горы. Гора, впрочемъ, имѣетъ довольно мягкій грунтъ и потому дорожка раздѣлана широкая, совершенно безопасная. Ее видно уже изъ Шахимардана, но оттуда она представляется въ видѣ узкой желтой полоски на склонѣ почти вертикальномъ и кажется очень опасною; вблизи же она такъ удобна, что мы безъ малѣйшихъ затрудненій разъѣхались на ней съ встрѣтившимися киргизами и караваномъ верблюдовъ съ громоздкими вьюками. Дальше дорога превосходная до самаго конца продольной лощины, до того мѣста, гдѣ рѣка выходитъ изъ поперечной трещины. На этомъ концѣ лощины, на лѣвомъ берегу, т.-е. на солнечной сторонѣ (кунгей) мы увидѣли обширную киргизскую зимовку, Кара-Шура. Къ западу отъ этой зимовки лощина скоро закапчивалась пологимъ возвышеніемъ, на которое поднималась дорога; это Шували-бель (или Шивели, или даже Чиверли-бель по выговору киргизовъ). У выхода рѣки изъ поперечной щели, отъ нея отходятъ первые арыки и тутъ, на высотѣ около 6000′, находятся пашни; немного выше ихъ есть еще небольшіе засѣянные клочки.

Такой сравнительно низкій предѣлъ земледѣлія въ этомъ ущельи зависитъ просто отъ того, что дальше нѣтъ удобныхъ мѣстъ, сколько нибудь ровныхъ площадокъ.

Въ началѣ щель довольно широка и дорога не представляла затрудненій, такъ что даже наши спутники еще не дѣлали предложеній вернуться. Но видно было, что дальше будетъ не то; прежде, впрочемъ, чѣмъ мы доѣхали до узкаго мѣста, мы увидали на дорогѣ нѣсколько человѣкъ киргизовъ, изъ которыхъ иные были съ саблями. Дѣло, впрочемъ, скоро разъяснилось и притомъ самымъ благопріятнымъ образомъ: это былъ завѣдующій дорогой юзъ-баши Тасъ-Магометъ съ своими людьми. Онъ недавно еще уѣхалъ изъ Шахимардана въ Оху и обѣщалъ пріѣхать 8-го вечеромъ, чтобы сопровождать насъ къ перевалу, но не пріѣхалъ, и я думалъ, что онъ, напуганный караулъ-беги, рѣшилъ не ѣхать съ нами. Но оказалось, что была другая причина: какъ я уже говорилъ, на его обязанности лежитъ завѣдываніе дорогой — онъ представляетъ пограничную стражу, обязанную наблюдать, чтобы торговцы не уклонялись отъ уплаты зякета и чтобы недовольные правительствомъ не проходили въ сосѣднія владѣнія. Вслѣдствіе несогласій съ Каратегиномъ (о которыхъ ниже) торговыя сношенія съ этой страной запрещены, такъ что обязанность юзъ-баши сводится къ тому, чтобы никому не позволять ѣздить въ Каратегинъ или пріѣзжать оттуда. Между тѣмъ онъ получилъ свѣдѣнія, что какой-то саудагаръ (купецъ) отправился въ Каратегинъ съ нѣсколькими вьюками товаровъ, почему онъ и пустился въ догонку за нимъ. При этомъ разъяснилось, что изъ Охны есть другая дорога въ Каратегинъ, минуя Шахимарданъ. Эта дорога идетъ сначала на западъ по урочищу Кульле (или Кульдо; это должна быть та самая лощина, по которой мы спустились въ Оху) до Шували; затѣмъ чрезъ Иль-Кучукъ, гдѣ стоитъ караулъ пограничной стражи, направляется на перевалъ Кумъ-бель, затѣмъ опять спускается въ ущелья и черезъ Алаудинъ-бель переходитъ въ верховья Коксу, откуда направляется на Занку въ Каратегинѣ. Дорога эта идетъ отъ Шували (или, по-киргизски, Шивели) до Кумъ-бели по сухимъ оврагамъ, въ которыхъ только весною текутъ ручьи. Отъ этого и отъ необходимости переходить черезъ высокіе, трудные перевалы, дорога эта считается очень затруднительною и ею пользуются въ крайнихъ случаяхъ или при необходимости пробраться тайкомъ. Между Кумъ-белью и Алаудинъ-белью дорога проходитъ по ущельямъ, ручьи которыхъ стекаютъ въ Аксу. По такому-то ущелью юзъ-баши со своими спутниками и выѣхалъ на ту дорогу, по которой мы ѣхали. На западъ съ той дороги есть

дорожка только въ лѣтовку Бохвачъ, которая славится у киргизовъ богатствомъ растительности, но трудно доступна; Бохвачъ лежитъ вѣроятно высоко, тамъ содержатъ яковъ (Bos grunniens) — подаренный мнѣ въ Алаѣ былъ приведенъ оттуда, а яки лѣтомъ пасутся не ниже 11—12000′. Бохвачъ является такимъ образомъ крайнимъ пунктомъ распространенія этого животнаго (въ домашнемъ состояніи) въ сѣверо-западномъ направленіи. Другихъ дорогъ въ направленіи на западъ нѣтъ и горы Алаудинъ отрѣзываютъ бассейнъ Шахимарданской рѣки отъ бассейна Сохской, что, какъ я уже говорилъ, сильно затруднило подавленіе возстанія киргизовъ въ верховьяхъ Сохской рѣки. Слухи объ этомъ возстаніи дошли, впрочемъ, и до Шахимардана и здѣсь мнѣ подтвердили, что часть киргизовъ (именно родъ Чапрчи), не видя возможности бороться съ кокандцами, откочевали въ Каратегинъ.

Юзъ-баши былъ мраченъ; онъ не могъ догнать купца, не нашелъ его въ боковыхъ ущельяхъ и никто изъ агентовъ пограничной стражи, живущихъ въ разныхъ пунктахъ, тоже никого не видалъ. «Точно сквозь землю провалился!» говорилъ съ сердцемъ киргизъ, и дѣйствительно, трудно понять, какъ можно куда-нибудь скрыться, когда горы и ущелья такъ голы, что одного взгляда достаточно, чтобы убѣдиться, есть ли кто на нихъ. При этомъ оказалось, что юзъ-баши при своихъ поискахъ заѣзжалъ и къ Караказуку, и такимъ образомъ мы имѣли самое точное свѣдѣніе, что часъ, много полтора тому назадъ, тамъ каратегинцевъ и вообще никакихъ непріятелей и недобрыхъ людей не было. Я воспользовался этимъ, чтобы опять настаивать на поѣздкѣ туда и сталъ просить юзъ-баши, чтобъ онъ сопровождалъ насъ. Онъ видимо колебался, отговаривался, что нѣкоторымъ изъ его людей нужно быть дома (съ нимъ было человѣкъ семь),— я сказалъ, что онъ можетъ часть отпустить; что его лошадь измучилась при розыскахъ купца — я посовѣтывалъ ему взять лошадь у одного изъ тѣхъ, что поѣдутъ обратно, предлагая, что я заплачу за это; наконецъ намекнулъ ему, что его ждетъ въ Шахимарданѣ обѣщанный шелковый халатъ. Уговаривалъ я его долго, пока мы и все общество пили кумысъ, который онъ везъ съ собою — ясный признакъ, что онъ былъ въ киргизской лѣтовкѣ. Кумысъ былъ выпитъ, — всякій спѣшилъ утолить свою жажду этимъ отличнымъ напиткомъ, — и я шутливо замѣтилъ, что надо за новымъ ѣхать къ киргизамъ.

„Ну хорошо, поѣдемъ“, сказалъ наконецъ киргизъ, „только смотрите, дорога будетъ прескверная“.

Дѣйствительно, очень скоро недурная дорожка, которой мы ѣхали до сихъ поръ, смѣнилась весьма каменистою, проложенною надъ рѣкой. Рѣка текла здѣсь въ узкой щели съ очень обрывистыми и легко разрушающимися стѣнами. Множество камней лежало въ руслѣ и рѣка, пѣнясь, прыгала черезъ нихъ; въ одномъ мѣстѣ, гдѣ стѣны ущелья, какъ видно, особенно сильно обрушались, русло было совсѣмъ завалено каменьями и рѣка, образовавъ озеро, каскадомъ переливалась черезъ преграду. Дорожка тоже была очень стѣснена, а дальше, надъ озеромъ, пошла такимъ узкимъ карнизомъ, что юзъ-баши нѣсколько разъ предлагалъ не ѣхать дальше или, по крайней мѣрѣ, сойти съ лошади. Я не дѣлалъ этого, чтобы не показать, что для меня эта дорога кажется трудною, труднѣе, чѣмъ для него, но потомъ пришлось, круто спустившись, переѣзжать черезъ небольшой мостикъ, прилѣпленный къ скалѣ и опять подниматься. У мостика я уже сошелъ, не боясь уронить себя въ глазахъ киргизовъ; многіе изъ нихъ сошли еще прежде. Странное дѣло: покуда не сходишь съ сѣдла, самыя трудныя мѣста кажутся не опасными, но когда сойдешь — такъ и кажется, что тутъ ни за что не проѣдешь верхомъ.

За мостикомъ дорога скоро спускается на дно озера. Озеро это должно быть прежде было гораздо обширнѣе, а потомъ, когда вода размыла замыкавшую его преграду, стекло. По крайней мѣрѣ теперь сплошная поверхность воды не больше 100 саженъ, а лощина, съ ясными слѣдами прежняго озера, больше версты. Такъ какъ бывшее дно озера почти горизонтально, то рѣчка разбивается на нѣсколько руслъ, черезъ которыя и переѣзжаютъ вбродъ. Но рѣка и разбившаяся на нѣсколько руслъ такъ велика, что броды черезъ нѣкоторыя русла довольно глубоки и одинъ безъ малаго аршина два.

Дальше дорога идетъ уже правымъ берегомъ рѣки, на который поднимается довольно круто. Внизу, въ этомъ мѣстѣ, находится довольно порядочная рощица древесныхъ породъ,— опять признакъ, что озеро прежде доходило до этого мѣста: на всѣхъ видѣнныхъ мною среднеазіятскихъ озерахъ есть, при внаденіи въ нихъ ручьевъ, площадки, заросшія большими деревьями (тополи, береза, ивы). Что мѣста эти представляютъ особо благопріятныя условія для развитія древесной растительности, можно было видѣть именно здѣсь: озеро отошло на версту и деревья начали чахнуть, многія стояли искалѣченныя, другія были уже совсѣмъ засохшія. Изъ этого я заключаю, что озеро стекло сравнительно недавно, потому что рощица не успѣла еще уничтожиться, а изъ того, что между нею и нынѣшнимъ краемъ озера нѣтъ ни одного деревца, я заключаю, что озеро стекло вдругъ, иначе, при постепенномъ осушеніи, лѣсъ успѣлъ бы слѣдовать за отступающей водою.

Часть дороги за озеромъ была самая живописная: большія деревья оживляли ландшафтъ и зелень ихъ еще рѣзче выставляла угловатые контуры темныхъ известняковъ и сланцевъ.

Дорога, впрочемъ, скоро опять вышла на болѣе открытое мѣсто, широкая долина вдали закончилась у огромнаго пика, засыпаннаго снѣгомъ; пошелъ дождь, поднялся вѣтеръ, мы продрогли и съ нетерпѣніемъ устремились къ лѣтовкѣ. Долина была покрыта травой, т.-е. дерномъ изъ разныхъ низкорослыхъ травъ; огромные можжевельники были разбросаны по долинѣ. Скоро мы доѣхали до соединенія двухъ ручьевъ; пикъ, о которомъ я говорилъ, стоялъ въ верховьяхъ западнаго ручья; мы же взяли влѣво и послѣ подъема, опять повернувъ къ югу, увидѣли лѣтовку Караказукъ: на площадкѣ, поросшей огромными можжевельниками, раскинуто было нѣсколько кибитокъ. Переѣхавъ рѣчку и поднявшись на площадку, мы были у цѣли путешествія, не моей конечно, но нашихъ спутниковъ: они полагали, что мы завтра же отсюда поѣдемъ назадъ. Кибитки были заняты семьями киргизовъ и потому, пока очищали одну изъ нихъ, мы пріютились отъ дождя и холоднаго вѣтра въ деревянномъ домикѣ. Я нарочно подчеркиваю слово деревянный: это была единственная туземная деревянная постройка изъ одного дерева, которую я видѣлъ. Построенъ онъ былъ такъ, что обтесанныя въ видѣ досокъ можжевелевыя бревна были поставлены вертикально, укрѣпленныя въ пазахъ связанныхъ вверху бревенъ. Доски не были пристроганы, конопатки, конечно, никакой и потому въ щели свободно проходили пальцы. Все въ цѣломъ имѣло видъ кубической клѣтки, съ площадью около двухъ квадратныхъ саженъ. Входъ былъ устроенъ на южной сторонѣ и его можно запирать: доски вынимались изъ пазовъ переплета и потомъ опять вдвигались, какъ это обыкновенно дѣлается у лавокъ на туземныхъ базарахъ. Назначеніе этой постройки, сдѣланной недавно кочующимъ на Караказукѣ киргизскимъ біемъ, отчасти религіозное: она служитъ мечетью, но въ то же время въ ней останавливаются проѣзжающіе т.-е. будутъ останавливаться, потому что она устроена недавно, передъ самымъ прекращеніемъ сношеній съ Каратегипомъ. Здѣсь мы видимъ, слѣдовательно, соединеніе мо-

литвеннаго зданія съ странноприимнымъ домомъ, что́, помнится мнѣ, дѣлается также въ Исландіи [1]).

Хотя постройка эта и продувалась вѣтромъ, но мы съ женой предпочли остаться въ ней на ночь, предоставивъ кибитку остальнымъ нашимъ спутникамъ; холодно въ ней было, но по крайней мѣрѣ не было чаду и вони, которыми полны киргизскія кибитки.

Киргизы приняли насъ очень радушно; оказалось, что тутъ живетъ постоянно нѣсколько агентовъ юзъ-баши, надзирающихъ за дорогой.

Киргизы сообщили, что на окрестныхъ высотахъ водится много тау теке, горныхъ козловъ (Сарга, вѣроятно sibirica); у одного изъ киргизовъ оказалось ружье, жалкое фитильное, тяжелое, съ подставкой въ видѣ вилки. Онъ предложилъ моему охотнику отправиться въ горы, на мѣсто, куда подъ вечеръ козлы спускаются пастись. Экскурсія ихъ была, впрочемъ, безуспѣшна. Замѣчательно, что о дикихъ горныхъ козлахъ я слышалъ довольно часто, а о горныхъ баранахъ ни разу во все время путешествія по Кокапскому ханству, такъ что ихъ повидимому въ посѣщенныхъ мною горахъ нѣтъ. На высокихъ сыртахъ Нарынскаго края они нерѣдки, такъ же какъ и въ верховьяхъ Аму-дарьи, но въ направленіи къ Заравшану не распространяются (въ горахъ Заравшана встрѣчаются горные бараны, но видъ Ovis Vignei, значительно отличающійся отъ Сыръ-дарьинскихъ; онъ извѣстенъ также изъ горъ Афганистана).

Я воспользовался остаткомъ дня для экскурсіи въ можжевельникахъ, которые во множествѣ росли близъ самой лѣтовки; сборъ былъ, впрочемъ, не великъ: насѣкомыя да слизняки; изъ послѣднихъ найдены: Pupa muscorum, Helix costata, формы, распространяющіяся далеко на сѣверъ, и новый видъ Vitrina rugulosa, но весьма близкій къ европейскому Vitrina pellucida.

На стволахъ можжевельника я замѣтилъ ходы, принадлежащіе вѣроятно короѣдамъ, но, несмотря на всѣ старанія, мнѣ не удалось найти экземпляра этого насѣкомаго.

Вечеръ прошелъ въ бесѣдѣ съ киргизами; они сдѣлали обычное силяу — барана, который и пошелъ на угощеніе всѣхъ путниковъ; взялъ я кусочекъ и для себя, и такъ какъ весь день ничего не ѣлъ, то припялся варить бульонъ, но — увы! — когда уже стемнѣло, вдругъ я услышалъ какой-то шумъ: испуганныя чѣмъ-то коровы бѣжали сверху какъ разъ на мой очажокъ и не успѣлъ я выскочить, какъ шальная корова наскочила на мою кострюльку и отъ супа осталась одна каша.

Ночь была холодна: въ полночь было уже 6.8°C. и мы должны были окутаться всѣмъ, что было у насъ теплаго; на завтра утромъ, въ 8 часовъ, было еще только 5.8°C.; ущелье идетъ по направленію отъ юга къ сѣверу; съ востока закрыто очень высокими горами и потому солнце поздно начинаетъ его нагрѣвать; въ Джинтыкѣ ущелье тянется съ востока на западъ и потому тамъ около 8 же часовъ утра было уже 15.0°C. Высота же Караказукъ-яйлау слишкомъ на тысячу футъ меньше (ночлегъ у ледника Щуровскаго 10,600′, Караказукъ-яйлау — 9500′). Изъ этого видно, какое огромное вліяніе должно производить направленіе ущелій на флору и фауну.

На завтра мы отправились дальше, по дорогѣ къ перевалу, до котораго оставалось не меньше 10 верстъ. Дорога шла по довольно медленно поднимавшемуся ущелью, именно пра-

[1]) Тоже въ Японіи, и на всемъ крайнемъ Востокѣ. Ред.

вымъ берегомъ рѣки; можжевельники росли почти все время; сначала прямые, высокіе, они постепенно дѣлались ниже, корявѣе, уродливѣе и наконецъ прекратились вовсе; осталась одна травянистая растительность, покрывавшая сплошнымъ ковромъ низкія сырыя мѣста и въ видѣ зеленыхъ пятенъ являвшаяся на болѣе отлогихъ и мягкихъ склонахъ горъ. Но понятно, что эти приземистыя растенія не могли придать разнообразія ландшафту и мѣстность являлась страшною пустыней, которая во многихъ отношеніяхъ можетъ поспорить, по монотонности явленій и безжизненности, съ самыми печальными частями степи. Ледника не было видно, а на такихъ высотахъ они то и придаютъ жизнь, въ нихъ то и выражается грандіозная дѣятельность физическихъ силъ. За то мои спутники обнаруживали большую дѣятельность: постоянно то одинъ, то другой приставали ко мнѣ, что пора вернуться. Я понималъ цѣль ихъ приставаній: они вовсе не думали, что придутъ каратегинцы или что мы встрѣтимъ какіенибудь ужасы; нѣтъ, они хотѣли поскорѣе повернуть назадъ, чтобы въ тотъ же день вернуться въ Шахимарданъ. Лишнюю ночь промерзнуть и проголодать былъ разсчетъ. Я не соглашался и все говорилъ, что мы поѣхали до перевала, и должны добраться до него.

Доѣхавъ до одной лужайки, которая остановила меня обиліемъ альпійскихъ растеній, я сошелъ съ лошади и принялся ихъ собирать. Когда, сѣвъ на лошадь, я хотѣлъ ѣхать дальше, коканцы рѣшительно пристали, что дальше ѣхать нельзя; видя, что уговаривать ихъ безполезно, я сказалъ женѣ: «поѣдемъ» и отправился дальше. Я былъ увѣренъ, что они не рѣшатся оставить насъ однихъ; чтобы подѣйствовать на нихъ сильнѣе, я ѣхалъ, не останавливаясь и даже не оборачиваясь; уже проѣхавъ съ полверсты, при поворотѣ дорожки, я увидалъ ихъ на томъ же мѣстѣ сидящими или лежащими, т.-е. въ тѣхъ же позахъ, какія они приняли при моемъ отъѣздѣ, чтобы показать, что они твердо рѣшили не ѣхать дальше. Я все не останавливался и при другомъ поворотѣ увидѣлъ, что они уже ѣдутъ и быстро догоняютъ насъ. Не выдержалъ юзъ-баши, за что ему и досталось, какъ говорилъ мнѣ потомъ переводчикъ; джигиты ругали его и обѣщали нажаловаться султанъ Мурадъ-беку, его начальнику.

Я придалъ себѣ сердитый видъ; они сознавали, что зашли уже немножко далеко и потому нѣкоторое время мы ѣхали безъ убѣжденій остановиться. Между тѣмъ узкая долина кончилась и мы въѣхали въ обширный циркъ. Пришлось подниматься на груду камней, которыми заваленъ циркъ. Доѣхавъ до средины цирка, мы увидѣли и перевалъ: онъ былъ въ лѣвомъ, восточномъ углу цирка. Здѣсь юзъ-баши схитрилъ: онъ ѣхалъ впереди, незамѣтно оставилъ дорожку, ведущую на перевалъ, и свернулъ вправо; скоро начались каменья, накиданные безпорядочными буграми, лошади ежеминутно оступались, но я все не слѣзалъ, не желая дать тѣмъ повода остановиться. Наконецъ юзъ-баши подъѣхалъ къ крутому возвышенію изъ рыхлыхъ обломковъ и, сочкочивъ съ лошади, сталъ взбираться на него; я все-таки не слѣзъ, но при подъемѣ долженъ былъ это сдѣлать: моя лошадь упала и по рыхлой осыпи поползла внизъ. Вершина этого каменистаго холмика и была нашимъ крайнимъ пунктомъ. Юзъ-баши, очень любезно указавъ на перевалъ, сказалъ, что мы, какъ я того хотѣлъ, находимся у подошвы его и что дальше онъ не поѣдетъ. Я такъ же любезно поблагодарилъ его и началъ разсматривать окрестности; я сознавалъ, что больше уже теперь ничего не остается, такъ какъ отъ подъема на перевалъ я, чтобы упростить дѣло, отказался еще утромъ въ аулѣ.

Обширный циркъ, въ восточномъ углу котораго мы находились, былъ почти весь заваленъ камепьями. Для меня осталось неяснымъ, принадлежатъ ли каменья, на которыхъ мы

стояли, древней моренѣ или они просто свалились съ окрестныхъ горъ. Для защитниковъ ледянаго періода въ Тянь-шанѣ эти камни не доводъ: высота, на которой мы находились, была 12,200′ и камни спускались не ниже 11,500′, т.-е. далеко не доходили до предѣла нынѣшнихъ ледниковъ. Въ западной части цирка находится терраса, съ которой, по узкому ущелью, спускается несомнѣнный ледникъ съ большой конечной мореной и изъ него то беретъ начало рѣчка Караказукъ, одинъ изъ притоковъ или истоковъ Аксу.

Въ глубинѣ цирка возвышается огромный пикъ, высотою около 20,000′; цѣлый рядъ пиковъ идетъ по южной окраинѣ цирка и одинъ, высотою немного уступающій упомянутому выше западному, стоитъ какъ разъ противъ Караказукскаго ущелья. Перевалъ находится на восточномъ концѣ цирка и притомъ дорога переходитъ не черезъ самое низкое мѣсто: узкая сѣдловина между двухъ горъ недоступна по крутизнѣ скатовъ. Для перехода на другую сторону поднимаются по горѣ, образующей восточный бокъ цирка. Гора чрезвычайно крута и потому дорога идетъ зигзагами по всему ея протяженію. Гора состоитъ изъ сланца, слѣдовадовательно имѣетъ поверхность разрушенную; на такихъ склонахъ дорожки пролагаются очень легко и здѣсь видѣнъ ихъ цѣлый рядъ; мнѣ объяснили, что черезъ перевалъ прогоняютъ много овецъ въ Каратегинъ, и вотъ онѣ-то проложили такъ много дорожекъ (такъ называемые кой-джолы). Дорожки было очень не трудно видѣть на верхней части горы, потому что ихъ запорошило снѣгомъ (очевидно, когда наканунѣ въ лѣтовкѣ шелъ дождь, на высотѣ перевала падалъ снѣгъ).

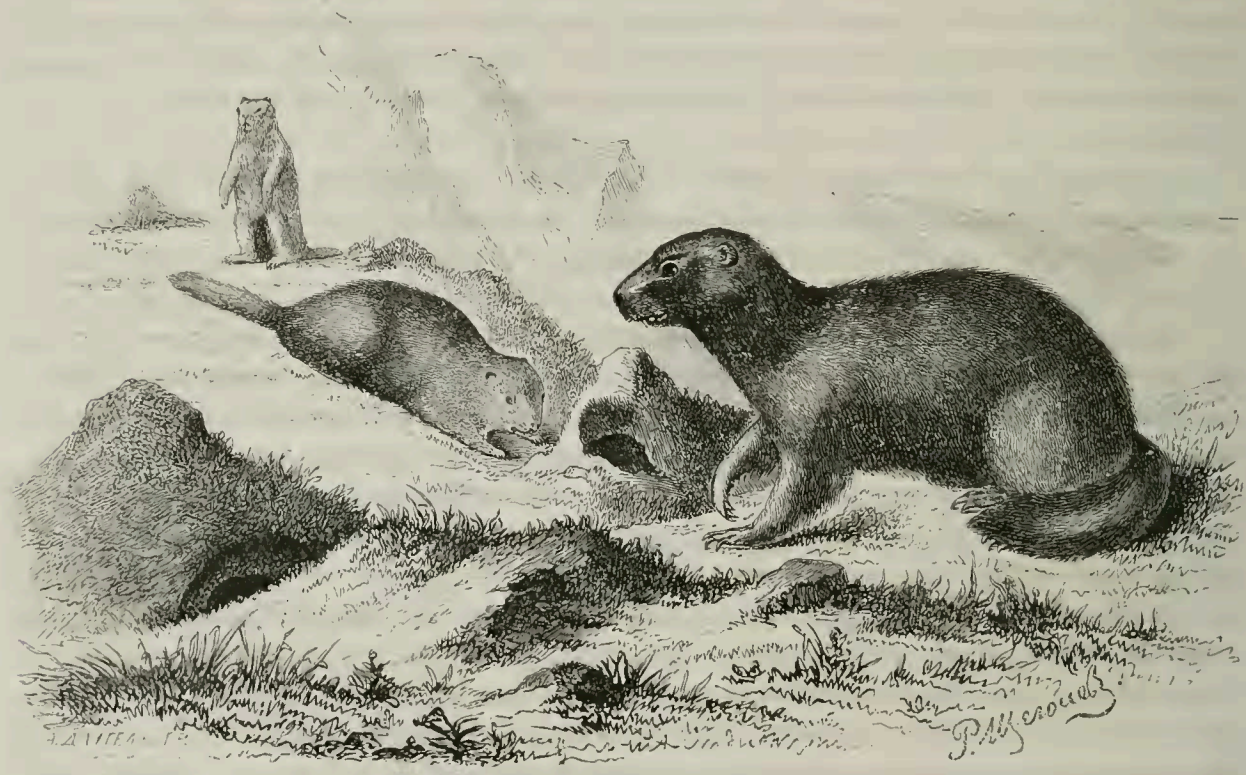
Гора, на которую всходила дорожка, возвышалась надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ мы стояли, не менѣе 2,000′, такъ что высота перевала надъ уровнемъ моря будетъ не менѣе 14,000′.

О мѣстности, лежащей за переваломъ, довольно подробно разсказалъ мнѣ юзъ-баши; послѣ, въ Алаѣ, я имѣлъ возможность провѣрить его разсказы и признаю ихъ вѣрными.

Дорога съ перевала спускается по небольшому ручью на р. Кукъ-су, текущую съ запада, изъ мѣстности Балыкчи-сыртъ; черезъ два таша (разстоянія навѣрное преувеличены) пріѣзжаютъ къ Чукуръ-купрюку, мосту черезъ Кукъ-су; далѣе проѣзжаютъ мимо устья рѣчки Тогары-Шугарекъ, текущей въ Кукъ-су съ запада. Наконецъ, еще ниже, въ мѣстности Чакъ, находится соединеніе Кукъ-су съ Кизилъ-су. Послѣ, при посѣщеніи Алая, я видѣлъ впаденіе Кукъ-су въ Кизилъ-су, и луга, находящіеся при устьи, называются Чакъ. Находясь на Караказукѣ, я и не подозрѣвалъ, что я всего въ одномъ, много въ двухъ дняхъ пути отъ Алая, именно отъ того пункта, на который я прибылъ черезъ 10 дней; игра, которую велъ со мной коканскій конвой, стоила мнѣ лишнихъ пяти-шести дней пути, т.-е. слишкомъ ста верстъ. Между тѣмъ политическихъ препятствій для проѣзда изъ Караказука въ Алай не было: на Кукъ-су кочуютъ коканскіе киргизы. Эта-то возможность проѣхать въ Алай и была вѣроятно причиной, почему Караулъ-беги отказался сопровождать меня въ Караказукъ: узнавъ, что я дѣлаю запасы на восемь дней, онъ предполагалъ вѣроятно, что я хочу проѣхать въ Алай, такъ какъ, несмотря на всѣ заботы его и прочихъ моихъ спутниковъ ввести меня въ заблужденіе на этотъ счетъ, я всетаки стороной могъ узнать, что туда есть дорога изъ Караказука.

Я не скоро оставилъ циркъ, какъ ни торопили меня туземцы, очевидно желавшіе въ тотъ же день вернуться въ Шахъ-марданъ; но я рѣшился весь этотъ день пробыть въ альпійской зонѣ. Между камнями, въ небольшихъ ямахъ, куда была нанесена вѣтромъ земля, пріютилось нѣсколько растеній; къ цвѣтамъ этихъ растеній прилетали различныя насѣкомыя

(день былъ солнечный, температура воздуха въ тѣни, конечно въ части цирка освѣщенной солнцемъ, была 13°C. въ 11 ч. 30 м. утра); это были по преимуществу двукрылыя и перепончатокрылыя; разныя сѣрыя и черныя невзрачныя формы, какія у насъ появляются ранней весной (т.-е. представители тѣхъ же родовъ); изъ перепончатокрылыхъ былъ замѣченъ шмель, Bombus, насѣкомое въ Средней Азіи очень рѣдкое и распространенное только въ горахъ. Изъ бабочекъ попалась крайне интересная и весьма красивая — Colias Eogene Feld., недавно описанная новая форма, найденная въ Гималайскихъ горахъ. Изъ растеній собрано значительное количество альпійскихъ формъ; Corydalis съ оригинальными пузыревидными плодами (C. Stschurowski n. sp.), найденная спачала на ледникѣ Щуровскаго, попалась и здѣсь и въ гораздо большемъ количествѣ; туземцы, увидавъ ее, сейчасъ же соскочили съ лошадей и преусердно начали ее собирать. Оказалось что ее зовутъ бирмакара, и что примочка изъ засушенныхъ листьевъ составляетъ отличное средство противъ ушибовъ и изломовъ. Каждый изъ спутниковъ вернулся съ порядочнымъ узелкомъ этого растенія; даже мои джигиты изъ Ташкента увлеклись примѣромъ коканцевъ и набрали травы для себя.

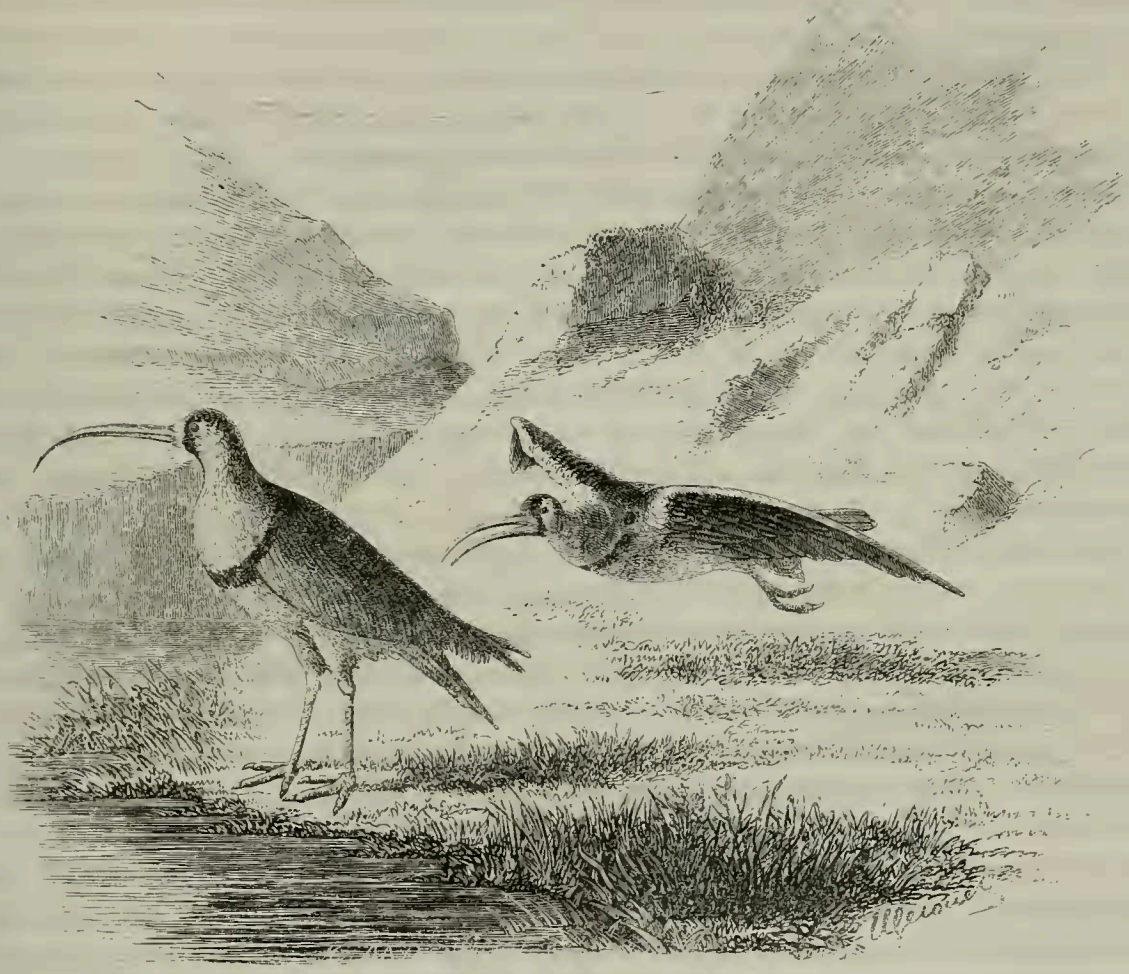

Сурокъ, 1/6 наст. вел.

Птицъ было мало въ этой все-таки печальной мѣстности (не безынтересно, что былъ убитъ на моренѣ Accentor alpinus). Нѣсколько ниже, у предѣла можжевельниковъ, значительное оживленіе ландшафта составляли сурки: эти животныя весьма нерѣдки въ альпійской зонѣ въ посѣщенныхъ мною горахъ; они встрѣтились намъ и накануиѣ, не выше 8500′. Рыжевато-желтый довольно крупный (до 2 1/2 четвертей), звѣрокъ этотъ принадлежитъ къ тому же роду, какъ извѣстный сурокъ савояровъ или сибирскій байбакъ, но гораздо красивѣе и имѣетъ длинный пушистый хвостъ. Множество шкурокъ этихъ сурковъ везется изъ

Туркестана на Ирбитскую ярмарку и продается тамъ очень дешево. Цвѣтъ мѣха не красивъ но при хорошей окраскѣ мѣхъ этотъ могъ бы съ успѣхомъ конкурировать съ разными мѣхами, въ изобиліи употребляемыми народами, которые менѣе пасъ избалованы на счетъ пушнаго звѣря.

Но главный интересъ дня заключался въ довольно крупной птицѣ изъ породы куликовъ, которая своей фигурой и особенно изогнутымъ носомъ, сильно привлекла мое вниманіе. По полету и летящей фигурѣ она очень напомнила всѣмъ извѣстнаго чибиса или пигалицу. Спугнутая нашимъ приближеніемъ, она сдѣлала нѣсколько круговъ и исчезла. Без-

Ibidorhynchus Struthersii, 1/5 наст. вел.

покойно слѣдя за нею, я вдругъ увидѣлъ спящую фигуру; оказалось, что это нашъ охотникъ. Я нарочно выслалъ его пораньше изъ лагеря, чтобы онъ могъ, исподволь подвигаясь, вдали отъ толпы нашихъ спутниковъ, заняться стрѣльбой птицъ. Между тѣмъ, отъѣхавъ съ версту, онъ предпочелъ, вмѣстѣ съ сопровождавшимъ его джигитомъ, предаться сну. Такъ любопытная птица, разгуливавшая буквально у ногъ охотника, и ушла. Очень было досадно и досада еще увеличилась, когда и во второй разъ эта птица (въ Лангарѣ, 18 іюля) ушла отъ опытнаго охотника. Птица была, впрочемъ, слишкомъ характерна, чтобы ее не узнать. Я вижу ее въ сочиненіи г. Сѣверцова нарисованною и описанною подъ именемъ Falcirostra

Kaufmanni. Я имѣлъ случай ближе познакомиться съ нею въ Московскомъ музеѣ [1]), гдѣ есть четыре экземпляра (два отъ Н. А. Сѣверцова, два пожертвованные генераломъ Колпаковскимъ), а позже видѣлъ два совершенно сходные экземпляры въ Британскомъ музеѣ. Оказывается, что эта птица извѣстна уже давно изъ плоскогорьевъ Тибета и описана и изображена еще въ 1835 году Гриемъ въ Birds of India, подъ именемъ Ibidorhynchus Struthersii; между тибетскими и тяньшанскими экземплярами не оказывается никакихъ различій, такъ что и видовое названіе, данное Сѣверцовымъ, должно уступить мѣсто старѣйшему. Птица эта одна изъ самыхъ замѣчательныхъ для Тяньшана, встрѣчается всегда на руслахъ горныхъ ручьевъ, покрытыхъ крупной галькой и, какъ замѣтилъ еще Н. А. Сѣверцовъ, клювъ ея отлично пригоденъ для вытаскиванія червячковъ и другихъ животныхъ изъ подъ камней.

Лѣтовка Караказукъ будетъ, слѣдовательно, крайнею извѣстною сѣверо-западною границею этой птицы; въ сѣверо-восточномъ направленіи она идетъ гораздо далѣе на сѣверъ: до горныхъ потоковъ, стекающихъ въ Или (Кульджинская провинція).

Караказукъ слыветъ у киргизовъ очень бѣдною лѣтовкой; оттого, говорятъ, она такъ и называется: кара—значитъ черный, казукъ—приколъ, желѣзный стержень, вбиваемый въ землю и служащій для привязыванія лошади, которая, находясь на болѣе или менѣе длинной веревкѣ, пасется такимъ образомъ во время ночи или вообще остановки; соединеніе Караказукъ должно выражать, что въ этой мѣстности наприколенная лошадь не найдетъ себѣ достаточно корма. Возникло же это названіе, говорятъ, съ той поры, когда какой-то богатый киргизъ выбралъ себѣ эту лѣтовку мѣстомъ своего лѣтняго кочевья, потому что тутъ нечего было опасаться соперниковъ. Кончилось тѣмъ, что почти всѣ его стада погибли отъ недостатка корма.

Вернулся я въ аулъ такъ поздно, что, конечно, нечего уже было и думать объ обратномъ пути въ тотъ же день; коканцы вернулись гораздо раньше, оставивъ меня съ женой и двумя ташкентскими джигитами: ясное доказательство, какъ неосновательны были всѣ разсказы о каратегинцахъ; юзъ-баши, впрочемъ, принялъ свои мѣры предосторожности: имъ былъ посланъ на вершину перевала киргизъ, который и сидѣлъ тамъ, наблюдая, не ѣдетъ ли кто съ той стороны. Сходя потихоньку къ аулу и собирая растенія и животныхъ, мы увидали киргиза этого, шедшаго съ перевала; онъ откровенно и объяснилъ намъ, что сидѣлъ на перевалѣ.

11-е іюля было назначено для возвращенія въ Шахимарданъ. Будучи знакомъ съ свойствами дороги, я распредѣлилъ движеніе такъ, чтобы подольше пробыть въ наиболѣе интересной части ущелья, въ полосѣ лиственнаго лѣса. Какъ я уже говорилъ, ущелье въ одной части, именно выше озера, поросло значительнымъ количествомъ березы и другихъ деревьевъ. Я уже указывалъ, что древесная растительность по склонамъ горъ въ Средней Азіи представляетъ разительную противоположность съ тѣмъ, что мы видимъ напримѣръ въ Европѣ. Деревья, даже кусты, растутъ по склонамъ разбросанно, на разстояніи одно отъ другаго нѣсколькихъ саженъ, не образуя тѣхъ сплошныхъ обществъ или колоній, которыя деревья представляютъ у насъ, соединяясь въ лѣсъ, рощу, боръ и т. п. Нѣтъ лѣсовъ на горахъ, нѣтъ ихъ и въ ущельяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же серьезно называть рощей деревья, си-

[1]) Прилагаемый политипажъ и сдѣланъ по экземплярамъ Московскаго музея. Ред.

дящія въ одинъ, два ряда вдоль ручья, хотя бы и на протяженіи десятковъ верстъ, какъ то дѣлаютъ нѣкоторые; тутъ, для избѣжанія путаницы и могущихъ быть недоразумѣній, слѣдовало бы употреблять какой-нибудь другой терминъ, что̀ оказывается особенно необходимымъ при естественно-историческихъ изслѣдованіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, почти вся сумма отношеній и явленій, связанныхъ съ лѣсомъ, не существуетъ въ Средней Азіи по той самой причинѣ, что лѣсовъ нѣтъ въ Тяньшанѣ [1]). Напротивъ, выступаютъ съ особой силой тѣ явленія, дѣйствіе которыхъ уменьшается отъ присутствія лѣсовъ. Отсутствіе лѣсовъ даетъ себя чувствовать и на быстрой разрушаемости горныхъ породъ, и на огромныхъ колебаніяхъ въ уровнѣ рѣкъ и рѣчекъ, и въ отсутствіи или рѣдкости цѣлыхъ группъ животныхъ и растеній, и на многихъ другихъ явленіяхъ даже соціальнаго и политическаго характера. Самая быстрота завоеванія русскими Туркестана находится въ прямой связи съ отсутствіемъ лѣсовъ. При всей энергіи и храбрости движеніе было бы замедлено на многіе годы, если-бы существовали лѣса.

Для изслѣдователя и путешественника отсутствіе лѣсовъ имѣетъ то вспомогательное значеніе, что глазъ издали уже можетъ знакомиться съ топографіей и характеромъ мѣстности, что животныя и растенія на виду, что для геолога разрѣзы ничѣмъ не скрыты. Я не ошибусь, если скажу, что, при существованіи лѣсовъ, послѣ десяти лѣтъ изученія я былъ бы дальше отъ той степени знакомства съ фауной и условіями края, какую я пріобрѣлъ въ три года.

Если деревья, растущія въ два ряда, называютъ рощами, то по́росли по берегу Аксу заслуживаютъ названія дремучаго бора: деревья растутъ мѣстами ряда въ четыре, т.-е. на протяженіи саженъ трехъ-четырехъ отъ берега рѣчки. Это отзывается и на характерѣ растительности: въ этомъ бору попалось такое лѣсное растеніе какъ Pyrola rotundifolia. И на животныхъ это не осталось безъ вліянія: была убита чисто лѣсная птица—синица (Parus rufonuchalis Bl.). Форма эта интересна между прочимъ и тѣмъ, что распространена до Гималаевъ (и притомъ довольно далеко на востокъ; она извѣстна изъ окрестностей Симлы), откуда и была описана уже давно. Мнѣ она попадалась и прежде, именно въ долинѣ Заравшана. Но все это, очевидно, ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ доставилъ бы европейскій лѣсъ.

И такую ширину лѣсная растительность въ ущельи Аксу сохраняетъ только до озера; ниже озера деревья растутъ именно въ два ряда: по обоимъ берегамъ рѣчки, вплотную къ водѣ, такъ что нерѣдко корень какой-нибудь березы омывается водой. Затѣмъ, чаще всего между деревьями остается промежутокъ въ нѣсколько саженъ.

Затѣмъ и въ такомъ видѣ древесная растительность развивается по отношенію къ вертикальному распространенію только на высотахъ между 6000′ и 8500′—9000′. Я уже говорилъ, что нижняя граница можжевельника около 6000′, тамъ же кончались и лиственныя деревья; но возможно, что самые нижніе изъ нихъ были и вырублены; верхняя граница лиственныхъ деревьевъ могла быть опредѣлена лучше: деревья росли гуще: едва ли ихъ самые верхніе экземпляры были срублены, потому что рядомъ росъ въ изобиліи можжевель-

[1]) Сколько мнѣ извѣстно изъ разсказовъ русскихъ путешественниковъ, въ Тяньшанѣ только въ долинѣ Текеса древесная растительность сплошь покрываетъ склоны горъ на значительномъ протяженіи; но насколько они приближаются къ европейскому типу лѣсовъ, не знаю. Говорятъ и пишутъ про лѣса въ Семирѣчьи: но самый тотъ фактъ, что ничтожное по численности казачье населеніе въ какіе-нибудь 20 лѣтъ почти истребило ихъ, такъ что пришлось дѣятельно проводить запретительныя и другія мѣры, показываетъ, что эти лѣса не то, что даже лѣса, напримѣръ, Германіи. А. Ф.

никъ, который туземцы предпочтительно рубятъ. Высота, на которой были встрѣчены самыя верхнія деревья, была 8300′. Именно самое крайнее дерево была береза. Выше ея, футовъ на 300—400, по склону горъ были разбросаны только кустарники: Ephedra и жимолости (Lonicera); ниже къ березѣ прибавились: барбарисъ, рябина, Rosa, ива. Ephedra и Lonicera, кромѣ склоновъ горъ, растутъ и близъ русла. Другихъ деревьевъ въ этомъ ущельи я не замѣтилъ, но вообще составъ древесной и особенно кустарной растительности въ горахъ Средней Азіи гораздо богаче. Они и спускаются гораздо ниже: въ ущельи р. Исфайрамъ кустарники были встрѣчены уже на высотѣ 3150′; слѣдовательно, поясъ кустарниковъ вдвое шире пояса деревьевъ. Впрочемъ, и деревья встрѣчались мнѣ ниже 6000′ (напр. у Даштыкази на Заравшанѣ, въ урочищѣ Гульша и т. д.); но въ большинствѣ случаевъ 6000′ въ посѣщенныхъ мною горахъ составляло нижнюю ихъ границу и я полагаю, что эта высота (конечно, съ нѣкоторыми отклоненіями книзу и кверху, смотря по мѣстнымъ условіямъ) окажется вертикальной границей и для многихъ другихъ формъ, какъ растительныхъ, такъ и животныхъ. Мнѣ кажется не лишенъ значенія тотъ фактъ, что близъ этой же высоты находится верхній предѣлъ многихъ разводимыхъ деревьевъ, принадлежащихъ теплому климату, (напр. тута, персиковъ, абрикоса). Подобно тому, какъ граница садовыхъ деревьевъ южноевропейской зоны приблизительно совпадаетъ въ горахъ Тяньшана съ нижней границей березы и другихъ лиственныхъ деревьевъ, такъ съ ихъ верхней границей почти совпадаетъ верхній предѣлъ земледѣлія, именно воздѣлываніе ячменя. Впрочемъ, лиственныя деревья и особенно кусты всегда идутъ нѣсколько выше пашенъ. Такія совпаденія не случайны и позднѣйшія изслѣдованія вѣроятно выяснятъ намъ ближайшія причины этого явленія.

Близъ озера была поймана весьма интересная ящерица, Stellio hymalayanus, единственная изъ извѣстныхъ изъ Туркестана ящерицъ, распространенная до Индіи; ящерицы, какъ извѣстно, весьма обыкновенны въ Средней Азіи, особенно въ степяхъ, но все это формы или вполнѣ своеобразныя, или сродственныя обитающимъ въ Африкѣ и промежуточныхъ странахъ. Найденная же въ этотъ разъ представила весьма любопытный фактъ, показавшій, что, кромѣ звѣрей, птицъ, рыбъ и безпозвоночныхъ, и ящерицы Гималаевъ распространяются до Тяньшана. Поймать замѣченный нами экземпляръ стоило большихъ трудовъ: она скрылась въ трещину, до которой добраться можно было съ сильнымъ рискомъ по гладкой и очень крутой скалѣ. Одинъ изъ джигитовъ босой добрался до трещины, но тутъ явилось другое затрудненіе: трещина была слишкомъ узка, чтобы можно было взять ящерицу рукой, завернутой въ платокъ, а просунуть одни пальцы джигитъ не хотѣлъ, говоря, что укуситъ, джаманъ (дурной). Боязнь была такъ сильна, что, едва держась, джигитъ предпочелъ расколупать трещину, чѣмъ, повѣривъ моимъ убѣжденіямъ, рискнуть взять животное голой рукой.

Вернувшись въ Шахимарданъ, я получилъ еще экземпляръ той же ящерицы, пойманной близъ того же мѣста женой. Позже я встрѣтилъ эту самую форму въ ущельи р. Акъ-буры. Затѣмъ ее видѣли въ Алаѣ. Вотъ здѣсь то и является любопытный вопросъ: какимъ образомъ она попала изъ Алая на сѣверный склонъ горъ? Къ западу отъ Шахимардана она мнѣ ни разу не встрѣтилась и, сдѣлавъ множество экскурсій по горамъ Заравшанской долины, я полагаю навѣрное, что ее тамъ и нѣтъ (тамъ встрѣчается совсѣмъ другой видъ, Stellio Lehmanni n. sp.). Слѣдовательно, она пришла въ Кокандскія горы, не обогнувъ высокіе хребеты, а переваливъ черезъ нихъ. Между тѣмъ всѣ перевалы между Аму и Сыромъ не ниже 11,500′;

является, слѣдовательно, любопытный фактъ, что такія высокія горы не составляютъ границы даже для такихъ животныхъ, какъ ящерицы.

Добываніе ящерицы задержало насъ на добрый часъ и я остался далеко позади всѣхъ нашихъ спутниковъ съ препараторомъ и двумя ташкентскими джигитами. Какъ безслѣдно пропадали всѣ опасности, когда мы ѣхали обратно!

Я забылъ еще упомянуть, что съ озера черезъ небольшое ущелье открывается превосходный видъ на весьма высокую, покрытую снѣгомъ, гору Боба; эта гора видна и съ того мѣста, до котораго мы поднимались по дорогѣ на перевалъ.

Въ Шахимарданъ я пріѣхалъ уже довольно поздно и немедленно принялся за сборы къ отъѣзду, предполагая завтра же оставить надоѣвшій намъ наконецъ Шахимарданъ. 12-го мы и выѣхали, какъ только Ольга Александровна успѣла кончить рисовать видъ Шахимардана. При отъѣздѣ случилось нѣчто, заслуживающее быть упомянутымъ: проѣзжая селеніемъ мы увидѣли толпу довановъ (нѣчто въ родѣ нищенствующихъ монаховъ или даже нашихъ юродивыхъ) въ ихъ пестрыхъ изъ лоскутьевъ сшитыхъ халатахъ и остроконечныхъ шапкахъ. При нашемъ проѣздѣ они пѣли какую-то пѣсню и съ большимъ уваженіемъ пропустили насъ мимо. Я полагалъ, что въ базарный день вышли чудаки потѣшать народъ и не обратилъ на нихъ вниманія. Когда мы уже выѣхали изъ селенія, караулъ-беги сообщилъ мнѣ, что дованы пѣли молитву, желая намъ добраго пути, исполненія желаній и т. д. и что напрасно я отнесся пренебрежительно и ничего имъ не далъ. Я, признаться, никакъ не ожидалъ, чтобы дованы, которые многими считаются за самыхъ отчаянныхъ фанатиковъ и ненавидящихъ русскихъ, стали оказывать такое вниманіе невѣрному. Надежда на подачку не могла соблазнить ихъ на это, потому что на полученіе многаго они не могли разсчитывать, а изъ пустяковъ (я послалъ имъ съ джигитомъ, по совѣту караулъ-беги, коканъ, т.-е. 20 коп., не стали же бы они ломать свои убѣжденія.

Первыя шесть верстъ мы ѣхали уже знакомой дорогой; проѣхавъ Охну, мы въѣхали въ узкое ущелье, чрезъ которое рѣка прорываетъ послѣднюю значительную гряду и выходитъ въ Фергану. Ущелье узко, но дорога проложена арбяная; только видно, что она стóила большихъ трудовъ. Въ срединѣ ущелья находится могила какого-то святаго, повидимому пользующагося большимъ уваженіемъ: лоскутковъ и камешковъ на мазарѣ безъ числа. Много камешковъ лежитъ и у дороги; очевидно, не всѣ имѣютъ время сворачивать къ мазару, который въ нѣсколькихъ саженяхъ въ сторонѣ, и исполняютъ обрядъ положенія камешка, не сходя съ лошади.

Послѣ ущелья долина рѣки ограничивается весьма низкими холмами, которые тянутся вплоть до Вадиля. По сравненію съ южнѣе лежащими горами неровности почвы здѣсь ничтожны, и я не рѣшусь сказать, что Вадиль и окрестныя селенія лежатъ въ горахъ. Холмы, окружающіе эту мѣстность, довольно ясно видны и далеко на сѣверъ, гдѣ, возвышаясь надъ горизонтомъ, они скрываютъ городъ Марглянъ, который, судя по разстоянію, долженъ бы былъ быть виденъ. Холмы же скрываютъ и лежащіе на сѣверо-западѣ чеміянскія владѣнія: довольно богатое собраніе кишлаковъ, недавно данное въ управленіе сыну марглянскаго бека. Страсть надѣлять своихъ сыновей удѣлами такъ сильна въ Средней Азіи, что даже султанъ Мурадъ-бекъ, всѣми почитаемый за весьма умнаго, не удержался, чтобы не дать своему сыну мальчику отдѣльнаго бекства; вмѣсто того, чтобы учить и воспитывать его при себѣ, мальчика,

кажется на 16-мъ году, женили на дочери хана [1]), т.-е. на двоюродной сестрѣ, и сдѣлали самостоятельнымъ правителемъ.

Чеміянскій округъ, говорили мнѣ, изобилуетъ хлопкомъ и шелкомъ.

Чеміянъ хотя и лежитъ за холмами, но орошается изъ Шахимарданской рѣки. Вообще эта рѣка орошаетъ значительное пространство и на высотѣ Вадиля уже разбивается на нѣсколько арыковъ. Мнѣ назвали 13 главныхъ арыковъ, на которые дѣлятся воды этой рѣки: 1) Алгы ар., 2) Миндапъ ар., 3) Катынъ ар., 4) Полосанъ, 5) Ляйляхана, 6) Джююракъ, 7) Кипканъ, 8) Зильха, 9) Поулганъ, 10) Ханглысъ, 11) Чеміянъ, 12) Аратепе, 13) Курганъ-тепе.

Въ Вадилѣ я нашелъ мирзу Едгара, посланнаго мною изъ Кокана съ частью вещей и запасовъ. Онъ ожидалъ насъ въ Марглянѣ; но такъ какъ бека въ городѣ не было (онъ находился на день пути отъ города, надзирая за работами по проведенію большаго арыка), а терять время на заѣздъ затѣмъ только, чтобы увидѣть лишній сартовскій городъ, я не могъ [2]), то я еще изъ Шахимардана писалъ ему, чтобы онъ выѣхалъ на соединеніе съ нами въ Вадиль. Мы его нашли въ Вадилѣ на базарѣ, комфортабельно расположившимся въ лавкѣ; въ нее онъ сложилъ всѣ наши сундуки и тюки, а передъ лавкой на завалинкѣ разставилъ складную желѣзную кровать, которую взялъ въ путешествіе нашъ переводчикъ. На этой кровати, возбуждавшей великое удивленіе туземцевъ, и покоился мирза Едгаръ, заграждая своимъ тѣломъ входъ въ лавку и доступъ къ сокровищамъ. А сокровища были: я вручилъ ему круглую сумму въ 1000 р. въ мѣстной серебряной монетѣ. Теперь мнѣ предстояло принять отъ него эту сумму, т. е. нужно было пересчитать 5000 штукъ, работа, которая при всемъ вниманіи сразу не удавалась, непремѣнно приходилось пересчитывать. Вообще, какъ я уже говорилъ, мѣстныя деньги составляли для меня муку во время путешествія, не говоря уже о томъ, что нужно было заботиться и объ ихъ цѣлости. За то, съ какой же аккуратностью я производилъ уплаты жалованья своимъ спутникамъ и радовался, что мошна (деньги хранились въ кожаномъ мѣшкѣ) дѣлается легче.

Въ Вадилѣ есть небольшой базарчикъ и жители занимаются нѣкоторыми ремеслами; я посѣтилъ между прочимъ мастерскую (т. е. коморку) ткача. При этомъ случился слѣдующій эпизодъ: когда я разсматривалъ его нехитрый станокъ и высказалъ замѣчаніе, что можно бы безъ неудобства и при туземномъ станкѣ увеличить ширину ткани (всѣ туземныя ткани замѣчательно узки), онъ съ недовѣріемъ спросилъ, развѣ въ моемъ отечествѣ тоже умѣютъ ткать, что я знаю, какъ это дѣлается.

Въ Вадилѣ мы провели только ночь и 13 іюля выѣхали по дорогѣ въ Учъ курганъ. Путь нашъ пролегалъ недалеко отъ горъ, почти по самой ихъ сѣверной окраинѣ. Встрѣтившійся туземецъ передалъ мнѣ слѣдующія названія этихъ горъ: Ходжа, Хаиртанъ, Сартала и самыя западныя—Катранъ; всѣ эти названія относятся только къ различнымъ частямъ самой передней гряды.

Во время разговора съ нимъ случился, между прочимъ, слѣдующій курьезъ: на сѣверо-востокѣ далеко находилось нѣсколько бѣлыхъ облаковъ, принявшихъ самыя причудливыя формы, живо напоминавшія вершины горъ. Такъ какъ въ этомъ направленіи должны были

---

[1]) Усиленіе родственности между ханомъ и его братомъ султанъ Мурадъ-бекомъ на этомъ не остановилось: старшій сынъ хана, наслѣдникъ коканскаго престола, женился на дочери султанъ Мурада.

[2]) Посѣтить самого бека для меня былъ бы разсчетъ: личное свиданіе облегчило бы посѣщеніе Алая. А. Ф.

находиться снѣговыя горы, то я спросилъ его, какія это горы. Булутъ,—услышалъ я въ отвѣтъ; это меня сильно заинтересовало: извѣстно, что названіе Булутъ введено въ географическую терминологію для обозначенія цѣлой группы горъ, промежуточной между Гималаями и Тянь-шанемъ (иначе называемой Болоромъ); но надежда узнать, гдѣ находятся Булутъ-тагъ, которыхъ еще никто не видалъ, скоро исчезла; оказалось, что туземецъ просто хотѣлъ сказать, что я вижу не горы, а облака: булутъ значитъ облако. Я привожу это, какъ примѣръ того, какъ нужно быть осторожнымъ при разговорѣ съ туземцами и какъ легко пустить въ ходъ множество новыхъ названій при недостаточномъ знакомствѣ съ языкомъ.

Дорога почти все время пролегала между полей. Сначала селенія были вдали (Наукатъ, Аваль); Каптархана была первая деревня, по окраинѣ которой мы проѣхали. Далѣе слѣдовали Лауганъ, Апрвазъ, Джапьма, Гургіянъ. Чѣмъ дальше мы подвигались, тѣмъ роскошнѣе становилась растительность и вмѣстѣ съ тѣмъ поражало еще то обстоятельство, что не всѣ удобныя мѣста были обработаны. Причину этого нужно искать въ недостаткѣ населенія; мѣстность эта сравнительно недавно стала заселяться осѣдлыми жителями. Эти поселенцы по преимуществу выходцы изъ Каратегина. Недавнія междоусобія и поселеніе въ Учъ-курганѣ Музафаръ-ша, бывшаго правителя Каратегина, тоже не остались безъ вліянія на увеличеніе населенія. Учъ-курганъ, куда мы пріѣхали къ вечеру, впрочемъ, городъ довольно древній. Жители относятъ его основаніе къ народу, жившему тутъ до прихода узбековъ и называемому ими калмакъ (т.-е. калмуки). Имъ они приписываютъ постройку трехъ кургановъ, отчего и поселеніе получило свое названіе. Развалины ихъ находятся внутри теперешняго Учъ-кургана и представляютъ заброшенные пустыри.

Учъ-курганъ для меня былъ интересенъ именно по пребыванію въ немъ Музафаръ ша; я хотѣлъ повидать этого изгнаннаго владѣтеля Каратегина, чтобы узнать отъ него кое-какія подробности объ его странѣ, не изслѣдованной ни однимъ европейцемъ. Мнѣ казалось самымъ естественнымъ поговорить о странѣ съ самимъ правителемъ, который долженъ же знать ее хоть въ общихъ чертахъ. На откровенность его я разсчитывалъ, такъ какъ Музафаръ-ша зналъ, что русскіе высказались въ его пользу по поводу возникшихъ междоусобій. Надежды мои не вполнѣ оправдались.

Но я позволю себѣ описать это свиданіе; оно до извѣстной степени характеризуетъ высшія сферы туземнаго люда.

Первая моя просьба къ караулъ-беги по пріѣздѣ въ Учъ-курганъ была узнать, когда я могу посѣтить Музафаръ-ша; оказалось, что онъ только-что потерялъ любимую свою жену, имѣвшую всего 16 лѣтъ отъ роду и что вмѣстѣ со всей семьей отправился хоронить ее въ селеніе Аваль. Сознаюсь, я, настроенный недовѣрчиво, думалъ, что это отговорка, съ цѣлью именно не допустить меня до свиданія съ нимъ, но на этотъ разъ я ошибся.

15-го іюля, послѣ обѣда, насъ пригласили въ садъ отъ имени Музафаръ-ша. Онъ не хотѣлъ принять насъ въ своемъ домѣ, вѣроятно не желая, чтобы мы видѣли его небогатую обстановку. Садъ былъ выбранъ отличный: онъ кончался отвѣснымъ обрывомъ къ руслу рѣки и на самомъ краю былъ выстроенъ домикъ съ галлереей, на которой и происходило свиданіе. Музафаръ-ша встрѣтилъ насъ при въѣздѣ въ садъ и меня провелъ на галлерею, а жену проводилъ въ прилегающую комнату, гдѣ находилась мать умершей его жены. Я сейчасъ же услыхалъ оттуда раздирающіе крики: это мать причитала по своей только-что схороненной дочери. Лицо ея было страшно обезображено глубокими царапинами, покрытыми запек-

шейся кровью. Жена моя тоже была въ непріятномъ положеніи, не имѣя возможности ни единымъ словомъ выразить свое соболѣзнованіе; замѣшательство ея еще болѣе увеличивали разные подарки, которые она привезла съ собой для женской части дома ша, полагая, что онъ насъ приметъ въ своемъ домѣ.

Музафаръ-ша оказался здоровеннымъ дѣтиной огромнаго роста, 34 лѣтъ, смуглый, съ окладистой черной бородой; въ шелковомъ халатѣ на каракулькѣ (мерлушкѣ), въ туфляхъ на босу ногу, онъ мало походилъ на другихъ правителей средне-азіятскихъ, которыхъ мнѣ случалось видѣть. Грубость, впрочемъ, довольно добродушная, рѣзкость въ манерахъ, свободное отступленіе отъ общепринятаго у такихъ особъ этикета, заключающагося въ молчаніи и неподвижности, показывали, что человѣкъ этотъ выросъ и развился въ странѣ съ нѣсколько иными условіями.

Я началъ разговоръ съ выраженія участія къ постигшимъ его несчастіямъ и выразилъ надежду, что все это можетъ еще измѣниться; затѣмъ высказалъ, что, пріѣхавъ въ Учъ-курганъ, я не могъ отказаться отъ удовольствія посѣтить его; въ подарокъ я передалъ ему серебряные часы.

Самое интересное, что я отъ него узналъ, это былъ довольно длинный списокъ его предковъ, царствовавшихъ прежде въ Каратегинѣ; къ сожалѣнію, онъ былъ потомъ потерянъ и у меня сохранилась неполная копія [1]). При этомъ оказалось, что Дарвазъ и Каратегинъ прежде составляли одно владѣніе и стали управляться разными владѣтелями только послѣ того, какъ какой-то ша раздѣлилъ свое царство между двумя своими сыновьями. Къ сожалѣнію ни ша, ни бывшій тутъ же его секретарь, мирза (самъ ша, кажется, не умѣетъ писать) не могли сообщить мнѣ какихъ-либо историческихъ данныхъ, а сказали только, что въ древности страна ихъ называлась Ягапа [2]) и свѣдѣнія о ней можно найти въ книгахъ: Раузатъ Софа и Тарехи Гюзиде.

Что касается до топографіи, то я узналъ ее въ самыхъ общихъ чертахъ; полученныя свѣдѣнія я включу въ дѣлаемый ниже общій очеркъ Каратегина, а здѣсь сообщу, какъ Музафаръ-ша изобразилъ отношеніе Каратегина къ сосѣднимъ владѣніямъ. Ударивъ себя по груди, онъ сказалъ, что это Каратегинъ, правая рука будетъ Мача, лѣвая—Дарвазъ; правая нога — Гиссаръ, лѣвая — Кулябъ. «Голова — Кокапъ», сказалъ онъ послѣ нѣкоторой паузы. Относительное положеніе названныхъ странъ совершенно вѣрно выражается приведенной схемой; что же касается до Кокана, какъ головы, то, мнѣ кажется, онъ привелъ это сравненіе не безъ желанія заявить при кокапцахъ свои вѣрноподданническія чувства. Каратегинъ, какъ извѣстно, въ теченіи послѣднихъ 50 лѣтъ, былъ въ вассальной зависимости отъ коканскихъ хановъ и ша хотѣлъ дать понять, что онъ признаетъ это положеніе и находитъ его совершенно естественнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ намекнулъ, что для этой головы Каратегинъ составляетъ необходимую часть, сердце организма.

Попытка получить болѣе точныя свѣдѣнія о границахъ Каратегина съ сосѣдними владѣніями мнѣ не удалась. Казалось-бы, государю страны нужно было бы знать ея пограничные пункты, но отвѣты ша были очень неопредѣленны. О границѣ съ Бухарой онъ сказалъ,

---

[1]) Вотъ она: Музафарь-ша, Абуль-Азизъ-ханъ, Паякъ-ша, Зумбра-ша, Ша-Абду-Наби, Мусаммиръ-ханъ, Шандарвазъ, Ша-киргизъ, Хась-Искандеръ, Шамухъ-ша, Ша-туркъ, Измаилъ-ханъ, Ибраимъ-ханъ, Ша-тутъ, Шан-дарвазъ.

[2]) Такимъ образомъ устраняется противорѣчіе, что страна, сохранившая первоначальное арійское населеніе (таджиковъ или гальчу), называется тюркскимъ словомъ (кара—чисто тюркское слово). Не безынтересно также, что весьма сходно съ Ягана называется страна и рѣка въ бассейнѣ Заравшана: Ягнау или Ягнобъ, которая прежде, кажется, и принадлежала Каратегину. Возможно, что и самая приставка кара дана для отличія отъ Заравшанской Ягнау. А. Ф.

что при немъ пограничнымъ пунктомъ было мѣстечко Ходжа-Болои-ансари, но что теперь это измѣнилось. Такъ какъ противникъ Музафаръ-ша, его родной племянникъ Рахимъ-ша, по прозванію Пучукъ (курносый), завладѣлъ Каратегиномъ при помощи бухарцевъ, то возможно, что онъ уступилъ часть территоріи бухарцамъ, именно гиссарскому беку Якубу, своему главному помощнику и другу.

Не лишены интереса были замѣчанія Музафаръ-ша о Памирѣ. Онъ, можно сказать, съ презрѣніемъ отнесся къ нему: «и что вы такъ распрашиваете объ этакомъ дурномъ мѣстѣ», сказалъ онъ, когда мои оживленные распросы начали ему повидимому надоѣдать. Очевидно, онъ привыкъ измѣрять значеніе мѣстности по ея доходности, и далекъ былъ отъ тѣхъ увлеченій, которыя одно слово Памиръ вызываетъ во всѣхъ занимающихся изученіемъ Средней Азіи. Отъ него я, впрочемъ, узналъ,что Памировъ два, Памиръ-Калянъ (большой) и Памиръ-Хурдъ (малый), что величина перваго почти вдвое больше Памиръ-Хурда; онъ сообщилъ, что, кромѣ нихъ, въ тѣхъ же мѣстахъ есть еще двѣ подобныя мѣстности: Шалы-пая и Кафирбача.

Про мѣстность, гдѣ находится Памиръ, онъ могъ сказать мнѣ только въ общихъ чертахъ, что она лежитъ въ горахъ Бамь-и-дунеа (что значитъ крыша міра). Такъ называется весьма обширная мѣстность отъ Тибета до Алая и потому указаніе ша было весьма неопредѣленно. Впрочемъ, отъ англійскихъ путешественниковъ мы знаемъ точно мѣста, занимаемыя Большимъ и Малымъ Памиромъ, и вопросъ только въ границахъ Большаго Памира и его отношеніяхъ къ сосѣднимъ, которыхъ послѣдній писатель по этому вопросу, г. Юль, насчитываетъ, кромѣ двухъ названныхъ, еще четыре (Памиръ алихуръ, Памиръ харгоши (заячій), Памиръ Саресъ и Памиръ Рангъ-Куль), не считая Памира Тагдумбаша, въ связи котораго съ собственнымъ Памиромъ сомнѣвается г. Юль [1]).

Вообще разговоръ трудно было вести, не затрогивая разныхъ щекотливыхъ вопросовъ и я безъ того уже перешелъ границы обычныхъ въ такихъ случаяхъ разговоровъ. Но видно было, какая злоба поднималась въ ша, когда упоминалось имя его счастливаго соперника Рахима. Онъ, впрочемъ, отзывался объ его способностяхъ съ презрѣніемъ. При этомъ мы припомнили эпизодъ изъ политической дѣятельности Рахима: когда русскіе завладѣли Самаркандомъ, бухарскія власти бѣжали и изъ горныхъ областей по Заравшану и Музафаръ отправилъ занять оставшееся вакантнымъ мѣсто правителя Мачи своего племянника Рахима. Первымъ его дѣломъ было послать въ Самаркандъ къ генералу Абрамову письмо, въ которомъ онъ заявлялъ, что ему, какъ потомку Александра Македонскаго (правители горныхъ областей Каратегина, Дарваза, Шугнана и Бадахшана считаютъ себя потомками этого завоевателя), принадлежатъ всѣ царства земли, и что поэтому онъ имѣетъ безспорное право на Самаркандъ и весь его округъ, но что, желая жить съ русскими въ дружбѣ, онъ будетъ удовлетворенъ, если ему отдадутъ Пянджикентъ съ его округомъ. Музафаръ-ша, узнавъ о такомъ поступкѣ своего племянника, написалъ тогда извинительное письмо и просилъ не обращать вниманія на то, что будетъ писать «глупый», какъ онъ выразился, Рахимъ. Письмо Музафара было доставлено въ Самаркандъ каратегинскими посланными и свѣдѣнія, полученныя отъ этихъ послан-

---

[1]) Въ 1874 г., уже по смерти А. П. Федченко, Памиры большой и малый были посѣщены нѣсколькими членами Форситовой Миссіи въ Кашгаръ, на пути изъ Кашгара въ Кила пянджъ и обратно. См. Proceedings of the R. Geogr. Soc. Vol. XVIII. № IV. 1874. Ред.

ныхъ, доставили матеріалъ для замѣтки о Каратегинѣ, напечатанной генераломъ Абрамовымъ въ «Извѣстіяхъ Географическаго Общества».

Изъ остальной семьи Музафара я видѣлъ еще маленькаго, лѣтъ шести, сына. Хотя онъ могъ уже отлично ходить, но не желалъ этого дѣлать, а если ему нужно было передвинуться, то вскакивалъ на спину своего дядьки и заставлялъ себя нести, куда ему нужно. Дядька относился къ нему съ величайшей нѣжностью и съ гордостью разсказалъ мнѣ, что онъ спасъ своего воспитанника: вынесъ его изъ Гарма, когда на эту столицу Каратегина напалъ Сарыханъ Кулябскій.

Визитъ нашъ продлился далеко за время вечерняго намаза, а на завтра былъ джума, недѣльный праздникъ, такъ что Музафаръ подъ конецъ намекнулъ даже, что ему пора молиться. Я видѣлъ, что пора убираться, хотя о многомъ хотѣлось еще спросить.

Здѣсь кстати будетъ сообщить, какимъ образомъ Музафаръ потерялъ свои владѣнія и Каратегинъ изъ вассала Кокана сталъ вассаломъ Бухары.

Въ 1869 году посольство кашгарскаго правителя Якубъ-бека возвращалось изъ Бухары въ Кашгаръ; такъ какъ дорога черезъ Коканское ханство и перевалъ Терекъ была для него закрыта, то посольство имѣло въ виду прослѣдовать черезъ каратегинскія владѣнія. Между тѣмъ объ этомъ узнало коканское правительство; нужно замѣтить, что коканскій ханъ до послѣдняго времени считалъ (можетъ быть, считаетъ и теперь) Якубъ-бека своимъ вассаломъ и высказывалъ надежду, что Якубъ-бекъ одумается и подчинится коканскому правительству. Основанія у хана были слѣдующія: Якубъ-бекъ былъ посланъ въ Кашгаръ коканскимъ правительствомъ, именно бывшимъ правителемъ Алимкуломъ, и слѣдовательно, результатъ дѣятельности Якубъ-бека, по мнѣнію хана, принадлежитъ коканскому правительству. Но такъ какъ Якубъ-беку повезло, онъ сталъ очень силенъ, то хану нельзя было и думать о принужденіи его силой признать свои права, а оставалось только надѣяться, что Якубъ-бекъ самъ признаетъ верховенство Кокана [1]). Между тѣмъ отношенія были натянуты (точнѣе ихъ почти вовсе не существовало). Права Якубъ-бека имѣть внѣшнія сношенія, посылать посольства, ханъ, разумѣется, не признавалъ, и, узнавъ, что кашгарскіе посланники находятся въ Гармѣ, потребовалъ, чтобы Музафаръ-ша выслалъ ихъ въ Коканъ. Какъ вассалу Кокана, Музафару оставалось только исполнить волю хана, но онъ сдѣлалъ это не безъ колебанія, чѣмъ съ одной стороны далъ возможность посламъ спастись, а съ другой—возстановилъ противъ себя хана.

Спаслось же посольство, благодаря вмѣшательству кулябскаго бека Сарыхана. Другъ Якубъ-бека, много помогавшій ему въ Кашгарѣ при борьбѣ съ китайцами, Сарыханъ поспѣшилъ къ Гарму и безъ особаго труда взялъ его. Ша и его семейство поспѣшно бѣжали въ Коканъ. Сарыханъ въ это время представлялъ въ бассейнѣ верхняго Аму значительную

---

[1]) Самъ Якубъ бекъ повидимому допускаетъ, что взглядъ хана имѣетъ нѣкоторыя основанія, какъ показываютъ обстоятельства, сопровождавшія заключеніе трактата между русскими и Якубъ-бекомъ (въ 1872 г.): въ Ташкентѣ было получено письмо какого-то знатнаго кашгарца къ его знакомому; въ этомъ письмѣ сообщалось о желаніи Якубъ-бека войти въ хорошія отношенія, удовлетворить ихъ желанія и заключить трактатъ; все это было написано какъ будто лицомъ, хорошо знакомымъ съ мыслями Якубъ-бека, хотя и не по порученію правителя; въ концѣ была приписка, что напрасно русскіе не пришлютъ уполномоченное лицо въ Кашгаръ, а сообщаютъ свои желанія чрезъ посредство коканскаго посланника; такъ какъ заключеніе трактата при посредствѣ коканскаго правительства для Якубъ бека не удобно. Къ письму была приложена печать упомянутаго частнаго лица; между тѣмъ это лицо, по несомнѣннымъ свѣдѣніямъ, находилось въ Меккѣ и разныя обстоятельства заставляли предполагать, что письмо идетъ отъ самаго Якубъ-бека. Тогда то и было послано въ Кашгаръ русское посольство съ г. Каульбарсомъ во главѣ, послѣдствіемъ чего было заключеніе торговаго трактата съ кашгарскимъ правительствомъ. А. Ф.

силу: покорный сначала бухарскому эмиру, даже получившій отъ него титулъ аталыка (правитель, регентъ, высшій чинъ у бухарцевъ и коканцевъ), былъ за что-то лишенъ своихъ владѣній эмиромъ и бѣжалъ въ Кашгаръ, но, пользуясь ослабленіемъ эмира послѣ неудачной войны съ русскими, онъ въ 1868 или 1869 году явился въ свой родной Кулябъ и затѣмъ вытѣснилъ бухарцевъ и изъ Гиссарскаго бекства.

Возможно, что онъ хотѣлъ воспользоваться освобожденіемъ кашгарскаго посольства только какъ предлогомъ для подчиненія себѣ и Каратегина. Съ Музафаръ ша онъ справился легко, но когда пришли на помощь коканскія войска подъ начальствомъ Ширали, то кулябцы быстро удалились, тѣмъ болѣе, что и бухарцы отнимали у него въ это время занятыя провинціи [1]).

Ширали былъ назначенъ ханомъ въ правители Каратегина, а Музафаръ-ша былъ оставленъ въ Коканѣ и затѣмъ поселенъ въ Учъ-курганѣ.

Ширали недолго удержался въ Гармѣ. Въ ту же зиму онъ былъ выгнанъ каратегинцами, получившими помощь отъ бухарскаго бека Якуба, управляющаго Гиссарской провинціей. Ша былъ провозглашенъ Рахимъ-пучукъ, племянникъ Музафара.

Легкость, съ которою Ширали былъ выгнанъ, объясняли мнѣ тѣмъ, что онъ, въ противность указаніямъ хана, отпустилъ большую часть коканскаго войска, такъ какъ онъ долженъ былъ во время нахожденія войска въ Каратегинѣ содержать его на счетъ доходовъ бекства. Онъ же предпочелъ класть эти доходы въ карманъ, не сознавая, что расходы на коканское войско составляютъ совершенно необходимыя «издержки взиманія».

Во время этой борьбы самъ Ширали попался въ плѣнъ, былъ увезенъ въ Бухару и вернулся въ Коканъ только благодаря вмѣшательству русскихъ. Теперь онъ занимаетъ при ханѣ прежнюю должность—начальника кавалеріи. Послѣ этого коканцами была сдѣлана еще неудачная попытка выгнать Рахимъ-ша и возстановить Музафара: небольшая партія подъ начальствомъ Булатъ-датхи, въ которой былъ и Музафаръ, пыталась проникнуть въ Каратегинъ изъ Алая (Ширали шелъ черезъ Караказукъ). Партія была не велика, всего человѣкъ сто; предполагалось, что присутствіе Музафара привлечетъ къ ней каратегинцевъ; однако кончилась эта попытка еще менѣе удачно: съ перваго же ночлега отважные всадники, услыхавъ топотъ приближающихся каратегинцевъ, вскочили на коней и прискакали въ курганъ, находящійся на Алаѣ. Начальникъ этого кургана, Измаилъ-токсаба, безъ смѣха не могъ мнѣ разсказывать объ этомъ бѣгствѣ храбрецовъ. Впрочемъ, едвали бы привела къ другому результату и бо́льшая отважность: Музафаръ-ша, какъ мнѣ говорили, не пользуется любовью каратегинцевъ: очень ужъ деньги любилъ наживать, и этимъ объясняется, почему онъ оставилъ Гармъ при первомъ слухѣ о приближеніи кулябцевъ: онъ спѣшилъ увезти свои сокровища.

Послѣ этого коканцы стали готовиться къ серьёзному походу, а каратегинскій правитель заручился серьёзнымъ содѣйствіемъ бухарцевъ: борьба перешла бы въ войну между Бухарой и Коканомъ. Но всѣ приготовленія были оставлены коканцами по совѣту Туркестанскаго генералъ-губернатора: онъ сказалъ коканскому посланнику, что не желаетъ, чтобы мусульмане проливали кровь другъ друга, что много было уже ея пролито (Бухара и Коканъ находились почти постоянно въ войнѣ). Слова эти были сказаны нашему вожаку ка-

[1]) Затѣмъ Сарыханъ долженъ былъ бѣжать въ Афганистанъ и Кулябъ былъ снова присоединенъ къ Бухарскому ханству. А. Ф.

раулъ-беги и онъ не могъ безъ умиленія передавать ихъ: «святыя слова», повторялъ онъ; очевидно, ему не приходилось слышать въ своемъ кружкѣ ничего подобнаго.

Въ Учъ-курганѣ почти все мое время было занято сборами къ путешествію на Алай. Я встрѣтился здѣсь съ юзъ-баши завѣдующимъ дорогой и получилъ отъ него свѣдѣнія о пути, который туда ведетъ и о томъ, что никакихъ непріятелей нѣтъ. Попытка моя подговорить его вести насъ въ Алай не удалась: онъ указывалъ на необходимость имѣть на то согласіе Маргланскаго бека. Я писалъ беку, но въ ожиданіи отвѣта все-таки прошло три дня. Наконецъ 16 іюля прибылъ изъ Маргилана Нуръ-Магометъ-мирахуръ съ письмомъ Султанъ-Мурада, который писалъ, что мирахуръ будетъ сопровождать насъ въ Алай. Въ тотъ же день пріѣхало нѣсколько джигитовъ изъ Кокана отъ мехтера на усиленіе нашего конвоя; въ привезенномъ ими письмѣ мехтера я прочелъ, что если караулъ-беги дѣйствительно заболѣлъ, то разрѣшить ему отправиться въ Коканъ. Такъ мы и разстались съ нимъ.

Отдѣливъ нужную часть багажа и сдѣлавъ разные запасы, мы рано утромъ, 17 іюля, выступили вверхъ по Исфайрамскому ущелью; остальныя вещи мы отправили на арбахъ въ Ошъ. Завѣдываніе движеніемъ арбъ я поручилъ главному ташкентскому джигиту Байтурсуну. Мирза Едгаръ отправился съ нами; онъ теперь, согласно письму мехтера, сдѣлался начальникомъ бывшихъ при мнѣ кокапскихъ джигитовъ. Онъ прежде всегда смѣялся надъ трусостью караулъ-беги и съ участіемъ выслушивалъ мои сѣтованія на нежеланіе Карима ѣхать туда и туда. «Вотъ еслибы я», постоянно заканчивалъ онъ.—Ну, теперь вы начальникъ конвоя,—поздравилъ я его,—значитъ, мы всюду поѣдемъ.—«Куда велите», отвѣтилъ онъ.

МАРШРУТЪ
отъ Учь кургана чрезъ Алай въ Ошъ и Гульшу
въ Іюлѣ
и Августѣ мѣсяцѣ 1871 года.
Масштабъ въ англійскомъ дюймѣ заключаетъ
А. ФЕДЧЕНКО.
Ошъ
2920
Учь курганъ
3100
Терекъ-Даванъ
Перевалъ въ Китаѣ
Объясненіе знаковъ.
Городъ
Большое селеніе
Селеніе съ базаромъ
Селеніе
Селеніе киргизъ
Пограничный кордонъ
Ночлегъ
Ставъ
Перевалъ
Курганъ
Мостъ
Путь экспедиціи
дорога вьючная
дорога колесная
Киргизскія кибитки
Кладбище и мѣстный святой
Курганъ
9100
Гульча
7200
6800
4440
Укмакъ
Карасуйскій
Кашгаръ
Терекъ-Даванъ
Перевалъ въ Китаѣ
N
S

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ВЪ АЛАЙ.

Цвѣтъ воды въ рѣкѣ.—Исфайрамское ущелье.—Граница кустарниковъ.—Буря.—Ужасная дорога.—Лангаръ.—Чортова дорога.—Осыпи.—Чатъ.—Рават.—Тенгизъ-бай.—Перевалъ.—Видъ на Заалайскія горы.—Спускъ.—Пріѣздъ на Сурхабъ.—Измаилъ токсаба.—Поѣздки по Алаю.—Форель; чій.—Характеръ Алая.—Окружающія его горы.—Заалайскія горы.—Истоки Кизилъ-су; р. Сурхабъ; отношенія ея къ другому истоку Аму-дарьи — р. Пянджъ. — Населеніе Алая. — Земледѣліе въ Алаѣ.—Флора и фауна Алая.—Водораздѣлъ не составляетъ границы.—Замѣчанія объ естественныхъ границахъ въ Средней Азіи.—Замѣчанія о неизслѣдованной странѣ въ верховьяхъ Аму-дарьи.—Орографическія замѣчанія.—Нагорная Азія.—Фауна нагорной Азіи; распространеніе тяньшанскихъ формъ до Гималаевъ.—Отъѣздъ изъ Алая.

При выѣздѣ изъ Учъ-кургана меня заняла болѣе всего вода въ рѣкѣ. Она живо напомнила мнѣ разсказъ о «кровавой водѣ». Дѣло въ томъ, что при нашемъ пріѣздѣ въ Учъ-курганъ вода въ рѣкѣ и отведенныхъ изъ ней арыкахъ была темная, грязная, какъ въ большинствѣ другихъ рѣкъ. На другой день утромъ вода въ протекавшемъ черезъ нашъ садъ арыкѣ сдѣлалась ярко-красною и при отстаиваніи давала обильный осадокъ того же цвѣта. Затѣмъ я могъ наблюдать въ теченіе дня самые разнообразные оттѣнки, болѣе или менѣе приближавшіеся къ первоначально-видѣнному мною сѣрому цвѣту. При выѣздѣ изъ города я убѣдился, что цвѣтъ воды зависѣлъ не отъ мѣстныхъ причинъ; вода въ самой рѣкѣ была того же цвѣта и сохраняла его во все время, какъ мы ѣхали вдоль рѣки, представляя лишь колебанія въ оттѣнкахъ.

Распросы сопровождавшихъ насъ туземцевъ не дали объясненій. Уже позже я убѣдился, что причина такихъ рѣзкихъ измѣненій въ цвѣтѣ находится въ самыхъ истокахъ рѣки. Ручьи, изъ которыхъ она составляется, протекаютъ черезъ глины разныхъ цвѣтовъ: желтыя, красныя, сѣрыя и т. д. Размывая ихъ, ручьи окрашиваются въ красный, или желтый, или какой-либо иной цвѣтъ. Величина разныхъ ручьевъ различна не только въ разные часы дня, но и въ разные дни: одни достигаютъ наибольшей силы въ началѣ іюля, другіе во второй половинѣ этого мѣсяца. Это зависитъ отъ того, на какой высотѣ лежатъ главныя снѣговыя массы, питающія ихъ; въ какомъ положеніи эти массы находятся относительно меридіана, въ какой степени онѣ закрыты отъ дѣйствія солнечныхъ лучей сосѣдними скалами, горами и т. д. Сумма всѣхъ этихъ мелкихъ особенностей между тѣмъ выражается весьма рѣзко въ цвѣтѣ воды.

Вскорѣ послѣ выѣзда изъ Учъ-кургана мы въѣхали въ горы. Хотя подъемъ и былъ

сдѣланъ нами очень незначительный, но уже можно было удобно разглядѣть мѣстность, въ которой лежитъ Учъ-курганскій оазисъ. Онъ расположенъ въ широкой лощинѣ, идущей съ востока на западъ. На сѣверѣ лощина ограничена очень ясно выраженною продольною грядою, хотя не очень высокою, но все-таки имѣющею высоту очень большую, сравнительно съ съ тѣми холмами, которые я видѣлъ на меридіанѣ Вадиля. Тамъ ровная часть Ферганской долины имѣла наибольшую ширину 85 верстъ, даже около 100 верстъ, такъ какъ холмы между Маргляномъ и Вадилемъ весьма низки. Чѣмъ далѣе на востокъ, тѣмъ долина дѣлается уже: сѣверныя горы спускаются болѣе къ югу, а передовыя гряды южныхъ выдвигаются далѣе къ сѣверу. Притомъ эти передовыя гряды дѣлаются и массивнѣе и выше.

Рѣка выходитъ изъ Учъ-курганской лощины черезъ щель, промытую въ передовой грядѣ, на открытое мѣсто нѣсколько восточнѣе Маргляна; часть этого города или ближайшія къ нему деревни должны получать воду и изъ этой рѣки (главную же воду Марглянъ получаетъ изъ Шахимарданской рѣки). Затѣмъ вода рѣки Исфайрамъ орошаетъ поля множества поселеній, лежащихъ между Маргляномъ и Ассаке.

Не лишено интереса то обстоятельство, что Учъ-курганъ лежитъ выше большей части пунктовъ Вадильской котловины, и между ними нѣтъ значительнаго водораздѣла. Если мои наблюденія не были достаточно точны, чтобы показать существующую небольшую разницу между Вадилемъ и Учъ-курганомъ, то все-таки разница эта ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть велика. Если же рѣка не сливается съ Шахимарданской, а выходитъ на плоскость Ферганы чрезъ самостоятельную щель, то это зависитъ отъ того, что она течетъ въ очень глубокихъ берегахъ, въ трещинѣ. Эта трещина по всей вѣроятности примитивная, образовавшаяся при подъемѣ горныхъ массъ и съ тѣхъ поръ только расширенная и углубленная дѣйствіемъ воды.

Тотъ же характеръ теченія на днѣ глубокой щели рѣка сохраняла и на протяженіи всего пути нашего въ этотъ день, т. е. 20 верстъ. Сходство съ Заравшаномъ сильно бросалось въ глаза, хотя тамъ долина продольная, а Исфайрамъ течетъ по поперечной. И здѣсь, и тамъ къ руслу рѣки то примыкали скалистыя горы, то, отходя отъ него, уступали мѣсто обширнымъ площадкамъ.

Первыя горы мы встрѣтили уже на четвертой верстѣ отъ Учъ-кургана. Онѣ такъ близко подходили къ рѣкѣ, что едва оставалось мѣсто для дорожки. Мѣсто это было защищено довольно еще свѣжимъ заваломъ: были наложены поперекъ щели большіе камни. Завалы сдѣланы на обоихъ берегахъ рѣки, хотя по правому нѣтъ и дороги. Но дѣло въ томъ, что изъ-за завала праваго берега удобно обстрѣливается подступъ къ стоящему поперекъ дороги. Приспособленіе сдѣлано мастерски и при такомъ оружіи, какимъ обладаютъ туземцы—это укрѣпленіе положительно неприступно. Оно было устроено во время послѣднихъ междоусобій въ ханствѣ, и мнѣ разсказывали, что нѣсколько засѣвшихъ тутъ киргизовъ отразили ханскій отрядъ. Для киргизовъ это укрѣпленіе очень важно, потому что выше его находится чисто киргизская территорія. Неговоря о пастьбищахъ, всѣ поля и вообще плантаціи, видѣнныя нами, принадлежатъ уже киргизамъ, и, прибавлю, носятъ киргизскій характеръ: это все одиночно стоящіе курганчи съ нѣсколькими деревьями, разбросанными кругомъ полями, между которыми оставлено много залежи для пастьбы скота зимой. Таковы Чавай, видѣвшійся въ боковой лощинѣ праваго берега и Акъ-тирякъ, лежавшій на лѣвомъ берегу.

Проѣхавъ Акъ-тирякъ, мы вступили въ болѣе узкую часть ущелья. Скалистыя горы под-

ходили довольно близко къ рѣкѣ, но все же оставляли еще довольно мѣста для полей, хотя и небольшихъ. Конечно, для того, чтобы посѣять что-нибудь, потребовалось очистить почву отъ массы камней, которые тутъ же недалеко были сложены большими кучами. Горы были скалисты и не доступны, что́ очень выгодно для опредѣленія нижней границы кустарниковъ: во-первыхъ, горы здѣсь представляли очень удобныя мѣста для кустарной растительности, а во-вторыхъ дали возможность кустамъ сохраниться очень низко отъ истребленія ихъ человѣкомъ. Нижняя граница кустарниковъ опредѣлилась въ 3150′. То были: Caragana и Rosa; позже къ нимъ прибавилось еще нѣсколько, и вблизи нашего ночлега мы видѣли также и нѣсколько древесныхъ формъ: тополь, клепъ, Prunus.

Къ вечеру мы пріѣхали къ пограничному караулу: въ кибиткѣ жило нѣсколько джигитовъ, наблюдавшихъ за проѣзжающими. Собственно останавливаться было рано, мы могли проѣхать еще нѣсколько верстъ; но наши джигиты стали упрашивать, чтобъ мы ночевали близъ караула, указывая, что здѣсь можно добыть у окрестныхъ киргизъ корма для лошадей, дженушки (люцерны). Дальше же, говорили они, мы не встрѣтимъ ни одной души, и даже негдѣ будетъ остановиться, такъ какъ мы не найдемъ ни одной ровной площадки. Я, впрочемъ, былъ потомъ очень благодаренъ за эту остановку. Вскорѣ по приходѣ вьюковъ началась гроза, сопровождавшаяся страшными порывами вѣтра изъ ущелья. Палатку мою чуть не сорвало; я едва успѣлъ схватить повѣшенный барометръ и передать въ руки женѣ, и, при помощи прибѣжавшихъ джигитовъ, укрѣпить палатку, перекинувъ черезъ нее добавочныя веревки. Палатку же препаратора сорвало и она повалилась на него. Вмѣстѣ съ тѣмъ пошелъ проливной дождь. Палатки наши протекли; хотя туземныя палатки довольно прочны, но наши были уже довольно истрепаны: купленныя старыми, онѣ ѣздили съ нами уже третій годъ. Ночь мы провели, можно сказать, въ водѣ. Гроза была одна изъ самыхъ сильныхъ, когда-либо мною видѣнныхъ. Близость горъ увеличивала силу раскатовъ грома. Я люблю грозу, съ наслажденіемъ слушаю разряды электричества, но въ этомъ случаѣ положеніе было не совсѣмъ пріятное. Гроза и дождь продолжались почти до разсвѣта.

На слѣдующій день почти отъ самаго ночлега началась прескверная дорога и мнѣ пришлось убѣдиться, что до Лангара дѣйствительно нѣтъ ни одной площадки, которая была бы удобна для остановки нашей партіи. Дорога шла то правымъ, то лѣвымъ берегомъ, переходя черезъ рѣку по мостикамъ, которыхъ до Лангара около дюжины. При этомъ путь затруднялся еще постоянными подъемами и спусками по прибрежнымъ крутизнамъ. Въ двухъ мѣстахъ проходъ возможенъ только, благодаря искусственнымъ приспособленіямъ. Первое находится верстахъ въ пяти отъ караула: дорога идетъ по широкому руслу рѣки по западной ея сторонѣ; чтобы защитить дорогу отъ разливовъ рѣки и направить ее по восточной части русла, устроена обширная плотина изъ камней, скрѣпленныхъ деревомъ; бурная рѣка проносится такимъ образомъ, не заливая дороги. Второе приспособленіе еще смѣлѣе: къ отвѣсному почти утесу пристроенъ узкій карнизъ, заплескиваемый водой. Вообще видно, что дорога, хотя трудная и теперь, сильно разработана вѣроятно киргизами, которымъ необходимо было проходить въ Алай. Дѣйствительно, дорога эта должна быть для нихъ очень важна уже потому, что перевалъ на ней въ Алай самый низкій, всего 11800′. За то добраться до него нелегко даже и при исправленной дорожкѣ. Прежняя дорога мѣстами шла по другому берегу, гдѣ теперь еще виднѣется слѣдъ ея, хотя большая часть ея осыпалась. Она была про-

ведена еще смѣлѣе: не спускаясь къ рѣкѣ и не обходя отвѣсныхъ стремнинъ, она только огибала выступы голыхъ скалъ, лѣпясь по прилегающимъ къ скаламъ наносамъ.

При впаденіи въ Исфайрамъ р. Сурматаша намъ предстоялъ бродъ черезъ эту послѣднюю и притомъ довольно глубокій. Въ мѣстѣ соединенія этихъ двухъ рѣкъ находится обширная площадка, вся усыпанная галькой; нельзя сомнѣваться, что тутъ прежде было озеро.

Отъ этого мѣста началась дорога еще болѣе адская. Крутые склоны горъ вплоть до самой рѣки были покрыты огромными угловатыми обломками скалъ. Дорожка шла между ними: лошади постоянно скользили, зацѣплялись за скалы, и нѣсколько разъ даже вязли задними ногами между камней. Растительность была самая скудная; еще около рѣки стояло нѣсколько деревьевъ, по преимуществу тополей. Тутъ была встрѣчена весьма интересная птица Myophone Temminckii, попадавшаяся уже прежде. Величиной она съ галку, имѣетъ темносиній цвѣтъ съ металлическими отливами, и вообще напоминаетъ тропическихъ птицъ. Дѣйствительно, она и живетъ главнымъ образомъ въ горахъ жаркихъ странъ, въ Гималаяхъ и на островѣ Явѣ. Въ Тянь-шанѣ же страннымъ образомъ гнѣздится въ ущельяхъ на значительной высотѣ (около 5—7000′).

Приближаясь къ Лангару, мы должны были сдѣлать значительный подъемъ все по той же дорогѣ, усѣянной обломками скалъ. За то какъ же отраденъ былъ для взгляда видъ открытой площадки Лангара. Площадка эта не велика, въ ширину всего какихъ-нибудь 50—60 саженъ, въ длину до 2 верстъ. Но покрытая травой невысокой, но всегда сочной, она представляетъ весьма важную станцію для проѣзжающихъ и для перекочевывающихъ киргизовъ: есть чѣмъ покормить скотъ. Только въ топливѣ большой недостатокъ; вблизи давно все уже вырублено и за дровами нужно карабкаться на горы.

Ночлегъ въ Лангарѣ былъ очень неблагопріятенъ; вьюки были задержаны трудной дорогой и не пришли къ ночи. Напрасно прождавъ до полуночи, мы рѣшились заснуть, какъ можно лучше пользуясь тѣмъ, что́ было съ нами. А взято было у меня съ женой, подъ вліяніемъ вчерашней грозы, по непромокаемому гуттаперчевому пальто и больше ничего. Конечно, отъ холода оно нисколько не защищало, но, завернувшись въ него, мы спаслись отъ сырости: весь Лангаръ мѣстность очень мокрая. Огня порядочнаго развести было нельзя, потому что, пріѣхавъ поздно, мы не могли набрать дровъ и пришлось довольствоваться какой-то засохшей травой, случившейся по близости. Къ счастью, не было ни дождя, ни особеннаго холода, хотя мы были уже на значительной высотѣ, около 6500′.

Слѣдующій день, 19 іюля, началось томительное ожиданіе вьюковъ. Отъ разсвѣта прошло столько времени, что порядочныя вьючныя лошади успѣли бы сдѣлать весь пройденный нами наканунѣ путь (18 верстъ). Наконецъ показались вьюки, но—увы!—не наши. Проѣзжалъ въ Алай торговецъ изъ Андиджана съ товарами. Отъ него мы узнали, что наши вьюки задержаны тѣмъ, что одна лошадь свалилась въ рѣку и нашакчи занятъ спасеніемъ вьюка и лошади. Я немедленно послалъ джигитовъ на помощь, а самъ занялся хожденіемъ по Лангару въ надеждѣ найти что-нибудь.

Нужно сказать, что хотя Лангаръ и очаровываетъ съ перваго раза, но даетъ весьма мало; голая, усыпанная щебнемъ площадка, несомнѣнно дно прежняго озера, она покрыта низкой дерновой растительностью. Наканунѣ, когда мы пріѣхали, летала пара характерныхъ куликовъ (Ibidorhynchus Struthersii), но напуганная неудачными выстрѣлами быстро оставила площадку.

Въ ручьяхъ, которые въ изобиліи находились близъ рѣчки, попалась любопытная форма червей, такъ-называемая вѣтвисто-кишечная планарія (Dendrocoela). Она ползала во множествѣ по песчаному дну ручьевъ, незамѣтными сокращеніями передвигая свое удлиненно-овальное тѣло, съ головкой, вытянутой въ боковые отростки. Эта планарія или форма очень близкая къ ней попадалась мнѣ прежде въ горныхъ ручьяхъ по Заравшану.

Изъ насѣкомыхъ еще предыдущимъ вечеромъ встрѣтилась весьма любопытная форма: сѣтчатокрылое изъ семейства муравьевъ львовъ, принадлежащее къ роду Idricerus [1]), недавно описанному, изъ сѣверной Индіи. Форма эта попадалась и прежде въ горахъ по Заравшану (именно близъ Фанъ-сарвады и Искандеръ-куля) и распространеніе ея повидимому ограничивается высотами въ 5—7000′. Животное это сумеречное, днемъ оно сидитъ въ тѣни на скалѣ, крышевидно сложивъ крылья, а въ сумерки налетаетъ на огонь. Послѣ долгихъ ожиданій, наконецъ, появились наши вьюки; оказалось, что бѣда была не велика: ничего не было испорчено пребываніемъ въ водѣ, а только кое-что подмокло. Но за то исчезли снопы люцерны, которые нѣкоторыми изъ нашихъ спутниковъ были захвачены съ предыдущаго ночлега. Ишакчи скормилъ ихъ своимъ лошадямъ, ссылаясь на то, что ночь его застигла среди голыхъ кампей.

Давъ небольшой отдыхъ вьючнымъ лошадямъ, мы отправились дальше. Въ концѣ Лангара мы нашли лучшую растительность, и главное, довольно деревьевъ. Дорога была сначала превосходная, но очень скоро замѣнилась самою ужасною: рѣка была стѣснена скалами и для прохода устроенъ мостикъ на сваяхъ, одной стороной прилегающій къ скаламъ, а другой свѣшивающійся въ бушующую рѣку. Длина его почтенная, едвали меньше десяти саженъ. Послѣ моста скоро начинается крутой подъемъ, съ вершины котораго опять спускъ къ мостику, перекинутому черезъ рѣку. Отъ моста дорога нѣсколькими зигзагами опять поднимается на большую высоту надъ рѣкой. Мѣсто это называется Каракія. Кія туземцы называютъ такія мѣста, гдѣ дорога проходитъ по крутому склону надъ рѣкой въ видѣ узенькаго карниза; кара значитъ черный, дурной. Мнѣ кажется, въ настоящее время дорога въ этомъ мѣстѣ не вполнѣ подходитъ подъ понятіе Кія и по всей вѣроятности слово это осталось отъ прежняго направленія дороги, наполовину исчезнувшіе уже слѣды которой, полуобсыпавшіеся, виднѣются на лѣвомъ берегу рѣки на огромной высотѣ. Но если измѣнился характеръ дороги и способъ перехода черезъ трудное мѣсто, то трудности и даже опасности все-таки остались тѣже; спускъ къ мостику особенно опасенъ по своей крутизнѣ: я съ волненіемъ смотрѣлъ на спускавшіеся вьюки съ противоположнаго берега, тѣмъ болѣе, что хотя я и приказалъ, чтобы каждая лошадь была сведена въ одиночку подъ уздцы, но увидѣлъ, что имъ предоставляли спускаться самимъ. Для лошадей, привычныхъ къ горнымъ дорожкамъ, это дѣйствительно лучшій способъ, но если лошадь, хотя и привычная къ горамъ, идетъ по какой-либо дорожкѣ въ первый разъ, то ее очень соблазняютъ разныя боковыя тропинки, которыя вначалѣ дѣйствительно легче главной, но потомъ оканчиваются еще болѣе труднымъ мѣстомъ. Такъ было и здѣсь: одна изъ лошадей сошла съ дорожки и пошла косогоромъ. За ней пошелъ мальчикъ ишакчи и старался выгнать на главную дорогу; лошадь стала торопливо спускаться вкось по горѣ. Она отлично понимала, что быстрое движеніе было для нея единственнымъ спасеніемъ; остановись

[1]) Новый видъ, Idricerus sogdianus Mac-Lachlan. Описаніе (стр. 11) и рисунокъ (табл. I, рис. 8) его см. „Путешествіе въ Туркестанъ А. П. Федченко, Т. II, ч. 5, отд. 5. Сѣтчатокрылыя“. Ред.

она или иди она тихо, она не сохранила бы равновѣсія. Все окончилось, впрочемъ, благополучно и я оставилъ вьюки, приказавъ имъ идти какъ можно скорѣе.

Слѣдующая часть пути хотя и была удобнѣе, но почти сплошь каменистая; мѣстность была голая, почти лишенная растительности за исключеніемъ корявыхъ колючихъ кустарниковъ. Самый занимательный предметъ для наблюденія были осыпи, спускавшіяся съ огромной высоты. При этомъ оказался любопытный фактъ, что эти осыпи спускаются медленнымъ, незамѣтнымъ для глаза движеніемъ, которое однако обнаруживается тѣмъ, что отъ осыпи, мѣстами, преимущественно вверху, идетъ какъ бы дымъ. Это мелкая пыль поднимается въ воздухѣ. Я долго наблюдалъ и не замѣтилъ, чтобы сверху падали камни или землистая масса, а дымъ. т.-е. пыль все шелъ то усиливаясь, то ослабѣвая. Отъ вѣтра эта пыль не можетъ зависѣть: она несется почти прямо кверху и потомъ уже отклоняется немного въ сторону.

Дальше мы подъѣхали къ Чату. Такъ называется узкая щель, черезъ которую вырывается р. Исфайрамъ. Чатъ, какъ мнѣ говорили, называется мѣсто между ногъ, что-то въ родѣ паха, и этимъ словомъ обозначаютъ узкія, непроходимыя ущелья. Для обозначенія же большихъ ущелій употребляется слово дагана; впрочемъ, другіе поясняли, что дагана называютъ только начало ущелья, входъ въ него, но это почти одно и то же, потому что входъ обыкновенно и составляетъ самое узкое мѣсто. Чатъ, бывшій передъ нами, называли мнѣ Кичи-алай-чаты или Гезартпынъ-чаты, указывая этимъ на лежащія за нимъ мѣстности.

Какъ разъ противъ этого Чата возвышается очень высокая гора, почти отвѣсно примыкающая къ рѣкѣ. Кругомъ ея валялось множество обломковъ великолѣпнаго бѣлаго мрамора, скатившихся съ горы. Тутъ же разсѣяны были куски гранита, и нѣкоторые изъ нихъ огромной величины.

Отъ этой горы начался подъемъ по ручью, главную рѣку мы оставили. Подъемъ шелъ по ущелью, заросшему крупнымъ лѣсомъ, по преимуществу можжевельникомъ. Тутъ я видѣлъ очень толстыя старыя деревья можжевельника; одно имѣло до полутора обхвата въ объемѣ.

На пути намъ встрѣтился рават; то было каменное зданіе съ конюшнями внутри и грязнымъ помѣщеніемъ для людей. Оно устроено для остановки путниковъ, которымъ приходится проѣзжать по этой дорогѣ зимой. Чтобы дождаться вьюковъ, мы остановились у рават и занялись собираніемъ; растительность, древесная и кустарная, тутъ была весьма разнообразная и мощная. Она была, впрочемъ, почти вся сосредоточена на правомъ берегу. Пришлось переѣхать на тотъ берегъ въ бродъ; перейти черезъ ручей оказалось невозможнымъ; онъ бѣшено перепрыгивалъ по огромнымъ камнямъ, лежавшимъ въ его руслѣ, образуя красивые каскады, а гдѣ русло было свободно отъ камней, тамъ оно было слишкомъ глубоко.

Вьюковъ здѣсь пришлось прождать долго. Наконецъ я потерялъ терпѣніе и отправился къ нимъ на встрѣчу. Засталъ я ихъ при самомъ началѣ подъема въ самомъ печальномъ положеніи: вьюки постоянно сползали, лошади сходили съ главной дорожки, зацѣплялись за деревья. Я сразу понялъ, отчего вьюки всегда приходятъ такъ поздно и, зная, что въ этотъ день нужно проѣхать еще довольно много, рѣшилъ не раздѣляться съ ними. Принявъ участіе въ ихъ препровожденіи до рават, я трогательно изобразилъ всѣмъ необходимость поспѣшнаго движенія вьюковъ, такъ какъ до ночлега еще далеко. У всѣхъ предыдущая ночь была въ памяти, и потому, не желая остаться или безъ вьюковъ, или безъ киргизскаго аула, всѣ принялись преусердно гнать вьюки. Такъ какъ лошади были навьючены легко, то онѣ

Изъ Кауфмана

Imp. Lemercier & Cie. Paris

Olga Fedtschenko del. et lith.

Видъ Заалайскихъ горъ съ перевала Исфаирамъ

Vue de la chaine trans Alaienne prise du col Sufairam

шли очень быстро, за то пѣшіе, ишакчи и его мальчикъ, изъ силъ выбивались, почему и приходилось опять замедлять движеніе. Подъемъ между тѣмъ не кончался, а уже совсѣмъ смеркалось. Подъ навѣсомъ скалы мы увидали расположившагося на ночлегъ купца, обогнавшаго насъ въ Лангарѣ. Такъ какъ, по словамъ мирахура, намъ долженъ былъ встрѣтиться киргизскій аулъ, то мы всячески спѣшили добраться до него. Уже совсѣмъ смерклось, когда подъемъ кончился и мы выѣхали на ровную площадку Тенгисъ-бай или Исфайрамъ. Благодаря ровной мѣстности, мы могли ѣхать и въ темнотѣ; протекавшая рядомъ рѣка указывала намъ путь, отражая остатокъ свѣта. Но наконецъ сдѣлалось такъ темно, что мы съ трудомъ видѣли другъ друга. Ишакчи сталъ говорить, что мы растеряемъ лошадей. Аула и признаковъ не было, наконецъ гдѣ-то сверкнулъ огонь и пропалъ. Мы туда, кричать, звать,— ни души; наконецъ кое-какъ добрались до огня, разведеннаго подъ скалой. Оказалось, что это пастухъ со стадомъ. Про аулъ онъ намъ толкомъ не объяснилъ, а такъ какъ разъѣзжать въ темнотѣ было дѣло рискованное, къ тому же дѣлалось очень холодно, то и рѣшено было стать на ночлегъ, гдѣ мы находились.

Ночь была холодная: въ половинѣ втораго ночи, когда мы ложились спать (остановились мы поздно, а нужно было еще привести въ порядокъ коллекціи, замѣтки, маршрутъ) въ палаткѣ было только 2.5°С., а наружи 0.2°С. Палатки были покрыты инеемъ. Труднѣе всего было коканскимъ джигитамъ: наши имѣли палатку, которая предохраняла ихъ отъ охлажденія вслѣдствіе лученспусканія, коканцы же спали подъ открытымъ небомъ, прикрываясь своими халатами. На бѣду, нельзя было развести и порядочнаго огня; пастухъ принесъ намъ дровъ, но сырыхъ, они не горѣли. Чтобы согрѣть въ чайникѣ воды для чая, пришлось пожертвовать однимъ изъ укупорочныхъ ящиковъ. Высота, на которой мы ночевали, была около 11000′.

Утромъ пріѣхали киргизы изъ сосѣдняго аула (оказалось, что онъ былъ совсѣмъ близко) и уѣхавшіе впередъ джигиты и стрѣлокъ. Въ аулѣ было приготовлено угощеніе, остатки котораго привезли намъ.

Мѣстность, гдѣ мы ночевали, оказалась обширной долиной, тянувшейся съ востока на западъ, съ самымъ легкимъ подъемомъ къ западу. Съ юга долину эту, Тенгизъ-бай или Исфайрамъ, ограничивали очень невысокія горы, возвышавшіяся не болѣе 2500′ надъ долиной; на сѣверѣ горы были массивнѣе.

Вся долина была покрыта зеленой низкой травой; несмотря на это, она не относится къ числу лѣтовокъ, а служитъ только станціей: на ней временно останавливаются киргизскія стада, когда идутъ въ Алай. Въ этотъ годъ случайно одинъ киргизъ остался на все лѣто: онъ почему-то запоздалъ, его постоянныя лѣтовки въ Алаѣ были заняты, онъ и остался въ Тенгизъ-баѣ.

Изъ Тенгизъ-бая въ Алай есть три перевала: главный, Исфайрамъ, былъ какъ разъ на югѣ отъ мѣста нашего ночлега, другіе два служатъ для кочевниковъ; Каинглы лежалъ западнѣе, на него можно проѣхать прямо изъ Лангара; находившійся же восточнѣе Куйджолы, какъ самое названіе показываетъ, служитъ для прогона скота.

Подъемъ на перевалъ изъ Тенгизъ-бая весьма не великъ, всего 800—900 футовъ, и очень легокъ; идетъ все время по мягкому грунту, весьма полого. Видъ съ перевала заставилъ насъ остановиться: передъ нами открылась панорама исполинскихъ снѣговыхъ горъ. Горы эти, впрочемъ, не всѣ были видны съ перевала. Ближайшія гряды отчасти закрывали

ихъ. Между тѣмъ мнѣ хотѣлось видѣть возможно болѣе; передъ нами была мѣстность едва извѣстная по имени Алай, а что лежало за нею было никому неизвѣстно. Хотѣлось увидѣть хоть очертаніе тѣхъ горъ, которыя тянулись за Алаемъ. Я отправился на гору, возвышавшуюся надъ переваломъ справа. Она была хотя и круча, но мягкая, такъ что я быстро былъ на ея вершинѣ, футовъ на 700 надъ переваломъ.

Съ этой горы я увидалъ еще больше снѣговыхъ массъ на югѣ. Крайнія изъ нихъ направо были видны подъ угломъ 198°, это была цѣлая группа пиковъ, воздымавшихся гораздо выше снѣговой линіи, рѣзко отдѣлявшаяся отъ прилегающихъ горъ. Отъ нихъ на востокъ виднѣлась уже цѣлая линія снѣговыхъ громадъ, все-таки мѣстами прерывавшихся, потому что ихъ заслоняли близкія горы. Подъ угломъ 115°, т. е. почти на востокѣ уже, виднѣлся пикъ, который, несмотря на свое наибольшее отдаленіе, былъ все-таки выше другихъ. Я замѣтилъ его еще снизу съ перевала, какъ весьма высокую точку. Вершину эту почти постоянно закрывало облако и надо было долго смотрѣть на нее, чтобы составить понятіе объ ея формѣ. Форма этой вершины оказалась весьма характерна: пирамида, основаніе которой очень велико сравнительно съ высотой, впрочемъ это неправильная пирамида: сѣверный склонъ ея крутъ, а южный пологъ, постепенно переходитъ въ массу горъ. Ни одной черной точки, все сплошь засыпано снѣгомъ! Какъ я жалѣлъ, что у меня не было никакого угломѣрнаго снаряда; разстояніе было велико (я полагаю не менѣе 60 верстъ), но все-таки можно бы было опредѣлить, насколько возвышается надъ хребтомъ эта вершина. Позже и снизу, изъ Алая, я увидѣлъ эту вершину, и оттуда она казалась самою высокою. Что касается до ея высоты, то за неимѣніемъ измѣреній я долженъ довольствоваться косвенными выводами, которые изложу ниже при описаніи Заалайскаго хребта, какъ онъ виденъ изъ Алая. Именно, я полагаю, что она очень близка къ 25000′. Цифра эта для Тяньшаня неслыханная. Ханъ-Тенгри близъ восточнаго конца Иссыкъ-куля, высшая точка Тяньшаня, бывшая извѣстной, возвышается до 22000′. Видѣнную мною вершину я считаю выше, и съ нетерпѣніемъ буду ждать минуты, когда окажется возможнымъ измѣрить ее въ точности.

За отсутствіемъ мѣстнаго названія, я позволяю себѣ дать этой вершинѣ названіе пика Кауфмана, въ честь туркестанскаго генералъ-губернатора, К. П. фонъ-Кауфмана. Я видѣлъ его заботы и труды въ пользу вновь завоеваннаго края и для научнаго его изслѣдованія; описываемое путешествіе обязано своимъ осуществленіемъ его стремленію къ изученію неизвѣстныхъ еще странъ Туркестана, и потому я считаю совершенно справедливымъ, что одно изъ лучшихъ открытій настоящаго путешествія будетъ носить его имя.

Съ горы, на которую я всходилъ, я увидалъ и Алай: «низкое, ровное мѣсто подъ угломъ 99°», какъ записано у меня въ памятной книжкѣ. Видна была изъ-за ближнихъ горъ, впрочемъ, только весьма небольшая часть этого обширнаго плоскогорья. Подъ угломъ 106° виднѣлась рѣка, одинъ изъ притоковъ Сурхаба, какъ оказалось послѣ.

На сѣверѣ тоже были горы, близкія, ясно видимыя, но глаза мои рѣдко обращались въ ту сторону, они настойчиво глядѣли на югъ, чаруемые грандіозностью панорамы и полной неизвѣстностью, что тамъ находится. Но массивный снѣговой хребетъ, какъ стѣна, протягивался передо мной на разстояніи какихъ-нибудь 30 верстъ. Я тогда еще не предчувствовалъ, что эти горы сдѣлаются для меня дѣйствительно стѣной, за которой я ничего не увижу; я спѣшилъ впизъ, чтобы проникнуть въ эти горы и мечталъ, что дойду до тѣхъ мѣстъ, гдѣ фантазія туземцевъ помѣщаетъ «крышу міра» (Бамъ и дупеа). Увы, не подозрѣвалъ я, что велѣньями

киргизскаго полковника мнѣ суждено будетъ ограничиться созерцаніемъ только края «крыши міра». Безъ грусти, я до сихъ поръ не могу вспомнить о тѣхъ разочарованіяхъ, которыя пришлось мнѣ испытать въ Алаѣ. Но что же дѣлать? Остается ожидать, что если не увижу самъ, то отъ другихъ узнаю, что таится за этими горами.

Однако какъ ни увлекательно было сидѣть на вершинѣ горы, и предаваться разнымъ размышленіямъ, нужно было спѣшить внизъ; наши спутники уже начали спускаться, это значило, что жена моя уже кончила эскизъ. Въ нѣсколько минутъ я былъ внизу. Дорожка отъ перевала идетъ круто внизъ по склону глубокихъ, но мягкихъ овраговъ. Скоро мы встрѣтили небольшой киргизскій аулъ, но, не останавливаясь, спѣшили внизъ. Мы слѣдовали по теченію небольшой рѣчки Дараутъ, уже извѣстной въ географической литературѣ; она записана въ маршрутѣ Абдулъ-Меджида, бывшаго въ Коканѣ въ 1863 году. Оказывается, что, возвращаясь въ Индію, онъ прошелъ черезъ тотъ же перевалъ Исфайрамъ, и вообще отъ Учъ-кургана до Коксу слѣдовалъ одной дорогой съ нами [1]). Впрочемъ, кромѣ названій, онъ не сообщаетъ ничего, да и по нимъ не оказалось возможнымъ вѣрно нанести его путь, какъ то пытался сдѣлать Fr. Walker на изданной имъ картѣ Средней Азіи.

Дорога очень удобна, трудно только то мѣсто, гдѣ приходится проѣзжать по щели, чрезъ которую проходитъ въ Алай дорога, прорѣзывая гряду горъ, возвышающуюся не менѣе какъ до 14000′ (она-то и мѣшала мнѣ видѣть Заалайскій хребетъ на всемъ протяженіи).

Дорогой было кое-что собрано, особенно изъ растеній. Вниманіе мое привлекли гигантскія вонючки (Ferula), росшія на южномъ склонѣ горъ и поднимавшіяся до высоты не менѣе 10000′. Нахожденію ихъ и притомъ на такой высотѣ я сначала удивился и обрадовался; хотя я и встрѣчалъ Ferula прежде въ горахъ въ Заравшанской долинѣ, но никогда на такой высотѣ. Обрадовался же я имъ потому, что онѣ придавали другой характеръ растительности, чѣмъ какой былъ въ посѣщенныхъ доселѣ къ сѣверу отъ водораздѣла горахъ; я надѣялся, что за водораздѣломъ окажется флора и фауна, рѣзко отличная отъ встрѣчавшейся до сихъ поръ. Но этого нѣтъ; были найдены растенія и животныя, не встрѣчавшіяся прежде, но въ общемъ характеръ флоры и фауны былъ тотъ же. Водораздѣлъ не составляетъ границы въ распространіи животныхъ и растеній.

---

[1]) Маршрутъ его помѣщенъ въ Select. from Records of Governm. of India N. XXXIX. 1863, на стр. 19; меня смущалъ: Osch-koorgan Pass, который долженъ находиться между Учъ-курганомъ и Лангаромъ, такъ какъ тамъ никакого Pass въ смыслѣ перевала нѣтъ; но я вижу, что и Кизилъ-кія онъ называетъ Pass, хотя Кія, какъ я уже объяснялъ, есть трудный проходъ по крутому береговому склону. Привожу данныя маршрута мирзы, поправляя ихъ транскрипцію.

Kokan—г. Коканъ.
Rashidan—г. Риштанъ.
Fyzabad—Файзабадъ.
Yarmazar—Яръ-мазаръ, цитадель Маргляна.
Awl—Аваль, большое селеніе въ 2½ ташахъ отъ Учъ-кургана.
Osch-koorgan—Учъ-курганъ.
Osch-koorgan Pass—проходъ чрезъ узкое скалистое ущелье.
Lungur—Лангаръ.
Darawoot Pass—перевалъ Исфайрамъ или Тенгизъ-бай.
Koksoo—Кукъ-су.
Neem-kirghiz—Киргизы-найманъ, въ 1871 г. не кочевали въ этомъ мѣстѣ.
Kirghiz-kipchak—Киргизы-кипчаки, кочуютъ близъ устья Кукъ-су.
Kizzil Kecah Pass (difficult)—Кизилъ-кія, очень трудная дорога на протяженіи четырехъ верстъ между Малымъ и Большимъ Карамукомъ.
Kuhah Magh—Карамукъ, очевидно Большой, принадлежащій нынѣ каратегинцамъ.

Хотя растительность была богатая, но киргизовъ намъ почти не попадалось. Кромѣ вышеупомянутаго аула, мы видѣли еще одну только кибитку, обитательница которой очень услужливо напоила жену мою молокомъ, какъ оказалось потомъ верблюжьимъ. Отсутствіе киргизовъ на этихъ удобныхъ мѣстахъ объясняется тѣмъ, что они оставляютъ траву близъ дороги, чтобы было чѣмъ кормить скотъ при обратной перекочевкѣ въ долину Ферганы.

Увлекшись сборомъ, я отсталъ отъ нашей партіи и большую часть пути ѣхалъ одинъ. Въ упомянутой щели пришлось сойти съ лошади, дорога сходитъ очень круто уступами; ширина щели въ узкихъ мѣстахъ какихъ-нибудь четыре-пять саженъ. По выѣздѣ изъ нея началась очень богатая кустарная растительность, которая здѣсь поднимается, повидимому, футовъ на 200 выше, чѣмъ на сѣверѣ отъ водораздѣла. Кромѣ кустовъ, очень большую роль въ пейзажѣ играли большаго роста зонтичныя, Prangos (дженджабиль) и Heracleum. Эти растенія и въ Заравшанской долинѣ были найдены на такой же высотѣ.

Ущелье все время оставалось очень узкимъ, отъ южныхъ горъ виднѣлся только одинъ бѣлоснѣжный пикъ. Но вотъ послѣ небольшаго поворота открылся видъ на долину Кизилъ-су; ущелье, саженяхъ въ 100, оканчивалось, и долина Алая была только отчасти закрыта коканскимъ курганомъ, выстроеннымъ при самомъ концѣ ущелья. Далѣе кургана, въ полуверстѣ отъ него, я увидалъ наши палатки, раскинутыя на берегу большой рѣки. Я направился къ нимъ, но оказалось, что всѣ наши спутники были приглашены въ курганъ. Поэтому и я направился туда же и засталъ все общество за чаемъ. Начальникъ кургана и Алайскихъ киргизовъ, Измаилъ токсаба, толстый, оплывшій жиромъ киргизъ, сидѣлъ тутъ же въ качествѣ хозяина. Послѣ чая подали кушанье—пловъ, а затѣмъ мы, распрощавшись, отправились къ нашимъ палаткамъ. Разговоръ ограничился самыми общими мѣстами; впрочемъ, токсаба разсказалъ кое-что объ истокахъ Кизилъ-су.

Лагерь нашъ былъ раскинутъ на самомъ берегу Сурхаба, какая-нибудь сажень отдѣляла мою палатку отъ воды, текущей въ Аму-дарью. Кругомъ были обширные луга, покрытые роскошной травой, зеленый сочный цвѣтъ которой составлялъ рѣзкій контрастъ съ выгорѣвшей растительностью Алая. Но я считаю нелишнимъ описать подробнѣе, что было видно съ нашей стоянки. На сѣверѣ: не высокая скалистая гряда была прорѣзана ущельемъ Дарауть, узкимъ, которое почти совсѣмъ было закрыто курганомъ токсабы. Гряда горъ тянулась далѣе на западъ и верстахъ въ 3 совсѣмъ подходила къ рѣкѣ, кончаясь крутымъ обрывомъ; на западѣ видны были горы, не высокія, но вскорѣ замыкавшія Алай; тѣ, которыя были на лѣвой сторонѣ рѣки, составляли не болѣе, какъ передніе отроги высокаго хребта, который во многихъ мѣстахъ достигалъ снѣговой линіи и имѣлъ нѣсколько высокихъ снѣгомъ покрытыхъ пиковъ. Переднія горы были изрѣзаны нѣсколькими глубокими долинками и вообще поверхность горъ была изрѣзана весьма разнообразно. Снѣговыя горы тянулись и далѣе на востокъ, только какъ разъ противъ насъ онѣ были разрѣзаны широкимъ ущельемъ Алтынинъ-дара; по бокамъ его возвышались снѣговыя горы и въ глубинѣ поднимался величественный снѣговой пикъ. Что видно было отъ ущелья далѣе на востокъ, изображено на прилагаемомъ рисункѣ. Онъ сдѣланъ прямо изъ палатки. Снѣговыя горы вдали незамѣтно пропадали и между ними и горами по правому берегу рѣки разстилалось ровное степное пространство, Алай, безъ границъ сливавшееся на С.-В. съ горизонтомъ. Видѣть его во всю ширину мѣшали близкія горы, прилегавшія къ грядѣ, проходившей на сѣверъ отъ рѣки.

Общее знакомство съ мѣстностью показало, что слѣдовало бы сдѣлать по крайней мѣрѣ

Съ нат рис О Федченко Ник Кауфмана Рис А К Сиразова

АЛАЙ И ЗААЛАЙСКІЯ ГОРЫ

въ іюлѣ 1871 года.

Alaï et la chaîne Transalaïenne

Литогр Завед И Г Баха въ Лейпцигѣ

три поѣздки: внизъ по рѣкѣ, вверхъ и въ ущелье Алтынпнъ-дара. Я и мечталъ объ этомъ, но въ тотъ же вечеръ былъ разочарованъ сообщеніемъ кокапцевъ, что токсаба, въ виду непріязненнаго настроенія каратегинцевъ и непадежнаго состоянія умовъ алайскихъ киргизовъ, не находитъ возможнымъ, чтобы я сдѣлалъ эти поѣздки, и необходимо ограничиться ближайшими окрестностями кургана. «Вѣдь мы въ Алаѣ, куда вы желали съѣздить, какая же еще поѣздка» говорили кокапцы.

На завтра насъ посѣтилъ Измаилъ токсаба; я угостилъ его чаемъ, сдѣлалъ ему кой-какіе подарки и между прочимъ завелъ рѣчь о необходимости сдѣлать нѣкоторыя поѣздки. «Невозможно», отвѣчалъ онъ и полилась заученая рѣчь, почему и т. д. «Вонъ до моста вы можете съѣздить, а въ горы невозможно». Такъ какъ главнымъ доводомъ былъ страхъ за наши особы, мою и моей жены, то я сказалъ, что слѣдуетъ послать по крайней мѣрѣ охотника, чтобы настрѣлять птицъ и набрать растеній, но и на это онъ сыскалъ возраженіе: «перепугаются киргизы, а растеній вамъ наберетъ и киргизъ, я пошлю», прибавилъ токсаба.

Дѣйствительно, потомъ мнѣ привезли обрывковъ растеній, измятыхъ, пощипанныхъ, какъ попало, хотя я выставилъ необходимыя требованія на счетъ полноты экземпляра и т. д. Я хотѣлъ было пустить въ ходъ деньги, усиленные подарки, но, какъ нарочно, у меня было взято очень немного; отправляясь изъ Учъ-кургана, я не зналъ, что найду въ Алаѣ отдѣльнаго важнаго начальника. Самое цѣнное у меня были часы; я ихъ поднесъ ему, но на бѣду часы были такія дурныя, что, какъ только онъ пріѣхалъ въ курганъ, они остановились. Токсаба прислалъ ихъ ко мнѣ, съ просьбой исправить или перемѣнить. Хотя я и полагалъ, что они остановились оттого, что онъ, обрадовавшись, что у него часы, началъ ихъ разсматривать и повѣрять, но отъ этого было не легче: исправить или замѣнить другими я не могъ.

Я рѣшилъ сдѣлать хотя коротенькія поѣздки. Первая была къ мосту. Мы поѣхали по дорогѣ, ведущей въ Каратегинъ, именно правымъ берегомъ рѣки. При проѣздѣ чрезъ горы, подходившія къ рѣкѣ, пришлось слѣзать съ лошадей, такъ какъ тропинка была узка и камениста. Вскорѣ послѣ этого мы достигли моста чрезъ Кизилъ-су; до него отъ кургана не болѣе 7—8 верстъ. Мостъ построенъ по обычному, употребительному у туземцевъ способу, т.-е. на концы выдающихся отъ берега бревенъ положены другія, болѣе длинныя и на нихъ настилка изъ поперечныхъ плохо-обтесанныхъ досокъ. Длина моста 10 саженъ (это самое узкое мѣсто Кизилъ-су), ширина сажени полторы; арба свободно проѣхала бы черезъ него, еслибъ только она могла попасть въ Алай.

Немного ниже моста находится мѣсто впаденія въ Кизилъ-су рѣки Кукъ-су; обширные луга, называемые Чакъ, разстилаются при устьѣ, а выше рѣка течетъ по широкому ущелью.

По маршруту токсабы намъ слѣдовало переѣхать черезъ мостъ, чтобы лѣвымъ берегомъ, слѣдуя близъ рѣки, вернуться обратно. Но меня сильно соблазняли плоскія, ровныя возвышенности, разстилавшіяся по лѣвому берегу рѣки, въ разстояніи какой-нибудь версты отъ Кизилъ-су, и я поѣхалъ на нихъ, надѣясь что-нибудь увидать. Сопровождавшіе насъ кокапцы рѣшительно отказались ѣхать со мной; они кажется предполагали, что я хочу переѣхать къ горамъ на южной окраинѣ Алая. Они не прежде рѣшились присоединиться ко мнѣ, какъ увидали, что я дѣйствительно поднимаюсь на указанный мною близкій холмъ. Почти все время отъ моста до холма мы ѣхали между полей, которыя, впрочемъ, были по большей части не засѣяны.

Съ вершины холма я увидалъ немного больше, къ тому же дулъ съ запада страшно

сильный, порывистый вѣтеръ, такъ что, чтобы смотрѣть въ зрительную трубу, нужно было ложиться и укрываться за какимъ-нибудь камнемъ.

Здѣсь, очевидно, опять было повтореніе того, что я говорилъ по поводу вѣтра въ Ферганѣ: отъ сильнаго нагрѣванія воздухъ въ Алаѣ уходилъ вверхъ и для возстановленія равновѣсія съ запада врывались новыя массы воздуха. Съ холма мы поѣхали по направленію къ кургану и при этомъ переѣхали рѣчку Тузъ-су. Она течетъ изъ ущелья Алтынинъ дара и довольно велика, но струится по широкому, покрытому галькой руслу. Русло это глубоко, саженъ на шесть врѣзано въ толщѣ конгломерата. Между галькой видна скудная растительность; мы съ женой рѣшили однако это русло нѣсколько тщательнѣе осмотрѣть, въ виду того, что рѣка, очевидно въ полую воду весьма стремительная и широко разливающаяся, приноситъ сѣмена изъ южныхъ, недоступныхъ намъ горъ.

И дѣйствительно было найдено нѣсколько растеній, прежде не встрѣчавшихся, въ томъ числѣ нѣкоторыя вовсе еще непзвѣстныя.

Коканцы узнавъ, что мы хотимъ остаться у Тузъ-су, ничего не возражали, но сами не остались, очевидно хорошо сознавая, что опасности никакой нѣтъ. При нашихъ лошадяхъ остались только два ташкентскихъ джигита; да и тѣ заснули, такъ что мы, отойдя отъ нихъ на версту, должны были потомъ возвращаться назадъ и будить ихъ. Покуда мы собирали у Тузъ-су, вся партія уже давно вернулась и мы остались одни на противоположномъ берегу. Моста тутъ нѣтъ и черезъ рѣку переѣзжаютъ въ бродъ, пользуясь тѣмъ, что она разливается на множество рукавовъ. Мы были въ недоумѣніи, въ какомъ направленіи ѣхать, но насъ замѣтили изъ лагеря и выслали проводника. Нѣкоторые рукава оказались довольно глубокими, а главное—очень мѣшала движенію сильная быстрота теченія. Ниже этого мѣста по единогласному утвержденію туземцевъ, бродовъ чрезъ Кизилъ-су и Сурхабъ ни въ какое время года не бываетъ.

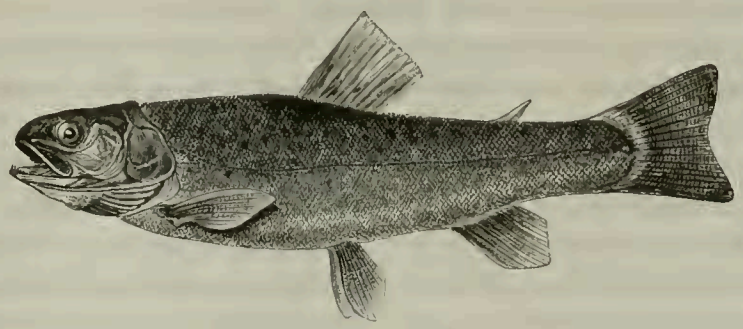
На многочисленныхъ островахъ, которые здѣсь образуетъ Кизилъ-су, развивается богатая кустарная растительность. Главная порода была облѣпиха (Hippophaë rhamnoides).

Другую поѣздку я сдѣлалъ на третій день нашего пребыванія въ Алаѣ; мнѣ хотѣлось въѣхать на конгломератовые холмы, которые возвышались какъ разъ противъ мѣста нашей стоянки. Они были слишкомъ низки, чтобы съ нихъ можно было увидѣть много больше, чѣмъ изъ палатки; однако я оттуда могъ взять нѣсколько направленій, которыя въ связи съ направленіями, взятыми западнѣе съ холма у моста, помогли мнѣ ориентироваться въ нѣкоторыхъ разстояніяхъ. Главное же: я могъ опредѣлить направленіе самого Алая; оказалось, что онъ идетъ не прямо на востокъ, а съ замѣтнымъ уклоненіемъ къ сѣверу, подъ угломъ около 75°. Коекакой сборъ насѣкомыхъ на сухихъ обрывахъ и на лугахъ лѣваго берега былъ результатомъ этой поѣздки.

Я забылъ упомянуть о двухъ любопытныхъ предметахъ, которые попались мнѣ близъ самой нашей стоянки: въ прозрачномъ ручьѣ Дараутъ было поймано нѣсколько экземпляровъ форелей. Красивая пестрая рыбка эта попалась намъ здѣсь въ первый и послѣдній разъ. Къ сожалѣнію, всѣ экземпляры были молодые, не болѣе 4 дюймовъ, почему точнаго опредѣленія этой формы сдѣлано быть не можетъ.

Я очень обрадовался форели и полагалъ, что это первый найденный въ Туркестанѣ представитель семейства лососевыхъ: по крайней мѣрѣ до сихъ поръ ни въ Сыръ-дарьѣ,

ни въ Заравшанѣ ни мной, ни другими не было найдено форелей. Но потомъ я узналъ, что еще лѣтъ за 40 предъ симъ, Гриффитомъ была найдена форель въ рѣкѣ Баміанѣ, хотя и не доходящей до Аму-дарьи, но, очевидно, принадлежащей тому же бассейну. Баміанская форель была описана Макъ-Клелландомъ подъ именемъ Salmo orientalis, но, къ сожалѣнію, весьма поверхностно; молодыя форели ему были неизвѣстны, и такъ какъ у меня однѣ молодыя, то и нельзя рѣшить, принадлежитъ ли алайская форель къ тому же виду, что́ Баміанская. Въ самой Кизилъ-су мы никакой рыбы не нашли; были заброшены удочки, но наживка такъ и осталась нетронутою. Киргизы сказали мнѣ, что они не ловятъ рыбы въ Кизилъ-су.

Молодая форель, въ наст. вел.

Другой любопытный предметъ былъ чій; такъ называютъ киргизы злакъ, извѣстный у ботаниковъ подъ названіемъ Lasiagrostis splendens. Онъ близъ нашего лагеря покрывалъ обширныя пространства. Растетъ онъ кочками, т.-е. растенія находятся на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга и нѣсколько возвышаются надъ почвой. Изъ такой кочки, размѣръ которой увеличивается выгнанными листьями, возвышается нѣсколько длинныхъ, тонкихъ стеблей. Вотъ эти-то стебли и имѣютъ весьма большую важность для киргизовъ. Будучи тонки, крѣпки и на большомъ разстояніи ровны, безъ узловъ, они очень удобны для выдѣлыванія циновокъ. Циновки изъ чія въ большомъ употребленіи у киргизовъ и бока кибитки непремѣнно заставляются чіемъ; онъ плотенъ настолько, что защищаетъ кибитку отъ пыли, огонь отъ сильнаго вѣтра и вмѣстѣ съ тѣмъ пропускаетъ свѣжій воздухъ и отчасти свѣтъ. Стебли чія связываются шерстяными нитками; затѣмъ самые стебли нерѣдко покрываются шерстяными нитками, которыя окрашиваются такъ, что получается узорчатая циновка.

Но если немного мнѣ удалось осмотрѣть самому въ Алаѣ, то многое узналъ я изъ разсказовъ лицъ, встрѣченныхъ мною тамъ. Особенно богаты были свѣдѣніями разсказы одного киргизскаго бія, киргизъ кипчака Нуръ Магомета. Меня онъ сразу заинтересовалъ поразительнымъ сходствомъ своей физіономіи съ лицомъ извѣстнаго шахризябскаго ех бека Джура бія; я надѣялся, что внутреннія его качества такъ же хороши, какъ у Джура бія. Надежда эта оправдалась и приглашенный въ мою палатку, онъ, послѣ нѣкотораго колебанія и недовѣрчивости, сообщилъ мнѣ весьма богатыя свѣдѣнія о сосѣднихъ странахъ, особенно о Каратегинѣ.

Я привожу ихъ въ слѣдующей главѣ, а здѣсь считаю умѣстнымъ изложить всѣ имѣющіяся у меня данныя объ Алаѣ. Прежде всего считаю необходимымъ сообщить указанія на счетъ его строенія, чтобы читатель могъ сообразить въ какомъ смыслѣ я называю его плоскогорьемъ.

Между двухъ грядъ горъ лежитъ длинная (до 60 верстъ) равнина; это и есть Алай. Данные выше признаки позволяютъ признать Алай просто за долину, которая отъ другихъ продольныхъ долинъ Тяньшана, напр. Заравшанской, отличается только тѣмъ, что ограничивающія ее гряды очень удалены другъ отъ друга (гребни грядъ отстоятъ верстъ на 50—60) и что ровное пространство между грядъ очень обширно. Все это особенности количественнаго характера, но вотъ что̀ составляетъ уже болѣе существенное отличіе: въ верхней своей части Алай, да и вообще подобныя образованія въ Тяньшанѣ, распространяется почти до самыхъ гребней. Я хочу сказать, что тогда какъ въ нижней и средней частяхъ его между долиной и гребнемъ находятся обширные склоны, даже цѣлыя высокія гряды, въ верхней части почва отъ проходящаго вдоль Алая вдавленія возвышается весьма постепенно до самаго гребня, не прерываясь рѣзкими неровностями, кромѣ происшедшихъ отъ размыва водою. Такой характеръ уже подходитъ къ тому, что называютъ Hochebene, Plateau, плоскогорье, высокое ровное пространство, ограниченное на краяхъ горами.

Кто посѣтитъ Алай у кургана токсабы, тотъ скажетъ, что это просто широкая горная долина; тотъ же, кто посмотритъ на него верстахъ въ 40—50 восточнѣе, признаетъ его за плоскогорье. При такихъ условіяхъ я считаю возможнымъ только условно придать Алаю эпитетъ или горной долины, или плоскогорья и склоняюсь больше къ послѣднему.

Дѣйствительно, мѣстности въ родѣ Алая составляютъ одну изъ самыхъ характерныхъ чертъ Тяньшана и ихъ необходимо отличить особымъ терминомъ отъ обыкновенной горной долины. За неимѣніемъ спеціальнаго названія, приходится принять эпитетъ плоскогорья, хотя онъ часто употребляется и въ иномъ значеніи.

Что верхняя часть Алая имѣетъ другой характеръ, на это указываетъ уже то обстоятельство, что туземцы имѣютъ для него особое названіе, Башъ-Алай (Башъ — значитъ голова). Если справедливо, что въ Башъ-Алаѣ почва постепенно поднимается къ гребнямъ (а въ этомъ едвали можно сомнѣваться, соображая сообщенныя мнѣ описанія спусковъ и подъемовъ на дорогѣ, проходящей чрезъ Башъ-Алай въ Кашгаръ), то ширина его должна быть тамъ гораздо значительнѣе, чѣмъ въ томъ мѣстѣ, которое я видѣлъ; вверху она вѣроятно составляетъ до 40 верстъ, внизу же у кургана токсабы не болѣе 10 верстъ. Разстояніе же между гребнями остается приблизительно вездѣ одинаковымъ. Слѣдовательно, въ нижней части Алая между ровнымъ пространствомъ и гребнями является весьма обширная полоса, занятая горными грядами и возвышенностями весьма высокими. Эту полосу я уже не буду называть Алаемъ.

Послѣ вышеприведенныхъ объясненій возможно, слѣдовательно, такое опредѣленіе Алая: постепенно поднимающееся и расширяющееся къ востоку, высоко поднятое (отъ 8 до 12000′) пространство, въ нижней своей части отдѣленное отъ гребней предгорьями, въ верхней безъ особыхъ перерывовъ доходящее до гребней. Какъ онъ ограниченъ на востокѣ, не знаю, западный же конецъ его я видѣлъ: онъ дѣлается постепенно ниже, стѣсняемый вновь возникающими, параллельно главной, грядами и наконецъ переходитъ въ тѣснину, гдѣ остается только мѣсто для русла рѣки.

Теперь нѣсколько подробностей объ ограничивающихъ его съ сѣвера и юга горахъ. Сѣверную гряду я пересѣкъ въ двухъ мѣстахъ; въ одномъ на высотѣ 11800′ (перевалъ Исфайрамъ), въ другомъ—13300′ (перевалъ Кавукъ); далѣе на востокъ находится въ этой грядѣ еще нѣсколько переваловъ: Тузъ-ашу, Кендыкъ, Сарыкъ моголъ, Джильлыкъ, Таллыкъ, Шартъ.

Высоты ихъ неизвѣстны, но нужно полагать, что они доходятъ до 13—14000′. Перевалы лежатъ немного ниже преобладающей высоты гребня, они не глубоко врѣзаны между горъ, но отдѣльные пики на гребнѣ или близъ него достигаютъ значительной высоты; я видѣлъ нѣсколько, которые высоко поднимались надъ снѣговой линіей, а иные достигали тысячъ 18—19 футовъ. Предгорья, лежащія между Алаемъ и сѣверной грядой, имѣютъ паденіе, и довольно крутое, на югъ, т.-е. подняты къ сторонѣ гряды. Предгорья эти имѣютъ поперечія долины, или разрѣзаны очень узкими щелями, по которымъ стекаютъ въ Алай ручьи, впрочемъ не очень многоводные; иные изъ нихъ даже высыхаютъ на лѣто.

При подошвѣ послѣднихъ предгорныхъ грядъ протекаетъ, съ посѣщенной мною части Алая, рѣка Кизилъ-су; отъ рѣки къ югу почва опять постепенно повышается; подъемъ этотъ весьма легокъ. Предгорья, разстилающіяся между южной снѣговой грядой и равниной, кажутся не очень обширными, но весьма затруднительно сказать что-нибудь опредѣлительное, такъ какъ разстоянія сильно скрадываются отъ присутствія исполинскаго снѣговаго хребта. Онъ лѣзетъ впередъ. Одно только вѣрно: ущелья въ южныхъ горахъ не глубоки. Только одно, Алтынинъ-дара, разрѣзываетъ и снѣговой хребетъ, т.-е. его переднюю часть. Верстахъ въ 15—20 отъ кургана ущелье, повидимому, дѣлилось на два, которыя расходились къ западу и востоку. Въ мѣстѣ раздѣленія возвышался высокій снѣговой пикъ. Какъ далеко идутъ верхнія ущелья, которое изъ нихъ длиннѣе, навѣрное не знаю; повидимому длиннѣе восточное.

О томъ, что Алтынинъ-дара длинна, можно судить потому, что нужно два дня пѣшему, чтобы дойти по ней до лежащей далѣе за переваломъ долины Мукъ-су. Конному нужно еще больше—три дня. Какъ это ни странно, но возможно и показываетъ только, что дорога въ ущельи весьма затруднительна: гдѣ пѣшій пройдетъ, тамъ конный долженъ дѣлать объѣзды или пробираться съ большою осторожностью. Алтынинъ-дара интересна тѣмъ, что въ ней добывается соль, отчего и вытекающая рѣчка носитъ названіе Тузъ-су (тузъ—по-киргизски соль). Этою солью снабжаются жители Алая и даже части долины Ферганы. Я видѣлъ эту соль въ Ошѣ. Она имѣетъ мало сходства съ каменною солью: рыхла и грязно-сѣраго цвѣта. Но равномѣрность сѣрой окраски отличаетъ ее отъ озерной самосадочной соли. Для очищенія туземцы растворяютъ ее въ водѣ и отстоявшійся растворъ прибавляютъ въ кушанье. Въ Кичи-Алаѣ къ плову намъ подали соль не въ порошкѣ, а въ видѣ жидкости. Кромѣ Алтынинъ-дара нѣтъ, какъ уже сказано, въ южномъ хребтѣ глубокихъ ущелій, выходящихъ въ Алай; всѣ остальныя кончаются ниже снѣговаго видимаго, значитъ можетъ быть и не главнаго, гребня. Тѣ, которыя лежатъ къ западу отъ Алтынинъ-дара, гораздо длиннѣе и многочисленнѣе; находящіяся же къ востоку весьма коротки.

Что касается до главнаго гребня, то съ наружнымъ его видомъ лучше всякихъ возможныхъ для меня описаній познакомитъ прилагаемый рисунокъ. Онъ исполненъ профессоромъ Саврасовымъ по акварельному эскизу моей жены, сдѣланному на мѣстѣ. Отъ Алтынинъ-дара хребетъ этотъ тянется къ востоку въ видѣ весьма массивнаго поднятія и, не представляя замѣтнаго пониженія, кончается на горизонтѣ, причемъ послѣднія видимыя горы тоже покрыты снѣгомъ. Но далѣе онъ долженъ быть ниже и безснѣженъ.

Описаніе перехода черезъ перевалъ Кизилъ-артъ, данное мнѣ многими туземцами, заставляетъ именно предположить, что на востокѣ этотъ хребетъ имѣетъ по крайней мѣрѣ сѣдловины, лежащія ниже снѣговой линіи; переваливая черезъ Кизилъ-артъ именно переходятъ черезъ этотъ хребетъ. Кстати о названіи этого хребта; на мѣстѣ за неимѣніемъ туземнаго названія я обозначилъ

его именемъ Заалайскаго хребта. Юль въ своей монографіи Оксуса предлагаетъ называть его Кизилъ-артомъ. Но мнѣ кажется это весьма неудобнымъ. Кизилъ-артомъ называется только перевалъ и притомъ самое слово артъ значитъ перевалъ (кизилъ—значитъ красный). Кромѣ Кизилъ-арта много переваловъ въ Тяньшанѣ обозначаются словомъ артъ съ прибавленіемъ разныхъ нарицательныхъ, напр. Агартъ, Гезартъ, Кукартъ [1]) и потому едвали удобно переносить это названіе на цѣлую горную массу. Поэтому я впередъ до выясненія строенія, распространенія и отношеній видѣнной мною горной массы предлагаю остаться при названіи Заалайскій. Теперь нѣсколько словъ о высотахъ въ Заалайскомъ хребтѣ. За отсутствіемъ угломѣрнаго снаряда я руководился въ опредѣленіи высоты его снѣговой линіей. Съ перевала Кавукъ мнѣ не трудно было видѣть, что снѣговая линія лежитъ выше перевала, а Кавукъ самъ имѣетъ высоту 13300′. Поэтому едвали я ошибусь, если приму, что снѣговая линія въ Заалайскомъ хребтѣ лежитъ на высотѣ около 14000′. Гребень находится, какъ видно и на рисункѣ, на весьма значительномъ разстояніи отъ снѣговой линіи. Масса покрытаго снѣгомъ пространства превосходитъ все, что я видѣлъ въ горахъ Тяньшана лѣтомъ. Такая обширная снѣговая поверхность является тамъ зимой (напримѣръ горы къ востоку отъ Ташкента) обыкновенно же и на гребняхъ, достигающихъ снѣговой линіи, снѣгомъ покрытая поверхность узка и главное прервана темными пятнами, т. е. скалистыми, обнаженными отъ снѣга мѣстами. Здѣсь этихъ перерывовъ не было. Снѣговая пелена была сплошная. Я сначала предполагалъ, не игралъ-ли тутъ роль свѣжій только-что выпавшій снѣгъ; испытанная мною 17 іюля гроза заставляла предполагать, что въ горахъ былъ, пожалуй, снѣгъ. Но до 24 іюля прошла цѣлая недѣля и свѣже выпавшій снѣгъ ниже снѣговой линіи успѣлъ-бы давно стаять. Между тѣмъ въ 5 дней, въ теченіи которыхъ я имѣлъ Заалайскій хребетъ передъ глазами, я не замѣтилъ никакихъ перемѣнъ, ничего, что бы указывало на таяніе свѣже выпавшаго снѣга. Поэтому я вижу въ снѣговомъ покровѣ такъ называемый вѣчный снѣгъ и въ его сплошномъ распространеніи нахожу весьма характерную особенность Заалайскаго хребта сравнительно съ другими видѣнными мною частями Тяньшана, особенность, зависящую отъ постепеннаго поднятія горной массы, отсутствія тѣхъ крутизнъ и стремнинъ, которыя мы видимъ въ другихъ частяхъ Тяньшана.

Ширину снѣговой полоски (по вертикали) я считаю не менѣе какъ въ 4000′; гребень слѣдовательно будетъ имѣть абсолютную высоту около 18000′; конечно есть въ немъ и пониженія. Но вообще линія гребня довольно прямая. Надъ гребнемъ возвышается нѣсколько вершинъ болѣе высокихъ: высота ихъ я полагаю доходитъ до 20—21000′. Но двѣ вершины выдаются надъ всѣми прочими своей высотой: на одну изъ нихъ, названную мною пикомъ Кауфмана, я указалъ выше, другая находится нѣсколько восточнѣе. Высоту ихъ, особенно пика Кауфмана, я считаю близкою къ 25000′, хотя долженъ оговориться, что за неимѣніемъ точныхъ данныхъ эта цифра должна считаться только приблизительной и при точномъ опредѣленіи ошибка, и даже не на одну тысячу футъ, не должна быть поставлена мнѣ въ упрекъ. Про высоту, до которой доходитъ древесная растительность въ Заалайскомъ хребтѣ,

[1]) Кромѣ артъ употребительны еще для переваловъ слова даванъ, бель и куталь. Любопытно бы выяснить, въ какихъ случаяхъ употребляется то или другое названіе. Дабанами называются повидимому высокіе, каменистые перевалы въ главныхъ хребтахъ; белями—низкіе, мягкіе, легкіе. Высота не играетъ при этомъ роли; самый высокій изъ пройденныхъ мною переваловъ былъ Кордунъ-бель (высота 13.400′); белью же намъ называли туземцы въ Заравшанской долинѣ перевалъ Санги-джуманъ (7110′), а въ Коканскомъ ханствѣ есть еще Торнабель (7400′). Арты повидимому всѣ высокіе. Названіе куталь употребляется для весьма низкаго перевала изъ Джама въ Шахризябсъ (3150′). Я нахожу, что оно въ употребленіи еще въ Бадахшанѣ.

я не могу ничего сказать: я не видалъ въ этихъ горахъ лѣвѣе Алтынинъ-дара ни одного дерева, хотя разстояніе позволяло ихъ замѣтить. Вообще Алай поражаетъ своею безлѣсностью. Еще на пути съ Исфайрама въ курганъ были встрѣчены деревья на горныхъ склонахъ (можжевельникъ), но на пути къ Кавуку я видѣлъ только нѣсколько деревьевъ арчи и то весьма тонкихъ. А почва между тѣмъ была мягкая, глинистая. Безлѣсность Алая и окружающихъ горъ была съ горечью описываема мнѣ киргизами; оказывается, что они для топлива должны собирать кизякъ, т. е. засохшій пометъ животныхъ. Въ горахъ и топятъ кизякомъ! что́ можетъ лучше характеризовать степень бѣдности Алая лѣсомъ?

Теперь перехожу къ водамъ, стекающимъ къ окрестныхъ горъ, и составляющимъ рѣку Кизилъ-су, ниже называемую Сурхабомъ, что́ впрочемъ одно и тоже—красная вода. Первое названіе тюркское, второе таджикское. Разница зависитъ отъ того, что въ верховьяхъ рѣки живутъ исключительно киргизы, а ниже таджики.

По всѣмъ разсказамъ Кизилъ-су не имѣетъ главнаго наиболѣе богатаго водою истока.

Самая отдаленная изъ образующихъ ея рѣчекъ стекаетъ съ перевала Кизилъ арта; самыя многоводныя съ южнаго Заалайскаго хребта; послѣднихъ и числомъ больше, чѣмъ текущихъ съ сѣверной гряды. Какъ главныя, были мнѣ названы: справа—Кашка-су, Кизилъ-ункуръ, Кизилъ-ишма, Дарауть, Кукъ-су; слѣва—Ургакъ-су, Кумапъ-су, Ачикъ-су, Такалакъ, Тузъ-су; затѣмъ ниже Алтынинъ-дара, Тараша-су, Бекъ-су, Лай-су, и Шуа-су. Я видѣлъ Кизилъ-су только близъ кургана, т. е. выше впаденія многоводной Кукъ-су и всѣхъ притоковъ, впадающихъ ниже Тузъ-су. Въ этомъ мѣстѣ рѣка представлялась весьма многоводною, хотя и меньшею, чѣмъ Заравшанъ у Пянджикента. Въ самомъ узкомъ мѣстѣ она имѣла десять саженъ ширины и была глубока, но какъ—этого сказать мнѣ никто не могъ; тотъ фактъ, что бродъ ни въ какую воду невозможенъ, кромѣ какъ чрезъ описанные выше рукава, указываетъ на значительную глубину. Теченіе быстрое, но такъ сказать плавное; она не несется съ такой стремительностью, какъ Заравшанъ въ большей части своего теченія. Конечно, такой характеръ теченіе ея имѣетъ въ Алаѣ, гдѣ долина очень постепенно спускается къ востоку.

Ниже, гдѣ начинаются тѣснины, теченіе ея вѣроятно не уступитъ по бурности теченію Заравшана. Красный цвѣтъ воды, какъ сказано, зависитъ отъ примѣси красной глины; получаетъ ее рѣка отъ размыва красныхъ глинъ, которыя въ обилiи встрѣчаются по краямъ всего Алая.

Кизилъ-су интересна въ томъ отношеніи, что она составляетъ верховье Сурхаба и слѣдовательно одна изъ вѣтвей (Quellarm), изъ которыхъ составляется Аму-дарья. Главною вѣтвью считается Пянджъ, вытекающій изъ озера Сирикуля (или Викторіи), открытаго англичаниномъ Вудомъ въ 1833 г. Сурхабъ признается второю, но наши свѣдѣнія объ истокахъ Аму-дарьи еще такъ слабы, что ничего положительнаго въ отношеніи сравнительнаго богатства водою разныхъ вѣтвей сказать нельзя.

Замѣчу еще только, что длиною Сурхабъ, по вычисленію Юля, немного уступаетъ Пянджу, всего на 5 миль ($6^1/_2$ в.).

Названіе Сурхабъ рѣка эта полу́чаетъ по соединеніи съ Мукъ-су. Поэтому весьма интересовало меня, которая изъ двухъ рѣкъ, Кизилъ-су или Мукъ-су, больше, чтобы рѣшить, которую изъ нихъ нужно считать за начало Сурхаба, которую за притокъ. Отвѣты были неопредѣленны: теперь (въ концѣ іюля) Мукъ-су больше, отвѣчало большинство. Это указываетъ только, что Мукъ-су питается снѣгами изъ болѣе высокихъ горъ, чѣмъ Кизилъ-су. Такъ какъ

южные притоки въ Тяньшанѣ многоводнѣе сѣверныхъ, что́ мы видимъ и въ Алаѣ, то и слѣдуетъ поэтому предполагать, что на южной окраинѣ долины Мука лежатъ еще болѣе высокія горы, чѣмъ Заалайскій хребетъ.

Впрочемъ, и ниже устья Мукъ-су Сурхабъ продолжаетъ обогащаться притоками. Мнѣ назвали семь рѣкъ, изъ которыхъ образуется Сурхабъ. Нужно замѣтить, что у туземцевъ нѣтъ обыкновенія названіе и представленіе о какой-нибудь рѣкѣ переносить вдоль теченія до самаго отдаленнаго или наиболѣе обильнаго водою истока. Такъ, они говорятъ, Заравшанъ образуется изъ трехъ рѣкъ: Мачи, Фана и Магіана; Аму-дарья изъ пяти (при исчисленіи которыхъ путаются); Сурхабъ изъ девяти: Кизилъ-су, Мукъ-су, Кукъ-су, Занку-су (иначе Лай-су, мутная вода, очевидно въ противоположность свѣтлой Кукъ-су), Ярхичь, Горифъ, Сангиканъ (впадаетъ въ предыдущую), Ходжаи-харфъ и Хуллясъ. Всѣ эти рѣки впадаютъ въ Сурхабъ въ предѣлахъ Каратегина; ниже должна еще впадать рѣчка Ховалингъ, протекающая по Кулябскимъ владѣніямъ. Ниже эта рѣка, кромѣ Сурхаба, носитъ еще названіе Вахшъ-дарья или Уашъ-дарья, названіе, которое мнѣ приходилось слышать и отъ туземцевъ и встрѣчать въ книгахъ. Такъ какъ другой большой рѣки въ этой мѣстности нѣтъ, то я считаю Вахшъ-дарью за Сурхабъ. Названіе Вахшъ очевидно происходитъ отъ Вахіи, небольшой провинціи и возможно, что названіе Вахшъ-дарьи Сурхабъ носитъ отъ впаденія Хуллясъ дарьи, протекающей чрезъ Вахію [1]).

Изъ всѣхъ девяти перечисленныхъ рѣкъ, изъ которыхъ, по понятіямъ туземцевъ, образуется Сурхабъ, только относительно двухъ можетъ быть вопросъ, которая изъ нихъ, по нашимъ понятіямъ, должна быть признана за верховье Сурхаба—Кизилъ-су или Мукъ-су. Но, какъ я уже говорилъ, мои свѣдѣнія недостаточны для этого. Алайскіе киргизы рѣдко и бываютъ на Мукъ-су; тамъ кочуютъ исключительно каратегинскіе киргизы, принадлежащіе къ роду Чуокъ. Про Мукъ-су мнѣ разсказывали, что она золотоносна, но какъ велико богатство ея золотомъ, сказать навѣрное нельзя. По аналогіи съ другими рѣками, вытекающими изъ Тяньшаня, золотоносность должна быть небольшая; извѣстно, что почти всѣ средне-азіятскія горныя рѣки и рѣчки имѣютъ золото, но въ весьма небольшомъ количествѣ; такъ что добыча едва даетъ средства на дневное пропитаніе занимающимся этимъ промысломъ бѣднымъ туземцамъ.

Обращаюсь къ жителямъ Алая: они исключительно киргизы и притомъ кочевники. Я видѣлъ всего два-три небольшихъ кургана, т.-е. обнесенныхъ глиняной стѣной пространства съ кое-какими постройками. Они служатъ укрытіемъ для киргизовъ, остающихся на зиму въ Алаѣ. Но такихъ сравнительно немного; большинство приходитъ въ Алай только на лѣто изъ долины Ферганы, на зиму же возвращается обратно и пасетъ свои стада на степныхъ невоздѣланныхъ пространствахъ, во множествѣ находящихся близъ самыхъ многолюдныхъ осѣдлыхъ поселеній. Эта-то необходимость для кочевниковъ приходить на зиму внизъ и составляетъ главную силу сартовъ, осѣдлой партіи; благодаря этому-то обстоятельству они и держатъ ихъ въ рукахъ. Сарты предоставляютъ киргизамъ кочевать въ горахъ безъ всякаго надзора и полиціи, они знаютъ, что если киргизы и задумаютъ бунтовать, то зимой все-таки будутъ у нихъ въ рукахъ и притомъ со всѣми своими стадами. Приходятъ киргизы въ Алай въ маѣ, а оставляютъ его въ теченіи августа, причемъ кочующіе въ верхней части Алая уходятъ раньше. Уже

[1]) Откровенно сказать, я не вполнѣ увѣренъ, Хуллясъ-ли протекаетъ по долинѣ Вахіи.

въ началѣ августа я видѣлъ аулы, которые шли изъ Башъ-Алая. Утренники бываютъ иногда въ Башъ Алаѣ уже очень чувствительные. Другіе киргизы не переходятъ чрезъ водораздѣлъ, а спускаются съ высокихъ лѣтовокъ къ рѣкѣ; видѣнная мною часть Алая вся служитъ какъ зимнее пастбище — кстау. Остаются на зиму киргизскіе роды таитъ и киргизъ-кипчакъ; прежде въ Алаѣ кочевали еще кадырча, которые теперь откочевали въ Шугнанскія горы.

Измаилъ токсаба и есть начальникъ постоянно кочующихъ въ Алаѣ киргизовъ; онъ тамъ недавно, всего съ 1870 года. Прежде для сбора зякета временно пріѣзжали сборщики изъ Оша. Но съ тѣхъ поръ какъ въ Каратегинѣ, вмѣсто вассала, коканцы имѣютъ врага, они усилили свою власть въ Алаѣ и, одновременно съ назначеніемъ новаго начальника, расширили курганъ свой. Нынѣшній курганъ представляетъ четырехугольникъ, обнесенный глиняными стѣнами до 2 саженъ высоты съ одними воротами на сѣверной сторонѣ. Внутри кургана возвышается старый, цѣликомъ вошедшій внутрь новаго, весьма маленькій и скорѣе похожій на небольшой домъ. Въ качествѣ дома онъ и служитъ для Измаила токсабы, съ которымъ говорятъ живутъ и жены его. Изнутри къ наружной стѣнѣ кургана примыкаютъ навѣсы, которые служатъ съ одной стороны укрытіемъ для людей, а съ другой на нихъ должны становиться защитники въ случаѣ нападенія; обширный пустой дворъ предназначенъ для привязыванія лошадей. Вотъ и все нехитрое устройство крѣпости. Она слаба, ничтожна, и это еще болѣе увеличивается тѣмъ, что она находится въ непосредственной близости высокихъ горъ; оттуда можно хоть камни въ нее бросать.

При Измаилѣ токсабѣ полагается 50—60 человѣкъ джигитовъ, т.-е. конныхъ съ ружьями или саблями; у всѣхъ навѣрное нѣтъ ружей. При насъ джигитовъ было гораздо меньше; я не насчиталъ и двухъ десятковъ. Если все спокойно, говорили мнѣ, то токсаба отпускаетъ ихъ по домамъ.

Въ Алай, какъ говорили мнѣ, приходятъ на лѣто и киргизы изъ Кашгара, т.-е. подчиненные Якубъ-беку; это выставлялось также причиной почему намъ нельзя ѣхать въ верхнюю часть Алая. Но и вообще въ верхней части Алая власть коканцевъ должно быть не сильна. Тамъ главнымъ авторитетомъ считается киргизка Мармаджанъ датха. Она вдова; мужъ ея былъ извѣстный Алимъ-датха, игравшій большую роль въ послѣднихъ междоусобіяхъ въ Кокансномъ ханствѣ, прославившійся между прочимъ звѣрскимъ убійствомъ въ Ошѣ.

Потомъ онъ и самъ погибъ; власть его перешла въ руки къ его женѣ, которая самостоятельно правитъ родомъ, пользуется огромнымъ авторитетомъ: наши джигиты не говорили о ней иначе, какъ съ великимъ уваженіемъ. Самъ ханъ очень почитаетъ ее и въ случаѣ пріѣзда въ Кокапъ принимаетъ ее какъ важнаго бека.

Зиму ея киргизы проводятъ въ Гульшѣ и сосѣднихъ зимовьяхъ. Занятіе киргизовъ въ Алаѣ, какъ и вездѣ, скотоводство. За нимъ идутъ нѣкоторыя ремесла, исполняемыя женщинами и не идущія далѣе потребностей семьи. Земледѣліе очень не развито, да и то сосредоточено въ самой низкой части Алая, начиная отъ кургана.

Поля не велики; сѣютъ пшеницу ляльми, т.-е. яровую, по поливаемую изъ арыковъ, ячмень и просо. Есть еще нѣсколько полей съ дженушкой (люцерной), но разведеніе ея—недавній опытъ, который однако удался; снимаютъ люцерну два раза въ лѣто; въ нижнихъ оазисахъ снимаютъ до 5 разъ, но для Алая и два раза замѣчательны: не нужно забывать высоту (8000′); это показываетъ, какъ высока въ Алаѣ температура лѣтомъ. Во время нашего пребыванія въ Алаѣ днемъ было жарко: 21-го іюля въ 11 ч. утра 22°С., 22-го въ

12 ч. дня 25°С. Ночи были прохладныя. 20-го іюля въ 12 ч. ночи было 9,5°С. На теплый климатъ Алая указываетъ и то обстоятельство, что снѣгъ сходитъ быстро; въ маѣ его уже нѣтъ, а снѣга по разсказамъ бываютъ глубокіе, и если зима бываетъ безъ вѣтровъ, которые бы сдували снѣгъ, то скотъ очень сильно страдаетъ, не будучи въ состояніи отрыть траву изъ подъ глубокаго снѣга.

Я видѣлъ много полей незасѣянными; мнѣ объяснили, что это послѣдствіе ухудшенія отношеній съ Каратегиномъ. Сѣмена для посѣва привозились изъ Каратегина, изъ Ферганы ихъ вести неудобно. Съ прекращеніемъ сношеній съ Каратегиномъ киргизы остались безъ сѣмянъ. Вообще обладаніе Алаемъ ставитъ Коканъ въ тѣсное соприкосновеніе съ Каратегиномъ, и мнѣ теперь понятно почему коканскіе политики приписываютъ такую важность Каратегинскому вопросу, т.-е. тому, чтобы правитель Каратегина былъ вассалъ Кокана. Помимо вопроса о сѣмянахъ, враждебность Каратегина усложнятъ вопросъ о повиновеніи алайскихъ киргизъ. Имѣя подъ рукой страну, которая ихъ всегда приметъ, они стали держать себя независимѣе относительно коканцевъ. Отказаться же отъ обладанія Алаемъ коканцамъ невозможно: куда пойдутъ со своими стадами киргизы, признающіе власть Кокана и проводящіе зиму близъ городовъ Маргіяна и др.

Я вовсе не видалъ алайскихъ киргизовъ въ ихъ лѣтовкахъ, если не считать тѣ два небольшихъ аула, которые встрѣтили меня въ ущельѣ Дараутъ. Причина та, какъ мнѣ объяснилъ Нуръ-Магометъ бій, что киргизы не подкочевываютъ близко къ кургану, ибо начальники любятъ употреблять ихъ на работы и вообще за всякими нуждами обратятся къ ближайшимъ ауламъ. По разсказамъ, лѣтовки въ Алаѣ очень богаты кормовыми травами, особенно въ южныхъ горахъ, которыя преимущественно любятъ киргизы, потому что трава не высыхаетъ до осени. Собрать эти травы мнѣ не удалось по вышеобъясненнымъ причинамъ, но мнѣ сообщили ихъ туземныя названія; лошади ѣдятъ битега, годо, донгузсырты, тогуздеге, мехеиръ, каракіякъ, айгырджигаръ; верблюды: балтырганъ, акъ-кулакъ, кумыздыкъ, кубыргенъ, актекенъ, битега; рогатый скотъ: шивиръ и битега; бараны ѣдятъ все то, что и верблюды.

Многія изъ этихъ растеній собраны навѣрное въ другихъ мѣстахъ и вообще, какъ я уже говорилъ, флора Алая, да также и фауна, не представляетъ поразительныхъ особенностей сравнительно съ тѣмъ, что мы видѣли на сѣверномъ склонѣ посѣщенныхъ нами горъ и въ Заравшанской долинѣ. Какъ уже сказано, водораздѣлъ не составляетъ рѣзкой границы. Но Алай замѣчателенъ еще нахожденіемъ формъ растеній и животныхъ чисто степныхъ, которыя на сѣверномъ склонѣ встрѣчаются далеко ниже. Въ растеніяхъ это выражается особенно рѣзко; поверхность низкой ровной части Алая покрыта растительностью совершенно степнаго характера: въ ней преобладаютъ по числу экземпляровъ формы или идентичныя или близкія къ степнымъ. Это было замѣчено и для другихъ частей Тянь-шана, именно долины и плоскогорья въ Нарынскомъ краѣ имѣютъ по преимуществу степную растительность, такъ что дѣлаютъ впечатлѣніе точно это не болѣе какъ части степи поднятыя на большую высоту.

Степной характеръ имѣетъ своихъ представителей и въ животныхъ; я видѣлъ пару куропатокъ, которыхъ по черному цвѣту брюха призналъ за Pterocles arenaria, т.-е. форму чисто-степную; затѣмъ, изъ птицъ въ Алаѣ было убито Erithrospiza githaginea Licht.; форма распространенная также въ жгучихъ степяхъ Сиріи. Сѣверцовымъ она была добыта на плоскогорьяхъ Нарынскаго края. Правда, онъ описываетъ ее за новый видъ—E. incarnata; его отличія сводятся къ болѣе свѣтлому цвѣту клюва и нѣкоторому от-

тѣпку въ цвѣтѣ пера, и Кабанисъ, видѣвшій мой экземпляръ, опредѣленный Сѣверцовымъ какъ incarnata, не находитъ въ немъ никакихъ отличій отъ сирійской формы. Остается одно отличіе: обитаніе въ степяхъ Сиріи и на высокихъ плоскогорьяхъ Азіи, но это не можетъ послужить къ отдѣленію тяньшанской формы въ особый видъ. Опредѣленія животныхъ, собранныхъ въ Алаѣ, далеко еще не кончены и потому я не могу увеличить списка примѣровъ; но могу сказать, что въ Алаѣ были найдены представители такихъ группъ животныхъ, которыя въ горахъ были встрѣчены только на небольшой высотѣ, напр. Mutilla. Mutilla и многія другія степныя формы могли проникнуть въ Алай по долинѣ рѣки чрезъ Каратегинъ: но въ Алаѣ и на сѣверномъ склонѣ были встрѣчены животныя, которыя западнѣе не наблюдались. Я разумѣю упомянутаго выше Stellio himalayanus; относительно его я считаю вправѣ предполагать, что это животное перешло чрезъ водораздѣлъ.

Водораздѣлъ между Аму и Сыромъ не составляетъ и политической границы. Алай, какъ сказано, принадлежитъ всецѣло Кокапскому ханству и обойтись безъ него Кокану невозможно. Вопросъ объ естественныхъ границахъ въ Средней Азіи, какъ извѣстно, теперь самый современный и я считаю здѣсь умѣстнымъ сказать, что при разрѣшеніи его нужно отрѣшиться отъ предвзятыхъ теоретическихъ представленій объ естественныхъ границахъ. Дѣйствительно, что̀ въ Европѣ составило бы хорошую естественную границу, то въ Средней Азіи, напротивъ, представляется совершенно негоднымъ для этой цѣли. Разсмотримъ это нѣсколько подробнѣе. Естественными границами могутъ быть моря, большія рѣки, горы и степи. Моря мы должны выключить: Аральское море по размѣрамъ и нахожденію внутри материка — озеро. Что касается горъ, то онѣ не могутъ служить границей, вслѣдствіе многочисленнаго кочеваго населенія, которое на лѣто идетъ въ горы. Этого измѣнить нельзя, потому что на этомъ зиждется, не говорю благосостояніе — но самое существованіе киргизовъ. Нарушается же при этомъ образованная горами естественная преграда потому, что кочевники въ большинствѣ случаевъ идутъ въ горы въ поперечномъ направленіи, а не вдоль хребта. Причины тому чисто-физическія: распредѣленіе зимнихъ кочевокъ, невозможность пройти многимъ стадамъ по одной дорогѣ, особенно по продольнымъ долинамъ, которыя всѣ очень узки; недостанетъ корму для скота, да и добраться до высокихъ горъ по продольнымъ долинамъ гораздо труднѣе, требуетъ больше времени. Однимъ словомъ, фактъ тотъ, что большинство передвиженій въ Тяньшанѣ совершается поперекъ горъ. Къ тому же строеніе горъ очень удобно для перехода: перевалы, абсолютно весьма высокіе, все-таки довольно низки сравнительно съ высотою вершинъ; въ южно-коканскомъ водораздѣльномъ хребтѣ мы находимъ при пикахъ въ 18—19,000′ перевалы высотою только въ 11,800′. Давно уже замѣчено, какое огромное значеніе имѣетъ отношеніе переваловъ къ вершинамъ на международныя сношенія. Для примѣра достаточно указать, что Пиренеи, менѣе мощныя, менѣе высокія, чѣмъ Альпы, составляютъ однако рѣзкую государственную и этнографическую границу, а Альпы, самыя высокія горы Европы, не въ состояніи быть такой границей. Въ Тяньшанѣ переходъ черезъ горы по абсолютно высокимъ переваламъ облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что подъемъ весьма постепененъ; приходится долго идти по долинамъ рѣкъ и потому у самаго перевала дѣлается весьма небольной подъемъ, въ Исфайрамѣ, напр., всего 700 фут. Наконецъ самые перевалы не особенно трудны и въ большинствѣ случаевъ мягки; трудныя же мѣста находятся въ нижележащихъ тѣснинахъ.

Что касается рѣкъ, то онѣ не составляютъ важныхъ границъ въ своихъ верхнихъ частяхъ,

потому что возникаютъ изъ весьма многихъ вѣтвей въ горныхъ странахъ, нераздѣленныхъ рѣзкими горами. Извѣстно, что большинство водораздѣловъ въ Высокой Азіи суть не болѣе какъ небольшія возвышенности, ничтожность которыхъ особенно бросается въ глаза по сравненію съ рядомъ тянущимися исполинскими цѣпями. И эти цѣпи не дѣлятъ страны: онѣ прорѣзаны ущельями, чрезъ которыя рѣки прорываются. Выйдя на открытое пространство, на степь, рѣка опять не составляетъ естественной границы: члены одного рода, подчиняющіеся одному и тому же начальнику, кочуютъ, напримѣръ, на противоположныхъ берегахъ Амударьи. Дѣло въ томъ, что хотя рѣка составляетъ преграду, но все-таки жителямъ праваго берега перейти ее гораздо легче, чѣмъ жителямъ лѣваго достигнуть до рѣки чрезъ безплодную степь. Затѣмъ рѣка особенно неудобна какъ естественная граница для государства еще по одному обстоятельству.

Какъ я уже говорилъ, въ Средней Азіи города не находятся на берегахъ большихъ рѣкъ: всѣ они стоятъ или на небольшихъ горныхъ рѣчкахъ или на арыкахъ, отведенныхъ отъ большихъ рѣкъ. Исключеніе составляетъ Ходженъ, но только кажущееся. Сыръ-дарья на берегу которой онъ стоитъ, остается для города безполезною, скорѣе составляетъ для него невыгоды, заставляя жителей терять время на переправу. Можетъ же Ходженъ существовать только благодаря тому счастливому обстоятельству, что вблизи вытекаетъ изъ горъ рѣчка Ходжа-бакарганъ, воды которой и орошаютъ поля и сады Ходжента. Такъ какъ въ среднемъ своемъ теченіи Аму и Сыръ не имѣютъ притоковъ, то возстановленіе и существованіе осѣдлыхъ поселеній возможно только при условіи устройства большихъ длинныхъ каналовъ, что́ если возможно, то въ далекомъ будущемъ, да и то не вездѣ. Проходить же удобная государственная граница вдоль незаселенной рѣки не можетъ, какъ не можетъ проходить и чрезъ степь съ кочевымъ населеніемъ. Въ подтвержденіе этого мнѣ достаточно сослаться на болѣе чѣмъ столѣтній опытъ, когда Россія настойчиво старалась, чтобы ея государственная граница проходила по киргизскимъ степямъ. Какъ ни старались, а пришлось дойти до осѣдлаго населенія. Фактъ негодности степей, какъ границы Россіи, на лицо; мы можемъ только спорить о причинахъ этого явленія. Для меня, впрочемъ, причина ясна: она заключается въ условіяхъ существованія, образѣ жизни, взглядахъ и потребностяхъ кочеваго населенія. Будь киргизскія степи населены осѣдлымъ арійскимъ населеніемъ, съ извѣстной цивилизаціей, въ киргизскихъ степяхъ сложилась бы у Россіи граница, какъ она сложилась въ Европѣ между разными народами, гдѣ также часто нѣтъ хорошихъ физическихъ границъ. Но этого населенія нѣтъ и по физическимъ условіямъ киргизскихъ степей не могло быть, и въ результатѣ вышло, что Россіи пришлось безъ особой денежной выгоды для себя спуститься сильно къ югу. Фактъ многими признаваемый за весьма прискорбный, но, по моему разумѣнію, неизбѣжный. Прискорбнѣе всего то, что и въ настоящее время въ нѣкоторыхъ пунктахъ границы условія не улучшились. Часто и особенно сильно еще недавно (въ англійскихъ газетахъ) указывалось, что движеніе и завоеванія Россіи въ Средней Азіи дѣло личныхъ побужденій русскихъ генераловъ. Я полагаю однако, что русскіе генералы тутъ не причемъ (въ этомъ смыслѣ). Дѣйствительно, мы знаемъ изъ завоеваній Кавказа, напр., довольно фактовъ, гдѣ личныя желанія начальствовавшихъ были поводомъ къ экспедиціямъ и сраженіямъ, слышимъ и о нѣсколькихъ подобныхъ случаяхъ въ Туркестанѣ; но не нужно этому придавать иного значенія, кромѣ того, что личные разсчеты имѣли послѣдствіемъ частныя событія, ускоряли можетъ быть ходъ событій и вообще служили только поводомъ къ исполненію того, что́

можетъ быть отдалилось бы на нѣкоторое время и все-таки совершилось бы не вслѣдствіи предписаній свыше или заранѣе предназначеннаго, а потому, что положеніе дѣлъ и разныя физическія условія приводили именно къ этому результату, а не къ другому. Изъ предыдущаго однако вовсе не слѣдуетъ, что Россія не пайдетъ въ Средней Азіи своей границы; нѣтъ, граница будетъ, въ этомъ нельзя сомнѣваться, но я предыдущими замѣтками хотѣлъ только предупредить требованія и желанія установить такую границу теоретически, исходя изъ понятій объ естественныхъ границахъ, и указать, что намъ нужно искать удобной границы, которую вовсе нельзя опредѣлить, сидя въ кабинетѣ, особенно при настоящемъ болѣе чѣмъ недостаточномъ состояніи свѣдѣній о странахъ, еще незанятыхъ русскими.

Эту удобную границу можно найти только практическимъ путемъ посредствомъ изученія на мѣстѣ, потому что, какъ я видѣлъ во многихъ случаяхъ, практически удобнымъ и притомъ обоюдно для обоихъ сосѣдей границы въ Средней Азіи часто выражаются въ самыхъ ничтожныхъ преградахъ и относятся къ теоретически естественнымъ границамъ, какъ, напримѣръ, ничтожный бугоръ, составляющій водораздѣлъ двухъ обособленныхъ бассейновъ, относится къ идущей рядомъ исполинской цѣпи, которая однако не въ состояніи раздѣлить двѣ рѣчушки.

Но послѣ этого отступленія возвращаюсь къ Алаю, именно спѣшу дополнить мое сообщеніе, что изъ долины Ферганы прикочевываютъ въ Алай только тѣ киргизы, которые имѣютъ одногорбыхъ верблюдовъ—наровъ. Только эти верблюды въ состояніи подниматься съ тяжестями по крутымъ горнымъ тропинкамъ и переходить черезъ перевалы въ бассейнъ Аму-дарьи; тѣ же киргизы, у которыхъ нѣтъ наровъ, должны довольствоваться болѣе бѣдными лѣтовками на сѣверномъ склонѣ горъ. Верблюдъ вообще животное плохое для горныхъ дорогъ, особенно каменистыхъ; онъ очень скоро сбиваетъ и ранитъ свои мягкія подошвы и потому для караваповъ его не употребляютъ (развѣ дороги мягки и удобны, какъ въ Нарынскомъ краѣ). Киргизу же дѣлать перекочевку безъ верблюдовъ невозможно: сколько потребуется лошадей для перевозки домашняго скарба, да и прокармливать лошадей гораздо труднѣе. Стоитъ сравнить приведенный выше списокъ растеній, поѣдаемыхъ верблюдами и лошадьми, чтобы видѣть, насколько разнообразнѣе пища верблюдовъ. Къ тому же верблюдъ ѣстъ почти всѣ степныя растенія, которыя для лошади недоступны; горькая полынь и растенія съ огромными твердыми колючками (напр. джантакъ, Alhagi camelorum) ему пипочемъ. Вообще киргизъ, у котораго есть лошади, рогатый скотъ, но нѣтъ верблюдовъ, и не помышляетъ о перекочевкѣ, а мирится съ долей бѣдняка, пгенчи (земледѣльца).

Изо всѣхъ моихъ путешествій Алай былъ наиболѣе близкимъ пунктомъ къ тѣмъ мѣстностямъ, изслѣдованіе которыхъ ведется съ юга, со стороны Британской Индіи до озера Серикуля, самого сѣвернаго пункта, до котораго доходили англійскіе изслѣдователи (именно капитанъ Вудъ въ 1833) по прямой линіи отъ Алая всего 240 верстъ. Разстояніе сравнительно ничтожное, которое и въ Европѣ можно проѣхать въ пять часовъ, разстояніе, не превосходящее того, на какомъ лежитъ отъ Ташкента Самаркандъ. Но, несмотря на эту близость, Вудовское озеро и для многихъ послѣдующихъ посѣтителей Алая, боюсь, будетъ менѣе доступно, чѣмъ тоже озеро кружнымъ путемъ черезъ Суэцъ и Индію. Между тѣмъ прямая дорога удобно проходима, что доказывается примѣромъ муллы, посланнаго англичанами въ 1863 году въ Коканъ; онъ прошелъ отъ Лангаръ Вохана до Алая въ 14 дней, а такъ какъ озеро Серикулъ лежитъ ближе, то особенно лѣтомъ, до него можно добраться всего въ 12 дней. Эти 12 дней, эти 240 в. и составляютъ перерывъ въ горахъ нагорной Азіи между

изслѣдованіями съ юга, англичанъ, и съ сѣвера русскихъ. Это та, въ дѣйствительности еще нейтральная полоса (какъ я назову ее въ противоположность фиктивной, недавно установленной дипломатическимъ путемъ), на которую не ступала еще нога ни русскихъ, ни англичанъ, хотя стремленія къ тому, въ виду высокаго научнаго интереса этой мѣстности, высказываются съ обѣихъ сторонъ, особенно со стороны англичанъ, посланецъ которыхъ Хэйвардъ заплатилъ даже жизнью за свои настойчивыя попытки проникнуть въ таинственный Памиръ.

Мое искреннее желаніе, стремленія быть на Памирѣ, мечты о чемъ я лелѣялъ со времени отъѣзда въ 1868 году въ Туркестанъ, не привели къ желанному результату. Мнѣ удалось только дойти до сѣверной окраины и, главное, выяснить орографію частей, прилегающихъ къ Памиру съ сѣвера. Мой путь, какъ я замѣтилъ выше, остановился у подножія величественной крыши міра—Бамъ-и-дунеа, какъ называютъ туземцы эту возвышенную страну; видѣнный мной Заалайскій хребетъ составляетъ какъ бы край этой крыши міра. По временамъ меня разбираетъ досада, что нашъ путь кончился у кургана токсабы, что мы не могли перешагнуть черезъ этотъ край — Заалайскій хребетъ, но припоминая всѣ обстоятельства путешествія, я вижу, что другого исхода и быть не могло. Я говорилъ уже, что путешествіе было предпринято при отсутствіи всякихъ предварительныхъ свѣдѣній, въ полномъ невѣдѣніи, гдѣ и при какихъ условіяхъ мы будемъ путешествовать. При такихъ скитаніяхъ мы попадаемъ весьма неожиданно для насъ самихъ въ бассейнъ Аму-дарьи, и оказывается, что мы въ нѣсколькихъ дняхъ пути отъ одной изъ самыхъ неизвѣстныхъ и загадочныхъ частей земнаго шара. Мое первое желаніе—идти дальше, но киргизскій полковникъ говоритъ: «Нѣтъ, дальше нельзя, нужно назадъ». Я былъ тогда очень золъ на этого полковника, но хладнокровно обсуждая положеніе дѣлъ, долженъ согласиться, что онъ былъ правъ. Какъ могли мы идти на нѣсколько дней въ пустынную мѣстность, не имѣя запасовъ ни фуража, ни провіанта (того, что было съ нами, намъ не хватило и на обратный путь изъ Алая: мы два дня голодали; см. ниже) и не имѣя возможности пріобрѣсти ихъ. Еслибы теперь, при тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя собраны мною во время совершеннаго путешествія, можно было отправиться на Памиръ, то я отправился бы и перешелъ бы его весь, ни спрашивая ни у кого дороги; осложненія и затрудненія могли бы только зависѣть отъ политическихъ причинъ. Долго Памиръ и вообще страна въ верховьяхъ Оксуса оставаться неизслѣдованными не могутъ: либо русскіе, либо англичане, но раскроютъ ея тайны; теперь положеніе дѣлъ не таково, какъ нѣсколько лѣтъ назадъ, когда послѣ путешествія Вуда въ 1833 г. прошло почти сорокъ лѣтъ, пока другіе европейцы посѣтили верховья Оксуса.

Я впрочемъ больше вѣрю (по крайней мѣрѣ желалъ бы), что русскіе сдѣлаютъ это и еще разъ впишутъ свое имя въ географическую лѣтопись, которая, по общему признанію, обязана имъ уже такъ многимъ. Я вѣрю въ это потому, что доступъ на Памиръ съ сѣвера гораздо удобнѣе. Сколько мнѣ приходилось читать,—со стороны Индіи очень трудно проникать въ горы, и прежде чѣмъ добраться до бассейна Аму-дарьи, имъ нужно пройти широкій горный поясъ, запятый весьма дикими и враждебными племенами. Со стороны Россіи условія гораздо благопріятнѣе, и еслибы дѣло шло только о томъ, чтобы пройти (не говорю изслѣдовать) Памиръ и былъ бы охотникъ, то онъ смѣло могъ бы держать пари, что въ мѣсяцъ онъ успѣетъ изъ Ташкента посѣтить, пройдя Памиръ, озеро Сирикуль и вернуться назадъ.

Главнымъ результатомъ моей поѣздки въ Алай было выясненіе орографіи страны, ле-

жащей къ югу отъ долины Ферганы. Прежнія свѣдѣнія были весьма смутны и картографы приходили въ отчаяніе, когда имъ нужно было изображать эту часть Азіи и, рисуя Богъ знаетъ что, оговаривались, что «намъ поверхность луны лучше извѣстна, чѣмъ эта мѣстность». Что же оказалось: рядъ грядъ, послѣдовательно все болѣе и болѣе высокихъ въ направленіи къ югу, грядъ, идущихъ въ направленіи съ востока на западъ и раздѣленныхъ болѣе или менѣе длинными и обширными долинами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилось отношеніе Когистана, т.-е. горъ Заравшанскаго бассейна къ Тяньшану и Гималаямъ. Имѣя пробѣлъ во всю длину Коканскаго ханства, можно было почти съ одинаковой вѣроятностью продолжать горы Когистана и къ Тяньшану и къ Гималаямъ. Не говорю о простыхъ смертныхъ—многіе изъ нихъ съ увѣренностью разсказывали мнѣ, что къ югу отъ Ходжента и Уратюбе они видѣли Гималайскія горы, и въ литературѣ существуетъ мнѣніе, что горы Заравшанскаго бассейна и окрестностей Самарканда должны быть отнесены къ Гималаямъ [1]). Нужно сказать, что до послѣднихъ завоеваній и путешествій русскихъ, преобладалъ взглядъ Гумбольдта, установившаго въ своей знаменитой «Asie centale» пять горныхъ системъ въ Средней Азіи: Алтайскую, Тяньшанскую, Болорскую, Куэньлюнскую и Гималайскую; изъ нихъ Болорская—меридіональная, связывающая Тяньшанскую съ Гималайской. Позже, съ изученіемъ новыхъ и притомъ добытыхъ наблюденіями фактовъ (Гумбольдтовское построеніе основывалось частью на данныхъ, полученныхъ распросами, и на маршрутахъ необразованныхъ людей), около половины шестидесятыхъ годовъ, русскій путешественникъ Н. А. Сѣверцовъ и англичанинъ майоръ Монгомери, шефъ индѣйскаго бюро для Transhymalayan explorations, вычеркнули Болорскую систему Гумбольдта, какъ самостоятельную отъ Гималаевъ и Тяньшана, и такимъ образомъ сократили число горныхъ системъ до трехъ: Алтайской, Тяньшанской и Гималайской (Куэньлюнская пала еще раньше: она оказалась сѣверной окраиной Гималайской). Горную страну въ верховьяхъ Оксуса, гдѣ помѣщался Гумбольдтовскій Болоръ, гг. Сѣверцовъ и Монгомери представили какъ образованную продолженіями сосѣднихъ Тяньшана и Гималаевъ, пересѣченіемъ ихъ отроговъ (Сѣверцовъ). Позже Сѣверцовъ отроги гималайской системы распространилъ до Самарканда, и всю горную массу отъ задней Индіи и южнаго Китая до Самарканда и Нураты называетъ Тибето-памирскимъ нагорьемъ въ противуположность Тяньшанскому нагорью, которое онъ отрѣзываетъ отъ остальныхъ горъ близъ Терекъ-давана.

При такомъ дѣленіи получились самыя неестественныя соединенія и напротивъ раздѣлились самыя близкія и сродныя части. Далѣе, въ особомъ приложеніи я разовью подробнѣе мои взгляды по вопросу о классификаціи горныхъ массъ средней Азіи, здѣсь же сообщу главные результаты, къ которымъ привело меня изслѣдованіе на мѣстѣ.

Относительно связи съ Тяньшаномъ оказалось, что горныя гряды, которыя мы видимъ въ Когистанѣ, идутъ на востокъ (конечно не непрерывно, такъ сказать—выклиниваясь, чередуясь) вплоть до Тяньшанской системы Сѣверцова и, судя по имѣющимся свѣдѣніямъ, продолжаются и тамъ, сохраняя вообще тоже направленіе. Не будь горъ, гдѣ лежитъ Памиръ, никто бы никакого не возымѣлъ сомнѣнія признать Когистанъ и горы Самарканда за югозападный конецъ Тяньшана. Но по моему убѣжденію этому сомнѣнію и теперь нѣтъ мѣста и вотъ почему: въ бассейнѣ Аму-дарьи на сѣверѣ извѣстна изъ моего путешествія Заалай-

[1]) См. карту Сѣверцова въ Изв. Геогр. Общ. Т. VIII. 1872 г.

ская цѣпь, на югѣ изъ путешествій англійскихъ изслѣдователей оказывается, что горы идутъ тоже въ видѣ грядъ съ востока на западъ. Въ остающемся пространствѣ изъ маршрутовъ туземцевъ тоже оказывается неизбѣжнымъ предположить существованіе грядъ. Такимъ образомъ оказывается, что вся страна между Гиндукушемъ и Гималаями на югѣ и Сыръ-Дарьей на сѣверѣ наполнена рядомъ параллельныхъ, тянущихся съ востока на западъ [1]) грядъ. Такъ какъ крайнія сѣверныя гряды тѣсно примыкаютъ къ Тяньшану, нераздѣлимы отъ него, такъ какъ далѣе къ югу лежащія гряды не представляютъ какихъ-либо рѣзкихъ отличій отъ сѣверныхъ, то я не вижу возможности горную страну въ верховьяхъ Аму относить къ другой системѣ, чѣмъ горную страну, гдѣ лежатъ истоки Сыра. При этомъ выходитъ только вотъ что: южная часть этой горной страны верховьевъ Аму такъ тѣсно примыкаетъ во всѣхъ отношеніяхъ къ Гималаямъ и Гиндукушу, что отдѣлима отъ нихъ только искусственно. Въ виду этого намъ остается только одно: всѣ названныя горныя массы признать за части одной первокласной горной системы, на которую я предлагаю распространить названіе Нагорная Азія, «Hochasien», данное сначала для одного Гималайскаго нагорья. Вмѣсто пяти системъ Гумбольдта будетъ слѣдовательно только двѣ: Алтай и Нагорная Азія; это дѣленіе будетъ весьма естественно: время образованія, расположеніе горныхъ массъ, физическій характеръ этихъ двухъ системъ весьма различны, тогда какъ, напротивъ, всѣ указанныя моменты у Тяньшана и Гималаевъ весьма сходны; но объ этомъ подробнѣе въ приложеніи, равно какъ и о томъ, какія частныя дѣленія слѣдуетъ принять въ системѣ Нагорной Азіи.

Тѣсная связь всѣхъ горныхъ массъ отъ равнинъ Индіи до прибалхашскихъ степей выражается между прочимъ и въ распространеніи животныхъ и растеній. На существованіе однѣхъ и тѣхъ же формъ растеній въ Тяньшанѣ и въ Гималаяхъ было указано еще П. П. Семеновымъ, позже и болѣе подробно барономъ Остенъ-Сакеномъ, которому удалось найти нѣсколько замѣчательныхъ формъ растеній, бывшихъ извѣстными только изъ Гималаевъ. Мои путешествія еще болѣе увеличили число ихъ. Для животныхъ свѣдѣнія были отрывочнѣе, бѣднѣе, да и то ограничивались лишь птицами и звѣрями. Мои собранія дали Гималайскихъ представителей почти изъ всѣхъ классовъ и отрядовъ. Во время странствованій по горамъ и ущельямъ близъ Алая сходство съ Гималайской фауной выступало всего рѣзче и потому я считаю здѣсь умѣстнымъ остановиться на этомъ нѣсколько подробнѣе.

Въ звѣряхъ и птицахъ общаго мы находимъ много; значительное число формъ, встрѣчающихся въ Тяньшанѣ, распространяется вплоть до Индіи, но есть и такія, главное распространеніе которыхъ повидимому въ Гималаяхъ. Весьма характерно для всей системы Нагорной Азіи обиліе дикихъ горныхъ барановъ, но они еще недостаточно извѣстны, именно не сравнены Тяньшанскіе и Гималайскіе экземпляры, такъ что нельзя судить, доходитъ ли здѣсь сходство до того, что Тяньшанъ и Гималаи имѣютъ одни и тѣже виды (тоже относительно козловъ и медвѣдей). Относительно птицъ мы имѣемъ больше данныхъ. Въ непосредственной близости Алая, въ горахъ образующихъ водораздѣлъ между Сыромъ и Аму, изъ 39 добытыхъ видовъ птицъ 26, т. е. ровно двѣ трети оказалось такихъ, о которыхъ мнѣ извѣстно, что онѣ живутъ и въ горахъ Гималаевъ (о нахожденіи другихъ у меня нѣтъ подъ рукой свѣдѣній); въ числѣ этихъ видовъ нѣкоторые принадлежатъ къ числу рѣдкихъ, т. е. извѣстныхъ почти изъ одной Нагорной Азіи, напримѣръ Rüticilla semirufa Ehrb., R.

[1]) Въ рукописи сказано: съ сѣвера на югъ; но это очевидно обмолвка. Ред.

erythrogastra Bon., Fringalauda nemoricola, Ibidorhynchus Struthersii, Parus macrolophus (rufonuchalis Blyth), Emberiza caniceps Bon., Saxicola indica Bl., opistolenca Bl., Myiophonus Temminkii Schl., Perdix chukar Gr., Megaloperdix Nigelii [1]). Но не только близъ Алая фауна птицъ представляетъ много формъ распространенныхъ въ Гималаяхъ,—вообще Тяньшанъ и Гималаи имѣютъ много общихъ формъ. Къ сожалѣнію фактовъ въ этомъ направленіи извѣстно еще мало, но вотъ не безынтересныя данныя: изъ 58 видовъ птицъ, привезенныхъ мною изъ Туркестана и показанныхъ Кабанису въ Берлинѣ, оказалось 28, т. е. половина такихъ, которыя извѣстны изъ Гималаевъ и вообще горъ сѣверной Индіи, а нужно замѣтить, что изъ привезенной мною коллекціи (всего болѣе 200 видовъ) я взялъ заграницу формы наиболѣе своеобразныя, почитавшіяся по большей части исключительно свойственными Туркестану; между остальными число общихъ видовъ будетъ еще больше, такъ какъ тамъ большинство видовъ имѣетъ обширное распространеніе. Съ другой стороны въ спискѣ птицъ, привезенныхъ Гендерсономъ, сопровождавшимъ Форсита въ его путешествіи въ Яркендъ, (всего 157 видовъ) я нахожу не менѣе половины видовъ, уже найденныхъ въ Туркестанѣ, а въ списокъ Гендерсона вошли и птицы, собранныя во время пути по равнинамъ Пенджаба, въ Кашмирѣ, слѣдовательно чисто тропическія. Едвали я ошибусь, сказавши, что не половина и не двѣ трети, а значительно большее число видовъ птицъ, обитающихъ въ Тяньшанѣ, окажутся распространенными до Гималаевъ включительно. Разница выражается въ томъ, что нѣкоторыя своеобразныя Гималайскія формы птицъ окажутся не распространяющимися до Тяньшана. Напримѣръ, отъ своеобразныхъ Garrulax, видами которыхъ такъ богаты Гималаи, неизвѣстно ни одного представителя изъ Тяньшана и нельзя его надѣяться найти, по крайней мѣрѣ къ сѣверу отъ Алая. Я остановился нѣсколько подробнѣе на птицахъ въ виду того, что для этихъ животныхъ есть сколько-нибудь полный матеріалъ относительно Гималаевъ; другіе классы и особенно безпозвоночныя еще слишкомъ мало извѣстны изъ Гималаевъ, чтобы можно было дѣлать подробныя сравненія; но и немногое, что извѣстно, только подтверждаетъ выводы, сдѣланные на основаніи птицъ. Объ ящерицѣ, найденной мною въ Алаѣ и на сѣверномъ склонѣ водораздѣла, я говорилъ уже, что она оказалась тождественною съ Гималайскимъ Stellio hymalayanus Steind. О принадлежности большей части рыбъ Тяньшана къ родамъ, распространеннымъ въ рѣкахъ Гималаевъ, я тоже говорилъ. Теперь перехожу къ безпозвоночнымъ. Я оставлю въ сторонѣ тѣ формы, которыя кромѣ Тяньшана и Гималаевъ извѣстны еще изъ другихъ странъ, и укажу лишь такія, которыя до сихъ поръ были извѣстны только изъ Гималаевъ. Во всѣхъ отрядахъ насѣкомыхъ, собранныхъ мною, которые до сего времени подробно уже разобраны обработывающими мои коллекціи, оказались такія формы. Между чешуекрылыми нашлась Colias eogene Feld., описанная изъ Гималаевъ, изъ прямокрылыхъ Hierodula tenuidentata, только что описанная изъ Индіи Соссюромъ, изъ сѣтчатокрылыхъ Idricerus n. sp., единственный представитель котораго тоже недавно описанъ Макъ-Лахланомъ изъ сѣверной Индіи.

Классъ слизняковъ, обработка котораго уже закончена профессоромъ Мартенсомъ, пред-

---

[1]) Къ этимъ формамъ слѣдуетъ прибавить еще слѣдующія формы изъ Тяньшана, до сихъ поръ почитавшіяся Гималайскими Ruticilla coeruleocephala Vig., Calliope pectoralis Gould., Saxicola capistrata, Certhia hymalayana Vig. Прежде найденные въ Тяньшанѣ Carpodacus rubicilla и rhodochlamys Brdt., Coccothraustes spiculigerus Brdt. (Mycerobas carnipes Gould.) были найдены потомъ въ Гималаяхъ.

ставилъ два вида (Bulimimus eremita и segregatus), которые до сихъ поръ извѣстны были только какъ обитатели Гималаевъ; всего же оказалось 11 видовъ слизняковъ, распространеніе которыхъ отъ Туркестана до Гималаевъ могло быть констатировано по имѣющимся даннымъ. Для всего числа (50 видовъ) извѣстныхъ изъ Туркестана это составляетъ порядочный процентъ, если припомнить, что всего изъ Гималаевъ (окрестности Симлы, Тибетъ, Кашмиръ, Авганистанъ) извѣстно только 62 вида слизняковъ, тогда какъ ихъ тамъ, судя по тому, что мнѣ въ столь неблагопріятномъ по климату Туркестанѣ удалось найти всего въ три года 50 видовъ,—должно быть нѣсколько сотъ. Въ слизнякахъ мы встрѣчаемъ еще другой намекъ на близкое отношеніе къ Гималаямъ: въ Туркестанѣ найдены 2 представителя рода Macrochlamys (sogdianus и turanicus), рода распространеннаго по преимуществу въ Гималаяхъ и еще встрѣчающагося только на островѣ Явѣ.

Дальнѣйшая обработка моихъ коллекцій дастъ, я увѣренъ, еще факты въ томъ же смыслѣ, а болѣе тщательное изученіе фауны Гималаевъ [1]) укажетъ, какъ велико число формъ, распространяющихся до Гималаевъ съ сѣвера. Судя по всему, Гималаи составляютъ крайній предѣлъ, до котораго распространяются на югѣ Азіи формы такъ-называемой палеарктической области. Извѣстно, что послѣ безплодныхъ попытокъ раздѣлить землю на безчисленное количество такъ-называемыхъ царствъ и провинцій, зоологи, въ согласіи со все болѣе и болѣе утверждающимся въ наукѣ унитарнымъ взглядомъ, пришли къ мысли, что единственно возможно дѣленіе на однѣ обширныя области, напримѣръ, всей земной поверхности только на пять, на шесть областей. Вся Европа съ сѣверной окраиной Африки, Сибирь, Сѣверная Америка составятъ одну область палеарктическую. Привезенныя мною коллекціи несомнѣнно доказываютъ, что и Туркестанъ входитъ въ составъ этой области; обращая же вниманіе на указанное сродство въ фаунѣ Тяньшана съ Гималайской, приходится палеарктическую область распространить до окраины Индіи, причемъ Гималаи составятъ для нея весьма естественную окраину на югѣ. Но помимо такого общезоогеографическаго интереса, тѣсная связь фауны Тяньшана съ Гималайской представляетъ величайшій интересъ для мѣстныхъ изслѣдователей въ этихъ странахъ: задача ихъ много расширяется и вниманію ихъ предстоитъ выясненіе любопытнѣйшихъ послѣдствій и отношеній, которыя возникаютъ вслѣдствіе того, что имѣется огромная площадь съ разнообразнѣйшимъ рельефомъ и самыми различными физическими условіями, площадь, соприкасающаяся съ тропическими равнинами, безводными степями а на сѣверѣ почти съ тундрами. Послѣ этого длиннаго отступленія возвращаюсь къ разсказу о путешествіи.

Джигиты уже на второй день отчаянно приставали ко мнѣ, говоря, что пора ѣхать обратно: «видѣли Алай, чего же больше»,—говорили они. Возбудивъ сильное неудовольствіе, я остался на третій день. Въ этотъ день меня рѣшили пугать: получено-де извѣстіе, что каратегинцы узнали о томъ, что мы пріѣхали въ Алай, что имъ изъ Карамука, до котораго всего 16 верстъ, ничего не стоитъ пріѣхать въ Алай и т. д., и т. д.—разные ужасы. Все сводилось къ тому, что намъ никакъ нельзя долѣе оставаться въ нашемъ лагерѣ близъ Ки-

[1]) Какъ ни странно, но безспоренъ тотъ фактъ, что Гималаи еще не были подвергнуты изученію въ отношеніи фауны, особенно безпозвоночныхъ, спеціалистами-зоологами. Имѣющіяся собранія сдѣланы или путешественниками проходившими на-скоро, чаще съ политическими цѣлями, или любителями (напр. Hodgson). Вѣроятно это зависитъ отъ того, что близость тропической Индіи съ ея богатой и оригинальной фауной привлекала вниманіе немногихъ изслѣдователей Индіи.

зилъ-су и что нужно ѣхать. Я рѣшительно сказалъ, что мы выѣдемъ на завтра (я хотѣлъ чтобы Ольга Александровна успѣла какъ слѣдуетъ сдѣлать рисунокъ Заалайскихъ горъ, который она дѣлала красками, что занимало очень много времени). Черезъ нѣсколько времени ко мнѣ является посланный отъ токсабы съ просьбою переночевать сегодняшнюю ночь въ курганѣ, такъ какъ имѣя нѣкоторыя свѣдѣнія, что каратегинцы и т. д., опасаясь что и т. д., имѣя въ виду приказъ Султанъ-Мурадъ-бека, чтобы мы возвратились изъ Алая цѣлы и невредимы и т. д., однимъ словомъ, оффиціально изложили мнѣ то, что́ еще съ утра пѣли джигиты. Я отлично понималъ, что вся цѣль сдвинуть насъ съ мѣста и смѣнить нашу временную осѣдлость странствіемъ въ направленіи къ очаровательнымъ для джигитовъ городамъ Ферганы. Рисунокъ былъ конченъ, сдѣлать больше, сколько ни сидѣть на берегу Кизилъ-су, ничего не удалось бы, и я самъ имѣлъ въ виду на завтра ѣхать. Переѣздъ же на ночь въ курганъ только помогалъ выѣхать на завтра пораньше: укладка, которая при подъемѣ съ остановокъ всегда брала много времени, была бы сдѣлана съ вечера. Я, въ топъ комедіи, отвѣчалъ, что очень благодаренъ токсабѣ за заботливость о нашей безопасности, за сдѣланное предупрежденіе, и сказалъ, что къ вечеру пріѣду къ нему въ курганъ, гдѣ надѣюсь найдти защиту отъ враговъ хана и русскихъ. Вечеромъ мы со всѣмъ имуществомъ перекочевали на 250 саженъ къ сѣверу и прибыли въ курганъ. Кокапскіе джигиты остались, впрочемъ, на старомъ мѣстѣ, т. е. тамъ, гдѣ должно было послѣдовать нападеніе каратегинцевъ. Въ курганѣ насъ очень любезно принялъ токсаба, повторяя, что заботливость, каратегинцы, караки (разбойники) и т. д. Я разсыпался въ увѣреніяхъ, какъ я это чувствую и т. д. Меня забавляла эта комедія. Будучи въ душѣ золъ до крайности на то, что приходится отъ подножія Памира поворачивать назадъ, я давалъ выходъ своей злобѣ, приставая въ свою очередь къ токсабѣ, какъ онъ думаетъ справиться съ каратегинцами, въ которомъ часу онъ думаетъ будетъ нападеніе, достаточно ли у него людей и т. д. Кончилось, кажется, тѣмъ, что самъ токсаба расхохотался; вообще онъ былъ человѣкъ веселый, для мусульманина даже неприлично веселый. что объясняется тѣмъ, что онъ киргизъ, а ихъ вообще мало коснулось еще вліяніе мусульманскаго этикета. Наши отношенія, несмотря на мои приставанья относительно поѣздки дальше, несмотря на неудачный подарокъ (часы), были самыя любезныя. Онъ озаботился даже о подаркѣ мнѣ довольно цѣннымъ: добылъ изъ киргизскихъ лѣтовокъ молодаго годовалаго бычка — яка. Якъ, животное столь обыкновенное въ Тибетѣ, содержится и жителями страны въ верховьяхъ Оксуса и близъ Алая, какъ я говорилъ, достигаетъ сѣверозападной границы. Подаренный мнѣ экземпляръ былъ приведенъ изъ лѣтовки Бохвачь, лежащей къ сѣверу отъ водораздѣла. Фактъ привода подтвердилъ высказанное мною выше убѣжденіе въ существованіи сообщенія, и притомъ легкаго, между Алаемъ и Караказукомъ.

Я рѣшилъ подареннаго мнѣ яка не рѣзать, а вести съ собою въ Ташкентъ. Джигитамъ это крѣпко не понравилось: они разсчитывали покушать чрезвычайно вкуснаго мяса, а тутъ предвидится возня и новая забота. Несмотря на всѣ трудности, якъ былъ благополучно приведенъ въ Ташкентъ и остался живъ и бодръ при моемъ отъѣздѣ. Что́ сталось съ нимъ потомъ, не знаю.

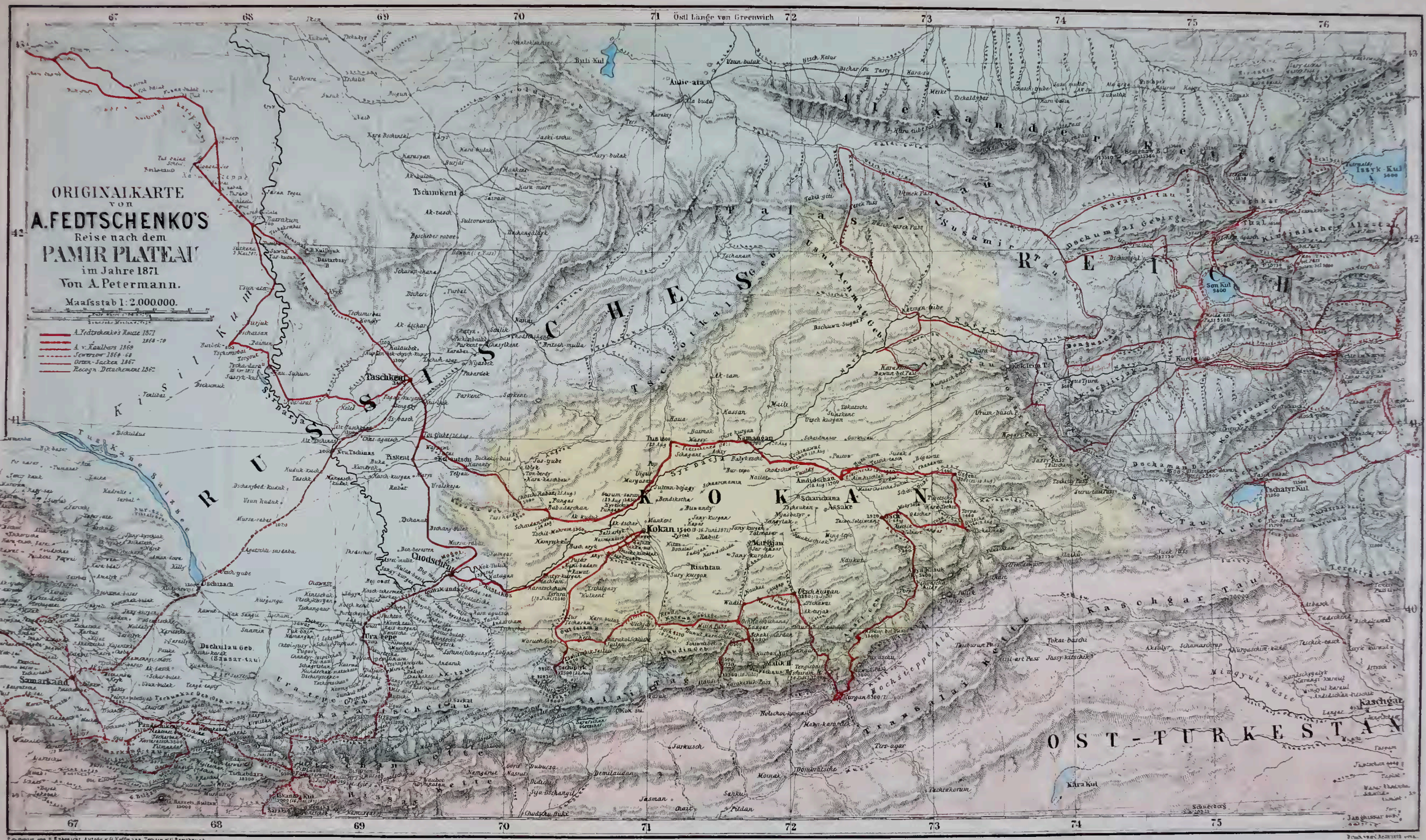
У токсабы въ курганѣ я видѣлъ много соколовъ, предназначенныхъ для охоты. Онъ сознавался, что скука жить въ четырехъ стѣнахъ навела его на мысль заняться выкормкой и обученіемъ птицъ для охоты; одни, добытые еще маленькими, сидѣли въ гнѣздахъ, и тамъ получали кормъ; другіе, побольше, привязанные на цѣпочку, пріучались сидѣть на деревянной

болвашкѣ. Птицы были двухъ видовъ: лачинъ — какой-то видъ Falco, и турумтай—Falco cenchris.

Для ночлега мы пристроились подъ навѣсомъ и, конечно, провели ночь безъ всякаго нападенія каратегинцевъ. Ночью я испыталъ, какъ охраняется коканскій пограничный курганъ. Я всталъ и ходилъ по кургану, никѣмъ незамѣчаемый изъ людей; какая-то собаченка проснулась однако и подняла отчаянный лай; долго лаяла она, какъ обыкновенно лаетъ собака, замѣтивъ постороннаго, гдѣ ему быть не слѣдуетъ и однако ни одна душа не проснулась.

Впрочемъ, кромѣ меня, просыпался еще кто-то и тоже никѣмъ не былъ замѣченъ: на завтра оказалось, что мои запасы ячменя, которые я тщательно берегъ въ виду неизвѣстности предстоящей дороги, значительно уменьшились. Мы разсчитывали въ курганѣ подкрѣпить наши запасы: на это въ Учъ-курганѣ указывалось, какъ на несомнѣнное и потому взято было фуража очень немного. На дѣлѣ же оказалось, что въ курганѣ наши запасы даже уменьшились.

75
76
43
42
41
40
39
74
75
Issyk-Kul
5000
Son Kul
9400
Tschatyr Kul
11050
Kara Kul
Schneeberg
20321
Kaschgar
Janghissar 4690
Yarkand
Khotan
Aksu
Kuldscha
Semenow Gletscher
Dschumgal Gebirge
Karagol-tau
Kaschkar
Thal
Kirgisischer Ala-tau
Kungei Ala-tau
Terekty-tau
Kurpe-tau
Suuk-Tau
Kaschgar-Tau
Mingyul Küste
Ost-Turkestan
Pamir
Kaschgar
Yangischaer
Yarkand
Tasgun
Muschi
Tagtak
Kumtok
Issyk-karaul
Artysch
Tadschik
Atbasch
Terekty Pass 12500
Suuk Pass 12750
Tur-Agat Pass 11700
Dschaman Dawan Pass 12900
Dschaman Dawan 13500
Kok-kija
Kirtschak
Kurwudu
Kurasch-baschi
Aksulyr
Schamaschyp
Kurgaschun-kuna
Teschek-tasch
Kandschygalyk
Karangi-karauj
Mingyul karaul
Andidschan-kuschik
Langar
Muschi
Tasgun
Juptschan
Taglok
Masar Khodscha
Schurlik
Kumlok
Janghissar
Kara Kul
Schneeberg
Bearbeitet von H. Kia
Druck von C. Helfferich Gotha

ORIGINALKARTE
von
A. FEDTSCHENKO'S
Reise nach dem
PAMIR PLATEAU
im Jahre 1871
Von A. Petermann.
Maafsstab 1: 2.000.000.
A. Fedtschenko's Route 1871
A. v. Kaulbars 1868
Severtsov 1864-68
Groen-Jacket 1867
Recogn. Detachement 1862
Östl. Länge von Greenwich
Taschkent
Tschimkent
Kokan
Namangan
Andidschan
Margelan
Skobelew
Dschizak
Ura-Tepe
Samarkand
Katta-Kurgan
Pischpek
Issyk-Kul
Tschatyr-Kul
Son-Kul
Kara-Kul
Kaschgar
Yangi-Hissar
Yarkand
Aksu
Kuldscha
Tokmak
Pischpek
Alexander Gebirge
Thian-schan
Kaschgar-Gebirge
Transalai
Hochsteppe
Mingyul-wüste
Kara-kul
Ost-Turkestan
Russisches Gebiet
Kirgisische Steppe
Turkestanische Linie
Sir-darja
Kara-tau
Dschumgar Gebirge
Kirgisischer Alatau
Terekti-tau
Kuruk-tau
Dschaman-Dawan
Kaschgar-tau
Transalai-kette
Turkestanische Kette
Dschulan Geb.
Karatschatau
Kara-tschi
Kara-tau
Kara-kul
Kara-kul
Kara-kul

ОПЕЧАТКИ.

Въ списокъ рисунковъ пропущено:
Megaloperdix Nigelii . . . . . стр. 79.

Страница					*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
Страница	5	строка	заглавная		снабженія	снаряженія
»	13	»	21	сверху	Кукашевичъ	Кушакевичъ
»	15	»	6	»	Кара-чихумъ	Карачшхумъ
»	16	»	8	снизу	»	»
»	35	»	14	сверху	другой	другой
»	105	»	20	»	переходящая	проходящая
»	109	»	10	»	Trygonocephalus	Trigonocephalus
»	122	»	2	снизу	хребеты	хребты
»	145	»	6	сверху	поперечія	поперечныя
»	—	»	9	»	съ	въ
»	147	»	9	»	къ окрестныхъ	съ окрестныхъ
»	—	»	18	снизу	востоку	западу
»	150	»	18	сверху	меня	мы
»	—	»	4	снизу	было убито	была убита
»	153	»	11	сверху	удобнымъ	удобныя
»	—	»	11	снизу	Индіи до	Индіи: до
»	—	»	8	»	и въ Европѣ	въ Европѣ
»	—	»	2	»	Серикулъ	Серикуль
»	154	»	7	»	пройги	пройти
»	156	»	1	»	Rüticilla	Ruticilla

» 160. На картѣ, приложенной къ этой страницѣ, высота перевала Кавукъ (Kawuk Pass) ошибочно показана въ 13800′; слѣдуетъ 13300′.

» 60. На маршрутѣ, приложенномъ къ этой страницѣ, высоты выставлены предварительныя, впослѣдствіи, при болѣе точномъ вычисленіи, оказавшіяся почти на 200′ выше дѣйствительныхъ; отсюда и разногласіе этой карты съ общей картой и съ текстомъ, въ которыхъ цифры вѣрны.